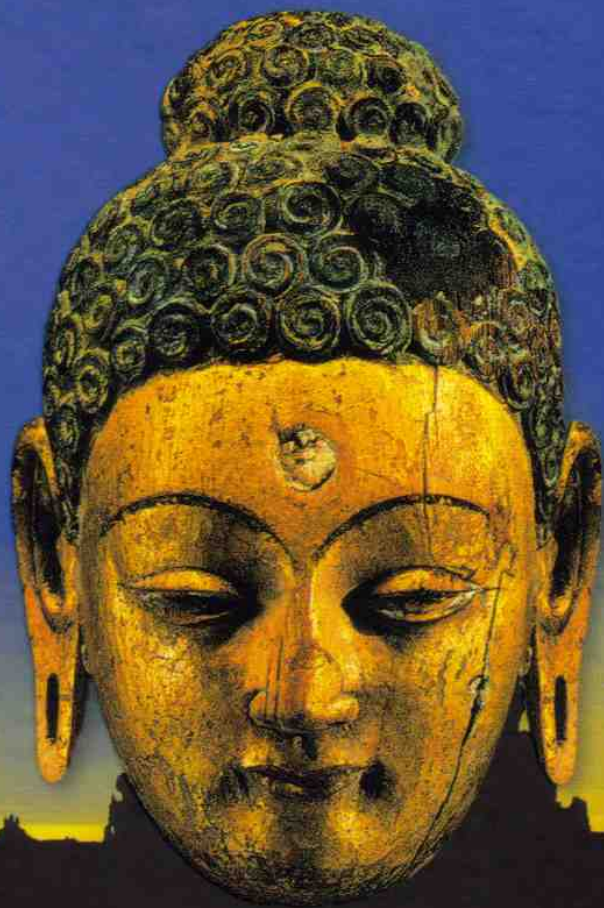

Легенды и мифы Древней Индии

Махабхарата. Рамаяна

Н.Р. Гусева

Индийцы бережно хранят наследие своих предков. Сквозь тысячелетия от поколения к поколению они передают сокровища своей культуры. Известно, что мифы, легенды и народные сказки хранят память о реальных событиях глубокой древности. Не являются исключением и два величайших эпоса Индии — Рамаяна и Махабхарата. Когда же происходило все, что в них описывается? Какими знаменательными историческими событиями вдохновлена Махабхарата? Когда и где жил великий Рама — герой Рамаяны — идеальный пример служения своему народу и неутомимый борец со всеми проявлениями зла на Земле?

В пересказе крупнейшего российского индолога Н.Р. Гусевой, эти поэмы и древние мифы составляют увлекательнейшее повествование о богах и героях, любви и преданности, чести и долге.

ISBN 978-5-9533-2952-1

9 785953 329521

НАТАЛЬЯ ГУСЕВА

Легенды и мифы Древней Индии

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2008

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Гусева Н.Р.

Г96 Легенды и мифы Древней Индии / Наталья Гусева. — М. : Вече, 2008. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-2952-1

Индийцы бережно хранят наследие своих предков. Сквозь тысячелетия от поколения к поколению они передают сокровища своей культуры. Известно, что мифы, легенды и народные сказки хранят память о реальных событиях глубокой древности. Не являются исключением и два величайших эпоса Индии — Рамаяна и Махабхарата. Когда же происходило все, что в них описывается? Какими знаменательными историческими событиями вдохновлена Махабхарата? Когда и где жил великий герой Рама — герой Рамаяны — идеальный пример служения своему народу и неутомимый борец со всеми проявлениями зла на Земле?

В пересказе крупнейшего российского индолога Н.Р. Гусевой эти поэмы и древние мифы составляют увлекательнейшее повествование о богах и героях, любви и преданности, чести и долге.

ББК 82.3(5Инд)

ISBN 978-5-9533-2952-1

© Гусева Н.Р., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда житель Индии слышит слово «Махабхарата», перед его взором сразу встают картины далекого прошлого родной страны. Они проходят в его памяти одна за другой, и каждая из них близка и дорога его сердцу.

Он вспоминает, как в дни праздников в их маленький городок приходили странствующие артисты, чтобы представить предания Махабхараты. На площади возводился невысокий помост, и сюда, на призывный рокот барабанов, стекались все окрестные жители.

Герои поэмы боролись за правду и справедливость. Они переносили тяжкие страдания, терпели муки изгнания, встречались в битвах с могучими и страшными противниками, но не отступали и не сдавались и в конце концов побеждали Зло.

Можно прочитать всю Махабхарату, но редко кто делает это, потому что на чтение этой поэмы надо истратить несколько месяцев: она содержит почти 200 тысяч стихотворных строк и состоит из 18 книг.

По всей стране поют песни о героях этой поэмы. По деревням ходят артисты — кукольники, певцы и танцоры — и представляют сцены из Махабхараты. На стенах домов можно видеть картины на темы этой поэмы. Каждый индеец знает Махабхарату с детства, для того чтобы никогда не забыть. Да и как можно ее забыть в стране, где ее знают и любят все — от маленьких детей до глубоких стариков, от полуграмотных крестьян до известных ученых? Как можно ее забыть, если в кинотеатрах идут фильмы на сюжеты отдельных ее сказаний, если городские и деревенские артисты по нескольку раз в год исполняют эти сюжеты перед зрителями, если во всех книгах упоминаются ее герои? А теперь создан и бесконечно длинный телесериал на ее сюжет.

Индийцы бережно хранят наследие своих предков. Сквозь тысячелетия от поколения к поколению они передают сокровища своей культуры. Никто не знает, когда именно была сложена Махабхарата. Многие индийцы верят, что автором этой поэмы является великий мудрец Вьяса, но очень трудно предположить, что такое колоссальное произведение создано одним человеком. Да к тому же и разные части Махабхараты очень несхожи между собой. Вероятно, она создавалась постепенно, в течение нескольких веков до нашей эры. И с каждым новым поколением, с каждым новым событием в истории страны к ней добавлялись все новые и новые части и эпизоды. Окончательно записана она была в первых веках нашей эры. В создании этого великого народного эпоса принимал участие весь индийский народ.

Главными его героями являются воины (кшатрии). В те далекие времена воины составляли особую группу населения, особое сословие. У них были свои представления о долге и чести, они готовы были отдать жизнь, чтобы не нарушить данного слова, и не прощали бесчестия. Поэтому в Махабхарате беспощадно осуждается каждый человек, который нарушает долг, который живет по законам зла и коварства.

В наши дни индийцы так же гордятся величием и красотой Махабхараты, как прежде гордились многие поколения их предков. Поэтому мы, российские граждане, искренние друзья индийского народа, должны знать эту поэму. В нашей стране ученые ведут большую работу над полным переводом Махабхараты. Но эта работа еще не завершена — она требует внимания и усилий целого коллектива специалистов: ведь поэму не просто переводят с санскрита, ее еще снабжают широким и познавательным комментарием, который содержит много дополнительных сведений о жизни народов Древней Индии, об их истории, обычаях и нравах, о вкусах и умении создавать и ценить прекрасное. Комментарий помогает чита-

телю полнее представить себе города и села той далекой эпохи, дворцы и крепости, сады и храмы. И главное — людей, во всем сложнейшем переплетении разных жизненных ситуаций. Людей из разных сословий, разных общественных слоев, разных племен.

Исследователи уже неоднократно отмечали, что мифы, легенды и народные сказки хранят в основе своих сюжетов зерна памяти о реальных событиях, которыми были отмечены те века глубокой древности. История человечества заняла, как известно, не один миллион лет, и каждое столетие вносило свою лепту в ход общего развития, иногда игравшую большую роль.

Но бывали и такие события, о которых помнили, обсуждая их не веками, а тысячами лет. И вот в ходе таких обсуждений, в процессе обмена воспоминаниями накапливался фонд иногда сходных, а иногда и совсем далеких друг от друга мнений, выводов и заключений. Один и тот же основной сюжет рассказывался одинаково, но оценки его эпизодов иногда могли звучать и по-разному. Важно то, что при этом всегда сохранялась точная оценка главных качеств героев. Поэма фокусировала в себе те основные о них данные, которые, постепенно утвердившись в общем восприятии, передавались от поколения к поколению как затверженные словесные формулы. Они рисовали основные черты образов героев — их характеры, действия и поступки. Знакомясь с ними с детства, каждый представитель того народа, чьи прапредки могли быть свидетелями главных событий легенды, век за веком дополняли их новыми описаниями и характеристиками. Собирая все это в своей памяти, он обретал способность узнавать их в условных изображениях на иконе, в рисунках на ткани, в песенном иносказании и в любом другом варианте.

Такое сохранение памяти народа о давно минувших событиях стало исторической судьбой обоих великих эпосов Индии — и Рамаяны и Махабхараты.

Когда, в какие эпохи и в какие века происходило то, что в них описывается? Единого ответа нет, хотя некоторые индийские мыслители утверждают, что описанная в Махабхарате великая 18-дневная историческая война имела место в 3102 г. до н.э. Кто-то в это верит, а кто-то не верит, но доскональных подтверждений этой даты не существует. Хотя следует сказать, что она может оказаться более точной, так как именно в ту эпоху стал протекать процесс захвата земель Древней Индии воинственными племенами кочевых скотоводов, вошедших в литературу под названием арьев, или ариев. Они вливались в Индию волна за волной, приходя с северо-запада, и утверждали себя в этой стране, встав на путь то мирных, то боевых контактов. И некоторые местные племена, уже знавшие культуру городов-государств, или погибали, или отступали перед их натиском, тогда как другие вступали с арьями в отношения союзничества и сражались на их стороне.

Поскольку эти процессы нашли свое отражение у сказителей, мы имеем право предположить, что эта поэма, содержащая описания указанных событий, и даже больше того — имена вождей и правителей племен как арийского, так и доарийского происхождения, носит в известной мере документальный характер, будучи при этом насыщена множеством фантастических выдумок, домыслов и выводов. Все эти добавочные части и частицы насыщают поэму так густо, что каждый, кто с ней знакомится, должен решить для себя вопрос о доверии к ним, должен уметь — и желать! — отделять основную суть описываемых моментов от тех орнаментальных добавок и украшений, коллективным автором которых можно назвать весь индийский народ. С каждым новым веком к поэме добавлялись некие данные, которые могли отражать события, действительно происходившие в его пределах или созданные в это время фантазией сказителей. Да и не только народных сказителей — многие придворные поэты и драматурги создавали поэмы, повести и пьесы на темы тех или иных эпизодов, относящихся ко времени великой бит-

вы. Не исключено, что они и обогащали сюжеты описаниями, порожденными порывом своей творческой фантазии. Поэтому Махабхарате вполне закономерно присвоено в Индии традиционное хвалебное название «Лотоса о тысяче лепестков». И при углубленном знакомстве с ее текстом становится очевидным, что эти лепестки распускались далеко не одновременно, и, более того, многие из них не имеют даже прямой смысловой связи с ее основными событиями. Видимо, именно из-за этого отрыва от главной темы многие включения в ее текст носят характер эпизодов, имеющих совершенно самостоятельный сюжет, что характеризуется в поэме как рассказы, якобы услышанные ее героями (одним или несколькими) от встречаемых лиц, духов или святых отшельников. И более того — даже не сами герои выслушивают эти повествования, а некие посторонние лица рассказывают друг другу истории, которые якобы случались с героями, к чему и присовокупляются морализованные выводы, носящие воспитательный характер.

Отдельные эти эпизоды, всегда поэтичные и ярко расцветившие, до нашего времени привлекают внимание не только слушателей любого возраста, но и многих литераторов, пересказывающих их сюжеты в форме повестей или пьес. Период создания этого беспредельно богатого по своему содержанию великого эпоса еще не окончен за те 5 с лишним тысяч лет, которые считаются временем его существования: народ Индии не только знает, любит и помнит свою, ставшую всемирно известной поэму — он продолжает ее творчески дополнять, описывая в виде новых устных рассказов многие события современной ему жизни и даже считая, что в Махабхарате было некогда предсказано и применение ядерного оружия, и устройство летательных аппаратов, и освоение космоса.

Эти странные, на наш взгляд, утверждения находят подтверждение в поэме иногда в таких описаниях, что даже современные ученые не всегда могут с уверенностью доказать отсутствие прямой связи между древними событиями и нашим временем. Например, есть эпическое описание оружия бога Шивы, которое управляется в полете мыслью пославшего его человека, и по его воле оно взрывается, выжигая обширные части земной поверхности, превращая в жгучий пар водные источники, а возникающим из этого пара облакам сообщая силу дождя, убивающего все живое на земле. Не слишком ли это все похоже на гибель Хиросимы и Нагасаки и на другие факты применения ядерного оружия? Есть в поэме и описание обстрела с воздушной колесницы вражеских укреплений, летающих «выше неба». И иногда невольно хочется спросить: что это — предвидение или пустая фантастика? Многие — если не почти все — индийцы верят в то, что Махабхарата извечна, и называют ее Пятой Ведой, данной народу богами, нам же приходится считаться с той оценкой великого эпоса, которая свойственна его создателям.

Следует спросить: чему, каким великим историческим событиям обязан весь мир фактом появления Махабхараты? Да и самим названием этой поэмы? И такие вопросы задает себе каждый, услышавший в Индии, что ее столица Дели считается столицей семи империй. Каких? К каким географическим местам они относились? Какие страны охватывали границы этих империй? Древнейшим ядром их складывания послужил один из городов Северной Индии, известный под названием Индрапрастх; которое донныне сохраняется как название одного из районов г. Дели.

В ту далекую эпоху в стране было много сложившихся и формирующихся государственных образований, и мудрых правителей, понимавших, что все их взаимные столкновения и временные захваты частей той или иной земли при непрерывной смене правящих династий только губят и разоряют народ. И настал момент, когда правители самого крупного города Хастинапура, наследственно носившие родовое имя Куру, стали на путь поисков выхода из такого всеобщего многовластия на земле Индии. Зная, что они добились благоденствия для своего государства,

они стали вести политику объединения с соседями для укрепления своей власти. И успех сопровождал на этом пути царей Куру, неизменно передававших право на трон старшему из сыновей рода. Все их дела венчались успехом, пока не случилось непредвиденное — один молодой царь-наследник умер, не оставив мужского потомства своим двум прелестным супругам.

Это грозило большой катастрофой — многих правителей других царств манила идея захвата власти в Хастинапуре. Но положение было спасено тем, что мудрецы-советники призвали на их ложа сильного и многознающего человека. Он жил к югу от их границ и был по рождению более темнокожим, чем северные люди Индии тех времен. (Имя этого человека было Вяса, и именно его считают автором Махабхараты).

Намеченные свидания свершились, но обе царицы так испугались, увидев его на своем ложе, что одна, старшая, закрыла от страха глаза и в свой срок дала жизнь слепому сыну, а другая побелела, испугавшись, и родила бледного ребенка. За эту бледность ему дали имя Панду, т.е. Бледный. По характеру своему он стал во всем преуспевать скорее и лучше, чем его слепой старший брат, и совет придворных решил отдать трон ему, понимая, что слепой не может успешно править царством. Они оба выросли, обрели жен и породили сыновей (у слепого царевича родилось 100 сыновей, а у Панду — 5). И вот, с детства, сыновья слепого стали люто завидовать своим двоюродным братьям, норовя устранить их от власти.

В Махабхарате подробно повествуется о вражде, о попытках истребить сыновей Панду, которых по имени отца звали Пандавами, о многих бедах, которые пришлось на долю этих пяти братьев, и, наконец, о разгоревшейся войне и победе, одержанной Пандавами. Они утвердили свою власть в Индрапрастхе, объединили страну, погасив вражду между многими правителями окружающих государств, и заложили многие основы развития Индии, всех ее последующих шести империй, седьмой столицей которых стал город Дели. Один из царей древнейшей эпохи носил имя Бхарата, и поэтому в соответствии с давней традицией страна Индия носит и название Бхарат, которое широко применяется в индийской прессе и литературе.

Источником неиссякаемого вдохновения служила (и служит) великая эпическая поэма Древней Индии Рамаяна — сказание о подвигах светлого героя Рамы, всегда и неизменно восстававшего против всяких проявлений зла и неправды и боровшегося с ними всеми силами, всем напряжением духа, готового всегда пожертвовать для победы своим счастьем и своей жизнью. Этот идеальный великий воин был в Индии признан воплощением бога на земле, его и сейчас почитают как бога, как образец высших качеств, как вечный пример жизни и поведения, которому должны следовать все.

Поэма Рамаяна, созданная, согласно легенде, известным поэтом Древней Индии по имени Вальмики, написана на санскрите, переведена на многие языки и вошла в фонд мировой классической литературы. Эта поэма была создана на основе одного из эпизодов Махабхараты, а вот когда возник сюжет этого эпизода, никто с уверенностью сказать не может. Одно ясно: он древнее поэмы Вальмики и порожден глубиной веков. Песню о Раме сложил народ, выразив в ней свою неумиряющую мечту о непобедимом, идеальном, самоотверженном герое, о защитнике народа от всякого зла. Переливаясь, как река, из одного столетия в другое, эта песня расцветивалась все новыми красками, новыми дополнениями и описаниями. И нет в Индии ни одного ребенка, который не знал бы, кто такой Рама и какие подвиги он совершал. А супруга Рамы, Сита, с которой вы встретитесь в этой повести, почитается всеми индийцами как Мать

Индии. И в каждой семье женщины пересказывают детям легенды из Рамаяны и Махабхараты, стараясь воспитать в них чувство долга, ответственности и благородства.

Знакомясь с обеими великими поэмами, хочется задать себе вопрос: а когда происходило все, что в них описывается? В отношении Махабхараты будет ниже предложена попытка найти ответ на этот вопрос, но сначала спросим себя: когда жил на земле великий герой Рама, представший перед всем миром в качестве носителя безоглядной преданности долгу — долгу служения своему народу, долгу чести, долгу сбережения семьи и долгу главному — не жалея своей жизни, вести неуклонную борьбу со всеми проявлениями зла на Земле, борьбу до обязательной победы, до полного истребления всех темных сил, терзающих человечество? Когда он жил? И где? И каковы были его пути, которые не позволяли ему никогда и нигде отказаться от служения великому своему долгу?

Поэма содержит в себе ответы на многие подобные вопросы, придавая им доказательную силу непреложных обстоятельств. Но не сообщает, когда он жил. Главным ее внезапным секретом служит то, что Рама не только человек — он был избран богами как представитель их силы в мире людей, а поэтому ему предстояло поразить зло и утвердить Правду, живя ради свершения этой великой миссии. В его образе воплотился бог добра и справедливости, милосердный Вишну, но сам герой поэмы даже не догадывался об этом, но просто действовал, чувствовал и поступал так, как это было свойственно Вишну. Вот поэтому в религии индуизма Раму, этого человека-героя, почитают как проявителя высоких божественных сил, обожествив и его супругу Ситу, и даже союзника Рамы, представителя сил природы, могучую обезьяну Ханумана. Им посвящены храмы, где можно увидеть их изображения; здесь жрецы проводят «пуджи» — молятся им и приносят жертвы (но богам круга Вишну нельзя жертвовать ничем плотского, только рис, сладости, цветы и ароматические вещества).

Но вот вопрос «когда?» неизменно остается без ответа. Сюжет поэмы основан на том, что Рама истребил Равана, главу всех демонов (ракшасов), убив его на принадлежавшем тому острове Ланке, и освободил человечество от непрерывно порождаемого демонами зла, отравлявшего все отношения между людьми и все их поступки. Остановимся на этом моменте. Ведь известно, что Ланка — это название государства, расположенного на о. Шейлон. А Шейлон близок к крайней части восточного побережья Южной Индии. Судя по поэме, эти ракшасы широко селились не только на «золотой Ланке», но и по всему югу Индии, постоянно нападая на северные земли страны. Тут возникают исторические вопросы: кто жил в северных областях? И когда там родился Рама, став правителем одного из царств?

Вернемся ненадолго снова к богу Вишну — в посвященных ему мифах говорится, что на всем протяжении жизни на Земле он воплощался 10 раз в разные живые существа и в соответствии со стадиями развития плотской жизни становился: рыбой — черепахой — вепрем — человекольвом, а затем — людьми, и седьмым его воплощением стал Рама. Мы не знаем, сколько тысяч лет длилось каждое из этих воплощений, но из поэмы известно, что цари из династии Рамы имели уже свою страну и хозяйство ее процветало. Но вот с южных краев налетали с боями полчища ракшасов и громили и грабили все вокруг. Поскольку следующим, восьмым, воплощением Вишну был обожествленный герой-царевич Кришна, участник войны Махабхараты, нам следует думать, что в свете редчайших случаев воплощения бога Вишну на Земле государство Рамы было сравнительно небольшим, и ему еще были не известны массовые войны между представителями царских родов вместе с многотысячными их союзниками, как это описывается в Махабхарате (выше указано, что эту войну иногда в Индии датируют 3102 г. до н.э.). Неизвестно, сколько веков за-

легло между жизнью Рамы и временем участия Кришны в войне Махабхараты, но, судя по всему, не менее тысячи лет (это крайне предположительная цифра). Цари династии Рамы вели отягощающие их бюджет постоянные бои с ракшасами. А отсюда, надо полагать, возникла идея направлять на южных жителей сильную армию, обратившись за помощью и к какой-то части южан. Вот они и изображены в поэме в сказочно-фантастических образах могучих обезьян, а после победы Рамы и захвата им Ланки, влияние северных царств заметно расширило свои границы в сторону юга, за пределы реки Ганга.

Это все, что можно предположительно сказать о факте победы Рамы над зловредными демонами, а краткий сюжет всей этой истории развился с веками и расцвел в памяти народа, превратившись в чудесную поэму, широко известную во множестве переводов и переложений как на все языки Индии, так и на некоторые языки стран Запада. На всех языках многонациональной Индии существуют свои варианты этой поэмы, и более того, она стала широко известна в соседних с Индией странах — Непале, Бирме, Индонезии и в других. Это действительно памятник всемирной литературы. По всей Индии странствуют маленькие труппы народных артистов, сказителей, кукольников, певцов и танцоров, дающих свои представления на улицах, площадях или во дворах домов и разыгрывающих отрывки из обеих великих поэм. Но в дни осеннего великого праздника, называемого Дасера, на площадях многих городов устанавливают огромные чучела злых демонов, носителей неправды, с которыми сражался Рама, и вечером поджигают их, показывая всему миру, что зло будет обязательно побеждено. Искренне желаем вам побывать в Индии и увидеть яркие, красочные представления групп народных артистов, содержание песен и танцев которых вы теперь легко уловите, несмотря на незнание местных языков.

Я кратко пересказала эти поэмы для вас, дорогие читатели, чтобы вы узнали не только их сюжеты, но и мифологию древних индийцев и их высокие представления о чести и долге. Я старалась также отбирать из огромного количества разных эпизодов те, которые наиболее широко известны в Индии и которые легли в основу многих произведений, создававшихся индийскими поэтами и художниками на протяжении нескольких тысячелетий. Стихи в этой книге не являются переводом строф памятника. Это просто стихотворное изложение мыслей, навеянных всем духом обеих поэм. Все герои поэм сохраняются в народной памяти в образах носителей тех или иных характеров, определяющих как их образ мыслей, так и качество поступков. Имена многих из них традиционно стали нарицательными и даже в наше время могут встречаться в устной речи как своеобразная оценка кого-либо из знакомых лиц.

Отраженную в материале память о событиях глубочайшей древности, описываемых в поэмах, можно в Индии встретить на каждом шагу. Это изображения героев на иллюстрациях к книгам, на иконах, картинах и рисунках, это самопроизвольно воспроизводимые образы отдельных персонажей и сцен, встречающиеся в росписях стен городских и сельских домов, и, наконец, это работы мастеров-камнерезов, украшающих тысячами скульптур храмы и города Индии. И этим еще не ограничивается изобразительная летопись воспроизведения образов обеих поэм — из века в век городские и деревенские мастера создают их фигуры из металла, глины или папье-маше, рисуют на храмовых и домашних завесах, наносят штампами на ткани, на серебряные и латунные сосуды, на ювелирные украшения, и т.д. т.п.

На предметах народного изобразительного искусства можно видеть не только своеобразные попытки создать иллюстрации к поэмам в виде изображений их главных героев, но и персонажей отдельных эпизодов, с основными сюжетами иногда и не связанных, а также множество разных животных и растений, как реально существующих, так и фантастических. Предлагаемые читателю в этой книге иллюстрации воспроизводят образцы, почерпнутые из безмерного фон-

да творчества народных художников Индии. Они являются ярким свидетельством того, что в этой стране жива память о великих эпических поэмах, об увлекательных сюжетах, о включенных в эпос мифах, эпизодах и повествованиях.

Сюжеты мифов, их фантастические образы, действия их персонажей, да и сами эти образы и персонажи иногда кажутся постороннему человеку порождением невероятных представлений древних жителей Индии об окружающей их природе. Например, я неоднократно ловила себя на том, что недоверчиво, стараясь не показать собеседникам своих явных сомнений, выслушивала рассказы о том, как во времена правления одного из древнейших царей рода Куру его жрецы-брахманы проводили массовое огненное жертвоприношение змей, стремясь сжечь особенно угрожавшего царю, самого ядовитого из змеев, по имени Такшака. Но от гибели его спас премудрый змей-брахман, остановив проведение жестокого ритуала. Начинаешь думать: как это змей мог стать брахманом? Почему царь прекратил по его слову истребление своих врагов? Да и кем были эти враги — змеями, имя которых было «наги», или враждебным племенем нагов? (Надо указать, что «наг» — это кобра, в отличие от других змей, которым имя «сап».) Эти наги, не то люди, не то кобры, непрерывно фигурируют в эпосе, проявляя себя в самых разнообразных действиях.

Почти равным образом выступают в эпизодах поэмы многие лесные животные — например, обезьяны, — постоянно проявляя себя как люди: то в роли врагов, то в роли друзей. Такие же качества приписываются в обеих поэмах рекам, деревьям, горам, не говоря уже о древнейшей близости людей с такими представителями природы, как слоны, на которых в глубине времен умели охотиться, а впоследствии, приручив их, уже не могли обходиться без их помощи и участия. Словом, все персонажи легенд и мифов выступают как существа самобытные, привлекательные, способные и содействовать человеку, и причинять ему вред. В Индии их помнят, знают и любят, что уже издревле было отражено в эпосе. Обе эти великие поэмы подобны богатой парчовой ткани — в них ведутся повествования о жизни царей древней и древнейшей Индии, излагаемые или почти неправдиво, или же близко к отдельным моментам истории, и эти повествования переплетены, как цветными нитями, множеством рассказов, привлекающих доныне каждого читателя и слушателя своей неизмеримо богатой красочностью.

Завершая все эти слова, следует выразить восхищение чудесным 94-серийным фильмом «Махабхарата», сравнительно недавно созданным в Индии и притягивающим к экранам кинозалов и телевизоров взоры зрителей разных стран (текст дается на разных языках, в том числе на английском и русском). Создатели этого фильма должны были провести глубокую, исторически изыскательскую работу, затратив много сил для воспроизведения на экране не только той обстановки, в условиях и окружении которой жили и действовали герои, но и для воссоздания самого облика всех действующих лиц. Зрителям предложена возможность реально представить себе не только архитектуру и убранство дворцов царей разных племен Северной Индии, колесниц воинов, оружие, одежду, доспехи и украшения, но, больше того, актеры точно воспроизводят все действия и движения, диктуемые этикетом и предписаниями религии. Эти странно и ярко одетые воины высшего класса Древней Индии обучают нас с экрана многим навыкам поведения: обязательное уважение младших к старшим, любовь к родителям, бережение женщины, ее чести и достоинства, а также приверженность к дхарме, т.е. к древним нормам религиозной жизни, связанной с почитанием всех богов индусского пантеона.

В этом фильме-поэме нашло широкое отражение поклонение Кришне (хотя по самому тексту эпоса нельзя определить начало развития этого поклонения), великим богам Вишну

и Шиве, равно как и проявлений приверженности к богиням как к наивысшей силе Матери-Земли. Сам факт выявления в фильме и подчеркнутости показа религиозных чувств героев говорит о том, что это является зеркальным отражением того уровня духовной жизни, который был характерен для индусов в течение десятков веков и продолжает сохраняться почти без изменений вплоть до нашего времени.

Обе великие поэмы чаще всего определяются словом «бессмертные», и нет никаких оснований возражать против этого эпитета, ведь бессмертно то, что не умирает. И если в Индии во всех семьях неуклонно отмечают праздники, связанные с днями рождения Рамы или Кришны, если все главные моменты сюжетов этих поэм по нескольку раз в год (а то и в месяц, и в неделю) изображаются актерами всех форм народного театра, и если эти темы живут в течение столетий в творчестве мастеров художественных ремесел, живописцев, поэтов и писателей, то другим словом, чем «бессмертные», нельзя определить обе эти поэмы.

В завершение этого небольшого введения необходимо еще раз напомнить читателю, что обе великие эпические поэмы Индии высоко оцениваются представителями всех социальных групп населения. Так, кроме признаваемого всеми названия «Лотос о тысяче лепестков», о Махабхарате говорят также, что это «лучшее из повествований, разнообразное по стихам и главам, наделенным тонким смыслом. Это сказание богато благостными словами, божественными и мирскими предписаниями». Да, в этой поэме много и поучительно-воспитательных рассуждений и предписаний, на которые должны, по общему мнению, опираться и те, чьими трудами полнятся закрома, и те, кто решает судьбы каждого жителя страны. Бесценны, например, слова, относящиеся к сути царя и его власти, черты, необходимые для того, чтобы вершить мирские дела, суть: «Стойкость, сметливость, правильный выбор места и времени, а также мужество».

Многие строки из обеих поэм служат и в наши дни призывами к тому, чтобы «не стремиться преуспеть во всем, ибо это приводит к вероломству». Такие сентенции встречаются в устной и печатной речи, в поучениях мудрецов и в школьных учебниках, а поэтому повторим еще раз: эпические поэмы Индии действительно бессмертны! Бессмертна и педагогическая сущность обеих поэм — воспитательную суть не только их значения в целом, а и почти каждого из их отдельных эпизодов нельзя переоценить. Не известно, из каких источников, из какого именно произведения древней литературы были почерпнуты слова, ставшие как бы неотъемлемым лозунгом каждого религиозно-духовного учения Индии, а в условиях современности занявшие место девиза герба Республики Индии: «сатьям эва джайте» — «побеждает только правда». Каждое слово, каждый знак на гербе страны — это самое почетное признание, самый звонкий призыв не только к гражданам страны, но и ко всему человечеству, а поэтому вспомним еще раз о том, что суть обеих эпических поэм, несущая в себе призыв именно к борьбе за правду, за преданность долгу, за чистоту духовных идеалов, отражает не только многотысячелетние попытки индийцев достигнуть победы на этих путях, но и говорит с каждым из нас, неустанно напоминая о том, что «побеждает только правда».

У эпических поэм, особенно у таких обширных и всеохватных, как Рамаяна и Махабхарата, нет и не может быть авторов, хотя создателями считаются (что явно условно) великие древние мудрецы Вальмики и Вьяса. Этот эпос создан народом и принадлежит народу Индии, объединяя в той или иной мере каждого с каждым. И в немалой мере отразилась историческая роль обеих поэм в словах Индиры Ганди, определившей Индию как «цивилизационное единство». Правдивость и точность этих слов подтверждают по меньшей мере последние пять тысячелетий сложения и развития сложнейшего, богатого и многогранного комплекса, именуемого культурой Индии.

МАХАБХАРАТА, ИЛИ СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ ПОТОМКОВ БХАРАТЫ

НАЧАЛО

Начинается сказание о древних героях, об их доблестях и добродетелях, о подвигах и победах.

Начинается сказание о битве, которая разгорелась как пламя, пожирающее жертвы, и охватила все народы, жившие от края и до края океана.

*Кто побеждает в смертельном сражении?
Истинным подвигом что назовется?
В споре неравном кто правым бывает?
В песнях кого прославляют на свете?
Тот, кто себя для других не жалея,
Бьется за чистую, светлую правду,
Тот побеждает в смертельном сражении.*

*Истинным подвигом люди считают
Бой без сомнений и колебаний
С темными силами зла и коварства.
Правым останется в споре неравном
Тот, кто, не ведая черной корысти,
К благу людей всей душою стремится.*

*Тех прославляют в легендах и песнях,
Кто благороден, бесстрашен и честен,
Где бы ни жил он и кем бы он ни был.*

Святой мудрец проповедует Махабхарату

РАССКАЗ О БХАРАТЕ

Некогда правил землей юный царь Душьянта. Он был наделен красотой и силой, щедростью и добротой и всеми достоинствами героя. Не было равных ему в стрельбе из лука, в

умение владеть мечом и в искусстве править боевыми слонами. Все называли его опорой закона и хранителем подданных.

И вот однажды этот великий царь отправился на охоту. Его сопровождали воины на колесницах, конях и слонах. Они били в барабаны и трубили в раковины. От шума и топота сотрясалась земля, и все лесные звери метались в смертельном страхе, не зная, где искать спасения. Душьянта сразил своими стрелами сотни тигров и львов, тысячи антилоп и множество дичи. В погоне за убегающим зверем он оставил далеко позади всех охотников и углубился в самую чашу леса.

Лес был страшным и диким, колючие растения оплетали стволы деревьев, воздушные корни баньянов непроходимой сетью висели до земли. Но внезапно Душьянта очутился в цветущей роще, где благоухал жасмин, лианы были усыпаны цветами и ни на одном растении не было шипов. Все птицы здесь были сладкоголосы, а над ароматными полянами жужжали пчелы. На берегу прозрачной реки прыгали антилопы, а возле них мирно предавались отдыху львы, тигры и леопарды.

Когда Душьянта попал в эту рощу, усталость, голод и жажда покинули его, и он ощутил в сердце великую радость. Бросая вокруг взоры, исполненные восхищения, он подошел к реке. У самой воды стояла хижина отшельника.

Царь сошел с коня и, направившись к этому мирному жилищу, воскликнул:

— Кто здесь обитает?

На его зов из хижины вышла девушка, прекрасная и нежная. Почтительно склонившись перед Душьянтой, она смиренно приветствовала его, затем подала ему воду для омовения ног и чашу с питьем.

— Кто ты, блистающая скромностью? — спросил Душьянта. — И кто твой отец, скажи, одаренная юностью и красотой?

Девушка поведала ему, что ее матерью была небесная нимфа, которая слетела на землю, чтобы дать ей жизнь, и, оставив ее, новорожденную, на берегу реки, снова поднялась в обитель богов.

— Меня нашел отшельник, — рассказала девушка, — назвал меня Шакунталой и вырастил в этой хижине как свою дочь. И я почитаю его как отца и во всем покорна его воле. Сейчас он придет из леса, и ты убедишься, о достойный, в правде моих слов.

Пока она так говорила, Душьянта не мог отвести глаз от ее дивного лица, и его сердце наполнилось любовью к ней.

Шакунтала

— Будь моей женой, прекрасная, — сказал он, — и знай, что тебе принадлежит все, чем я владею: и царство, и дворцы, и сокровища.

Глаза Шакунталы, длинные, как лепестки лотоса, вспыхнули любовью и радостью, но она потупилась в смущеньи и тихо проговорила:

— Ты должен спросить об этом у моего отца, великий царь. И если он разрешит мне стать твоей супругой, то и я согласна. Но только помни:

Если от брака с тобой

Сын у меня родится,

Он станет править царством —

Другого царя не будет.

Если ты согласен, то я выйду за тебя... Вот идет мой отец. Проси его, чтобы он отдал меня тебе в жены, соблюдая закон.

Сочетавшись браком с Шакунталой, царь остался в лесу, наслаждаясь счастьем и покоем.

Время текло незаметно, как река мимо своих берегов. Но однажды прискакали гонцы из столицы Душьянты и сказали, что дела царства зовут его, а все подданные скорбят о нем. Но он забыл их, и в стране воцаряется беззаконие.

Душьянта нежно простился с Шакунталой и покинул лесную обитель со словами:

— Жди, луноликая. Скоро ты услышишь громоподобный рев слонов и грохот колесниц — это придут за тобой мои советники. А с ними придут воины, пешие и конные, и воины, едущие на слонах. Тебя с почетом привезут в мою столицу, и все мои подданные окажут тебе знаки высшего уважения и преданности.

Шакунтала стала проводить свои дни в мирной тишине, одиноко грустя о своем царственном супруге. Она уходила далеко-далеко вдоль берега реки и прислушивалась, не донесется ли до нее грохот колесниц или ржание боевых коней. Но дни пролетали за днями, и ничто не нарушало покоя тихой обители.

Настал день, отмеченный счастливым сочетанием звезд, и у Шакунталы родился сын, прекрасный, как молодой месяц. Старый отшельник совершил все обряды, которые должен совершить отец при рождении сына в соответствии с древним обычаем, и мальчик стал расти в лесной хижине. Он рос так быстро, что к шести годам достиг силы великого богатыря. Ему ничего не стоило поймать льва или тигра и привязать их к дереву, как козлят. Он был наделен безмерной храбростью и несравненной красотой и радовал мать своими подвигами.

Видя, что царь Душьянта слишком долго не присылает советников за своей супругой, отшельник дал совет Шакунтале вместе с сыном отправиться в столицу царства.

И вот настал час, когда сияющая радостью Шакунтала и подобный солнцу сын ее предстали перед взорами Душьянты.

Душьянта восседал на золотом троне, окруженный толпами людей, как месяц, окруженный звездами.

Шакунтала, почтительно склонившись перед ним, сказала:

— О величайший из царей земли, я твоя супруга, с которой ты сочетался браком в лесной обители. Я пришла, чтобы занять в твоём дворце свое законное место, а это твой шестилетний сын, отпрыск царского рода.

— Как это может быть?! — возмущались в толпе. — Кто эта женщина? Почему никто о ней раньше не слыхал? И чей это сын, которого она называет сыном нашего владыки?

Но Душьянта тотчас узнал Шакунталу, и в сердце его вновь вспыхнул угасший было пламень великой любви. Слыша возгласы в толпе, он понял, что народ не примет Шакунталу и не поверит, что она царица. Он мысленно воззвал к богам, умоляя их помочь его любимой, а сам воскликнул в притворном гневе:

— Уйди отсюда, коварная женщина! Как я могу верить тебе? Я не помню, чтобы я сочетался браком с отшельницей. И как этому мальчику может быть шесть лет от роду, когда он телом подобен стволу могучего дерева, а в глазах у него блещет отвага зрелого воина?

Шакунтала оробела от неожиданного оскорбления и обиды, а затем проговорила с горечью:

— Если ты, знающий правду, говоришь «не знаю», то не только обманываешь меня и своих подданных, но обкрадываешь самого себя, лишаясь такого сына. И не думай, что никто не увидит зла, совершаемого тобою. Сказано ведь:

Наши дурные поступки

Не могут быть скрыты бесследно —

Солнце, Земля и Небо,

Месяц, Огонь и Ветер,

И сердце в груди человека

Правду видят и знают.

С этими словами Шакунтала, скорбно закрыв лицо покрывалом, ушла вместе со своим сыном. И тогда все услышали чей-то незримый голос:

— О лев среди царей! Не совершай греха. Прими с любовью эту женщину, твою супругу, и этого мальчика, наследника твоего престола.

И сразу все заговорили:

— Да-да. Не следует отвергать свою жену! Ведь сказано:

Жена — украшение дома,

Жена — опора хозяйства,

Жена — самый верный спутник

На трудной дороге жизни.

— Царь, ты напрасно отверг эту скромную, эту достойную женщину. Ведь она твоя супруга.

И Душьянта вскричал в великой радости, простирая руки вслед ушедшим:

— Верните их, дорогих моему сердцу. Верните их, единственных и несравненных. Моя жизнь оборвется, если я не обниму своего сына.

Гонцы царя устремились из дворца по всем улицам, и вскоре Шакунтала, счастливая и нежная, взошла на престол рядом с Душьянтой, а прекрасный сын ее был всенародно объявлен сыном царя и наследником престола.

Царь дал ему имя Бхарата, и от этого достойного произошел род Бхараты, род мудрейших правителей и величайших героев.

Цари из этого рода были опорой справедливости и хранителями чести. Каждый из них правил землей тысячу лет. Они следовали законам добрых и достигли высочайшей славы. Народ сложил о них самые прекрасные свои песни.

РАССКАЗ О БХИШМЕ

В этом великом роду был царь по имени Шантану. Наделенный добродетелями, он правил землей, не нарушая законов, и народ его был счастлив. Однажды этот царь встретил на берегу священной реки Ганги девушку с тонкой талией и огромными глазами, красотой подобную сердцевине цветущего лотоса.

— Кто ты, похожая на лань в первый день весны? Кто ты, чьи волосы струятся по земле, как вода, и чья поступь, как поступь лебеда? Будь моей женой, несравненная, молю тебя.

Красавица, просияв улыбкой, ответила царю:

— Я буду твоей женой, о лучший среди воинов земли. Но при одном условии: поклянись, что никогда ни о чем меня не станешь спрашивать и позволишь мне делать все, что я пожелаю.

— Я на все согласен, блистательная. Взойди на мою колесницу, и эти кони, что стремительнее ветра, помчат нас в мой город.

И вот жизнь этого царя превратилась в поток радости и веселья, словно сама Лакшми, богиня красоты, стала царицей в его дворце. Счастье расцвело еще пышнее, когда у них родился сын — украшение земли и неба. Но царица неожиданно подняла на руки этого младенца, наделенного всеми достоинствами, и бросила его в волны Ганги.

Пораженный скорбью, царь не знал, что и подумать об этом, но, помня свое обещание, ни о чем не спросил.

Когда же по прошествии времени эта женщина, одаренная несравненной красотой, утопила семерых сыновей и у нее должен был родиться восьмой, царь вскричал:

— Что ты делаешь, сыноубийца? Почему губишь безвинных детей моих? Почему не хочешь подарить мне хоть одного сына, продолжателя моего рода?

— Ты забыл свое обещание, — ответила ему царица, — прошай.

И, сказав так, она исчезла.

А царь много лет предавался тяжкой скорби и ни в чем не мог найти утешения. Он постоянно приходил на берег Ганги и бродил там в тоске, вспоминая своих детей.

Однажды он заметил, что вода в священной реке обмелела, и чем дальше он шел, тем больше обнажалось дно этой великой реки. Вскоре он увидел прекрасного

Царица бросила сына в Гангу

юношу, который, стоя на берегу, посылал в волны тысячи стрел, и мощные эти стрелы сдерживали могучий поток. Пораженный невиданным чудом, царь пожелал узнать, откуда у юноши такая божественная сила.

Но он не успел ни о чем спросить его. Воды Ганги расступились, и из волн появилась та, что убивала своих сыновей, та, о которой царь тосковал столько лет. Сияя красотой, она приблизилась к царю и проговорила:

— Пришло время тебе все узнать, о тигр среди мужей. Знай, я богиня этой реки, и мое имя Ганга. Блажен, кто оканчивает свою жизнь здесь, в волнах, — он обретает бессмертие и живет в обители богов. Семь моих сыновей стали равны богам. А вот этот юноша, восхитивший тебя, — это восьмой наш сын. Возьми его во дворец. Он будет вершителем справедливости и укротителем врагов.

Проговорив так, она скрылась в волнах, а царь с сердцем, исполненным великой радости, направился со своим сыном в столицу.

Этот юноша стал лучшим среди героев и изучил все науки, известные в трех мирах. Отец дал ему имя Бхишма и объявил его наследником престола.

Но душа царя все же не обрела покоя. Теперь его стал терзать страх за жизнь единственного сына. Недаром мудрецы говорят, что человек, имеющий только одного сына, почти равен бездетному.

После долгих раздумий царь решил, что дальше нельзя наслаждаться созерцанием своего сына. Надо взять жену для обретения нового потомства. И вот когда царь бродил однажды в лесу, погруженный в мысли о женитьбе, он вдруг ощутил тончайший аромат, равный аромату многих тысяч голубых лотосов, и перед ним возникла девушка, одежды которой источали нежнейший запах.

— Отведи меня к твоему отцу, обладающая совершенством! — воскликнул царь, опьяненный этим ароматом. — Я хочу просить у него твоей руки.

Отец девушки был простым рыбаком. Услышав о желании царя, он очень обрадовался, но потребовал, чтобы сын царя от этого брака наследовал престол.

Как же мог царь согласиться на это, уже назначив наследником Бхишму? Как мог он, преданный правде, совершить такое беззаконие? Ведь только Бхишма, а после него его старший сын и старший сын этого сына должны занять трон.

И вот царь вернулся во дворец и стал проводить дни свои в великой грусти, вспоминая прелестную девушку, которую встретил в лесу.

Услышав его стенания и узнав о причине его тоски, Бхишма решил отказаться от трона. Он дал также клятву никогда не жениться, чтобы не иметь детей, которые могли бы когда-нибудь претендовать на престол. Приняв этот тяжкий обет, благородный Бхишма сам со-

Юноша на берегу Ганги

сватал дочь рыбака для своего отца и привез ее на колеснице во дворец. Ведь сказано мудрецами:

*Тот, кто отцу не перечит,
Его почитает и любит,
Кто служит отцу опорой, —
Тот верным считается сыном.
Тот, кто отца жалеет,
Себя для него забывает,
В горе его поддержит, —
Тот добрым считается сыном.*

Вскоре у царя родился новый наследник. Когда настала его пора, он стал править царством, а Бхишма, сведущий в науках и опытный в законе, помогал ему советом и делом. Царство их процветало. Когда пришел час, отмеченный благоприятным стоянием планет, Бхишма нашел для своего младшего брата жену, подобную светлой жемчужине, и они счастливо зажили в своем прекрасном дворце.

И вот у молодого царя родился сын, одаренный всеми знаками царского рода. Ему дали имя Куру. Бхишма обучил и его великой науке управления царством, и в назначенный день молодой наследник взшел на престол своих предков.

Бхишма дает клятву безбрачия

РАССКАЗ О СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ

Однажды этот молодой царь спросил у Бхишмы:

— Скажи, мой почтенный дядя и наставник, как случилось, что ты одинок и бездетен? Отчего не сочетался ты браком по законам, которые соблюдают воины?

— Оттого, что судьба моего отца была мне дороже собственной судьбы, — ответил Бхишма. — Не я первый в нашем роду избираю несчастье во имя счастья отца.

— Кто же еще из наших предков поступал так? — спросил царь Куру.

— Я расскажу тебе. Впусти мои слова в твою память и сохрани их для своих потомков.

Был в нашем роду правитель по имени Яяти. Он имел пятерых сыновей, пятерых прекрасных мальчиков, подобных сыновьям богов. Он растил их с любовью, и всю нежность своего сердца отдавал он этим детям, которые весело играли вокруг него. И вот выросли из них славные воины, преуспевающие в подвигах, сияющие силой и отвагой. А их отец по неведению совершил однажды тяжкий проступок и был за это проклят богами. Ему, еще далекому от конца своей жизни, была ниспослана преждевременная старость. И было ему

сказано, что только тогда сможет он вернуть себе силу, когда один из его сыновей согласится взять его старость и отдать взамен свою юность.

Горько рыдая, созвал Яяти своих сыновей и обратился к ним со словами, исполненными печали:

— Дети мои, всю любовь моей души отдавал я вам. Каждая ваша улыбка радовала меня, как сияние утреннего солнца, и каждая слеза жгла мою душу, как яд многих сотен змей. Для счастья и радости вырастил я вас. Но вот неожиданно постигла меня самого тяжкая беда. Не успев насладиться молодостью и силой, стал я старым и немощным. Не успев выполнить долг перед своими подданными, лишился я могущества и не смогу уже быть опорой царства и защитником людей. Горе, горе мне! Кто из вас, любимые дети, спасет меня, кто согласится взять мою старость в обмен на юность и мою немощь в обмен на здоровье? Не навсегда прошу я об этом, а всего на тысячу лет. По истечении этого срока вернутся к вам красота и сила, а я, успев свершить все земные дела, безропотно стану дряхлым и буду готовиться к смерти. Кто из вас, рожденных моим сердцем, согласен спасти меня?

И тогда ответил старший сын:

— *Кто стар, тот красоты лишен и силы,
Кто стар, того обидеть каждый может,
Кто стар, морщинами обезображен, —
Никто не хочет юности лишаться.*

И второй сын проговорил:

— *Погубит старость ловкость и отвагу
И унесет блаженство и веселье,
Ослабнет ум и одряхлеет тело, —
Кто же захочет с юностью расстаться?*

И два других сына сказали:

— О да, отец. Слова наших братьев — это наши слова. Морщины и седые волосы кому же нужны раньше времени? Мы все хотим насладиться своей молодостью. Позволь нам уйти. Нас ждут охотники, мы собрались на ловлю диких слонов.

Но тут заговорил младший сын:

— О нет, отец. Я не покину тебя в такой беде. Мое сердце разрывается при виде твоего горя. Ты, отдавший нам всю любовь свою, ты был могучим защитником государства, мудрым правителем и знатоком закона, ты был отважным сокрушителем врагов. И вдруг ты перед нами — седой и согбенный, с бессильным, дрожащим телом. Мои глаза не могут спокойно видеть несчастье, которое тебя постигло. Я отдам тебе свою молодость! Наслаждайся ею тысячу лет, побеждай в битвах и охраняй честь рода. Я беру себе твою старость.

И не успел он договорить до конца, как стал дряхлым и слабым и был в кругу своих братьев как высушенное дерево среди цветущих пальм.

Младший сын Яяти

Увидев, что из всех его сыновей только один пожалел его, Яяти по прошествии тысячи лет вернул ему молодость и отдал ему царство в придачу. И молодой царь еще тысячу лет счастливо правил страной.

Но и на других своих сыновей Яяти не обратил гнева. Он отдал им землю на границах царства, и они были счастливы, что отец в доброте своей простил их.

*Прощение выше, чем гнев и надменность,
Милосердие выше осуждения и мести,
Доброе слово выше дурного,
Дружба и щедрость выше, чем грубость...*

Так закончил мудрый Бхишма свой рассказ, и молодой царь Куру почтительно склонил голову перед памятью своих великих предков.

РАССКАЗ О НАЧАЛЕ РАЗДОРОВ

Этот славный потомок Бхараты много лет счастливо правил землей. Бхишма зорко наблюдал за всеми делами царства и всегда вовремя приходил на помощь своему племяннику. Народ восхвалял мудрость и стойкость своего правителя.

Но нет в этом мире ничего неизменного. И однажды семя зла упало на чистую почву процветания великого рода Бхараты, и выросло дерево зла, налитое ядовитым соком. У достойного царя Куру родился сын. Какой великой радостью могло бы стать это появление наследника, каким несравненным счастьем для отца! Ведь сказано:

*Моли богов о рождении сына —
В образе сына себя ты видишь,
В жизни сына ты существуешь;
Тот не умрет, кто имеет сына.*

Но злая судьба стерегла царского наследника у самых истоков его жизни. Несчастье притаилось у его колыбели: он родился слепым. Не было предела великому горю, которое охватило сердце царя. Утешились родители и все жители царства только тогда, когда на свет появился второй сын, отмеченный счастливыми знаками.

Старшему сыну отец дал имя Дхритараштра, что значит «защита царства», и растил его как будущего правителя страны. Младшего сына называли Панду. Стойкий в обетах Бхишма обучал и старшего, и младшего царевичей всему, что должны были знать юноши царского рода.

Слепому Дхритарашстре было трудно постигать науки. Зато его брат Панду проявлял много ума в овладении знаниями и много искусства в умении командовать войском.

Когда царь Куру состарился, он захотел передать власть в руки наследника.

По законам царей старший сын должен был унаследовать престол. Но разве может слепой управлять царством? Оно станет подобным стаду слонов без вожака, земле без дождя, лодке без весел. Рассудив так, царь решил нарушить древний закон и назначить наследником младшего сына — Панду.

И вот Панду стал царем и много лет управлял страной согласно законам — мудро и справедливо. Его жена, добродетельная Кунти, родила ему пятерых сыновей. Все называли их Пандавы, что значит «потомки Панду».

Природа одарила их всеми достоинствами воинов и героев: силой и красотой, ловкостью и отвагой, умом и благородством.

Старший из Пандавов, по имени Юдхиштхира, что означает «стойкий в битве», отличался мужеством и мудростью. Он был опорой братьев в любом испытании, и все они принимали его слова, как свои.

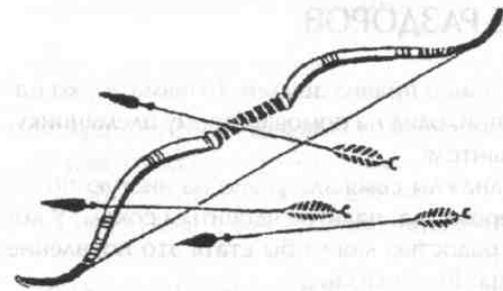
Имя второго брата было Бхимасена, что означает «войско ужаса». В его теле таилась мощь молодого слона, и своими подвигами он вселял страх в сердца врагов. Он мог одной рукой вырвать из земли толстое дерево и насквозь пробить гору своей боевой палицей.

Третий сын, которого назвали Арджуна, что означало «светлый», был искусен в речах и необыкновенно ловок во владении оружием. А в стрельбе из лука ему не было равного среди воинов. Его тело своей гибкостью напоминало лиану, а сияние прекрасного лица было невыносимо для взоров людей, как сияние солнца.

Два младших брата, Накула и Сахадива, были близнецами. Не только лицом, но и мыслями и делами они были похожи один на другого, как две звезды, и оба так искусно умели владеть мечом, что на всей земле не было воина, который мог бы сравниться с ними.

Все пять братьев Пандавов преданно любили друг друга и были всегда неразлучны, как светила в одном созвездии, как пальцы на одной руке.

А у слепого Дхритараштры и его жены Гандхри родились сто сыновей. По имени деда их называли Кауравами. Кауравы росли и обучались

Владение луком – достоинство воина

вместе с Пандавами под надзором своего прапрадеда — доблестного и мудрейшего Бхишмы.

Пандавы преуспевали в учении и впитывали в себя знания, как сухая земля впитывает в себя влагу первых дождей. Кауравы же не были одарены такими очевидными достоинствами, и наука давалась им гораздо труднее.

Так было, когда царством правил несравненный Панду; так продолжалось после его смерти, когда на престол в славном и богатом городе Хастинапуре взошел слепой царь Дхритараштра — отец Кауравов.

Старший из Кауравов, по имени Дурьодхана, что значит «злой воин», отличался жестоким сердцем, коварным умом и низкой душой. Он невзлюбил Пандавов. Ему не нравилось, что все жители царства восхищаются ими и прославляют их в песнях и речах. Он завидовал блеску их славы и не хотел, чтобы кто-нибудь из них стал наследником престола, ибо пращур их Куру завещал полцарства Пандавам и полцарства Кауравам. Дни и ночи думал он, как бы ему избавиться от своих двоюродных братьев. Зависть и страх поочередно одерживали победу в его сердце.

Но он боялся открыто поднять руку на Пандавов, и особенно сильно страшился Бхимасены, этого молодого льва.

«Вот если бы мне обманом и хитростью одолеть его, тогда бы я без труда победил остальных и стал бы царем в нашей стране», — думал он, измышляя разные ловушки для Пандавов.

Однажды ему с помощью братьев удалось связать спящего Бхимасену лианами и столкнуть его в стремительный поток. Но этот сильнейший среди царевичей одним движением плеч разорвал крепкие путы и, невредимый, вышел на берег. В другой раз Дурьодхана забросал его ядовитыми змеями, но Бхимасена задавил всех змей, раньше чем они успели вонзить зубы в его тело. В третий раз он подмешал в пищу Бхимасены страшный яд, от которого гибнет все живое, но юный герой был так крепок и могуч, что яд не принес ему вреда.

Когда на пути встречается такой человек, как Дурьодхана, следует помнить:

*Если ты должен выбрать
Между змеей и злодеем,
Бойся избрать злодея —
Лучше змею избери ты.
Змея только раз ужалит
И прочь отползет бессильно,
Злодей же с душою черной
Жалить будет всечасно.*

С каждой неудачей все больше распалось злое сердце Дурьодханы.

Но он решил больше не покушаться на Пандавов, до тех пор пока он и его братья не возмужают. Он понял, что Кауравы смогут одолеть своих двоюродных братьев только тогда, когда в совершенстве изучат воинское искусство. И каждый день он стал напоминать отцу о том, что всем царевичам пришла пора овладеть наукой воинов.

— Да-да, — соглашался царь, — пришло время искать наставника, опытного в обязанностях учителя и знатока оружия.

— Но надо найти лучшего, — добавлял мудрый Бхишма, — достойного быть наставником царевичей из рода Бхараты.

— Как же узнать, кто в стране лучший из учителей, скажи, почтенный? — спросил царь.

— Когда придет час, определенный судьбой, он сам появится, — отвечал Бхишма.

И вот однажды царевичи играли в деревянный мяч и уронили его в колодец. Юноши прилагали все свое старание, чтобы достать мяч, но никак не могли. Горящими от нетерпения глазами они смотрели на мяч, плавающий в воде, и кусали губы в досаде.

— Какие же вы воины? — со смехом проговорил кто-то возле них. — Неужели вы не можете ничего придумать?

Юноши оглянулись и увидели, что на них с улыбкой смотрит могучий человек с плечами слона и грудью льва.

— Царевичи из рода Бхараты должны в совершенстве владеть оружием, — продолжал незнакомый воин. — Смотрите, что надо сделать.

И он бросил в тот глубокий колодец один дротик и пронзил им мяч. Брошенным вслед другим дротиком он пронзил первый, а третьим пронзил второй. Так он нанизал несколько дротов, и они превратились в длинную цепь, которой он и извлек мяч.

Изумленные царевичи спросили его:

— О, кто же ты, обладающий столь совершенными знаниями?

— Пойдите к вашему прадеду Бхишме и расскажите, как я достал вам мяч. Он вам скажет, кто я.

Когда Бхишма услышал о таком чудесном извлечении мяча, то воскликнул:

— Это Друна! Это безупречный воин, обладающий совершенным знанием всех видов оружия. Я давно слышал о его воинской славе и ожидал его прихода. Именно он должен стать наставником царевичей.

С этого дня Дрона, владеющий сокровенными тайнами военного искусства, стал обучать царевичей. Он научил их стрелять без промаха из лука, биться на мечах и палицах, метать копьё и дротик, сражаться на конях, боевых слонах, колесницах и пешими.

И снова Пандавы проявляли во всем больше искусства и умения, чем Кауравы. Видя это и не будучи в силах сдерживать свою злость, Дурьодхана стал просить своего слепого отца придумать, как им избавиться от пятерых братьев. Но слепой Дхритараштра не хотел причинять Пандавам зла. Он старался успокоить своего сына и увести его с пути жестоких и несправедливых мыслей.

— Всегда помни, сын мой, — говорил он ему, — слова мудрецов:

*Кто семя зла уронит в почву жизни,
Тот снимет урожай дурных поступков.
Они, как эхо, в людях отзвучат,
И новое в ответ родится зло.*

«Нет-нет, — думал Дурьодхана, слушая эти речи, — отец мне не поможет. Он хочет, чтобы мы жили как равные, и не думает о том, что, когда он умрет, сыновья Панду станут править нами, Кауравами. О, где бы мне найти сильного друга, который поддержал бы меня? Где бы отыскать героя, равного Пандавам по силе и отваге?»

— Хорошо, мой почтенный отец, — ответил он, притворно смиряясь, — твои мудрые слова проникли мне в душу. Я понял, что мы должны любить своих братьев.

И он ушел, затаив низкие мысли и скрывая от всех жестокость своего сердца.

РАССКАЗ О ДРУЖБЕ ДУРЬОДХАНЫ И КАРНЫ

И вот было так, что однажды в покой дворца зашел уставший с дороги великий странствующий мудрец. Одна из царевен, по имени Кунти, пожалела его, предложила отдохнуть в прохладе. Он согласился, и она, сев около него, провела без сна день и ночь, овевая его ароматным опахалом. Когда миновала усталость, старец предложил ей за такое внимание и заботу особый дар, неведомый другим: он тихо-тихо прошептал ей на ухо слова магического заклинания, произнеся которые она сможет вызвать к себе любого бога с небесной высоты.

*Кунти призывает бога Солнца
для любовной встречи*

Проводив мудреца в его дальний путь, Кунти повторяла про себя эти слова, боясь их забыть, устав от жгучего летнего жара. Но вот стала приближаться осень, и как-то в один из прохладных дней Кунти зашла поглубже в отцветающий сад и решила призвать к себе словами тайного заклинания самого бога Солнца. Он мгновенно предстал перед нею, озарив весь сад своим сиянием, приветствовал ее и в мягком нежном разговоре пояснил, что неодолимая сила заклинания должна заставить ее подарить ему сына. Бог успокоил ее испуг, сказав, что, дав жизнь этому младенцу, она снова станет чиста и невинна. «Назови его Карна», — произнес бог, прощаясь с ней, и вознеся в небесные плевелы.

И тут же на свет появился младенец и поразил свою юную мать тем, что его тело было охвачено приросшими золотыми доспехами, а в ушах сверкали серьги, таявшие в себе неодолимую силу победы в боях.

Растерянная и испуганная Кунти положила новорожденного мальчика в ярко окрашенную кор-

зинку и опустила ее в струи близкой реки.

Волны подхватили этого сына небес и понесли его мимо берегов, мимо рисовых полей и зарослей лиан.

Когда этот ребенок проплывал мимо города в стране ядавов, один из царских колесничих поил у реки своих коней. Увидев, что волны влекут что-то сверкающее как огонь, он бросился в воду и вынес на берег младенца. Пораженный и обрадованный, он отнес это чудо своей жене и сказал ей:

— Мы с тобой бездетны и каждый день молим богов о рождении сына. Поверь, этот необыкновенный ребенок послан нам богами. Прими его как сына и отдай ему всю свою любовь. А я позабочусь о том, чтобы вырастить из него воина и героя и научить его управлять боевыми колесницами.

Мальчику дали имя Карна, и он стал расти в этом доме как сын колесничего. Он ничего не знал о своем истинном происхождении, но больше всего на свете любил солнце и всегда играл с солнечными лучами, ловя их на траве и на цветах, на земляном полу дома и в волнах реки. Он полюбил искусство вождения колесниц. Проносья по дорогам так быстро, что деревья по сторонам сливались

Кунти опускает младенца в реку

в одну зеленую ленту, он думал: «Я подобен солнцу, которое мчится по небу в сверкающей колеснице».

Когда солнце клонилось к закату, Карна провожал его низким поклоном, касаясь лбом земли, и не поднимался до тех пор, пока последние лучи не гасли на вершинах дальних гор.

Так рос Карна и с каждым днем становился опытнее в обязанностях колесничего. Силою своих рук он создал себе славу воина, которая достигла других городов и других стран. О ней узнали и в Хастинапуре.

Когда Дурьодхана услышал про Карну, он стал днем и ночью мечтать о дружбе с ним. Но время шло, а ему не представлялось случая встретиться с этим могучим воином.

Но однажды колесо жизни повернулось к Дурьодхане своей благоприятной стороной. Когда Кауравы и Пандавы в совершенстве овладели всеми знаниями, их учитель Дрона сказал:

— Настал час, когда юноши великого рода Бхараты должны показать свою ловкость и отвагу. Ведь сказано:

Не должно скрывать от мира

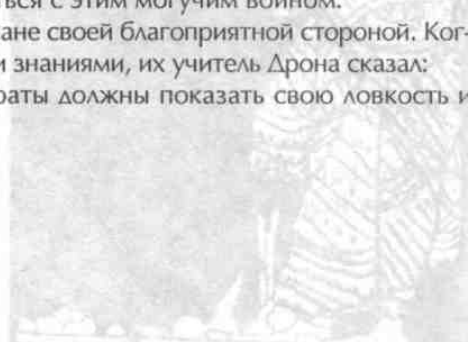
Плоды своего ученья.

Кто знания свои умножил,

Тот должен служить примером

И блеском своих познаний

Другим осветить дорогу.

А поэтому следует объявить день воинских состязаний и пригласить сыновей других царских родов на это зрелище.

— Я рад слышать твои слова, могучий Дрона, — сказал Дхритараштра. — Как хотелось бы мне иметь зрение, чтобы наслаждаться видом воинской доблести наших сыновей! Но если меня судьба лишила этой радости, пусть другие вкусят ее. Надо устроить состязание как можно скорее.

И когда настал назначенный день, на большом поле близ городской стены собрались толпы народа. Царский двор и знатные воины, приглашенные из других городов и стран, взошли на помост, украшенный жемчугом, и сели на мраморные скамьи. От солнечного зноя их укрывал навес из ткани, на которой были вышиты яркие цветы и птицы. Заиграли трубы, забили барабаны, и царевичи из рода Бхараты в боевых доспехах и с оружием в руках вышли на середину поля. Впереди шел Дрона в белых одеждах и с гордостью вел их за собою, подобный зрелому жожаку, выступающему впереди стада молодых слонов.

Один за другим Кауравы и Пандавы стали показывать свое умение владеть оружием, управлять боевыми колесницами и сражаться верхом на конях и слонах. Своими палицами они чертили в воздухе сверкающие круги, тучами стрел затмили солнце, а ударами мечей о шиты заставляли вздрагивать землю.

И лучше всех, сильнее всех и прекраснее всех были пять братьев Пандавов и, особенно, светлоликий Арджуна, подобный облаку, озаренному сиянием радуги.

— Это лучший из воинов! — восклицали в толпе. — Это самый искусный из царевичей! Это лев среди людей!

Но когда Арджуна двадцать один раз подряд попал, стреляя из лука, в отверстие коровьего рога, который был подвешен высоко в небе и сильно качался от ветра, такой восторг охватил собравшихся, что от их ликующих криков заколебались горы.

Арджуна поразил цель

— О герой с могучими руками, о владыка мужей, будь моим другом! Мы с тобой победим всех врагов, и наши ноги прижмут их головы к земле.

Говоря так, он с вызовом смотрел на Пандавов и презрительно смеялся им в лицо.

Гнев охватил сердце Арджуны.

— О Карна, — воскликнул он, — ты, убитый мною, скоро погладешь в тот мир, который предназначен для гостей, являющихся незваными и вступающих в разговор без приглашения.

Карна ответил ему:

— Слова — это опора слабых. Я буду разговаривать стрелами и сейчас снесу тебе голову.

Оба юных героя были готовы начать бой, когда вмешался советник царя:

— Остановитесь, воины. Мы все знаем Арджуну, сына царя Панду, но не знаем, кто ты, пришедший сразиться с ним. Если ты низкого рода, Арджуна не может вступать с тобой в поединок. Таков закон царей.

Карна смутился и уже готов был отступить, но Дурьодхана закричал:

— Если так, тогда я, старший среди Кауравов, дарю Карне часть нашего царства. Теперь он равен Арджуне. Пусть начнется бой!

Но когда Карна снова двинулся на Арджуну, подобный туче, гонимой ветром, на поле вышел старый колесничий, приемный отец Карны.

— О сын мой, — проговорил он, — как я рад за тебя — ты теперь царевич. Будь счастлив, мой дорогой сын.

Дурьодхана лишился дыхания, когда видел, как гордится народ победами Пандавов. Он и вполонину не постиг их искусства и не мог вынести блеска их воинской славы. Он жалел, что Карна не приехал на состязание и не мог помериться силой с Пандавами.

«Эти мои двоюродные братья вообразят теперь, что нет в мире им равных, что все им должны подчиняться, — думал он, скрипя зубами и хмурия брови. — Где же Карна? Почему он не пришел? Какой я глупец, что не послал гонцов разыскать его!»

И вдруг, как бы услышав его мысли, на поле появился Карна. Он узнал о состязании царевичей и пришел принять в нем участие. Блеск серег озарял его лицо, как солнце, а в гладком панцире, приросшем к его телу, отражались деревья, люди и небо, как в сияющем зеркале.

— Не довольно ли тебе, Арджуна, хвалиться здесь своей ловкостью? — вскричал он, направляясь к Пандавам. — Не думай, что ты один умеешь владеть луком и палицей. Смотрите все — я равен ему в боевом искусстве!

И он повторил все подвиги Арджуны и заслужил похвалу всех, кто смотрел на него. Дурьодхана радостно обнял его, прижимая к груди:

И он обнял его со слезами на глазах.

— Как же ты смеешь братья за оружие, сын возницы?! — воскликнул тогда Арджуна. — Пойди возьми лучше кнут. Ты недостойн смерти от руки Пандава.

— Да-да! — закричали вокруг. — Сын возницы не может сражаться с царевичем.

— Нет! — кричали другие. — Он истинный герой, и не следует спрашивать о его происхождении, как не следует искать истоки великих рек.

Среди собравшихся поднялся шум, и никто уже не понимал, что говорят другие. Когда Дурьодхана увидел, что могучерукий Бхимасена направляется к Карне, подняв меч, он за руку увел своего друга к себе. А Пандавы, вознегодовав, покинули поле состязаний.

Карна же был благодарен Дурьодхане за поддержку и дал клятву сражаться на его стороне всю жизнь против любых врагов и являться ему на помощь по первому зову.

РАССКАЗ О СМОЛЯНОМ ДВОРЦЕ

Ссора с Карной не затмила воинских подвигов Пандавов. Народ только и говорил о них, восхваляя достоинства сыновей Панду.

И тогда Дурьодхана снова пришел к слепому Дхритараштре и стал изливать ему горькие жалобы:

— О отец мой, чего ты ждешь? Отчего ты не думаешь, как нам уничтожить этих Пандавов? Ведь их отец, а твой младший брат стал царем только потому, что ты слеп от рождения. Если бы не поразило тебя такое несчастье, разве он смог бы занять престол? И может случиться, что Юдхиштира станет царем в Хастинапуре и все Пандавы возвеличатся, а мы будем зависеть от них, как нищие. Мы будем выпрашивать милостыню, стоя на коленях у сверкающего подножия их трона... О нет, нет! Лучше смерть, чем такой позор!

— Я думаю, что твои страхи напрасны, сын мой, — ответил ему отец. — Юдхиштира исполнен справедливости. Он никогда не сойдет с пути закона и никогда не обидит ни меня, своего слепого дядю, ни моих детей. К тому же все горожане и воины безмерно преданы ему и его братьям, и даже если бы мы захотели от них избавиться, мы были бы бессильны сделать это.

— Да, конечно, отец, твои слова правильны: нельзя вызывать их на открытый бой. Надо действовать хитростью. Надо добиться того, чтобы Пандавы покинули страну хотя бы ненадолго, а потом просто не пускать их обратно. Помоги мне уговорить их отправиться на праздник в далекий город Варанавату. Никто не причинит им зла — твое сердце может быть спокойно. Они там останутся навсегда и будут счастливы не меньше, чем здесь. А зато мы, Кауравы, твои родные дети, станем правителями Хастинапура. И после нас будут править наши сыновья и сыновья наших сыновей — твои родные внуки и правнуки.

Старый Дхритараштра не знал, на что решиться. Он любил своего покойного брата и пятерых его сыновей, но родные сыновья были ближе и дороже его сердцу. Хитрые слова

Дурьодханы вползали в его душу и сворачивались холодными кольцами, как змеи, поджидая добычу. После долгого раздумья он решил, что нет ничего плохого в том, чтобы послать Пандавов на праздник, и согласился на уговоры Дурьодханы.

И вот все его приближенные, да и он сам, стали каждый день твердить Пандавам о том, какой прекрасный, какой богатый, какой великолепный праздник готовится в Варанавате. Все советовали им обязательно посетить этот город и обрадовать своим появлением народ Варанаваты. Чистые сердцем Пандавы не заподозрили хитрости и, почтительно простившись со своим слепым дядей и всеми Кауравами, взошли на колесницы и тронулись в дальний путь. С ними отправилась их мать — царица Кунти.

А между тем злобный Дурьодхана потихоньку от отца и старого Бхишмы стал готовить ловушку, чтобы погубить своих двоюродных братьев. Он создал слуг и повелел им выстроить в Варанавате дворец для Пандавов. Дворец не из мрамора, не из камня и даже не из глины, а из того, что легко воспламеняется и жарко горит, — из бамбука и пальмовых шишоек, из коры и ветвей лакового дерева. И повелел пропитать это все смолой и маслом и склеить воском. И повелел поджечь этот дворец темной ночью, когда Пандавы и их досточтимая мать будут покоиться в глубоком сне.

Слуги Дурьодханы, сказав: «Мы покорны тебе, господин», спешно отправились в Варанавату.

Пандавы сильны и готовы к битве

— Когда пять братьев, простившись со своими родными, двинулись в путь, многие знатные горожане, советники и военачальники пошли вслед за ними, чтобы с почетом проводить их. Среди них был и Видура, мудрый советник покойного царя Панду. Он догадался о заговоре против Пандавов и решил предостеречь старшего из них, Юдхиштхиру, сказав ему так:

*Кто умен, тот умного поймет
И найдет дорогу для спасенья.
Он того оружия избегнет,
Что не из железа, но смертельно.
Также вспомнит он, что дикобраз
От огня скрывается под землю
И что все живые существа
Путь определить по звездам могут.*

Услышав эти слова, Юдхиштхира догадался, какая опасность подстерегает их впереди, и, ответив Видуре: «Я понял», простился со всеми, кто провожал их.

Прибыв на праздник, Пандавы приветливо поздоровались с жителями Варанаваты и провели с ними день как ни в чем не бывало. Беспечные и веселые с виду, они отправились в построенный для них дворец, но в ту же ночь Юдхиштхира тайно позвал землекопа и начал рыть подземный ход. Каждую ночь кто-нибудь из братьев не спал и сторожил остальных. Землекоп работал все ночи напролет, и вскоре подземный ход был выведен далеко за стены города.

Когда наступила темная половина месяца, Дурьодхана прислал приказ своим слугам поджечь дворец. И злые слуги злого господина исполнили страшный приказ. Пламя мгновенно охватило все здание, и оно запылало, как факел.

Пять братьев, готовые встретить опасность, быстро спустились вместе с матерью в потайной ход и вышли из горящего дворца. Определив свой путь по звездам, они направились в далекий лес и долго, долго шли, не переводя дыхания и не останавливаясь. Когда могучий Бхимасена увидел, что его братья и мать изнемогают от усталости, он посадил их всех на плечи и устремился вперед, прорываясь сквозь заросли, как дикий слон, и попирая ногами тысячелетние деревья. К утру они были так далеко, что враги не смогли бы догнать их даже на самых быстрых скакунах.

А злые слуги Дурьодханы сгорели в огне, потому что выпили на празднике слишком много вина и не смогли выскочить из пылающего дворца.

Когда жители Варанаваты в тревоге сбежали на пожар, они увидели, как в вихре пламени и искр рухнули стены, и поняли, что им не удастся спасти дорогих гостей. Громкие рыдания и горькие стенания огласили ночной город. Никто не мог найти покоя, никто не мог уснуть в эту ужасную ночь.

Люди в слезах стояли до утра вокруг страшной груды тлеющих углей, а утром послали гонца известить слепого Дхритараштру о страшной беде, которая постигла его юных племянников.

Советник Видура

Тяжким бывает горе,
 Когда погибают живые —
 Безвинно их смерть уносит,
 Даже лишенных достоинств.
 Но если гибнут герои,
 Богатые силой и славой,
 Исполненные отваги,
 Хранители чести и правды, —
 Тогда не иссякнут слезы
 И горе будет безмерным.

Бедный Дхритараштра, ничего не знавший о злодейском заговоре своего сына, погрузился в глубокую скорбь. Он повелел совершить обряд почетного погребения и воздвигнуть царские могильники над прахом погибших.

РАССКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ ЗЛОГО РАКШАСА

Много дней и ночей пробирались Пандавы через лес, желая найти город, где они могли бы жить спокойно вдали от жестокого Дурьодханы. В лесной чаще они встречали страшных людоедов-ракшасов, свирепых и кровожадных, как голодные тигры. Вступая с ними в битву, герои убивали этих ракшасов безо всякой пощады и очистили от них весь лес.

Бродя среди колючих лиан и густых зарослей бамбука, юные царевичи и их досточтимая мать растеряли все свои золотые украшения и порвали богатые наряды. Они сплели себе новые одежды из тонкой коры молодых деревьев и стали похожи на брахманов* отшельников, которые много лет прожили в лесном уединении, вдали от шумной жизни.

Однажды на вечерней заре они достигли края леса и увидели вдали большой город, который был окружен высокими каменными стенами. Вооруженные стражи, стоявшие в воротах, даже не заподозрили, что эти смиренные люди, проходившие мимо них в платье из лыка, были на самом деле грозными воинами из блистательного рода Бхараты, одаренными несравненным могуществом и силой.

Войдя в город, Юдхишхира попросил для всех приюта в доме одного благочестивого брахмана, который жил здесь со своей женой и двумя детьми. Все дни, с утра до темноты, брахман ходил по городу, прославляя богов и собирая подаяние. Пандавы, поселившись у него, тоже начали ходить из дома в дом, прося милостыню. Все горожане принимали их за брахманов и почтительно подавали им вареный рис, кокосовые орехи, свежую простоквашу и сладкие плоды манго. Так они мирно и спокойно прожили некоторое время.

* Брахман — жрец, священнослужитель.

Но однажды в вечерний час в доме их хозяина раздались громкие вопли и рыдания. Горько сетовал на свою судьбу престарелый брахман, стенала, заливаясь слезами, его жена, плакали дети.

Мать Пандавов, царица Кунти, поспешила узнать о причине такого горя.

— Неподалеку от нашего города, — поведал брахман, — в лесной чаще живет великан-ракшас. Нет предела его жадности, нет границ его свирепости и силе. Много лет он собирает с нашего города дань. Повозку, полную риса, двух быков и одного человека должны мы постоянно посылать ему на сожжение. Раздобревший на человеческом мясе, он нетерпеливо требует все новых и новых жертв. И вот сегодня ночью наступает очередь посылать в лес кого-нибудь из нашей семьи. О, где нам, смиренным, искать зашиту, кого просить о помощи?!

И брахман снова залился слезами. Жена старалась утешить его, говоря, что она уже достаточно пожила на свете и охотно пойдет в лес к людоеду. Дочь, громко рыдая, успокаивала родителей, уверяя, что без них она жить все равно не сможет, а поэтому именно ей надо идти на съедение к ракшасу. Маленький сын брахмана, обнимая каждого из них, говорил:

— Не плачьте, не плачьте. Я пойду к этому злому ракшасу и убью его вот этой палкой.

С этими словами он поднял с земли прут и с угрозой замахнулся.

— Успокой свое сердце, почтенный, — обратилась тогда Кунти к брахману. — Ложитесь все спать и не думайте о ракшасе. Наступил час, когда мы, ваши гости, постараемся отблагодарить вас за вашу ласку. Кто-нибудь из моих сыновей пойдет в лес, и ваша семья будет спасена от гибели. Я прошу вас не отказываться от нашей помощи и принять ее как дар. Вспомните слова мудрецов:

*Дар, приносимый с любовью,
Прими ты с открытой душой.
Принятием дара такого
Гостям ты окажешь почтенье.*

— О нет, мать, что ты говоришь! — воскликнул брахман. — Это мы должны жертвовать жизнью за вас, своих гостей, а не ждать, что вы спасете нас ценою своей жизни.

— Никто из нас не погибнет. Мои сыновья убьют этого людоеда.

— Да разве могут скромные и благочестивые брахманы убить этого ракшаса с огромным телом и длинными зубами? Только величайшие среди воинов земли могли бы совершить такой подвиг.

— Не тревожьтесь об этом. Идите на покой и отдыхайте с миром, — сказала им достойная Кунти и с поклоном ушла.

Когда могучий Бхимасена услышал от матери о том, что предстоит бой со страшным

Бхимасена — сильнейший из Пандавов
(театральная кукла)

людоедом, великая радость зажглась в его сердце. Он сразу же запряг быков в повозку с рисом и, усевшись наверху, направился к лесу, распевая песни.

Голодный ракшас, исполненный злобы, сотрясая землю и оглушительно рыча, метался по лесу в ожидании добычи. Услышав громкую песню Бхимасены, он чуть не задохнулся от ярости и устремился к нему, топоча ногами, как бешеный слон. Распахнув пасть от земли до неба, он приготовился было проглотить долгожданный ужин, но оцепенел, увидев небывалое зрелище: Бхимасена спокойно сидел на повозке, с аппетитом ел рис, привезенный для ракшаса.

— Да как... да кто... да что ты делаешь, дерзкий? — заревел людоед, меча из глаз молнии.

— Ты мне мешаешь своим писком, замолчи, — проговорил Бхимасена, даже не взглянув на него.

Тогда ракшас вырвал из земли дерево и изо всех сил ударил героя по спине. Но тот и не дрогнул. Остолбеневший от возмущения людоед долго не мог прийти в себя. А Бхимасена съел всю повозку риса, вытер губы и, расправив плечи, двинулся на ракшаса, подобный грозовой туче.

Ракшас бросил в него ствол огромного дерева, но могучий Пандава поймал этот ствол левой рукой и сокрушил им ребра своего врага. Обезумев от боли, великан бросился на Бхимасену, и они стали кататься по лесу, подминая под себя деревья и сдвигая горы. Земля стонала от этой битвы, и далеко вокруг разносился грохот, сотрясавший небо. Наконец могучий герой швырнул ракшаса на землю и, наступив ногой ему на спину, переломил его пополам. Издав оглушительный рев, чудовище рассталось с жизнью.

А Бхимасена, взвалив его на плечи, принес к городским воротам и бросил там, чтобы все люди увидели, что больше некого бояться.

Узнав об этом подвиге, жители города стали прославлять этого тигра среди мужей, этого слона из слонов, одаренного истинной и несравненной силой.

РАССКАЗ О СОСТЯЗАНИИ ЖЕНИХОВ

Однажды до Пандавов дошел слух о том, что в далекой стране Панчале объявлено великое состязание женихов. Царь Панчалы созвал на это состязание всех прославленных воинов, всех героев, одаренных мужеством и силой. Он обещал, что отдаст в жены победителю свою единственную дочь Драупади, красавицу с походкой лебедя, с бровями, как натянутый лук, с зубами белыми, как морские раковины, с косами, как струи водопада.

— Не следует ли и нам пойти на состязание? — сказал мудрый Юдхишхира своей матери. — Ведь если один из нас одержит победу, могущественный царь Панчалы породнится с нами и станет нашим союзником.

— Я думаю, что твои слова справедливы, — ответила Кунти. — Имея могущественных врагов, должно заботиться о приобретении могущественных друзей.

И вот все пять братьев решили попытать счастья и вместе с матерью направились в Панчалу.

Чем ближе они подходили к столице этой страны, тем гуще становились толпы людей, которые стремились туда же. На повозках, запряженных белыми быками, ехали жители окрестных городов. Шли крестьяне, погружая босые ноги в горячую пыль. Спешили танцовщицы, оглашая воздух мелодичным звоном браслетов. Торопились музыканты и фокусники, бежали продавцы фруктов и разносчики холодной воды.

То и дело раздавались крики: «Отойдите в сторону, берегитесь!» Все расступались, давая дорогу женихам. Одни из них проносились на золотых колесницах, озаряя все вокруг ослепительным сверканием. Другие ехали на слонах, в паланкинах, украшенных драгоценными камнями.

— Какое великолепие! — восклицали в толпе. — Какое богатство! Какие храбрцы и силачи — эти сыновья царей! О, это, наверное, лучшие из воинов земли!

Все восхищенно провожали глазами колесницы и слонов, но никто ни разу не остановил взгляда на пятерых братьях, которые шли по пыльной дороге в скромных одеждах брахманов.

Никому и в голову не могло прийти, что и они будут состязаться с этими блистательными женихами.

*Если угли золой засыпать,
Кто в них жар увидеть сумеет?
Кто сумеет увидеть жемчуг,
Если раковина закрыта?
Если тучи затянут небо,
Кто ответит, взошел ли месяц?
Кто узнает, какого цвета
Лотос скрыт в глубине бутона?*

Так, мимо рисовых полей, мимо прудов, в которых лежали буйволы, спасаясь от жары, мимо хижин и храмов, все дальше и дальше шли Пандавы. Наконец вдали засверкали золотые крыши прекрасного города. Братья и их почтенная мать прошли мимо стражей, охранявших ворота, и вступили на улицы города, великолепного, как небесные чертоги. Блеск его дворцов наполнял простор, как сияние утреннего солнца. Все улицы были политы свежей водой и усыпаны цветами.

На широкой площади под богатым навесом из парчи собрались женихи. Это были первые из героев, сокрушители врагов и друзья побед. Одни из них восседали на скамьях, покрытых яркими тканями, другие ходили взад и вперед, звеня доспехами и ревниво оглядывая своих соперников. Их высокие шлемы были украшены жемчугом и рубинами, а глаза сверкали, как красные уголья. На могучих руках блестели золотые браслеты, а колчаны были набиты острыми стрелами.

Среди этих воинов был и Карна, сын Солнца, были и сто братьев Кауравов во главе с жестоким Дурьодханой. Веря, что Пандавы сгорели в огне, он один наслаждался всей полнотой власти и всеми сокровищами своего царства. Одного только сокровища не хвата-

Драупади

ло в его дворце — молодой царицы. Теперь он был уверен в том, что именно ему безупречная Драупади поднесет гирлянду победителя, что на его колесницу взойдет она после состязания. Желая привлечь к себе взоры этой дивной красавицы, он надел доспехи, усыпанные алмазами, и с гордостью оглядывал себя. Поглощенный своими мечтами, он даже не взглянул на Пандавов, которые пришли на площадь и незаметно смешались с толпой горожан.

Цари, приехавшие на состязание, одаривали народ деньгами и одеждой, украшениями и сладстями. И многие из них дарили людям даже коров — самых прекрасных на свете животных с шелковистой шерстью и горделивой походкой.

Над площадью стоял неумолчный гул. Громкими криками привлекали внимание к своему товару продавцы медовых лепешек. Другие предлагали кислое молоко, разбавленное холодной водой, третьи — сок сахарного тростника.

Под звуки барабанов кружились танцовщицы, и их шелковые одежды отливали всеми цветами радуги. Певцы прославляли неземную красоту луноликой Драупади.

Силичи поднимали огромные тяжести, гимнасты ходили по канату над головами зрителей. Фокусники забрасывали веревку за облака и поднимались по ней, скрываясь в небе. Заклинатели змей играли на дудках, заставляя кобр, налитых ядом, выползать из корзинок и послушно танцевать под музыку.

Как море, сверкающее под солнцем, волновалась и шумела толпа, ожидая начала состязания.

Царь Панчалы велел изготовить золотую цель, которая могла сама подниматься высоко-высоко в небо. И повелел также сделать лук, такой большой и тугой, что натянуть его тетиву мог лишь истинный герой, одаренный нечеловеческой силой. И объявил, что только тот удостоится свадебной гирлянды, кто поразит стрелой из этого лука золотую цель, глядя при этом не на нее, а на ее отражение в воде.

Пятнадцать дней длился праздник в столице. А на шестнадцатый день на высокий помост посреди площади взошла та, ради кого собрались сюда со всех концов земли лучшие из мужей. Нежная, стыдливая, в уборе из цветов, поднялась Драупади на помост. Блеск украшений окружил ее сиянием, а глаза были подобны большим черным звездам. Все женихи поняли, что их взоры и сердца навеки прикованы к Драупади цепями ее достоинств.

И вот они, один за другим, стали подходить к луку. Одни шли стремительно, как разъяренные быки, другие же выступали величаво, подобно слонам на торжественной процессии, третьи подходили осторожно, как тигры к добыче. И каждый, собрав всю свою силу, старался натянуть тетиву, чтобы поразить цель, сверкавшую высоко в небе, как золотое облако.

Бхимасена как брахман

Все это были воины, прославленные своими подвигами, и все они хотели, по закону царей и воинов, своей силой добыть в жены лотосооую Драупади. Но тугой лук, распрямившись, одних отбрасывал на край площади, у других вырывался из рук, а третьи не могли даже сдвинуть его с места. Посрамленные, убитые стыдом и горем, обессиленные, возвращались они под навес, опустив глаза в землю.

Дурьодхана подошел к луку, горделиво поворачиваясь во все стороны, чтобы все видели богатство его доспехов. У него хватило силы поднять лук, но натянуть он смог только наполовину. Карна, стремительный и пылкий, одним прыжком очутился возле лука, сверкнув над толпой, как солнечный луч. Он почти до конца натянул лук, но все же на один волосок ему тоже не хватило силы.

Неужели никто не согнет этот лук? Неужели нет истинных героев среди всех, кто явился на состязание?

Сверкала в небе золотая цель, доступная для взоров, но недоступная для стрел. Стояла на помосте Драупади, подобная драгоценному камню, но никто из воинов еще не был украшен гирляндой победы. Уныние охватило души всех собравшихся.

И тогда из толпы горожан вышел Арджуна, самый прекрасный из Пандавов, самый опытный во владении оружием. Его тело вместо сияющих царских доспехов было покрыто шкурой антилопы, как подобает брахману-отшельнику. Почтительно сложив руки, он поклонился отцу Драупади, и всем брахманам, и всем воинам на площади и направился к помосту.

— Кто этот дерзкий? Куда он идет? — раздался крики в толпе женихов.

— Как смеет этот нищий брахман состязаться с нами, героями среди героев? — громче всех кричал Дурьодхана. — Он должен протягивать руку за подаванием, а не за оружием.

А брахманы, стоявшие там, говорили:

— О, он опозорит всех брахманов земли. Наше дело — молитва и принесение жертвы богам. Зачем же этот юноша, не знающий воинской науки, берется не за свое дело? Надо удержать его. Нельзя допускать его к этому луку.

Так спорили все, а Арджуна, не слушая их слов, решительно подошел к луку, склонился над ним, как ветка молодого цветущего дерева, без труда натянул тетиву и поразил цель пятью стрелами, не знающими промаха.

Земля вздрогнула от радостных криков, которые огласили площадь. Даже облака, исполненные радости, пролили на землю дождь из цветов. Ликованию народа не было границ. Драупади украсила Арджуну гирляндой победы, и он направился к братьям и матери, увозя с собой эту несравненную красавицу, выигранную в честном воинском состязании.

Оскорбленные воины вскочили в гневе, потрясая оружием:

— Нас пригласили сюда, чтобы выказать пренебрежение! По закону царей и воинов брахман не мог состязаться с нами. Убьем этого старого царя, отдавшего ему свою дочь. Он нарушил древний закон. Он нанес нам смертельную обиду. Убьем его, убьем! А эту красавицу бросим в огонь, раз она не хочет выбрать никого из нас.

Громко крича и потрясая оружием, женихи двинулись к трону старого царя. Испуганные придворные стали пятиться назад, прячась друг за друга. И некому было выйти на бой, чтобы остановить этих царевичей, яростных и неуправляемых. Но вдруг, как разъяренные львы, бросились на них доблестные Арджуна и Бхимасена. Арджуна поднял свой лук, а Бхимасена вырвал из земли огромное дерево и, одной рукой обломав ветви, другой стал крутить его над головой, как булаву.

Видя такую доблесть и силу, женихи остановились, озадаченные.

— Нет, это не брахманы, это не отшельники! — вскричал один из них.

— Да, надетые на них шкуры антилоп скрывают от наших взоров могучие тела воинов! — воскликнул другой.

— Но кто же они, эти доблестные герои? — спросил третий.

— Если они воины, то нет для нас обиды в том, что один из них победил нас, — проговорил четвертый.

И сыновья царей отступили и, уже восхищенные, восхваляли подвиг Арджуны. А пять братьев вместе со своей матерью направились во дворец, чтобы приветствовать царя Панчалы, отца прекрасной Драупади.

Из всех, кто был на этом состязании, только один сразу узнал в пятерых брахманах братьев Пандавов. Кто же это был, чью проницательность не смогли обмануть ни их скромные одежды, ни чаши для сбора милостыни, которые они держали в руках?

Это был Кришна, молодой правитель Двараки, прославленный воин и хранитель добра и закона.

РАССКАЗ О КРИШНЕ

Однажды в далеком и прекрасном городе Матхуре у царицы родился сын Канса, в котором воплотился злобный демон, носивший то же имя. Родители, не зная этого, растили его как царского сына и связывали с ним все лучшие надежды своего сердца. Но на их любовь Канса отвечал грубостью и жестокостью. Еще будучи мальчиком, злоумный бил и мучил детей, игравших с ним, бросал камни в лица придворным и терзал все живое вокруг. Особенно горько было его сестре, Деваки, которая не имела сил защитить себя от обид.

Когда Канса вырос и обрел большую силу, он бросил в глубокое подземелье своего отца и захватил престол. Народ стонал под властью этого жестокого правителя. С утра до вечера совершались казни, на площадях городов не успевала высыхать кровь.

Деваки тем временем выросла и стала невестой одного из знатных молодых воинов. По древнему обычаю старший брат должен выдавать замуж свою сестру, поэтому Канса сам возглавил свадебный пир. Но вдруг до его слуха донесся чей-то голос:

— О безумец, что ты делаешь? Знай, что восьмой ребенок от этого брака принесет тебе смерть.

Страх, охвативший на мгновение душу Кансы, сменился яростью. Он выхватил кинжал и бросился на свою сестру, подобный черной змее, которая бросается на перепуганную птицу. Но муж Деваки упал к его ногам и стал молить о пощаде.

— Я клянусь, всемогущий царь, — сказал он, — что буду отдавать тебе всех наших новорожденных детей. Только пощади эту чистую, эту нежную женщину, которая никому не причиняет зла. Без нее и я не стану жить.

Канса не хотел лишаться храброго и сильного воина и согласился подарить жизнь сестре.

И вот, обливаясь слезами, молодые родители стали отдавать ему сыновей, которые рождались у них. Без всякой пощады Канса своей рукой убивал младенцев, и его душа наполнялась злой радостью при виде их крови и мучений. В живых была оставлена только девочка по имени Субхадра, которая служила единственным утешением матери в ее ужасном горе.

Наконец муж Деваки придумал, как обмануть жестокого царя. При помощи хитрости ему удалось передать восьмого сына жене пастуха, и этот ребенок знатного рода стал расти в деревне, вдали от столицы.

В образе этого мальчика, под именем Кришны, воплотился сам бог Вишну. Кришне назначено было богами уничтожить злобного демона Кансу. Поэтому всемогущие боги наделили его многими волшебными свойствами. Они подарили ему невероятную силу, глубокую мудрость, несравненную красоту и способность менять по желанию свой вид.

Канса скоро узнал, что Деваки утаила от него одного из своих детей. Не зная, где он и как его найти, Канса, исполненный бешенства, повелел убить всех маленьких мальчиков своей страны. Слуги Кансы, не смея ослушаться его приказа, стали отнимать мальчиков у рыдающих матерей и предавать их смерти. Крики и стоны подданных Кансы огласили всю землю. Но он все еще боялся, что носитель его гибели скроется от посланных им слуг. И тогда он созвал демонов, приказал им разыскать Кришну и, употребив все свое зло и хитроумие, убить его.

Кришне еще не было и года, когда к нему прокралась одна из демониц, желая накормить его своим ядовитым молоком. Приемная мать Кришны, пастушка Ясода, ушла в это время доить коров, и младенец лежал один в колыбели, сплетенной из бамбука, и играл погремушкой из маленькой высушенной тыквы. Демоница склонилась над ним и, радостно оскалив длинные кривые зубы, взяла его на руки. Но Кришна, одаренный недетским умом, догадался о ее хитрости и укусил ее с такой силой, что она тут же рассталась с жизнью.

Другой демон подстерег Кришну в лесу, когда мальчику было уже два года. Демон прыгнул на него, хищно растопырив руки с когтистыми пальцами, но Кришна поймал его за ногу и, раскрутив в воздухе, разбил его голову о дерево.

Построчное изображение эпизодов из жизни Кришны (живопись на храмовой завесе)

В третий раз демон принял вид огромной птицы и, черной тучей спустившись на Кришну, схватил его в клюв. Но тело мальчика сразу стало таким горячим, что птица не выдержала и выпустила его. Тогда Кришна разорвал ее пополам.

А когда следующий демон явился в виде удава и проглотил Кришну, мальчик стал расти в животе этой змеи с такой быстротой, что разодрал ее с головы до хвоста.

Таковыми подвигами этот необыкновенный сын Деваки прославился уже в раннем детстве.

Его дни проходили в играх с детьми пастухов. Он вместе с ними пас стада, вместе с ними бродил по лесу и ходил к реке дразнить крокодилов. Он научился так играть на флейте, что, слышав ее звуки, со всех окрестных деревень сбегались пастушки, подобные пчелам, летящим к цветущему дереву. От вечерней зари до утренней они танцевали под луной вокруг Кришны, а он, не зная усталости, извлекал из своей флейты все новые и новые волшебные мелодии.

Когда Кришна достиг юности, никто не мог с ним сравниться в силе и геройстве. Однажды разразился такой проливной дождь, что реки вышли из берегов и гибель грозила всему живому. Тогда Кришна поднял огромную гору и держал ее над землей, как гигантский зонтик, пока не прекратился губительный ливень.

Услышав о том, что доблесть молодого героя растет с каждым днем, Канса решил хитростью заманить его в столицу, чтобы наконец убить его. Он послал ему приглашение прибыть на воинские состязания, Кришна принял это приглашение и направился в Матхуру. Канса повелел сильнейшим воинам своей страны напасть на Кришну и зарубить его мечами, а если они не одержат победы, то выпустить на Кришну бешеного слона, который растопчет его.

Но жалкий Канса не знал истинной силы этого тигра среди мужей. Кришна убил не только воинов и бешеного слона, но лишил жизни и самого Кансу.

Он вернул престол старому отцу Кансы, томившемуся много лет во мраке подземелья, а сам воцарился в соседнем городе, Двараке.

Победив многих врагов, носителей зла, Кришна прославился на весь мир как первый среди хранителей правды и справедливости.

Когда он услышал о состязании женихов, он тоже прибыл в столицу Панчалы. И только он, одаренный высочайшим умом, узнал в скромных брахманах братьев Пандавов. Подойдя к ним, он поклонился их матери и почтил приветствием каждого из них как лучшего среди героев. Он предложил им дружбу, этот сильнейший из воинов земли, и сказал:

— Да сопутствует вам удача во всех подвигах ваших. Да разгорится ваша слава, подобно огню!

Так Пандавы заключили союз с тем, кто не знал поражений, — с блистательным Кришной, исполненным преданности и отваги.

РАССКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ ПАНДАВОВ

Когда настал час совершения свадебной церемонии для луноликой Драупади и Арджуны, придворный жрец царя Панчалы стал готовить торжественный обряд. Он возжег священный огонь и поставил возле него сосуд с маслом для возлияний и сосуд с красным

порошком, чтобы окрасить ноги невесте, и сосуд с зернами риса, чтобы посыпать головы новобрачных. Все колонны дворца были обвиты гирляндами жасмина, сладостный аромат благовонных курений и сандала наполнял воздух.

В это время досточтимая Кунти сказала Арджуне:

— Сын мой, надень лучшие одежды и приготовься обвести свою невесту вокруг священного огня. Да сопутствует вам счастье.

— Прости меня, мать, но я посмею возразить тебе, — ответил Арджуна, склоняясь к ее ногам, — есть древний закон, который повелевает старшему брату вступать в брак раньше младших. Не следует нам, сыновьям царя, нарушать законы и служить дурным примером для подданных. Пусть Юдхишхира возьмет руку Драупади — она по праву принадлежит ему.

— Слова твои исполнены мужества, мой благородный сын, — радостно проговорила Кунти. — Вы все пятеро как одно тело и одна душа, поэтому нет несправедливости в том, что ты завоевал невесту для своего брата. Пусть же свершится бракосочетание по закону предков.

И вот Юдхишхира, одаренный мудростью, стал мужем лото-соокой Драупади. Нежная и безупречная, эта большеглазая красавица взяла на себя обет безропотно делить со своим мужем все невзгоды, которые встретятся в жизни. А он и за ним все его братья поклялись всегда охранять и беречь эту лучшую из женщин и жертвовать собою ради нее.

Когда закончилась свадебная церемония, царь Панчалы богато одарил героев Пандавов. Прекрасные дары прислал им также Кришна, сокрушитель врагов.

Все жители страны, восхищаясь, говорили друг другу:

— Вы видели, в числе даров были одежды из тончайшей ткани!

— Да. И колесницы, покрытые чистым золотом.

— И слоны, подобные горам.

— И рабы без числа.

— И кони в золотых уборах.

— Как хорошо, что у нашего царя появились такие непобедимые союзники.

— Да. Теперь эти прославленные герои будут защищать нашу страну. Нам не страшны никакие враги!

Так восклицали люди, радуясь браку Драупади и приветствуя могучих Пандавов.

Когда весть об этом бракосочетании достигла слуха слепого Дхритараштры, он созвал советников и спросил их, что следует делать.

— Ты, о владыка, должен искупить вину своего сына перед Пандавами, — сказал великомудрый прадед царевичей Бхишма. — Мы оплакивали их гибель в огне, а теперь узнаем, что боги сохранили им жизнь. Призови их в столицу и прими с любовью, ведь это дети твоего покойного брата и правителя государства.

— Следует вернуть им половину царства, ведь это их доля, — промолвил советник Видура.

— Да, не следует с ними ссориться: их союзниками теперь выступят царь Панчалы со своей огромной армией и Кришна, всегда преуспевающий в сражениях, — сказал наставник Дрона.

Юдхишхира

Царь Дхритараштра решил послушаться разумных слов и послал Видуру за Пандавами. И вот этот мудрый советник, который умным советом помог пятерым братьям избежать смерти в огне, с великой радостью в сердце взошел на колесницу и направился в столицу Панчалы.

Пандавы вернулись на свою родину и вместе с Драупади и своей почтенной матерью предстали перед лицом Дхритараштры.

Все жители царства, кроме Дурьодханы и друзей его, таких же злоумных, как он, пели, смеялись, обнимались и плакали от счастья. Казалось, что празднику ликования не будет конца.

Слепой Дхритараштра сказал, обращаясь к Юдхиштхире:

— Внемли моим словам, о добродетельный сын Кунти. Царство наших предков принадлежит нам всем. Заботы наши должны быть направлены на благо наших подданных. Ради процветания царства должен быть мир между нами. Но мою душу печалит воспоминание о раздорах между вами и моими сыновьями. Слушая речи Дурьодханы и его братьев, я не вижу путей к вашему примирению. Поэтому не следует Пандавам жить в одном городе с Кауравами. Да принадлежит вам половина царства, и да будет столицей вашей древний город наших предков Индрапрастха.

Благородный Юдхиштхира склонился к ногам своего дяди и поблагодарил его за справедливое решение. Затем все герои Пандавы, взойдя на колесницы, направили бег своих коней в Индрапрастху.

И вот на месте старого города, который лежал в руинах, они воздвигли новый, великолепием своим затмивший все столицы мира. Он был окружен толстыми стенами и рвом, глубоким, как море. Его белые дворцы были подобны утренним облакам, а сияющие крыши храмов спорили с блеском радуг. Улицы этого города были всегда политы душистой водой, фонтаны, пруды и бассейны распространяли нежную прохладу. Базары были украшены всевозможными товарами, и со всех сторон земли спешили сюда купцы на слонах и на верблюдах. Жители города, одетые в будни так, как в других городах одевались лишь в праздник, мирно трудились, умножая благополучие. Радуюсь благоденствию и счастью, они складывали песни о великой мудрости Пандавов.

Юдхиштхира взошел на трон и стал правителем могучим и несравненным. Он был приветлив в обращении, терпелив, как земля, и щедростью подобен небу. Царство его процветало.

Через год у Драупади родился сын, а на следующий год — еще один, и так пятерых прекрасных сыновей родила эта лучшая из женщин, которая стремилась к счастью всей семьи и была предана своему супругу.

РАССКАЗ О ЖЕНИТЬБЕ АРДЖУНЫ

Однажды Арджуна направился в город Двараку, чтобы встретиться с достоправным Кришной. Из всех Пандавов Арджуна стал самым близким его другом. Оба они были воинами, не знавшими поражений, и знатоками оружия. Оба сияли красотой и благородством и были истинным украшением земли.

Встретившись, они обняли друг друга, как любящие братья, и Кришна отдал своим слугам повеление украсить весь город в честь прибытия этого несравненного героя. Тысячи и тысячи жителей Двараки толпились на улицах, чтобы иметь счастье почтить приветствием этого прославленного героя.

Арджуна и Кришна стали проводить дни свои в охоте и во всяческих наслаждениях. На конях, обгонявших ветер, они скакали по лесам за страшными вепрями, на слонах они преследовали тигров и пешими выходили на соколиную охоту. Их стрелы не знали промаха, а удары кинжалов были как удары молний.

Вечерами, сопровождаемые музыкантами и танцовщицами, они уходили на берег реки и наслаждались купанием. Жизнь в Двараке превратилась в сверкающую цепь праздников и пиршеств.

На одном из празднеств Арджуна увидел прелестную Субхадру, сестру Кришны. Лотосокрая Субхадра, одаренная дивной красотой, приковала к себе взоры этого прекраснейшего из воинов. В толпе подруг она блистала совершенством, подобно голубому лотосу посреди тростника. И вот Арджуна стал забывать об охоте и других уладах и бродил один, тоскуя и думая только о Субхадре.

Субхадра

— Как ты изменился, тур среди царей, — сказал ему Кришна. — Что является причиной твоих вздохов и волнений? Откройся мне, и я дам тебе совет, как устранить твою печаль.

— О хранитель людей, разве ты не видишь всех совершенств твоей сестры? Ведь достаточно встретить один ее взор, чтобы навеки сковать себя красотой ее глаз. Как я могу теперь жить, не имея уверенности в том, что она станет моей супругой? — отвечал ему Арджуна, вздыхая.

— Если такова причина, то горя нет больше у тебя. Моя сестра тоже бросает на тебя взгляды любви. А что до меня, то я буду счастлив соединиться с тобой узами родства.

— Твоя речь для меня как второе рождение! — воскликнул Арджуна. — Я буду просить ее руки.

— Но только знай, — сказал Кришна, — что ее хотят выдать замуж на состязании женихов. Поэтому, если ты не желаешь больше ждать, тебе следует поступить, как поступают воины, — похитить девушку и увести с собой на колеснице.

— Да. Мое сердце охватывает невыносимая печаль, когда я вижу, что в Двараку стекаются женихи. Ты прав, пора мне вспомнить, что ожидание — это не занятие для воинов, — решительно проговорил Арджуна.

И вот, узнав, что Субхадра пошла со своими подругами и многочисленной стражей в рошу на горе, чтобы полюбоваться цветущими лианами, этот лев из рода Бхараты ринулся вслед за ними на своей золотой колеснице.

— О подружки, не гроза ли приближается? — с волнением обратилась Субхадра к девушкам, окружавшим ее,

подобно рою золотистых пчел. — Вы слышите, милые, грохот, который сотрясает небо и землю?

И не успела она, нежная и робкая, проговорить эти слова, как стража ее в ужасе разбежалась, бросив оружие, а к ней подлетела колесница Арджуны. Герой в сверкающих доспехах, подобный огню, сдержал жарких коней и мгновенно подхватил на руки Субхадру. Когда опомнились все, кто был с нею, быстролетной колесницы не видно было и следа и только из-за дальних гор долетал замиравший грохот, подобный отзвуку уходящей грозы.

Прибыв в свою столицу, Арджуна ввел во дворец эту стыдливую красавицу, и она почтительно приветствовала мать своего мужа, всех его братьев и царицу Драупади.

Обрадованная Драупади сердечно обняла ее как дорогую сестру и сказала:

— Пусть никогда не будет врагов у твоего мужа.

Субхадра ответила ей:

— Пусть и царя Юдхиштира не коснется злая воля недоброжелателей.

Подружившись со всеми, Субхадра стала счастливо жить во дворце Пандавов. Вскоре прибыл туда и Кришна и привез множество богатых свадебных подарков для своей сестры.

Во время свадебного празднества все жители города были одарены неисчислимыми богатствами и в радости прославляли щедрость Пандавов.

В день, назначенный благоприятной судьбой, у Субхадры родился сын Абхиманью. И от великого счастья Арджуна роздал всем жителям своей страны золотые украшения и ткани, коней и коров.

Беседа женщин в покоях дворца

*Кто следует всегда путем закона,
Награду в этой жизни получает
И радуется сердцем, пожиная
Плоды хороших помыслов и дел.*

*Кто отклонился от пути прямого
Под властью заблуждений и ошибок,
Но все же вновь душой вернулся к правде,
Тот тоже будет в жизни награжден.*

*Но кто, забыв закон и справедливость,
Идет путем попраiania добра,
Упорно отвергая голос чести,
Того проклятия и забвенье жадут.*

Дурьодхана все время посылал лазутчиков в Индрапрастху. Он наблюдал за каждым шагом Пандавов, узнавал про их встречи с правителями других стран, следил за их речами, старался проникнуть взором даже в их мысли. Он не расставался с мечтой лишить их

царства и вновь ощутить себя полновластным владыкой земли. От злой досады он до крови кусал себе губы, слыша, что жизнь в столице Пандавов прекрасна, как лесное озеро, покрытое цветущими лотосами. Но он тут же старался успокоить себя: «Пусть будет так. Я знаю, что это ненадолго. Я найду пути к тому, чтобы лишить их счастья. Время подскажет, как мне надо поступить, чтобы достичь свершения своих надежд».

РАССКАЗ О ПРИНЕСЕНИИ ВЕЛИКОЙ ЖЕРТВЫ

После многих лет счастливого правления Юдхиштхира достиг великой силы и подчинил себе многих царей, которые правили без знания закона и проводили годы свои в распрях и войнах. Слава о нем, подателе счастья и укротителе зла, гремела по всей земле.

И однажды Кришна сказал ему:

— О достойный, не настало ли время именовать тебя царем царей? Не пора ли тебе собрать к своему двору правителей всех стран, в их кругу принести торжественную жертву богам, которая означает, что ты будешь владыкой мира? Взгляни, сколько беззакония творится в чужих царствах, сколько людей гибнет во время ненужных войн, сколько городов лежит во прахе. Добровольно подчинившись тебе, все эти цари подчинятся правде, в их землях воцарится мир, и им будет сопутствовать процветание.

— Эти слова исполнены мудрости, — сказал Арджуна, обращаясь к Юдхиштхире. — Если ты станешь царем царей, слава нашего рода умножится, а твои подданные по всей земле обретут мир и счастье.

— А если кто-нибудь из царей не захочет тебе подчиниться, не желая блага для своего народа, мы убьем этого непокорного, — добавил могучий Бхимасена.

— О да, такая участь, должно быть, постигнет Джарасандху, — согласился с ним Кришна. — Этот низкий духом и презренный царь, будучи одарен великой силой, захватил многие страны, а правителей убил или заточил в подземелье. Он похищает чужие богатства и увозит чужих жен. Если на земле не ста-

Святой отшельник

нет этого злодея, всем подданным его будет казаться, что наступил великий праздник.

— Тогда мы немедленно направимся в его столицу и лишим его жизни, — с жаром воскликнул Бхимасена, потрясая булавой.

— Его не так легко убить, — промолвил Кришна, — он обладает чудесным даром избегать смерть. Поэтому никто из великосильных царей не смог победить его.

— Расскажи нам о нем, — попросил Юдхистхира.

И Кришна поведал им историю Джарасандхи.

— Отец этого низкого был долгое время бездетен. Ради того чтобы боги даровали ему потомство, он ушел со своими двумя женами в лес, в обитель святого отшельника, и стал просить этого старца принести богам жертву.

Во время принесения жертвы с дерева упал плод манго, зрелый и сочный. Отшельник, исполненный глубокой мудрости и знающий причины всех вещей, подал царю этот плод и повелел ему угостить обеих жен. И сказал при этом, что сына, который появится на свет, нельзя будет убить никаким оружием. Царь разделил плод манго на две равные части и отдал их этим двум царицам.

По прошествии времени обе царицы родили детей, но вместо радости царя обуяла великая печаль. Каждый из этих детей состоял лишь из одной половинки и был лишен дыхания, слуха, зрения и способности двигаться. Пораженные горем царицы призвали рабыню и повелели ей завернуть эти половинки в куски ткани и выбросить на улицу. Рабыня сделала, как ей

сказали, и вернулась во дворец. Но глубокой ночью по улицам этого города пробиралась голодная ракшаска, которая жаждала человеческого мяса. Она нашла одну половинку ребенка и, подумав: «Не буду его есть, пока не найду другую», стала жадно смотреть вокруг. Неподалеку она заметила то, что искала, и, бросив на землю обе половинки вместе, приготовилась их съесть. Но вдруг у нее на глазах они соединились, и перед ней предстал ребенок, отмеченный знаками царского рода. «Какое великое чудо! — подумала ракшаска. — Но что же мне делать? Если я съем этого младенца, то его отец сожжет лес, где мы обитаем, и весь мой род погибнет в огне. Лучше я отведу его утром во дворец». Так она и сделала. Обрадованный царь богато одарил ракшаску и взял на руки своего сына, призывая на него благословение богов. И вот этот мальчик стал расти во дворце, питаясь молоком двух матерей и обретая от этого большую силу. Но в то же время, будучи как бы вторично рожден ракшаской, он обрел и злую душу. Когда он возмужал и стал править страной, он избрал путь беззакония и зла и поступал так, как я уже вам рассказал, почтенные, — закончил достославный Кришна свой рассказ.

— К чему медлить, следует сейчас же сразить его! — воскликнул Арджуна.

— О, уже не раз в битве его разрубали мечом, но части тела снова соединялись, как при его появлении на свет, и он оставался невредимым, — сказал Кришна. — Его нельзя убить при помощи оружия.

*Царь-полуракшас
был груб и зол*

— Тогда я убью его голыми руками, — решил Бхимасена и сразу же направился к своей колеснице.

Вместе с ним поскакали к Джарасандхе и неразлучные друзья — Кришна и Арджуна. Достигнув его царства, они вошли во дворец через боковые ворота и предстали перед глазами этого жестокого правителя. Джарасандха встретил этих львов царского рода как почетных гостей и предложил им угощение, но они отвергли его. Он обратился к ним со словами приветствия, но оба Пандава ответили ему молчанием, не желая осквернять свои уста ложным приветом. Видя, что Джарасандха выражает удивление, Кришна, искусный в речах, сказал ему:

— О царь, эти двое соблюдают обет молчания до полуночи. Поэтому повели указать им покои, отведенные для гостей.

Ровно в полночь Джарасандха пришел, чтобы спросить: «Кто вы?» Молчать дальше было нельзя, и они ответили:

— Мы враги твои, и поэтому вошли через боковые ворота и не приняли твоего угощения. Мы пришли убить тебя за твое беззаконие, за то, что ты разоряешь чужие страны, а пленных царей приносишь в жертву богам. Готовься к борьбе и укажи, с кем из нас ты хочешь сразиться.

Джарасандха, гордый и не знающий страха, избрал могучерукого Бхимасену. Борьба началась без промедления. Как два слона в весенней битве, сошлись эти два воина, одаренные нечеловеческой силой. С грохотом они падали на землю, как огромные скалы, и снова шли друг на друга, как разъяренные львы. Тринадцать ночей и тринадцать дней бились они, и ни один из них не мог одолеть другого. На четырнадцатый день Джарасандха стал являть знаки усталости. Кришна сказал тогда Бхимасене:

— Теперь пора!

И Бхимасена, собрав все силы, схватил Джарасандху за ноги, раскрутил его над головой, бросил на землю и переломил его пополам. Так погиб владыка неправды, шедший по пути зла.

Освобожденные из заточения цари, воины и простые люди в великой радости благословляли благородных героев, принесших им спасение, и обещали быть их друзьями в мирной жизни и союзниками в боях.

Все на земле были охвачены счастьем, и один только царь опечалился гибелью этого злодусного. Это был Шишупала, друг Джарасандхи, имевший такой же нрав. Он затаил в глубине своего сердца ненависть к Пандавам и Кришне и решил, что дождет часа причинить им зло или опозорить их.

Убив Джарасандху, эти герои, неистовые в сражениях, вернулись в город Индрапрастху. Там все готовились к принесению Великой Жертвы, после которой Юдхиштхира станет царем царей и к подножию его трона склонятся венцы других владык. Со всех концов земли стекались сюда правители разных стран и народов, чтобы выразить свою преданность царю справедливости, который дарует счастье своим подданным. Во дворец этого защитника народов прибыли и все Кауравы вместе с почтенным старым Бхишмой, наставником Дроной и многими друзьями и соратниками. Прибыли и Карна, и злонаправный Шишупала, и многие другие.

Пандавы приветствовали всякого, кто приходил, как гостя и оказывали всем знаки наивысшего внимания. Каждому были поданы вода для омовения, свежие одежды, надушенные сандалом, и медовая еда для услаждения вкуса.

Когда собрались все цари, Юдхиштхира обратился к Кришне со словами, прославляющими его величие, подвиги и силу. И все, кто был в этом собрании царей, соглашались с тем, что Кришна подобен богам и озаряет весь мир сиянием своих достоинств.

Один только царь Шишупала вскочил со своего места и прервал речь хранителя закона.

— Почему это, — закричал он, — ты, неумный, стал первым славить этого пастуха? Разве нет здесь царей, которые выросли во дворцах, во всем блеске славы и царских подвигов? Почему, о цари, здесь оказывают ему предпочтение? Мы с детских лет скакали на конях и изучали законы, а он пас коров и играл на флейте. Что же вы молчите, разве не видите, что нас собрали сюда, чтобы подвергнуть оскорблению?

И вот в этом собрании владык поднялся шум, подобный шуму битвы. Все закричали, размахивая руками и потрясая оружием. Одни возмущались словами Шишупалы и восхваляли Кришну, другие обвиняли Юдхиштхиру в непочтении к своим гостям.

Видя это, Юдхиштхира обратился к Бхишме, старейшему в роде:

— Видишь, досточтимый, это море царей во гневе. Скажи, что я должен сделать, чтобы ничто не нарушило принесения Великой Жертвы?

— Взгляни, Кришна спокоен, и вся величайшая мощь его как бы охвачена сном, — ответил Бхишма. — Поэтому и враги его смеют рычать, подобно собакам вблизи спящего тигра. И этот бездушный Шишупала до тех пор будет львом, пока Кришна не двинет хотя бы одним пальцем. Поэтому будь тоже спокоен и не опасайся раздоров.

Царь Шишупала был груб и заносчив. Он дерзко сказал почтенному Бхишме:

— Эй ты, старик, ты же глуп! Ты позоришь свой род. Те, среди которых ты главный, похожи на слепых, бредущих за слепцом. Как ты смеешь восхвалять Кришну, жалкого пастуха? Что особенного он совершил? Ты много болтаешь, а дела твои далеки от твоих слов. Ты похож на гуся, о котором я слышал еще в детстве. Он учил морских птиц делать добро и тащить для него рыбу из моря. А сам, когда они ныряли в волны, поедая их яйца, лежавшие на берегу. И знаешь, что птицы с ним сделали? Убили. Запомни это, нижайший среди живущих на земле, и никогда не болтай зря.

Услышав эту речь, Бхимасена, лучший среди сильных, разгневался так, что глаза его стали красными, как угли, а между бровями залегли морщины, глубокие, как реки. Он в гневе замахнулся на дерзкого. Но старый Бхишма схватил его за руки, стараясь удержать, и проговорил:

— Нет, Бхимасена, не ты убьешь этого волка среди людей. Другой сделает это. Ведь когда Шишупала появился на свет, у него было четыре руки и три глаза. Его мать горевала и

Шишупала

плакала, видя такое уродство. Но однажды она услышала чей-то волшебный голос, который говорил ей: «Не плачь. Ведь твоего сына никто не сможет убить. Во всем мире есть только один человек, способный его поразить». «О, как же мне узнать того, кто опечалит мое сердце?» — спросила мать Шишупалы. «А вот как, — ответил голос. — Скоро в твой дворец соберутся гости со всей земли. Ты должна посадить сына на колени каждому из них. И когда ты увидишь, что две его лишние руки упадут на землю, а третий глаз исчезнет с его лица, запомни того, кто будет держать его в это время на коленях, — он станет его убийцей». И неведомый голос умолк. А мать Шишупалы все так и сделала. И узнала, что ее сын падет от руки всесильного Кришны, над которым он сейчас смеялся, называя его жалким пастухом.

Услышав этот рассказ, Шишупала вскочил, подобный яростной кобре, и закричал, глядя на Кришну горящими глазами:

— Вызываю на бой тебя и всех тех, кто здесь славит тебя, недостойного!

Миг — и всех ослепило сверкание остро отточенного диска в руке у Кришны. Еще миг — сияющую линию прочертил в воздухе этот диск, и обезглавленный Шишупала рухнул на землю, как огромный утес, сраженный молнией.

И все поняли, что свершилось дело справедливости. Почтив глубоким поклоном Юдхиштиру, хранителя знаний, Бхишму, мудрейшего среди мудрых, и Кришну, который очищает землю от зла и беззакония, цари успокоенно опустились на сиденья, украшенные золотом, и Великая Жертва была принесена в соответствии с древним законом.

Чакра на пальце Вишну — знак солнца и оружие (рисунок С. Потабенко)

РАССКАЗ О НОВОМ ЗАГОВОРЕ

После совершения Великой Жертвы все цари покинули город Индрапрастху и разъехались по своим странам. Уехали и Кауравы. Дурьодхана же, стремясь насытить свою зависть, остался на некоторое время во дворце Пандавов. Он рассматривал дивные картины, написанные на стенах и изображавшие великие и неподражаемые подвиги древних героев. Он любовался придворными танцовщицами, которые знали сто тысяч красивых движений рук и тысячу красивых поворотов головы. Он подсчитывал, сколько драгоценных камней украшают окна и балконы, сколько золотых светильников расставлено в покоях, сколько коней и слонов привязано в стойлах. Он думал: «Если бы все эти богатства принадлежали мне, мне одному, то цари всей земли пришли бы склониться к моим ногам, а не к ногам Юдхиштиры. И эта гордая Драупади, которая сейчас приветствует меня только сложением ладоней и не произносит ни слова, услаждала бы мой слух нежным пением и была бы покорна мне, как рабыня».

Такие недобрые мысли сопровождали каждый его шаг.

Еще большая злоба обуяла его сердце, когда однажды он сделался посмешищем для Пандавов и всех, кто окружал их.

Это было так. Бродя по всем покоям дворца, он увидел, что в одном из них вместо пола был бассейн с прозрачной водой, источавшей прохладу. Он приподнял края одежды и вступил в эту воду, желая охладить разгоряченные стопы своих ног. Но вместо воды он встретил твердую и скользкую поверхность хрустального пола и еле удержался от падения, изогнувшись, как удав. Все, кто был там, рассмеялись, видя, как извивается и машет руками этот спесивый царь, который всегда ходил важно, как верблюд.

Дурьодхана, исполненный гнева и стыда, быстрою походкой ушел в сад, желая скрыться от всех. Стремительно пробегая по дорожкам, он снова увидел перед собою хрустальное озеро, возле которого лежал в траве Бхимасена, раскинув по сторонам могучие руки, подобные ветвям огромного дерева. Там же предавались отдыху и другие Пандавы в тени тамариндов. Желая показать им, что его обмануть невозможно, Дурьодхана уверенно ступил на сверкающую поверхность и тотчас же с громким плеском упал в воду, потому что это было настоящее озеро.

От громоподобного хохота Бхимасены вздрогнули облака на небе, а смех Арджуны был подобен звону горного потока. Рассвирепевший Дурьодхана ринулся обратно во дворец и с размаху ударился головой о хрустальную дверь, которая была прозрачна, как воздух, и невидима для глаза. От этого удара дверь распахнулась, и царь Кауравов, пробежав по залу, снова увидел перед собой такую же дверь. Он вытянул вперед руки и попытался изо всех сил толкнуть ее, но тут же упал, растянувшись во весь рост, потому что дверь была широко открыта. Преследуемый смехом слуг и рабов, Дурьодхана, не помня себя от ярости и унижения, сразу же покинул Индрапрастху и направился в свою столицу.

От ненависти к Пандавам душа его высохла, как мелкий пруд под солнцем. Он метался по своему дворцу, подобный тигру в бамбуковой клетке, и жаждал только одного — отомстить своим двоюродным братьям, лишить их богатства, величия, славы, лишить всего, что они имеют.

В эти дни гостем Кауравов был их дядя, Шакуни, нравом подобный Дурьодхане. Много раз уже он подучивал своего племянника совершать разные злые поступки и стал первым его советником во вражде с Пандавами.

— О дядя, я не могу больше так жить, — стал жаловаться ему Дурьодхана, — я не могу этого вынести. Я брошусь в огонь или в воду или выпью яд. Какой же истинный муж сможет спокойно взирать на процветание своих врагов?! Кто может без страдания видеть их успехи и вспоминать о своих неудачах?! Что предпринять, чтобы победить Пандавов?

— Не надо думать о победе, — ответил хитрый Шакуни, — ты уже много раз пытался их победить, но судьба была всегда благоприятна к ним. Ты даже хотел перехитрить их, помнишь? Пытался поссорить их друг с другом, подкупить, убить по одному этих могучих героев. Но разве увенчал успех эти твои намерения? Помнишь, как твой друг, пылкий

Злоушие врага
(рисунок
С. Потабенко)

Карна, говорил тебе: «Не медли! Действуй скорее, пока нет у Пандавов многих друзей и непобедимого войска. Сокруши их силой, пока они не окрепли. Помни, что доблесть является законом воинов». Но ты не внял словам Карны, и это было правильно, потому что силой Пандавов не одолеть.

— Но как, как я должен поступить теперь, чтобы завладеть всем царством? Ах, зачем отец послушался советов старого Бхишмы и Видуры? Если бы мы не отдали Пандавам половины царства, разве смогли бы они обрести такое могущество? — горестно сетовал Дурьодхана.

— Я знаю способ победить великославного Юдхишхиру, не вступая с ним в битву, — проговорил Шакуни, наделенный хитростью старой лисицы.

— Ты даруешь мне жизнь, о лучший среди живущих, — вскричал Дурьодхана. — Скажи, о, скажи скорее, что это за способ и что нам всем следует делать?

Шакуни сказал:

— Все вы забыли о том, что у царя Юдхишхиры, мудрейшего и справедливейшего, есть одна слабость. Воспользовавшись ею, мы сможем заставить его покориться тебе.

— О, не медли, говори скорее. Нетерпение разрывает мне сердце. В чем состоит эта слабость? — торопил его Дурьодхана.

— В том, что он любит играть в кости. Эта игра из всех игр разрешена законом каждому воину, и нет худа в том, чтобы играть. Но царь справедливости играет честно, и в этом его слабость. Всему миру известно, что я всех обыгрываю в кости. Не спрашивай меня, как я это делаю, но нет мне равного ни среди людей, ни среди богов. Я могу обыграть и Юдхишхиру, уверься в этом без всякого сомнения.

— Это великое счастье и радость, и надо сделать именно так! — вскричал Дурьодхана в безмерном восторге. — Но кто же призовет сюда Юдхишхиру? Постоянно оскорбляемый мною, он не примет моего приглашения.

— Следует упросить твоего отца сделать это. Юдхишхира всегда отвечает почтением и согласиём на каждую просьбу своего слепого дяди, — посоветовал Шакуни.

И вот оба эти злоумные направились в покои старого царя Дхритараштры.

— Вот перед тобой, о царь царей, твой старший сын, — начал Шакуни. — Лицо его покрыто бледностью, как вершина Гималаев — снегами, взгляд его погас, как огонь, залитый водой, а грудь его разрывают вздохи и рыдания.

— О, что же является причиной такого страшного горя? — в беспокойстве спросил старый Дхритараштра. — Может быть, кто-нибудь обидел моего наследника или прогневил его?

— Нет, владыка земли, не в этом таятся корни зла, которые губят жизнь твоего сына. Одно желание овладело его душою, и, если оно не исполнится, он не переживет этого, — продолжал Шакуни.

— Да-да, отец, — подхватил Дурьодхана, — если ты не захочешь помочь, я лишу себя жизни.

— Я все готов сделать, чтобы утешить тебя, сын мой, но скажи скорее, что может подержать твою жизнь?

— Я хочу сыграть в кости с великославным царем Юдхишхирой. Вели гонцам скакать за ним не медля.

— Если это принесет тебе радость, я даю свое согласие. Пусть сегодня же начнут строить зал для игры. Это здание должно быть украшено резьбой, чтобы радовать сердце своим видом. И пусть будут отправлены гонцы к царям других стран, дабы выразить им почтение и пригласить посмотреть на эту игру.

Не успел старый Дхритараштра закончить свою речь, как уже послышались удары молотков каменотесов, а из ворот города вышла длинная вереница слонов. Погонщики, сидевшие на их головах, направили слонов к лесу, чтобы привезти розового и черного дерева, душистого сандала и гибкого бамбука. Во все стороны поскакали гонцы, вздымая пыль на дорогах. По всему царству пошла молва о том, что скоро прибудет благородный Юдхиштира, чтобы принять участие в игре в кости.

Дурьодхана был счастлив, что обратился к советнику, который умеет сплетать речи и мысли свои так хитро, как рыбак сплетает сети из волокна пальмы.

*Кто, извиваясь, ползет по жизни,
Стремясь обманом насытить жадность,
Тот хочет хитрость свою умножить
На злые мысли себе подобных.*

*Зимю змеи друг друга греют,
Шакал с шакалом заводит дружбу,
За ланью волки несутся стаей,
И ворон с вороном мясо делит.*

РАССКАЗ ОБ ИГРЕ В КОСТИ

Когда зал для игры был уже почти возведен, Дурьодхана пришел к царю, чтобы подготовить его к тому, что играть должен будет Шакуни.

— О мой милый сын, — приветливо встретил его Дхритараштра, — радуется ли твоя душа? Ведь скоро ты сможешь показать свое искусство в игре в кости.

— Меня радует, что выстроен такой красивый зал для этой игры, — уклончиво ответил ему Дурьодхана. — Но разве этого достаточно, чтобы унять неутихающую боль моего сердца?

— Почему же ты снова жалуешься? Ты уже почти достиг свершения своих желаний. Скоро прибудет сюда Юдхиштира, и вы порадуете мою душу своей братской встречей в этом зале.

— Ах, отец мой, разве могу я встретить его по-братски? Братья должны быть равны друг другу, и между ними не должно быть зависти. А перед моим взором все время стоит необыкновенная роскошь, которую я видел в Индрапрастхе.

— Да зачем же тебе чужие богатства? Ведь ты имеешь все, что имею я, — пытался его уговорить слепой отец.

— Нет, я не могу забыть, какие дары получил Юдхиштира от царей, собравшихся на Великую Жертву. Я не могу забыть тысячи отборных слонов, каждый из которых был покрыт сеткой из чистого золота! Я не могу забыть тысячи тысяч коней в сбруе, украшенной бирюзой! И стада быков с позолоченными рогами! И сосуды с благовонными маслами, и бесценные украшения! И оружие, о котором могут только мечтать лучшие из воинов!

— Но где же пути к таким богатствам? — спросил старый слепой царь. — Может быть, нам тоже следует устроить для тебя торжественное жертвоприношение и призвать на него многих царей из других стран? Тогда и твои богатства умножатся.

— Нет, отец, — воскликнул Дурьодхана, — этого никогда не будет, потому что все великомошные цари уже выразили свою покорность Юдхиштхире. Как же они теперь придут склониться к нашему трону? Ты должен помочь мне. Ведь твоя жизнь привязана к моей, как одна лодка к другой. Моя гибель и ослабление Кауравов будут гибелью и для тебя, и для всего нашего рода.

— Но что же надо делать, скажи мне, — печально проговорил Дхритараштра.

— Ты должен разрешить Шакуни сыграть в кости с Юдхиштхирой. Он прославился своей ловкостью в этой игре, и он победит моего брата и выиграет у него все его достояние.

— О, если этим я помогу тебе, то я согласен. Скажи Шакуни, что я прошу его оказать нам честь и играть от нашего имени.

Когда Юдхиштхира, этот лучший из знатоков закона, получил приглашение прибыть к Кауравам, он задумался. Сердце подсказывало ему, что не следует принимать это приглашение, но, по обычаю воинов и царей, нельзя было отказать от вызова на игру. После долгих колебаний он взмолился на колесницу и вместе с братьями и Драупади направился во дворец Дхритараштры.

Войдя в собрание царей, он с почтением приветствовал всех и сел на ковер в центре зала, где уже была приготовлена доска для игры. Шакуни сел против него и обратился к нему со словами предостережения, желая развеять в нем страсть игрока:

— О царь, ты являешься носителем мудрости и отваги, ты должен решить, что нам делать. Ведь не всякий игрок может спокойно вынести удары проигрышей и радость побед. Они сотрясают душу, как гроза сотрясает дерево. Может быть, ты не будешь играть?

— Я не рассчитываю на победы и не опасаясь поражений. Осуждение постигает только тех, кто играет бесчестно. Поэтому пусть начнется игра в соответствии с правилами.

— Но готов ли ты играть до конца? Ты ведь знаешь, что стремление к победе может заставить нас продолжать игру до тех пор, пока один из нас не лишится всего, что имеет.

— Да. Я приехал в это блестящее собрание царей не для того, чтобы отступать, не доведя игру до конца. Пусть она начнется.

И игра началась.

— Что ты ставишь, о царь земли? — спросил Шакуни.

— Вот этот золотой убор, усыпанный отборным жемчугом, — ответил Юдхиштхира.

Загремели кости, брошенные ловкой рукой Шакуни, и в первый раз раздалось его восклицание:

— Я выиграл!

— Я ставлю сосуды с драгоценностями, которые хранятся в моей сокровищнице, — сказал Юдхиштхира.

И вскоре во второй раз раздался голос Шакуни:

— Я выиграл!

— Я ставлю мою колесницу, украшенную алмазами, и восемь коней с серебряными копытами.

И в третий раз все услышали тот же голос:

— Я выиграл!

— Я ставлю тысячу тысяч рабов, молодых и сильных и способных к любой работе.

И снова:

— Я выиграл!

— Я ставлю тысячу слов, которые обучены сокрушать стены вражеских городов и не боятся шума битвы. Они выносливы и непобедимы.

— Я выиграл!

— Я ставлю всех воинов моей армии и все колесницы, на которых они сражаются.

— Я выиграл!

— Я ставлю свой дворец и все сокровища, которые хранятся в нем.

— Я выиграл!

И вот все, кто был в собрании, заволновались и зашумели и стали вскрикивать, видя, что Юдхиштхира, этот светоч правды, идет к своей гибели из-за хитрости Шакуни. А мудрый советник Видура обратился к слепому царю:

— О владыка царей, почему же ты не повелишь прекратить эту игру, которая губит величайшего из царей земли? Разве ты не постигаешь умом того, что это рано или поздно приведет к гибели всех Кауравов? Если бы ты мог видеть, как покраснели сейчас от гнева глаза Арджуны, непобедимого в сражениях, и как сжимает кулаки Бхимасена, который страшен всем живущим на земле! А младшие Пандавы, близнецы Накула и Сахадева, уже схватились за мечи. Пожалей собственных сыновей, повели прекратить игру.

Услышавший эти слова Дурьодхана, который весь дрожал от радости и нетерпения, быстро заговорил:

— Отец, отец, не слушай этого советника. Ведь он был другом царя Панду, а после его смерти всегда вступает за Пандавов. Давно бы следовало выслать его из нашей страны, а ты прислушиваешься к его речам. Как может грозить гибель тем, кто выигрывает такие огромные богатства? Сегодняшний день отмечен счастливым сочетанием звезд, он принесет нам успех и процветание, а не гибель. Не слушай Видуру, отец.

Но Видура продолжал:

— Вспомни, о царь: когда родился этот твой старший сын, он стал сразу кричать, как шакал. И все говорили, что он приведет весь свой род к упадку и истреблению. Это шакал в образе Дурьодханы живет в твоём дворце. Не слушай его, останови игру.

— Нет-нет, отец, — вскричал Дурьодхана, — пусть игра продолжается!

И игра продолжалась.

— Что же ты еще поставишь, о царь? Не пора ли тебе признать свое поражение и уйти с позором? — спросил Шакуни.

— Я ставлю свое царство со всеми его жителями и всеми богатствами.

Роковая игра в кости

Все, кто созерцал игру, перестали дышать и глазами, исполненными ужаса, смотрели на Юдхиштиру. В полной тишине ударились кости о доску.

— Я выиграл! — раздался торжествующий голос Шакуни.

Дурьодхана вскочил со своего места и затопал ногами от счастья. Он обводил всех сверкающими глазами и хвастливо поворачивался во все стороны.

«Брат проиграл все, что мы имели, — подумал Бхимасена, — но я верну это в первом же бою».

«Ничего, все это не так страшно, — подумал Арджуна. — Пока мы вместе, мы снова обретем свое счастье».

— Что же теперь сможет поставить этот нищий? — вскричал Дурьодхана, показывая пальцем на Юдхиштиру, у которого кровь отхлынула от лица. — В чем теперь его богатство? Все слышали — он сказал, что не отступит до конца игры. Что же он поставит?

И тут раздалось слова Юдхиштиры, от которых дрогнуло сердце у всех собравшихся в этом зале:

— Мое богатство — это мои братья. Я ставлю младшего из них, этого красавца Накулу, который обладает гневом льва и силой молодого буйвола.

— Я выиграл! — вскричал Шакуни. — Отныне этот Накула — наш раб. Что ты еще имеешь?

— Я имею еще одного младшего брата — Сахадеву. Он так же безупречно владеет мечом, как Накула, и обучен всем законам царей. Я ставлю его.

Проиграв и второго брата, Юдхиштира погрузился в глубокое раздумье. По обычаю воинов он не мог отказаться от игры, пока имел хоть какое-нибудь достояние. Страшная судьба, на которую он обрекал своих близких, нависла над ним как черная туча, и он не видел пути к спасению.

— Ну, что же ты? — насмешливо спросил Шакуни. — Я уже начинаю сомневаться, отдашь ли ты все проигранное. Ведь азарт опьяняет игроков, и часто они не отвечают за свои слова. Все ли ты уже проиграл, что имеешь?

— Нет, не все, — с горьким достоинством ответил Юдхиштира, всегда преданный правде. — Я ставлю теперь несравненного знатока оружия — Арджуну. Его, который подобно опытному лодочнику, всегда благополучно переправлял нас всех через бурные океаны битв. Нет ему равного по ловкости и отваге. Его я ставлю.

И тут же Шакуни выиграл Арджуну.

— Я ставлю последнее, что имею, — Бхимасену, этого сокрушителя врагов. Нет среди живых никого сильнее этого слона из рода Бхараты. Его я должен теперь поставить. Бросай кости.

— Я выиграл, — раздался голос Шакуни в мертвой тишине. — Что ты ставишь теперь?

— Я ничего больше не имею. Мне ничего больше не принадлежит. Только я сам принадлежу себе. Я ставлю себя. Если ты и на этот раз выиграешь, я готов делать все, что должен делать тот, кого проиграли.

Шакуни бросил кости, и кольцо несчастья замкнулось вокруг благородного царя Юдхиштиры.

— О, какой великий грех ты совершил, — насмешливо сказал Шакуни, — ты проиграл самого себя. И зачем же ты избрал путь такого низкого падения, если у тебя еще имеется собственность?

— У меня ничего нет. Я никогда не осквернял ложью свои уста, верь мне — у меня ничего больше нет.

— Как это — ничего нет? Разве ты забыл про Драупади, про эту гордую дочь царя Панчалы, твою жену? Разве жена не является собственностью мужа? Может быть, она принесет тебе счастье, и, поставив ее, ты сможешь отыграть себя и своих братьев и все свое состояние?

Стон ужаса пролетел по залу. Все ждали, что же ответит Юдхиштира, всегда соблюдающий закон.

— Хорошо, — сказал Юдхиштира, — я ставлю Драупади. Моей ставкой является эта женщина, глаза которой подобны лепесткам осеннего лотоса. Она одарена всеми совершенствами и всеми добродетелями женщин. Она подарила мне пятерых сыновей. Нет ничего прекраснее ее на земле. Я ставлю ее, пусть совершится игра.

— Я выиграл! — в последний раз вскричал Шакуни и отбросил в сторону уже ненужные кости.

— Какое горе! Какой ужас! Какой позор! — стали восклицать цари, собравшиеся там.

Советник Видура закрыл лицо руками и зарыдал, как будто охваченный безумием. Старый яраод! Бхишма низко опустил голову, точно позор этой игры пал и на его седины. Наставник Дрона готов был выколоть себе глаза, те глаза, которые видели, как его любимые ученики, его гордость, его непобедимые Пандавы, были проиграны, как рабы, и сами превратились в рабов. И только Дурьодхана и его друг Карна победно хохотали, обходя Пандавов кругами, точно хищные птицы.

Так закончилась эта страшная игра в кости, которая принесла разорение Пандавам, этим лучшим среди лучших потомков Бхараты. Но ни благородный Юдхиштира, ни его братья не выдохнули даже слова сожаления о своих утратах.

*Лишь тот, кто душою мелкой
К дарам богатства привязан,
Будет безмерным горем
Охвачен, его лишившись.*

*А тот, кто умом высоким
Постигнет вешей причины,
Спокойно встретит удары
Изменчивой вечно судьбы.*

РАССКАЗ ОБ УНИЖЕНИИ ДРАУПАДИ

Дурьодхане не терпелось унижить Драупади, которая так долго им пренебрегала.
— Пусть приведут сюда эту гордую жену Юдхиштиры! — вскричал он. — Пусть она подметет здесь пол.

Мудрый Видура не выдержал.

— О низкий! — воскликнул он. — Разве ты не понимаешь, что грубыми своими словами ты опутываешь сам себя, как веревками? Разве ты не видишь, что навлекаешь на свою голову гнев разъяренных тигров? Ты получил плоды этой игры подобно бамбуку, который плодоносит только перед своею смертью. Ни один истинный воин не станет оскорблять побежденного противника. Ты, как удав, заглотал богатство Пандавов, но оно разорвет тебе грудь, когда его будут извлекать обратно. Твое бесчестие является дорогой в ад, и на эту же дорогу ты увлекаешь всех Кауравов. Остановись хоть сейчас, не умножай своих злых дел.

Но умные речи не задерживаются в памяти тех, кто не желает их слушать.

— Ступай немедленно, — приказал Дурьодхана своему вознице, — и приведи сюда царицу Драупади!

И вот этот возница предстал перед Драупади:

— Ты должна сейчас же идти со мной, будешь прислуживать нашему владыке. Ты больше не царица: твой муж проиграл тебя в кости.

— Что за странные слова я слышу? — воскликнула эта гордая женщина. — Разве царь не мог сделать другую ставку?

— Сначала он проиграл все, чем владел, затем всех своих братьев и самого себя, а затем уже и тебя. Так что не спорь, а ступай со мною.

— Нет, возница, я не пойду. Иди один. Иди и спроси этого игрока, кого он проиграл раньше, меня или себя.

Когда возница спросил об этом Юджиштхиру, этот царь, душа которого погрузилась в скорбь, ничего ему не ответил. Зато Дурьодхана, спешивший насытить свою низость, закричал:

— Пусть дочь царя Панчалы явится сюда и сама спросит об этом. А мы все послушаем, как и о чем будет она говорить со своим мужем.

Неразумный по своей молодости Карна при этих словах залился смехом.

— Да-да, иди скорей, приведи ее! — вскричал он.

Возница вновь направился к Драупади и сказал, что ее ждут в собрании царей.

— Меня ждут не цари — меня ждет моя судьба, — с горестной покорностью согласилась эта женщина, украшавшая собою землю. — Но прошу тебя, пойдй туда еще раз без меня и скажи, что я хочу знать, будут ли Кауравы относиться ко мне с уважением.

— Ах, вот что она хочет знать, — расхохотался Дурьодхана и обратился к одному из своих братьев: — Я прошу тебя, Душшасана, приташи сюда эту нашу рабыню хоть за волосы.

Увидев перед собою Душшасану, который без всякого почтения приказал ей идти следом за ним, Драупади, охваченная горем, громко рыдая, побежала в покои цариц. Бесчестный Душшасана догнал ее и схватил за волосы. Он намотал на руку дивные волосы, благоухавшие драгоценными ароматами, и, как рабыню, поташил за собой эту первую среди женщин земли.

Унижение Драупади

Появившись перед собранием многих царей в разорванной одежде, Драупади гневно проговорила:

— Вы, Кауравы, вероятно, уверены в полной своей безнаказанности, если так унижаете меня. Не рвите моих волос и не терзайте моих одежд — ведь Пандавы никогда не простят этого, и ничто не спасет вас от гибели. Они покарают вас, даже если вы заключите союз с самими богами!

Грубый хохот злосердного Дурьодханы был ей ответом. Стал смеяться над ней и Карна, который во всем поддерживал своего друга. А Душшасана начал срывать одежды с этой царицы, блистающей величием даже в таком унижении. И тогда Драупади, терзаемая безмерным стыдом, мысленно призвала на помощь далекого Кришну, одаренного чудодейственными свойствами.

«Несчастные Пандавы, которые скованы законами чести воинов, не могут ни словом, ни движением помочь мне. Но ты, губитель многих демонов, ты, который очищаешь землю от зла, отчего ты не поддержишь меня в такой горестный час?»

И сразу же силой волшебства блистательного Кришны на ней стали появляться новые одежды, богато украшенные и благоухающие. И чем быстрее срывал их Душшасана, тем быстрее возникали вновь и вновь эти покровы, ласково обвивавшие тело опозоренной Драупади.

В это время поднялся во весь свой могучий рост Бхимасена, этот лев с широкими плечами. Голосом глубоким, как рокот грома, он произнес страшную клятву:

— Слушайте мои слова, все воины земли. Таких слов никто не произносил до этого и не произнесет в грядущие века. Да не достигнет душа моя посмертного блаженства, да не попадет она никогда в обитель душ моих предков, если я в открытом бою не разорву грудь этого злодея и не напьюсь его горячей крови!

Все содрогнулись, услышав эту клятву. А Драупади обратилась к старому Бхишме, к Видуре и к царям, видевшим все, что произошло, и спросила:

— Вы, царственные мудрецы, вы, украшенные многими добродетелями, скажите мне, мог ли мой супруг проиграть меня после того, как проиграл себя? Ведь, будучи проигранным, он стал рабом и поэтому не мог проиграть царицу, не должен был дальше соблюдать обеты воинов. Я не могу считать себя проигранной. Я свободна и всегда буду свободной.

— Нет, ты рабыня, рабыня! — закричал Дурьодхана.

И все его друзья подхватили:

— Рабыня ты, рабыня!

— И всегда теперь будешь рабыней, если это будет угодно моему великому другу, — добавил Карна.

Тогда поднялся Арджуна, светлый и прекрасный, и воскликнул:

— А я клянусь, что от моих стрел не скроется этот Карна, который не умеет выбирать друзей и так легко предается злу. Он думает, что, родившись в панцире, он может никого не бояться. Но и он, и все друзья Дурьодханы, подвергавшие осмеянию эту безупречную женщину, падут, пронзенные моими стрелами. Гималаи могут сдвинуться с места, солнце может лишиться своего жара, а месяц — прохлады, но не сможет ослабнуть сила моей клятвы.

Вслед за ним Сахадева поклялся убить хитроумного Шакуни, а Накула принес клятву отомстить всем братьям Кауравам.

В это время во дворе завыл шакал, затем закричали ослы, а вслед пронеслись крики зловещих ночных птиц.

Видура и Бхишма обратились к царю Дхритараштре, говоря:

— Это дурные знаки, предвещающие несчастье. Всех вас постигнет кара богов. Нет такого закона, чтобы считать эту царицу рабыней. Большой грех совершает твой старший сын, насмехаясь над нею.

Испуганный Дхритараштра внял словам советников и обратился к Драупади:

— О царица, этот мой сын проявил непочтение к тебе. Никогда больше этого не будет, поверь мне. Чтобы искупить его вину перед тобою, я готов исполнить любую твою просьбу.

— Я прошу, великий царь, вернуть свободу моему супругу. Нет и не может быть у меня других просьб к тебе, о податель счастья.

— Твой супруг свободен. Проси еще что-нибудь, это будет счастьем для меня.

— Тогда я прошу подарить свободу всем Пандавам. Кроме этого мне ничего не нужно.

— Я согласен, — милостиво сказал Дхритараштра. — Все братья твоего супруга тоже обрели свободу. Я возвращаю вам вашу страну и все богатства.

— Брат, слышишь ли ты безумные речи нашего старого отца? — воскликнул Душшасана, обращаясь к Дурьодхане. — Он бросил на ветер все, что мы обрели путем этой игры воинов. Что же нам делать?

— Да, Пандавы сразу же соберут огромное войско и нападут на нас. Мы все слышали их клятвы. Они не простят нам оскорбления Драупади.

— Сейчас я вызову Юдхиштхиру на новую игру, — вмешался Шакуни. — Я спасу вас.

И снова вызванный на игру Юдхиштхира не смог отказаться из уважения к обычаям. Один только раз сыграли противники, и царь справедливости снова проиграл, обманутый бесчестным Шакуни.

— Я играл от имени Дурьодханы. Пусть же он скажет, какой выигрыш ему угоден на этот раз, — молвил Шакуни.

И Дурьодхана ответил:

— Проигравший царь должен будет вместе со своими братьями подвергнуться изгнанию на двенадцать лет. Пусть они все проживут эти двенадцать лет в глухом лесу, вдали от нашего царства. И еще один год, тринадцатый, пусть они проживут где-нибудь неузнанными. Если же хоть кого-нибудь из них узнают, они снова удалятся в лес на двенадцать лет. Таково мое решение, о тигры среди людей, и я его не изменю. Ведь игра велась добровольно и у всех на глазах. И царь Юдхиштхира снова проиграл.

Все опечалились сердцем, услышав эту речь. Все увидели, что Дурьодхана и Шакуни, лишенные добродетелей и достоинств, снова оплели великодушных Пандавов сетями своих хитрых уловок. Все поняли, что теперь ничто не может спасти этих героев от изгнания, и скорбно опустили головы в знак прощания на многие годы с этими носителями славы.

РАССКАЗ ОБ УХОДЕ В ИЗГНАНИЕ

В те дни, когда гроза несчастья разразилась над Пандавами, их преданный друг Кришна был занят войной. Огромное войско врагов разорило его страну и окружило столицу, пока

он проводил свои дни в Индрапрастхе после свадьбы Арджуны. Возвратившись к себе, он двинул в битву всю свою армию и до тех пор не мог покинуть поля боя, пока не истребил всех вражеских военачальников и не рассеял всех лучников и колесничих.

Узнав о беде, постигшей его друзей, он, не медля, устремился снова в Индрапрастху. Но все, чему назначено было свершиться, уже свершилось, и изменить ход событий было невозможно. Пандавы готовились к уходу в изгнание, и Арджуна обратился с просьбой к своему другу:

— О Кришна, брат мой, об одном попрошу я тебя: возьми с собой Субхадру, мою бесценную супругу. Она сестра твоя, береги ее, как свою и мою жизнь. Поддержи ее в горе и развеяй ее печаль. Храни ее, нежную, как тычинка лотоса, до конца моего изгнания.

И Кришна свято обещал Арджуне исполнить его просьбу.

Советник Видура тоже прибыл в Индрапрастху, чтобы проводить Пандавов в изгнание. Со слезами на глазах он обратился к Юдхиштхире и сказал:

— Пусть не тревожит тебя судьба твоей почтенной матери. Та, что дала жизнь таким доблестным героям, будет окружена друзьями. Она поселится в женских покоях моего дома, и все будут оказывать ей знаки наивысшего внимания и заботы. Вы же, непобедимые в бою и побежденные хитростью, должны невредимыми вернуться к нам, когда истечет срок, назначенный бесчестным. Мы все, цари и советники, брахманы и воины и все подданные, будем ждать вас.

— О, не уходите, нет! — зарыдала царица Кунти. — За что боги так немилостивы к вам, всегда преданным правде и добру?! Если бы я знала, что нас ждет такое горе, я бы скрыла вас, когда вы были еще маленькими, и взрастила бы вас вдали от двора царя Дхритараштры. Он слеп не только глазами — он слеп душою, если не видит, какое беззаконие творят его сыновья. Лучше бы и я ослепла, чтобы не видеть, как эти блистательные герои уходят сейчас из своей столицы в одежде нищих. О, не отнимайте у меня моих детей! О, не отнимайте хотя бы всех сразу! Пусть хоть самый младший останется мне в утешение. Пусть уйдут старшие, скованные долгом воинской чести, но ты, Сахадева, сжался надо мной. О, останься хоть ты, не покидай меня!

Так умоляла царица Кунти, разрывая на себе одежды и вытирая слезы распущенными волосами. Но все сыновья поочередно склонились к ее ногам, принеся ей прощальное приветствие, и медленно пошли друг за другом прочь от дворца по улицам, на которых стояли толпы рыдающих людей. Вместе с ними ушла и Драупади, преданнейшая из жен. Эта женщина, всегда служившая украшением своих нарядов, шла сейчас в платье отшельницы, распустив по плечам волосы.

Так, сопровождаемые скорбными вздохами и горькими стонами всех горожан, Пандавы вместе с Драупади прошли городские ворота и направились по пыльной дороге к далекому лесу.

Кунти прощается с сыновьями

Когда Видура возвратился в столицу Кауравов, слепой царь призвал его, чтобы расспросить обо всем.

— Я все хочу услышать от тебя, — обратился он к своему советнику. — Расскажи мне о каждом из них, не утаив ничего. Как они покидали свой город?

— Сейчас ты узнаешь, что я видел, — ответил Видура. — Юдхистхира шел, закрыв лицо краем своей одежды. Это означает, о владыка, что он и сейчас относится к твоим сыновьям с добротой и любовью. Он боялся, что в его взоре может невольно вспыхнуть гнев и что этот огненный взор может упасть на кого-нибудь из твоих близких. Поэтому он шел, скрыв свои глаза. Бхимасена следовал за ним, глядя на свои могучие руки. И это означает, что он думал о том часе, когда будет поражать этими руками своих врагов. Арджуна шел, вздымая ногами пыль и следя взглядом за тем, как она разлетается в стороны. Это означает, о владыка, что он видел перед собой поле грядущей битвы и вместо тысяч пылинок ему представлялись тысячи стрел, которые он будет посылать в своих врагов. Последними шли Накула и Сахадева. Они густо посыпали свои тела пеплом в знак величайшей скорби. И это означает, о повелитель, что тяжело будут скорбеть жены тех воинов, которых эти герои зарубят мечами, когда настанет неотвратимый час сражения.

Услышав эту речь, Дхритараштра поник головой. А Бхишма, старейший из всех потомков Бхараты, сказал ему:

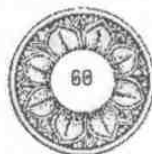
— Ужасное дело совершил твой старший сын. Через тринадцать лет будет истреблен твой род, о царь. Поэтому пусть никто из вас больше не посягает на справедливость. Пусть все живут в согласии с правдой, чтобы не умножать свои грехи перед лицом всемогущего бога смерти. Ты мой внук, в твоём дворце я живу и пользуюсь должным почетом. Тебе я стану помогать, когда наступит час битвы, но снова говорю: пусть твои сыновья не творят больше никаких беззаконий.

Затем приблизился наставник Дрона и тоже сказал:

— Много лет ты давал мне пищу и питье. Я не знал забот, живя в твоём дворце, и я не забуду этого. Я тоже буду биться на твоей стороне, хотя сердце мое знает, что правда на стороне Пандавов.

Святой отшельник-брахман благославляет Пандавов перед изгнанием

Душу старого царя охватила тревога, и он решил про себя, что будет следить за всеми поступками своего старшего сына, чтобы удержать его от свершения нового зла.

* * *

И вот по прошествии некоторого времени Дурьодхана созвал своих друзей и обратился к ним со словами беспокойства:

— Я неустанно думаю о том, что с нами будет, если Пандавы нарушат слово и вернуться из изгнания. Или если мой отец вдруг призовет их обратно, послушавшись голоса жалости. Они не пощадят нас, потому что никогда не видели пощады от нас. Что нам делать?

Шакуни ответил:

— О царь земли, чего ты боишься? Пандавы никогда не изменят чести. А если твой отец освободит их от данного слова и они вернуться, то нам же лучше. Мы будем ежечасно наблюдать за ними и мешать им искать союзников. Живи спокойно и жди, что принесет тебе время.

Душшасана сказал:

— Да, Шакуни изрек истину. О, как он мудр! Нам с тобою, брат мой, следует всегда прислушиваться к его словам.

— Нет! — с жаром вскричал Карна. — Не так надо жить и нечего ждать. Я обещал дружбу Дурьодхане, я буду оберегать его и служить ему до последнего дыхания. И я думаю, что вместо бесплодного ожидания мы должны взойти на колесницы и устремиться в лес, где пребывают Пандавы. Мы должны найти их и убить всех до одного, пока они вновь не обрели силы.

Но не успели они направить бег своих коней вдаль, как были остановлены посланцами царя Дхритараштры и возвращены обратно.

Так в первый раз слепой царь проявил волю и не дал своему недоброму сыну совершить злодеяние. Насколько больше плодов принесло бы его веление прекратить зловещую игру в кости! Как далеко мог бы он увести весь свой род от грядущего истребления! Но этот бесславный потомок Бхараты не прислушался к голосу разума и не внял своим советникам, одаренным мудростью. И теперь ему оставалось только отмечать в сердце своем годы, которые Пандавы проведут в изгнании, и ожидать часа расплаты.

РАССКАЗ О НАЧАЛЕ ЖИЗНИ В ЛЕСУ

Когда достославные Пандавы вступили в лес, Юдхиштхира обратился с мольбой к Солнцу, прося его о помощи. Видя вокруг непроходимые заросли, слыша шипение ядовитых змей и рычание зверей, зная, что в чаше скрываются ракшасы-людоеды, этот мудрый царь воззвал к отцу всех творений, прося его о защите.

Согласно обычаю он вошел в струящуюся воду и, протянув к Солнцу цветы в открытых ладонях, обратил к нему свою мольбу:

— О Солнце, око Вселенной, начало всех вещей, владыка людей и богов! О губитель мрака, повелитель лучей и податель жизни! Ты сильнее всех, самых сильных, ты светлее всех, самых светлых. Ты разгоняешь туманы, выпиваешь реки и моря, ты побеждаешь грозные тучи и заставляешь их проливаться дождем. Ты питаешь все живое на земле, нет предела твоему милосердию. Помоги нам, которые преклоняются перед тобой, поддержи нас.

И Солнце, этот создатель дней, спустилось с неба и появилось перед Юдхиштирой.

— Ты прославил меня словами, которые достойны похвалы, и вот я перед тобою, — обратилось оно к царю, стоявшему со сложенными ладонями. — Ты получишь, что желаешь. Вот возьми этот медный сосуд и отдай его своей добродетельной супруге. По ее желанию он будет наполняться пищей, и этой пище не будет конца до тех пор, пока не насытятся все, кто голоден.

Проговорив эти слова, Солнце, сияющее тысячами лучей, снова засверкало в небе. А Юдхиштира, выйдя из потока, отнес волшебный сосуд Драупади, и он тотчас наполнился пищей. Насытившись, все Пандавы еще раз прославили Солнце и, бодрые духом, направились в глубину чаши.

Они углубились далеко в лес, проходя через заросли бамбука, прорываясь сквозь сети лиан, переправляясь через болота, полные змей, и переплывая реки, где жили тысячи тысяч крокодилов.

Достигнув солнечной поляны на берегу быстротекущей реки со светлой водой, они поселились там и стали мирно проводить свои дни.

О том, что в лесу живут величайшие из героев земли, скоро узнали все создания, населяющие дебри. Змея передавала этот слух другой змее, олень — оленю, птица — птице.

Драупади старалась радостно переносить жизнь в лесу в годы изгнания Пандавов

И вот вскоре он дошел до ракшасов, которые давно хотели отомстить Пандавам за то, что Бхимасена убил самого сильного из них. Сверкая огненными глазами, наполняя рычанием землю, размахивая огромными руками, один из ракшасов появился ночью перед убежищем этих носителей славы. Когда все они вышли, удивляясь, ракшас принял форму горы, потом — форму потока, а потом стал поминутно менять свой вид для устрашения героев.

Бхимасена, обладающий силою тысячи слонов, затаил потуже свою набедренную повязку и, потирая ладонь о ладонь, пошел прямо на ракшаса.

— Не подходи, — зарычало это чудовище, — лучше не подходи близко. Я разгрызу тебя на части на глазах у твоих дерзких братьев.

Услышав это, Бхимасена, могучерукий, вырвал из земли дерево и без промедления начал бой, ударив им ракшаса по голове. Тогда рассвирепевший ракшас силой волшебства зажег другое дерево и бросил его в героя, но Бхимасена ударом ноги оттолкнул горящий ствол прямо на ракшаса. Затем оба противника стали швырять друг в друга деревья и опустошили половину леса. Наконец Бхимасена схватил огромного ракшаса руками и стал сжимать его с такой страшной силой, что тот задохнулся и рухнул на землю.

Весть об этой победе облетела весь лес, подобно облаку, гонимому ветром. И все живые существа стали славить героя, а другие ракшасы ушли подальше от путей Пандавов, чтобы избежать такой же страшной участи.

Когда прошло тринадцать месяцев жизни в лесу, Бхимасена ощутил глубокую тоску. Дни, лишённые воинских подвигов, казались ему временем, потерянным без пользы. Он подошел к Юдхиштхире и обратил к нему речь, исполненную нетерпения:

— О лучший из рода Бхараты, скажи, что приобретаем мы все, живя в этом лесу и соблюдая обеты правды и добра? Ведь не правдой и не добром отняли у нас царство наши враги. Из-за того что ты связал себя словом чести, они отняли у нас царство, подобно тому как отнимают плоды у безрукого или угоняют коров у безногого. Это убежище в лесу годится для слабых людей, но не для нас. Только трусы любят уходить от опасностей, а для меня все это горше смерти. Наше бессильное существование навлечет позор на наши головы. Что пользы в соблюдении такой справедливости? Ведь главная справедливость, о податель даров, состоит в том, чтобы вести свое царство по пути процветания. А у нас нет теперь царства. Надо уйти отсюда и вернуть его силой.

Юдхиштхира, исполненный величия, ответил ему:

— Я не могу запретить тебе пронзать мою грудь словами, подобными стрелам. Но помни всегда, что с тех пор, как стоит земля, и до тех пор, пока она будет стоять, слово воина нерушимо. В собрании царей я сказал, что любой проигрыш будет оплачен, и поэтому не может быть даже мысли о том, чтобы нарушить слово. Этого позора с нас не смоят даже столетия. Наша жизнь здесь тоже жжет мое сердце, как яд, но я буду ждать окончания срока, подобно тому, как сеятель ждет урожая. Никто из нас не должен становиться на путь бесчестия.

— Битва не может быть путем бесчестия! — воскликнул Бхимасена. — Бесчестие в том, чтобы пропустить возможность убить своего врага. Если даже ты после его гибели попадешь в ад, ад покажется тебе раем. Взгляни на Арджуна, он тоже томится, как лев в западне. И его дивный лук, тетиву которого он умеет натягивать и правой, и левой рукой, валяется в хижине, как засохшая лиана.

— Иногда следует и просить своих врагов — так говорят мудрецы, — задумчиво ответил Юдхиштхира.

— Прощать?! — вскрикнул Бхимасена. — Ты из воина превратился в брахмана. К чему приведут твоя доброта и всепрощение? К нашей гибели и к гибели царства. И потом, как мы будем жить неузнанными? Кто может не узнать тебя, славу всей земли, или меня, подобного горе? Арджуна тоже виден издали, как цветущее дерево в пустыне у колодца. И даже младшие наши братья, подобные двум молодым львам, будут узнаны по их осанке. Чего же мы ждем? Нового изгнания на двенадцать лет? Давай лучше считать месяц за год. Тогда уже все тринадцать лет прошли, и нам надо готовиться к битве. Нет для воина большей правды, чем правда боя.

— О могучерукий, эта речь справедлива. Но помни и другие слова мудрых: кто хочет победить, полагаясь только на свою отвагу, часто встречается с поражением. Успешной бывает битва, хорошо подготовленная и имеющая разумный план. Подумай, как силен сейчас Дурьодхана. Нашим золотом он одарил всех своих воинов, наших боевых слонов и оружие забрал себе. Всех царей, правивших незаконно, которых я покарал, он щедро одарил и привлек на свою сторону. Все они отдадут за него жизнь в бою. На их стороне будет сражаться также Карна, сильнейший в битве на колесницах, и наш наставник Дрона, который ест их хлеб и поэтому не предаст их, и многие другие непобедимые воины. Поэтому я говорю тебе: рано нам думать о битве. Кончится срок изгнания, и, не нарушив чести, мы соберем могучее войско и добьемся победы. Успокой свое сердце и помни, что:

*Слон, разъяренный и дикий,
Чья сила грозе подобна,
Один не может прорваться
Сквозь стадо слонов домашних.*

*Упорно и долго камни
Шлифуют каменотесы —
И вот расцветает город,
Как лотос под синим небом.*

*Ничто не дается сразу,
Ничто не приходит быстро —
Плодом и труда и мысли
Является дел свершенье.*

РАССКАЗ О ПРИОБРЕТЕНИИ ЧУДЕСНОГО ОРУЖИЯ

Живя в лесу, Пандавы проводили свое время в охотах и в беседах. Часто посещали они и отшельников, которые ушли в лес из городов и сел для того, чтобы вести мирную, тихую жизнь вдали от всех земных забот. Эти старцы проводили долгие годы в размышлениях, и многие из них достигли глубоких знаний. Они постигали мыслью самые сокровенные

чувства людей, знали далекое прошлое и могли даже проникать взором в будущее. От этих отшельников Пандавы услышали много преданий о великих делах богов и бессмертных героев. Эти мудрецы рассказали Юдхиштхире и о том, что боги, живущие на неприступных вершинах Гималаев, хранят волшебное оружие, которое всегда приносит победу.

Узнав об этом, Юдхиштхира решил, что надо добыть это оружие. Но кому из братьев следует идти в такой дальний путь, чреватый многими опасностями? Если пойдет он сам, братья могут поддаться порыву нетерпения, вернуться в Индрапрастху и попасть в руки врагов. Если пойдет Бхимасена, все они надолго лишатся главного своего защитника, несокрушимая сила которого, подобно стене, ограждала их от нападений ракшасов и других чудовищ. Младшие братья смелы и горячи, но недостаточно опытни. Остался Арджуна, знаток оружия, отважный и ловкий. «Он должен идти», — решил Юдхиштхира и обратился к нему:

— Будь внимателен к моим словам, мой достославный брат. Ты должен оставить нас и направиться в сторону Гималаев, вершины которых скрыты в тучах и недоступны взорам смертных. Там, на вершине всех вершин, обитают боги. Один из них — великий Индра, бог-воитель и царь богов, тысячеглазый Индра, который видит все, но сам невидим, — владеет тайной оружия, не знающего поражений. Он милостив к тебе. Это он некогда подарил тебе твой лук, сделанный из радуги, и колчан, в котором не иссякают стрелы. Найди путь к этому бессмертному и попроси у него оружие. Оно спасет нас в грядущей битве. Но ты должен дать мне слово, что будешь всегда помнить о нас и сбережешь себя. Не отступай перед угрозами, но и не начинай боя ради самого боя. Будь ловок в обращении с людьми и никому из них не позволяй надолго задержать себя. Стремись к цели и к возвращению.

Арджуна простился с братьями, склонился к ногам Драупади и без промедления отправился в путь. Выполняя все, что сказал ему Юдхиштхира, он шел день и ночь, не зная усталости, и, преодолев тысячи тысяч преград, достиг Гималаев. Собрав всю свою ловкость и силу, этот герой несколькими прыжками достиг их высоты и вдруг увидел отшельника, сидящего под развесистым деревом.

— Кто ты, юноша, одетый в панцирь? — обратился к нему этот старец. — Отчего ты с мечом и луком? Здесь никто не пользуется оружием, это обитель отшельников. Здесь нет споров и опасностей. Отбрось подальше свой лук и стрелы.

— Нет, почтенный, я не могу это сделать, — низко поклонившись, ответил Арджуна.

— О воитель, откажись от оружия; говорю тебе: оно излишне в этой тихой обители, — повторил отшельник.

Арджуна уходит к Гималаям

— Нет, никогда! — воскликнул Арджуна. — Воин не может расстаться с оружием. Я могу отдать жизнь, но не лук и не меч.

И вдруг вид отшельника изменился. Из дряхлого старца он превратился в могучего тысячеокого бога Индру. Голосом, подобным рокоту грома, он сказал Арджуне с улыбкой:

— Я доволен тобою, ты истинный воин. Я разрешаю тебе попросить у меня любой дар. Я исполню любое твоё желание.

— Молю тебя, дай мне чудесное оружие богов. Это единственное мое желание.

— О нет, только этого не проси. Хочешь стать бессмертным и остаться навсегда в обители богов? Или обладать вечным счастьем и несметными богатствами?

— Нет-нет. Ни о чем не прошу, ни к чему не стремлюсь, кроме оружия богов.

— Ну, тогда знай, что для этого ты должен узреть самого непобедимого из богов — могущественного Шиву, имеющего три глаза. Помни, что огнем своего третьего глаза он может испепелять людей и богов, поэтому бойся прогневить его. Прошай.

И, проговорив это, бог-воитель исчез. А Арджуна отправился на поиски бога Шивы. Долго он не мог найти путей к нему и бродил по удивительному лесу, где все деревья вместо листьев были покрыты цветами, на озерах росли розовые и голубые лотосы, а по траве ходили павлины, распустившие хвосты, подобные радуге. Пенье птиц и журчанье горных потоков наполняли воздух.

Вдруг Арджуна услышал топот, сотрясавший горы, и прямо на него из чаши выбежал огромный вепрь, устрашающе оскалив клыки. Арджуна обрадовался неожиданной охоте и, вскинув лук, мгновенно поразил вепря стрелой, которая вонзилась в его тело, как молния вонзается в скалы. Но в тот же миг в сердце этого зверя впилась еще чья-то стрела, и из-за деревьев показался охотник, которого сопровождала толпа женщин, сияющих красотой. Лицо этого охотника отливало золотым блеском, и он был так прекрасен, что вся земля расцвела, когда он появился.

Арджуна принял бога Шиву за простого охотника

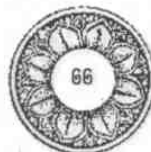
— Кто ты, златоликий? — спросил его удивленный Арджуна. — Почему ты бродишь здесь, в глухом лесу, с этими божественными красавицами? Если ты охотник, то должен знать правила охоты, но ты их не знаешь. Зачем ты стрелял в мою добычу?

— Это добыча моя, — возразил охотник. — Мы, горцы, являемся извечными жителями этого дивного леса и знаем, как надо охотиться.

— Тогда я убью и тебя! — воскликнул Арджуна. — Я первый сразил этого вепря и не уступлю его никому.

С этими словами он выпустил тысячу стрел в грудь охотника-горца, но тот стоял недвижно, как гора, ни разу даже не вздрогнув от смертоносного оружия. И с улыбкой смотрел в лицо Арджуне.

«Против этого моего лука, сделанного из радуги, не может устоять ни один смертный. С кем же я сражаюсь и чем можно поразить

его?» — подумал герой. Схватив свой лук за конец, он стал бить им горца, как дубиной, но тот без всякого усилия вырвал лук из рук Арджуны и отбросил далеко в сторону. Мечом и кулаками, деревьями и скалами бил горца непобедимый Пандава, но не мог одолеть его. Тогда горец сам вступил в борьбу с ним и мгновенно смял его, как пучок травы.

Придя в чувство, Арджуна увидел, что во лбу горца сверкнул третий глаз, и понял, что должен смириться. Он низко склонился перед своим бесподобным противником:

— Прости меня. Я только теперь понял, что в образе горца мне явился ты, бог, обладающий тремя глазами. Я прибегаю к твоей защите. Будь милостив, о всемогущий Шива.

— Я доволен тобой, — ответил ему Шива. — Ты лучший среди воинов, нет тебе равного. Проси у меня что хочешь.

— Только одно ишу я здесь — оружие. Дай мне твое оружие, которое устрашает людей и богов, духов и ракшасов. Дай мне то оружие, при помощи которого ты сжигаешь все живое на земле, когда завершается круг веков. Из него вырываются тысячи молний, и оно сверкает, как сотни раскаленных жезлов. Дай мне его.

— Хорошо, я тебе дам его, могучий герой. Но только никогда не прибегай к нему без крайней нужды! Помни, что люди ничего о нем не знают. Если воспользоваться им неосторожно, оно может сжечь весь мир. Все, что живет в движении и без движения на этой земле, будет истреблено. Его можно привести в действие не только руками, но даже взором или мыслью. Будь с ним осторожен, Пандава.

С этими словами триокий Шива вручил Арджуне свое страшное оружие и скрылся из его глаз, как солнце на закате. И тогда небо озарилось лучами, и на освещенных вершинах гор перед взором Арджуны появились другие боги, величественные и могучие, сияющие, как звезды.

Премудрый Яма, бог смерти, обратился к потрясенному Арджуне, сказав:

Ты беспощаден к неправде —

Мне твои битвы угодны.

Право карать злодеев

Тебе я дарю, могучий,

От мести твоей и гнева

Отныне никто не уйдет.

Затем заговорил бог океанов, властитель всех земных и небесных вод, Варуна:

Я владею сетями.

Это чудесные сети —

Того, чьи мысли нечисты,

Они без труда уловят.

Тебе я дарю эти сети.

Владей ими, храбрый, по праву.

И последним обратился к Арджуне бог Кубера, хранитель сокровищ земли:

Прими от меня доспехи

Из тайных, чудесных металлов.

Ты будешь незримым в битве —

И недруг тебя не сразит.

Арджуна с сердцем, исполненным восхищения и благодарности, почтил этих бессмертных, принеся им в жертву цветы и плоды. Произнося слова восхваления, он коснулся лбом земли, а когда поднял взор, на вершинах гор уже никого не было.

Но вскоре раздался грохот, который сотряс небо и землю. Сверкание, подобное отблескам зарниц, залило весь небосклон, и перед Арджуной появилась воздушная колесница.

— Я послан к тебе, о герой, тысячеокий Индрой, владыкой неба, — проговорил возникший. — Взойди на эту колесницу, и я умчу тебя в его чертоги.

Так Арджуна очутился перед лицом бога Индры.

— Я был при твоём рождении, — обратился к нему великий Индра. — Ты должен считать меня своим вторым отцом. Я счастлив, что ты пришел ко мне, сын мой. Я счастлив видеть у тебя оружие, которым наградили тебя бессмертные. Но сначала ты должен научиться владеть им. Ради этого ты останешься в моих чертогах на пять лет и вернешься к братьям только после того, как познаешь все тайны.

И Арджуна остался до времени в небесных пределах.

РАССКАЗ О НАЛЕ И ДАМАЯНТИ

Пандавы продолжали смиренно жить в лесу. Годы шли, а Арджуна не возвращался. Глубокая тоска закралась в душу Юдхиштхиры, и он не знал, в чем найти успокоение. Однажды, когда он, погружившись в печальное раздумье, сидел перед хужиной, к нему подошел старый отшельник и спросил, о чем его печаль.

— Ужасная судьба постигла нас, отец, — ответил Юдхиштхира и рассказал старцу все, что с ними произошло.

Поведав ему об игре в кости, об изгнании и об уходе Арджуны, он воскликнул со слезами на глазах:

— О, скажи, был ли на земле хоть когда-нибудь такой же несчастный царь, как я?! Страдал ли хоть кто-нибудь так, как мы страдаем?

— Если тебе, о великодушный, и твоим братьям будет угодно услышать повесть, которую я хочу рассказать, вы узнаете, что был царь, который перенес более жестокие страдания.

— Будь милостив, отец, расскажи нам о нем, — попросил Юдхиштхира.

И они услышали от досточтимого мудреца такой рассказ:

— Когда-то на земле жил царь по имени Наль. Он был одарен молодостью и красотой, силой и геройством. Он был великим воином, и царство его было богато. Но превыше всего восхваляли люди его несравненное умение управлять конями. Когда он всходил на колесницу, кони летели, как тучи, гонимые бурей, и почти не касались земли.

Лебедь-вестник

А в соседнем царстве жила царевна по имени Дамаянти. О ней, красавице с дивными глазами и тонким станом, о ней, которая блеском напоминала молнию, а красотой затмила всех красавиц на земле и на небе, пели и говорили повсюду.

Однажды Наль, этот лучший из царей, поймал лебедя с золотыми перьями. А лебедь вдруг проговорил:

— Отпусти меня, царь, и я расскажу о тебе Дамаянти — я знаю, ты, не видя, полюбил ее; я расскажу о твоей любви, и она, может быть, в ответ полюбит тебя.

Отпущенный Налем лебедь сделал, как обещал. И Дамаянти, услышав о достоинствах Наля, полюбила его так, что перестала есть, пить и спать и только вздыхала, терзаясь тоской.

Тогда отец ее объявил великие смотрины женихов. И отовсюду устремились к его дворцу владыки земли, наполняя все страны света топотом слонов и грохотом колесниц. Среди этих юных героев был и прекрасоликий Наль.

Но не только на земле узнали все об этих смотринах. Услышали о них и боги.

И вот первые среди них — Индра, владыка неба, Агни, бог огня, Варуна, повелитель вод, и Яма, владыка страны предков, — тоже направили свои небесные колесницы в царство отца Дамаянти.

Спустившись на землю, они увидели Наля, который неудержимо мчался вперед, заставляя коней лететь над землей. Бессмертные обратились к нему:

— Ты славен своей верностью и стойкостью. Будь нашим посланцем. Скажи к Дамаянти и возведи о нашем приходе на землю ради ее лучезарной красоты. Мы поможем тебе проникнуть в ее чертоги.

Наль не посмел послушаться всемогущих богов и, скорбя душой, все рассказал Дамаянти.

— Кого же из четырех бессмертных ты выберешь, лотосокая? — спросил он ее.

— Я изберу тебя. Перед лицом людей и богов я изберу только тебя, бесподобный, — с любовью ответила ему Дамаянти.

Вернувшись к богам, Наль, преданный истине, поведал им о словах царевны. И вот в день, когда перед женихами явилась ясноликая Дамаянти, желая в их толпе скорей увидеть своего избранника, ее взор внезапно упал на пятерых Налеи. Все пять были так неразличимы, что горе охватило сердце этой безупречной красавицы. Пять одинаковых Налеи взирали на нее с улыбкой, и не было ей никакого знака, кого же выбрать.

Отчаявшись в душе, она прибегла тогда к защите этих богов, пришедших искать ее руки.

— О всемогущие, я отдаюсь под вашу защиту, помогите мне. Есть для меня только одна правда — я избрала в супруги Наля. А вы, хранители мира, приняв его образ, лишаете меня моей правды. Мой обет нерушим, помогите мне его исполнить, чтобы я не совершила греха. Молю вас, дайте мне различить среди вас моего любимого.

И тогда, сжалившись над ней, эти бессмертные явили царевне признаки своей божественности, которые отличают их от людей. Она увидала, что из пяти одинаковых Налей четверо были в одеждах без единой пылинки и в гирляндах, где ни один цветок не завял. Все четверо смотрели немигающим взглядом, и на их лицах не было ни одной росинки пота. Они стояли, не касаясь земли, и не отбрасывали от себя тени.

И Дамаянти, всем сердцем принеся им благодарность, смело избрала в супруги пятого, который был истинным Налем.

Боги же, возвращаясь в свои небесные пределы, встретили демона по имени Кали, который возбуждал в людях страсть к игре в кости. Этот низкий, приняв облик прекрасного юноши, тоже хотел участвовать в смотринах женихов. Узнав от небожителей о том, что уже избран Наль, Кали в бешенстве поклялся лишить его счастья и отнять у него царство.

И вот он поселился при дворе Наля и стал ждать, когда этот несравненный правитель совершит хоть какой-нибудь грех, потому что иначе демон не мог вселиться в его тело. Но Наль, обретя Дамаянти, эту жемчужину среди женщин, жил, наслаждаясь счастьем и не нарушая обетов. Чудесных детей подарила Дамаянти своему мужу — мальчика, подобного львенку, и девочку, как бутон лотоса.

Только через двенадцать лет удалось демону овладеть Налем. Вселившись в этого носителя совершенств, он внушил ему такую неодолимую страсть к игре в кости, что Наль играл, не прерывая игры, несколько месяцев и проиграл все, что имел.

Видя, что ее супруг одержим безумием, Дамаянти отослала детей во дворец своего отца и стала молить Наля прекратить эту ужасную игру. Но Кали терзал его изнутри, заставляя делать все новые и новые ставки.

Лишившись всего, даже украшений и одежды, Наль покинул свое проигранное царство и удалился в глухой лес. Дамаянти, преданная мужу всей душой, последовала за ним, стремясь разделить все его невзгоды. Страдая при виде ее страданий, Наль стал отсылать ее от себя, говоря:

— Слушай, безупречная, что я тебе скажу. Я лишен царства, голоден и нищ. Я виновен во всех несчастьях, которые нас постигли. Вот эта дорога ведет в город твоего отца. Запомни ее — там ты обретешь все, чего я тебя лишил.

— О, зачем мне это слушать и знать?! Я знаю, что жена служит лучшим помощником, когда муж устанет, и лучшим лекарством, когда он болен. Без тебя я не вернусь во дворец моего отца.

Мучимый стыдом и горем, несчастный Наль решил сам покинуть свою верную супругу, надеясь, что, лишившись его, она вернется в дом отца. И вот во время сна своей несравненной жены он, увлекаемый демоном Кали, убежал, отрезав половину ее покрывала и накрыв себе плечи. Очнувшись, Дамаянти оказалась одна в глухом лесу, одна, без всякой защиты, окруженная опасностями, робкая и скорбящая. Долго она звала мужа, терзаясь страхом и печалью, и потом пошла искать его по лесу.

— Где ты, супруг мой, большеокий, прекрасный мой владыка? Почему не отзываешься, не идешь спасать меня от ракшасов и змей, от вепрей и тигров? Я одна блуждаю в ужасной чашобе, как лань, потерявшая стадо. Я добыча для всех; почему ты не являешься защитителем меня? Кого же мне спросить о тебе? Кто укажет, где ты? Без страха спрашиваю я о тебе всех — тигров и слонов, горы и потоки, цветы и деревья. Если ты здесь, отважный, великодушный, пощади меня, явись мне в утешение.

Но не донесся голос Наля, нигде не было видно даже его следов.

После долгого пути встретила эта лучшая среди женщин большой караван и пошла с ним. Увидев ее в растерзанной одежде, с растрепанными волосами и блуждающим взглядом, все поразились безмерно, но не прогнали Дамаянти от себя. Деля с ней пищу и питье, люди участливо расспрашивали ее обо всех злоключениях.

Вскоре караван заночевал на берегу лесного озера. И ночью подошло туда к водопою стадо диких слонов. Увидев домашних слонов, несущих грузы, дикие слоны, охваченные яростью, растоптали весь караван. Те люди, которые спаслись, решили, что это несчастная Дамаянти навлекла на них такую беду, и вознамерились побить ее камнями. Скрывшись в лесу, она убежала от них, объятая ужасом и горем, боясь даже оглянуться назад. И снова начались ее одинокие скитания в поисках Наля.

Однажды Дамаянти пришла к какому-то городу. Когда она брела мимо дворца, ее истерзанную долгими страданиями, увидела царица и ощутила в сердце своем глубокую жалость. Она взяла в свой дворец эту безупречную женщину, красота которой не померкла ни от перенесенных лишений, ни от грязи, покрывавшей ее с ног до головы. Дамаянти поведала царице обо всех своих муках.

— Живи у нас, ясноликая, будь подругой моей дочери, — сказала ей царица. — Мы все поможем тебе разыскать супруга.

— Я останусь с вами, — сказала Дамаянти, — но в знак моей скорби лица умывать не буду, волос прибирать не стану и не надену дорогих уборов, пока не встречу мужа.

А отец Дамаянти много лет искал свою дочь, ушедшую за мужем в изгнание. По всем дорогам его царства и по всем чужим дорогам днем и ночью скакали его посланцы, спрашивая всех о Нале и Дамаянти. Но не приносили эти поиски никаких плодов.

Однажды один из его придворных прибыл во дворец, где приютилась Дамаянти. Случайно увидав ее, прикрытую лишь половиной покрывала, в пыли и неприбранную, он подумал: «Без сомнения, это она. Но от горя она стала подобна реке без воды, луне, скрытой тучами». И, подойдя, он сказал:

— О достойная, я прибыл по велению твоего отца. Благоволи вернуться в его дом. И он и дети твои снедаемы печалью. Пожалей их.

Охваченная любовью к детям, Дамаянти в тот же день направилась в свою родную страну.

Ее отец в радости наградил своего посланца, подарив ему тысячу коров и множество разных богатств.

А Дамаянти тотчас разослала по всему миру гонцов, приказав им повторять в деревнях и на дорогах, на базарах и во дворцах только такие слова:

Бросив ее, погруженную в сон,

Тот удалился, кто все проиграл.

Где же теперь он блуждает один,

Часть покрывала с собой унеся?

Та, что покинута, любит и ждет,

Будь милосерден, скорее вернись.

Ведь по закону супругу свою,

Нежную, должен супруг охранять.

— Если кто-нибудь откликнется на этот зов, разузнайте о нем все и возвращайтесь скорее сообщить это мне, — сказала Дамаянти своим посланцам и стала ждать от них вестей.

А Наль, покинув Дамаянти в лесу, тоже блуждал, терзаемый тоскою, и не знал, в чем его спасенье. Внезапно он увидел в лесу пылающее пламя и услышал голос, доносившийся из огня:

— Спаси меня, будь милосерд, герой. В силу проклятья сгораю я здесь уже давно. Я царь змей и буду тебе верным другом. Спаси меня.

Наль сразу же бросился в пламя и вынес оттуда повелителя змей. Тот немедленно ужалил царя, и весь облик Наля изменился.

— Что ты сделал? — воскликнул он в ужасе. — Ведь я тебя спас!

— Не ужасайся, властитель, тебе это принесет великую пользу. Яд мой в твоём теле будет мучить демона, который тобой владеет. А ты будешь жить неузнанным, изучишь игру в кости и вернешь свое царство, супругу и все, чем обладал. А когда захочешь вернуть себе прежний облик, накинь эту одежду, которую я тебе дарю.

Сказав так и оставив Наля волшебное покрывало, царь змей исчез.

Наль побрел по лесу, с печалью думая о том, что ему предстоят еще долгие годы разлуки с любимой.

Многие дни провел он в блужданиях по дикой чаще и наконец пришел в большой прекрасный город Айодхью, столицу царства Кошалы. Узнав, что царю нужен опытный вожак колесниц, он нанялся на это место и стал жить в царских конюшнях. Он скрыл свое имя и сказал, что его зовут Вахука. Так, обретя чужой облик и чужое имя, стал он как бы другим человеком. Когда в этот город пришли посланцы Дамаянти и стали повсюду распевать строфы, которые она сложила, Наль услышал эти слова, исполненные любви и прошения. Зарыдав, он стал расспрашивать гонцов о той, которая их послала, но не открылся им.

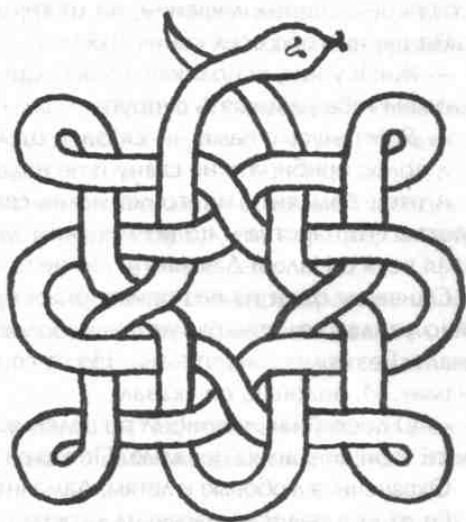
Вернувшись, они поведали Дамаянти, что в стране Кошале царский колесничий по имени Вахука, некрасивый и короторукий, в слезах расспрашивал о ней и сказал при этом: «Пусть же не гневается эта добродетельная царица на своего несчастного мужа, снедаемого горем».

«Это Наль, — решила в своем сердце Дамаянти. — Только он мог сказать такие слова. Не знаю, отчего он стал таким, как говорят эти люди, но это он. Как бы его привлечь сюда? Ведь сам он не явится ко мне после всего, что свершилось».

И вот эта лучшая из женщин снова направила гонцов в тот далекий город, где жил Наль.

— Скажите дни и ночи без отдыха, — попросила она их. — И когда увидите владыку этой страны, сообщите ему, что Дамаянти хочет вступить во второй брак. Но обязательно скажите, что выбор жениха будет происходить на следующее утро. Если этот властитель захочет взять меня в супруги, пусть за одну ночь домчится сюда.

Получив эту весть, царь Кошалы обратился к своему новому колесничему:

Символ всеислия царя змей

— Послушай, Вахука, сможешь ли ты домчать меня за одну ночь в столицу видарахов, в царство Бхимы, отца прекрасной Дамаянти, куда надо скакать много дней и ночей? Я хочу поспеть на выбор женихов.

«О, как жестоко карают боги меня, несчастного! — подумал Наль. — Дамаянти ищет нового супруга. Но можно ли верить этой страшной вести? Надо узнать все самому».

— Хорошо, владыка, я согласен, — сказал он. — Не медля, взойди на колесницу.

Отобрав четырех коней, Наль погнал их, применив все свое искусство. Первый раз кони ударили копытами о землю возле дворца, а второй раз — уже пролетев много деревень. Когда колесница пронеслась мимо одинокого дерева, покрытого плодами, царь сказал:

— Я успел сосчитать, сколько на этом дереве листьев и сколько плодов.

Наль не мог поверить такому чуду. Остановив колесницу, он пересчитал все плоды и листья и был поражен, убедившись, что царь не ошибся.

— Отчего же ты удивляешься? — спросил царь. — Ведь я лучший на земле игрок в кости. Я должен владеть наукой счета. Научи меня искусству править конями, и я научу тебя искусству игры в кости.

И вот тут же, на дороге, они обменялись знаниями. Как только знание игры в кости вошло в Наля, демон Кали мгновенно покинул его душу и перестал его терзать.

Наль с царем, взойдя на сверкающую колесницу, за одну ночь достигли дворца Дамаянти.

Услышав грохот колесницы, подобный грому в весенних небесах, подобный звону тысячи колоколов, Дамаянти не могла унять волнения сердца. «Это он, — думала она. — Во всем мире он один может так вести колесницу. Только у него кони летят, как птицы». Она выбежала на плоскую крышу дворца, чтобы взглянуть на прибывших, но вместо долгожданного Наля увидела уродливого Вахуку с короткими руками. «Отчего же так замирает моя душа, когда я смотрю на него, безобразного видом?» — думала Дамаянти и не могла наглядеться на этого уroda.

Вспомнив о знаках высших достоинств, которыми обладал Наль, послала она к Вахуке свою служанку, сказав ей:

— Следи за ним, подмечай все и приди Расскажи мне.

Служанка прибежала обратно, пораженная всем увиденным.

— О госпожа! — закричала она. — Этот возникший являл на каждом шагу чуда, пока я за ним наблюдала. Огонь из травы разгорался по одному его прикосновению, сосуды сами наполнялись водой, увядшие цветы вновь расцветали в его руках.

Тогда послала Дамаянти к Вахуке сына и дочь. Увидав своих дорогих детей, колесничий разрыдался и стал обнимать и ласкать их.

Дамаянти, не медля, призвала его в тронный зал и спросила, не видал ли он Наля, покинувшего безвинную жену свою в страшном лесу.

— Не я тебя покинул! — воскликнул колесничий. — Демон меня увлек, терзая. Но теперь я его изгнал из своей души и могу вновь тебя обнять, любимая.

С этими словами он накинуд на плечи покрывало царя змей и обрел свой прежний облик, засияв красотой, как солнце на восходе.

Вернувшись в свой город, Наль явился к тому, кто выиграл его царство, и сказал:

— Вот я вновь перед тобою. Пришла пора опять сыграть в кости. По закону воинов, надо давать отыгаться. Прими мой вызов на игру.

И с первого раза он вернул все, что утратил по велению злобного демона. Вновь воцарившись в стране нишадов, Наль и Дамаянти долгое время правили ею счастливо...

— Поэтому ты, о Юдхиштира, обладающий знанием закона и мудростью, не должен так сокрушаться, — закончив свой рассказ, сказал мудрец. — Ты тоже вернешь свое царство, и счастье снова будет сопутствовать вам. А чтобы ты не мог ничего больше проиграть в кости, я дарю тебе великое знание этой игры, которым я владею. Прими от меня этот дар и побеждай всех, с кем будешь играть в трех мирах — на земле, под землей и на небе.

С этими словами мудрый отшельник удалился, а Юдхиштира проводил его низким поклоном.

РАССКАЗ О ХАНУМАНЕ

Много рассказов и преданий, подобных повести о Нале и Дамаянти, услышали Пандавы от старцев-отшельников. Но мудрые слова этих преданий не могли заглушить в их сердцах тоску и тревогу, порожденную таким долгим отсутствием Арджуны. В конце концов они тоже направились в сторону Гималаев в надежде отыскать его.

Сотни дней провели они в странствиях по лесу, стремясь к вершинам Гималаев, которые скрыты от взоров смертных. Они совершали омовения во всех реках, охраняемых богами, и во всех источниках, возле которых жили лесные духи. Многих ракшасов встретили они по дороге и заставили их подчиниться себе. После долгого пути они достигли подножия гор и вступили в густой и непроходимый лес на их склонах.

Не успели они углубиться в эти дебри, как Драупади, подобная большеглазой и нежной газели, стала являть признаки усталости и вдруг упала, будучи не в силах идти дальше. Тогда Бхимасена, заметив, что и братья его обессилены, приказал побежденным ракшасам явиться без промедления и нести всех путников на руках. Послушные его слову, появились усмиренные ракшасы. Одни из них стали ломать деревья, расчищая путь, другие отгоняли диких зверей и убивали змей, а третьи бережно подняли на руки Драупади и всех Пандавов и понесли их в горы легко и осторожно, словно сосуды с ароматными маслами.

Однажды, когда Пандавы предавались отдыху на берегу прозрачного озера, окруженного цветущими деревьями, порыв ветра принес к ногам Драупади лепесток золотого лотоса. Этот лепесток был так прекрасен и ароматен, что в сердце луноликой царицы родилось желание иметь много таких цветов.

Не успела она проговорить со вздохом: «Ах, где же растут такие дивные лотосы?» — как Бхимасена ринулся в чашу, чтобы отыскать их.

Раздвигая плечами заросли, он двигался по лесу, как молодой слон, стремящийся к реке. Ломая деревья и топча ногами кусты, он сотрясал землю и поднимал такой шум, что не только стада оленей и обезьян, но даже львы и тигры разбежались в разные стороны, боясь оглянуться. Веселясь душой, Бхимасена взял большую раковину, привязанную к его поясу, и стал дуть в нее. Трубные звуки раковины, отразившись от горных пещер, заполнили все пространство.

А в это время в лес за сладкими плодами пришел мудрейший из вождей обезьяньего племени — Хануман. Это была огромная обезьяна с сильными руками и с длинным хвостом. Услышав звук раковины, Хануман понял, что к нему приближается Бхимасена, и разлегся поперек тропы. Он лежал и бил землю хвостом с такой силой, что гром раздавался в горах. Когда эти удары достигли слуха Бхимасены, он устремился в ту сторону, откуда они доносились, чтобы узнать их причину. И вот он увидел Ханумана, хвост которого напоминал древко поднятого знамени, лицо сверкало, как медь, уши и глаза были красные, а зубы острые и белые. Угрожающе вскрикнув, Бхимасена направился к обезьяне, требуя, чтобы она уступила дорогу. Но Хануман, взглянув на него из-под прикрытых век, проговорил:

— Ты зачем меня будишь? Я болен и лег поспать. Откуда ты здесь взялся и куда стремишься? Если ты хочешь пройти по этой тропе, то я не пушу тебя. Она не для людей, а для богов. Можешь остаться здесь, питаться плодами и вести жизнь отшельника. А меня больше не тревожь, если не хочешь отправиться в царство бога смерти.

— Вставай сейчас же, — возразил ему Бхимасена, — и дай мне пройти. А не то тебе самому придется вспомнить, где это царство.

— Я не могу встать, я болен и стар. Пожалуйста, обойди вокруг моего хвоста, если тебе очень нужно идти по этой дороге.

Встреча Бхимы с Хануманом (рисунок С. Потабенко)

«Ну, — подумал Бхимасена, — сейчас я возьму тебя за хвост, раскручу над головой и разобью о дерево или скалу». С этой мыслью он схватил левой рукой хвост Ханумана, но увидел, что не может ни на палец даже приподнять его. Тогда он ухватил хвост обеими руками, но ни на волос не смог сдвинуть его. «О, это не простая обезьяна, — решил он. — Лучше я окажу ей почтение». Поклонившись Хануману, Бхимасена, одаренный чрезмерной силой, спросил:

— Кто же ты, величайшая из обезьян? Твоя сила во много раз превосходит мою. Я склоняюсь пред тобою, будь милостив.

И тогда Хануман назвал себя. Он открыл ему, что он сын Ветра и может летать, как птица. И что может становиться маленьким, как мышь, и огромным, как гора.

Тогда Бхимасена стал умолять эту волшебную обезьяну показать ему чудесное умение изменять свой вид и форму.

И Хануман стал расти на глазах. Сначала он стал, как дерево, потом, как горы, а затем достиг головою туч.

— О, подожди, подожди! — закричал Пандава, закинув голову. — Я уже не вижу твоего сияющего лица, стань опять таким, как был.

И сразу же Хануман принял свой прежний вид. Видя, что этот могучий воин потрясен безмерно, Хануман обнял его и сказал:

— Я знаю все про тебя и твоих братьев. Вы пострадали безвинно, и я не оставляю вас. Я ждал тебя здесь, чтобы предложить свою помощь. Когда начнется бой с Кауравами, я проникну в их армию и буду пугать воинов громоподобным ревом. Это поможет вам победить. Теперь иди своей дорогой. Она ведет в царство бога Куберы, хранителя земных сокровищ. Там ты найдешь лотосы для блистательной Драупади. Прошай.

И полубог-полуобезьяна исчез из глаз Бхимасены. А этот тигр среди мужей бесстрашно двинулся дальше в поисках цветов. И вот вдаль он увидел реку, подобную голубому ожерелью на груди горы, и озеро, в которое вливались ее воды. Это озеро было покрыто золотыми лотосами, и ветер разносил повсюду их неземной аромат. Но когда Бхимасена приблизился к озеру, его окружили ракшасы, которые стерегли эти лотосы.

— Кто ты, явившийся сюда в одежде отшельника, но с оружием? И что тебе надо? — спросили они.

— Мне нужны эти лотосы для несравненной Драупади, — ответил Бхимасена.

— Ты должен попросить их у нас. Ты должен умолять нас, чтобы мы тебе дали хоть один цветок!

— Прочь отсюда! — воскликнул этот неодолимый герой. — Воины не просят, а берут.

С этими словами он нырнул в озеро и вдруг ощутил, что к нему возвращаются силы, утраченные за время пути. Он стал радостно срывать золотые лотосы, свежие и упругие, с нежными тычинками. Ракшасы, придя в ярость, принялись метать в него камни, и стрелы, и копья, и булавы, пытаясь утопить его. Тогда Бхимасена, выйдя на берег, начал избивать их сотнями, а оставшихся разогнал и снова стал плавать в волшебной воде озера.

Гром сражения со злыми ракшасами достиг слуха остальных Пандавов, и они устремились в ту же сторону по широкой дороге, которую Бхимасена оставил, ломая лес. Дойдя до озера, они все совершили омовение в нем и ощутили, что жизненные силы их удесятились.

Драупади украсила себя золотыми лотосами и была подобна небу в сверкающих звездах или реке, в которой отражается солнце.

У этого озера они стали ожидать Арджуну, потому что посланец тысячеокого Индры извещал их, что этот герой, неистовый в битве, скоро вернется из небесной обители.

И вот раздался звенящий рокот, который разнесся далеко по горам, и на сияющей колеснице Индры с неба спустился Арджуна. Увидев Драупади в уборе из лотосов, он сказал ей:

— Ты, о прекраснейшая из женщин, не будешь больше украшать себя только лесными цветами. Вот возьми, бог неба Индра прислал тебе украшения из лучших камней, которые он отколол от радуги ударами молний.

И с этими словами он подал Драупади ожерелья и серьги, кольца и запястья, браслеты для рук и ног, усыпанные камнями, которые излучали все цвета неба.

Вновь сойдясь все вместе, Пандавы направились в свое прежнее убежище в лесу. Оружие богов, которое добыл Арджуна, этот несравненный герой, вселяло радость в их сердца и заставляло без страха думать о грядущей битве.

РАССКАЗ О ПОТОПЕ

Возвратившись в свое лесное убежище, Пандавы предалися отдыху. И вновь к их хижине стали приходить мудрецы-отшельники и вести с ними долгие беседы обо всем, что было на земле раньше и что принесут грядущие годы.

Однажды Бхимасена, стремившийся познать все причины вешей, попросил одного из них:

— О мудрейший среди мудрых, много раз я слышал, как люди с почтением произносят имя великого Ману. Я хочу, чтобы ты рассказал мне и моим братьям, этим вершителям подвигов, о его несравненных делах. Почему, скажи нам, все в этом мире до сих пор помнят его? Поведай нам все, что знаешь о нем.

И вот, когда все Пандавы, отложив оружие в сторону, расселись вокруг старца на шкурах черных оленей, брахман начал свою повесть:

— Когда-то, в очень давние времена, жил на этой земле величайший из людей по имени Ману. Всю свою жизнь он стремился к тому, чтобы дела его принесли благие плоды для человеческого рода. Желая добиться милости всесильных богов и попросить у них какой-нибудь бесценный дар для жителей земли, он отказался от всех радостей земной жизни. Десять тысяч лет он простоял на берегу реки на одной ноге с поднятыми к небу руками, не принимая еды и питья. Единственной его мольбой было: «О боги, дайте совершить подвиг, который нужен людям».

И вот к берегу подплыла маленькая рыбка, блестящая, как молодой месяц, и обратилась к Ману:

— Спаси меня, лучший среди смертных. За мной охотится много больших рыб, и я не вижу путей к избавлению от них. Пожалей меня, слабосильную, молю. Я отблагодарю тебя в трудный час.

Ману, с сердцем, исполненным жалости, сразу же извлек эту рыбку из реки и пустил ее в глиняный сосуд с водой. Он кормил ее и заботился о ней, как о ребенке. По прошествии времени рыба выросла и сосуд стал ей тесен.

— О великий, — обратилась она к Ману, — мне здесь тесно и плохо. Найди для меня лучшее жилище.

Тогда Ману извлек ее, отливающую золотым блеском, и перенес в пруд. Но вскоре и пруд стал тесен для этой необыкновенной рыбы, и она попросила Ману перенести ее в воды Ганги. Но и в этой несравненной реке она скоро перестала помещаться и снова воззвала к Ману:

— О ты, не имеющий грехов и свободный от всяких желаний, я не могу больше жить в этой реке. Перенеси меня в океан.

Когда Ману выполнил ее просьбу, она сказала ему:

— Теперь слушай со вниманием мои слова. Ты был терпелив и добр ко мне, и за это я открою тебе тайну будущего. Скоро весь этот мир постигнет ужасное бедствие. Вся вода небес обрушится на горы и долины, переполнит реки, океаны и погребет под собой все жи-

вое. Поэтому ты должен заранее построить огромный и прочный корабль и взять на него семена всех растений, и взять по паре всех животных, всех зверей — от слона до букашки, от тигра до мыши, чтобы могла вновь возродиться жизнь на земле. И когда вода начнет низвергаться на землю, взойди сам на этот корабль и жди меня. Я приплыву к тебе в назначенный час, приняв образ большой рогатой рыбы. Так ты меня узнаешь.

Проговорив это, рыба скрылась в волнах. А Ману сделал все, как она ему велела. И когда небо смешалось с землей и в ревущей воде стало гибнуть все живое, он взшел на свой корабль. Тотчас к нему подплыла рыба с рогами на голове. Ману набросил веревку на ее рога, и она повлекла за собой корабль со всеми, кто был на нем, по кипящей пучине.

Много лет она плыла все вперед и вперед, и нигде не было видно ни одного островка земли. Наконец вдали показалась из-под воды вершина горы. Это была высочайшая вершина Гималаев. Ману привязал свой корабль к скале и отпустил рыбу.

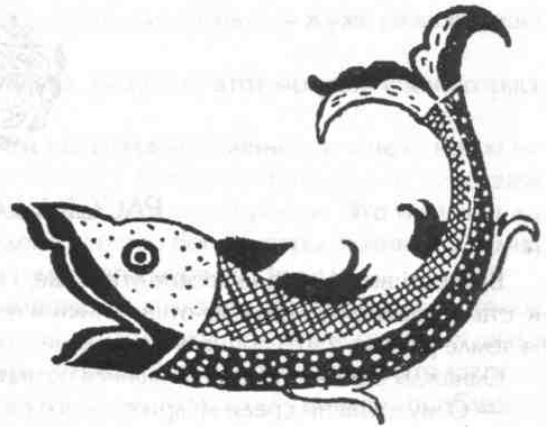
— Сойдите все на землю, — сказала рыба, — и положите начало новой жизни. А меня больше не увидите, прощайте.

И бездонная пучина поглотила эту чудесную рыбу. Когда вода спала, от живых существ и от семян, которые сохранил Ману, вновь расцвела жизнь на всей земле...

— Ты нам повествуешь о необыкновенных вещах, которые наполняют душу глубоким знанием, — промовил Юдхистхира, выслушав этот поразительный рассказ. — Расскажи нам еще что-нибудь в назидание.

— Хорошо, я вам поведаю историю одного царя, который правил землей, не нарушая закона, до тех пор пока не заблудился во время охоты.

— О том, что с ним произошло на охоте и что было после этого, расскажи, почтенный, — попросил Юдхистхира.

Рыба предупреждает Ману

РАССКАЗ О ЦАРЕВНЕ-ЛЯГУШКЕ

Этот царь был молод и очень любил охоту, он мог один блуждать по лесам и горам в погоне за дикими животными. Однажды он углубился далеко в лесные дебри и заблудился. Усталый, он прилег на берегу небольшого озера, в тени деревьев. Когда сон уже почти завладел им, до него донеслось нежное, мелодичное пение. «Как это удивительно! — подумал

царь. — Я нигде не видел здесь даже следов человека, кто же это может петь?» Отогнав сон, он встал и пошел вдоль берега на этот голос. Вскоре навстречу ему из зарослей тростника вышла девушка, одаренная безупречной красотой. Залюбовавшись сиянием ее глаз, царь не мог двинуться с места.

— Будь моей женой, прекраснеликая, — воскликнул он. — Если ты не согласна, я умру от горя.

— Я согласна, о сокрушитель врагов, — ответила эта дивная девушка. — Но ты должен дать мне одно обещание.

— Какое? Говори скорее и считай, что я уже дал его тебе, — молвил царь.

— Ты должен обещать мне, что никогда больше я не увижу воды — ни реки, ни озера, ни пруда, ни колодца.

— Ты немалого от меня потребовала. Я сделаю все для того, чтобы было исполнено твое желание.

И вот этот царь привез свою жену в город и зажил с ней счастливо. Она радовала его своей красотой, которая расцветала день ото дня, подобно волшебному цветку. Любуясь ею, этот правитель совсем забыл про дела царства. Он не хотел видеть ни своих советников, ни военачальников, ни просителей. Постепенно дела в государстве стали приходить в упадок.

Придворные ломали головы, изыскивая способ отвлечь царя от жены, но все их попытки не принесли успеха. Тогда старший среди советников спросил служанок этой царицы о просьбах, с которыми она обращается к царю. И служанки ему рассказали, что она просит только об одном — не показывать ей водоемов. «Как это странно! — подумал советник. — Нет ли в этом опасности для нее? Может быть, именно таким путем можно от нее избавиться».

И он тут же повелел тайно выкопать пруд в лесу и скрыть его воду под сеткой цветущих растений. Его приказ был выполнен без промедления.

И вот, когда царь со своей женой гулял в лесу, они незаметно пришли на берег этого пруда и сели отдохнуть в прохладе.

— Как бы хорошо сейчас окунуться в холодную воду, — проговорил царь со вздохом, жалея, что нигде вокруг не осталось водоемов.

— Вот вода перед тобою, — сказала ему царица. — Разве ты не слышишь ее божественного аромата?

И с этими словами она отодвинула растения, покрывавшие пруд, и, прыгнув в воду, погрузилась на дно.

Царь в ужасе и отчаянии стал звать ее. Он плавал и нырял, ища ее в воде, но нигде не мог обнаружить. Тогда он повелел спустить воду. На дне пруда царь увидел только лягушку, которая тотчас ускакала прочь.

Решив, что это она повинна в гибели царицы, царь повелел перебить всех лягушек в своем государстве. И вот однажды к нему во дворец пришел вождь лягушек и стал умолять его прекратить избиение безвинных тварей.

— Никто из нас не причинил зла твоей супруге, о владыка, — обратился он к властителю страны. — Она сама была лягушкой, принявшей вид девушки. Это моя дочь, и я все про нее расскажу тебе. Она хотела стать твоей женой и жить с тобою счастливо, а поэтому боялась подходить к воде, чтобы вновь не превратиться в лягушку. Если хочешь, я верну ее тебе, но повели больше не истреблять мой народ.

Обрадованный царь согласился, и прекрасная его жена снова озарила дворец сиянием своей красоты. Но одна красота не может принести добрые плоды. Дети, которые рождались у нее, обладали холодными и неблагоприятными сердцами. Они не уважали мудрых и смеялись над старыми. Они были дерзкими и заносчивыми.

Поэтому людей, подобных им, везде называют детьми лягушек...

Закончив свой рассказ, мудрый старец покинул обитель Пандавов и снова ушел в чашу леса.

А пять братьев и Драупади, сидя под развесистым деревом, до глубокой ночи вспоминали повести, которые они услышали от этого мудреца. И Юдхиштхира проговорил:

— Поистине кокосовые орехи не вырастут на лиане, а стручки перца не появятся на пальме.

Из семени риса лишь рис вырастает,

Из лотоса — лотос, жасмин — из жасмина,

Осленка ж на свет производит ослица,

И злого змееныша кобра выводит.

РАССКАЗ О ПРИХОДЕ КАУРАВОВ

Многие странники, которые бродили по дорогам всех царств, приходили и в столицу Кауравов, Хастинапур. Через них до слепого царя Дхритараштры доходили слухи о жизни Пандавов в лесу.

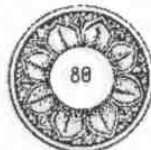
— Увы, увy! — со вздохом обращался старый царь к своим советникам. — Есть и моя вина в том, что жизнь этих славных героев неудержимо увлекаема рекой страданий. Я как бы вижу их перед собой... Вот Юдхиштхира, всегда преданный правде, устало спит на голой земле. Бхимасена сжимает руки в бессильной ярости и повторяет про себя свою страшную клятву. Арджуна не может уснуть от негодования, которое сжигает его сердце. А Накула и Сахадева отсчитывают не только дни, но даже минуты до конца своего изгнания. Я вижу, что нам всем не избежать их мести. Кто же может сопротивляться им? Все мои сыновья погибли из-за злых и глупых поступков Дурьодханы. О горе нам, горе!

Шакуни, в чьей душе злоба сплеталась с коварством, услышал эти слова и пришел к Дурьодхане.

— О царь царей, о величайший из владык земли, нет предела твоим богатствам и силе. Ты достиг всего, к чему стремился. Ты среди нас похож на месяц среди звезд. Недавно еще ты смотрел с печалью на богатства Пандавов, неужели теперь тебе не хочется с весельем в душе посмотреть на их убожество?

— О да, да, конечно, — ответил Дурьодхана. — Но как это сделать?

— Ты должен отправиться к ним в лес и ослепить их блеском своей славы, — подхватил Карна. — Появись перед ними со свитой воинов, в сверкающих доспехах — пусть захо-

Карна против гандхарвов

Проверив стада, одарив пастухов и полюбовавшись танцами пастушек, низкодушный Дурьодхана со своими злоумными друзьями поскакал в глубину леса в сопровождении многочисленного войска разыскивать Пандавов.

Но внезапно на их пути встало войско волшебных воителей-гандхарвов. Под предводительством своего вождя, божественного Читрасены, гандхарвы спустились на землю, чтобы предаться охоте, играм и музыке в лесу, где жили Пандавы. Увидев их и досадуя на задержку, Дурьодхана послал своих воинов отогнать этих молодых и прекрасных жителей небес.

Когда воины Дурьодханы приблизились к гандхарвам и приказали им уйти с дороги, небесные воители рассмеялись им в лицо. А их вождь Читрасена сказал:

— Ваш царь лишен разума. Кому он хочет приказывать — войску небес? Разве мы его слуги? Вернитесь к нему и скажите, что всех вас ждет бог смерти, если вы сейчас же не покинете этот лес.

Неумный и чванливый Дурьодхана вместе с горячим и порывистым Карной во главе своей армии бросился на гандхарвов. И все его воины были сразу же убиты или разогнаны, а он со всеми своими близкими был закован в цепи и приведен к Читрасене. Один только сын Солнца, Карна, чей панцирь ограждал его от стрел гандхарвов, продолжал отважно биться, пока его не удержал сам Дурьодхана.

Побежденные и израненные воины Дурьодханы побежали к хижине Пандавов, оглашая лес жалобными криками. Узнав причину их беды, Бхимасена воскликнул:

— Их постигла справедливая кара. Они явились сюда показать свое великолепие нам, которые лишены царства и всего достойного. У них были низкие намерения, пусть же страдают по заслугам.

Но Юдхишхира, носитель справедливости и милосердия, остановил его, сказав:

нутя от зависти. И твоя жена, эта блистательная царица, пусть наденет самые лучшие наряды и украшения и покажется этой нишей Драупади. Пусть!

— Я сам к этому стремлюсь! — воскликнул Дурьодхана. — Но отец не даст своего согласия на мою встречу с Пандавами. Страх перед ними сжимает его сердце.

— Я знаю, что надо сказать великому царю, твоему отцу, — продолжал Карна. — Ведь там, в лесу, и возле него, на пастбищах, пасутся стада, принадлежащие царскому роду. Ты, о повелитель трех миров, должен выразить желание проверить свои богатства. И, сказав так твоему отцу, мы все поедем в этот лес.

Радостно засмеявшись, Дурьодхана направился к царю Дхритараштре, и тот решил им ехать посмотреть стада.

— Только не приближайтесь к Пандавам — они вас всех лишат жизни без промедления, — добавил он.

— Твоя грубая речь, о мой могучий брат, унижительна для тебя и для всех нас. Гандхарвы нанесли нам всем оскорбление, заковав в цепи членов нашего рода. Поэтому нам не следует радоваться этому, а следует немедленно пойти и потребовать, чтобы эти небесные воители освободили всех своих пленников. К тому же наши братья пришли к нам как гости, и не годится вникать в их тайные намерения. Я прошу тебя, Арджуна, и тебя, Бхимасена, и вас, младшие братья, добейтесь освобождения Дурьодханы и всех, кто с ним. Если гандхарвы не согласятся с вами, вступите с ними в бой. Идите.

И немедленно эти непобедимые герои направились к месту битвы.

Бой с гандхарвами разгорелся, как пламя в сухой чаше. Тучи стрел покрыли небо. Арджуна, умевший владеть луком лучше всех на земле, посылал стрелы с такой быстротой, что из них образовалась как бы сеть, которая висела в воздухе. Бхимасена и младшие Пандавы бились булавами и мечами и оттеснили войско гандхарвов за пределы леса. Тогда появился их юный вождь Читрасена и замахнулся на Арджуну палицей, но Арджуна, этот лев среди воинов, раздробил палицу своими стрелами на части.

Видя, что им не одолеть этих героев, блистающих мужеством и силой, гандхарвы взвились в небеса. А Читрасена, сказав Пандавам: «Я ваш друг», повелел освободить всех пленников и отвести их к Юдхиштхире.

Увидев перед собой своих опозоренных врагов, этот царь, преданный правде и добру, проговорил, обращаясь к Дурьодхане:

— Никогда больше не совершай таких необдуманных деяний. А теперь можешь возвратиться в свою столицу.

И Дурьодхана, униженный и посрамленный, покинул лес, уводя за собой свое разбитое войско. «Лучше бы мне было погибнуть в этой битве от стрел волшебных воителей, чем сохранить жизнь, которую мне подарили страдающие от меня братья», — думал он, кусая губы.

— О царь, — обратился к нему его друг Карна, видя такое горе. — Не отдавайся во власть мрачных мыслей. Тебе не о чем грустить. Ведь Пандавы только исполнили свой долг, защищая тебя. Они живут в твоей стране, они твои подданные и зависят от твоего милосердия, поэтому они должны везде и всегда выступать в твою защиту. Пусть твое сердце будет спокойно, а я, чтобы подарить тебе радость, возьму с собою сильное войско и завоюю для тебя много новых стран.

Вскоре Карна, горячий в битве, исполнил свое обещание и покориł многих царей земли, заставив их склонить головы перед престолом Дурьодханы. После этого Дурьодхана стал готовиться к принесению Великой Жертвы, для того чтобы снискать себе имя царя царей.

Но не мог он и дня прожить без мысли о том, как бы оскорбить Пандавов. И вот когда в его столицу стали стекаться правители всех стран, осыпая его дарами и окружая почестями, и когда все улицы города заполнили музыканты, танцовщицы, торговцы и толпы гостей из других городов, он послал вестника к своим двоюродным братьям, чтобы позвать их на день принесения Великой Жертвы.

«Когда Юдхиштхира приносил эту жертву, я был в его столице среди блистательных царей, — думал Дурьодхана злорадно. — Пусть же теперь он придет в мою столицу и будет стоять в толпе нищих, когда меня все будут прославлять и одаривать».

Но царь справедливости, с лаской приняв вестника Дурьодханы, повелел передать, что не может нарушить слова чести и покинуть лес до прошествия двенадцати лет изгнания.

А Бхимасена, охваченный негодованием, сказал посланцу:

— А я приду в тот день, когда этот злодушный царь будет сожжен дотла гневом справедливости.

Так Дурьодхана, стремившийся унижить других, был снова унижен сам.

РАССКАЗ О ПОХИЩЕНИИ ДРАУПАДИ

Однажды все Пандавы отправились на охоту в разные стороны леса и ушли очень далеко от своей хижины, оставив Драупади одну. А в это время через лес проезжал царь Джаядратха, сильный, жадный и жестокий правитель чужой далекой страны. Он прибыл сюда на тяжелой колеснице, которую влекли могучие кони. Его сопровождали многие друзья на слонах и колесницах, вооруженные луками и мечами и одетые в воинские доспехи.

С шумом и грохотом мчались они через лес, распугивая птиц и оленей. Услышав этот гром, Драупади вышла, чтобы взглянуть, кто же посетил их тихое убежище. И вот Джаядратха увидел эту несравненную красавицу, которая стояла на пороге бедной хижины, убранная сверкающими украшениями бога Индры. Сияние ее красоты озаряло деревья, кусты и землю, подобно тому как блеск молнии озаряет облака.

Пораженный Джаядратха сразу сдержал стремительный бег коней и не мог отвести широко раскрытых глаз от прекрасного лица царицы. Наконец он проговорил, обращаясь к одному из своих друзей:

— Подойди, не медля, к этой светлой жемчужине и спроси ее, кто она. Откуда в этой дикой чаще могло взяться такое украшение земли? Может быть, она дочь богов или небесная дева? Может быть, здесь обитают гандхарвы, которые ее охраняют? Подойди к ней и все разузнай подробно. Я не уеду отсюда без нее.

Воин соскочил со своей колесницы и направился к Драупади.

— О кто ты, безупречная? — обратился он к ней. — Ты подобна пламени, блеск которого всегда виден издали. Может быть, ты жена какого-нибудь бога, который, приняв образ человека, странствует в этом лесу? Ты не спрашиваешь нас, кто мы, и не являешь признаков страха. Скажи, кто охраняет тебя? Чья ты дочь и есть ли у тебя муж? И где он?

— Я не должна говорить с посторонним мужчиной, кто бы он ни был, — ответила Драупади. — Но я здесь одна, и поэтому никто больше не сможет ответить на твои вопросы. Я жена величайшего из царей земли, знатока закона и хранителя правды — непобедимого Юдхишхиры. Я живу здесь с ним и его братьями. Но сейчас они все отправились на охоту и поэтому не могут приветствовать вас как своих гостей. Мой великодушный супруг ушел в сторону солнечного восхода; Бхимасена, неодолимый в бою, ушел далеко на юг; Арджуна, друг побед, — на запад, а оба младших брата направились к северу.

Услышав речь этой достойнейшей женщины, Джаядратха сказал:

— Мое сердце покорено этой красавицей навек. Все женщины земли по сравнению с ней подобны стаду обезьян. Я хочу увезти ее с собой.

И, сойдя с колесницы, он вошел в хижину Пандавов, как волк входит в логово отсутствующего тигра. А чистая сердцем Драупади предложила ему воды для омовения ног и взяла свой волшебный сосуд — подарок Солнца, — чтобы накормить всех, кто был с Джаядратхой. Но этот царь, исполненный злых умыслов, сказал ей:

— Не нужно нам предлагать еду, мы насытились созерцанием твоей красоты. Взойди на мою колесницу. Я увезу тебя в свое царство, и ты разделишь со мною трон. Такая несравненная женщина, подобная драгоценному камню, не должна связывать свою жизнь с нищим. Она должна следовать за мужем, пока он властен и богат. Я дам тебе все, чего ты заслуживаешь. Идем со мной.

Гнев охватил душу Драупади. Нахмутив брови, она строго ответила дерзкому:

— Что ты говоришь? Неужели стыд покинул тебя? Как ты не боишься оскорблять своими подлыми речами этих героев, каждый из которых подобен тысяче слонов! Неужели ты надеешься избежать их кары? Только глупые дети могут будить спящего льва. Только сумасшедшие могут нарочно наступать на хвост кобры. Беги отсюда, беги от собственной гибели.

— Не пугай меня, большею частью. Я тоже царь и тоже воин и владею всеми знаниями, которые предписаны царям. Я знаю, как вести войну и заключать мир, умею бросить войско в бой и остановить его, умею сеять раздоры и находить союзников. Не пугай меня. Лучше подари мне улыбку и взойди на колесницу или в паланкин на спине этого могучего слона. Нам пора двигаться в обратный путь.

— Нет, я не пойду с тобой. Если ты не боишься могучих Пандавов, то вспомни, что и всемогущий Кришна вступится за меня. Он сражается, стоя в одной колеснице с Арджуной. От них никто не уходил живым.

Злодей похищает Драупади

— Мне не страшны враги, — со смехом сказал Джаядратха. — Не медли больше, моя божественная красавица. Идем.

С этими словами он схватил Драупади на руки, вскочил в свою колесницу и погнал коней. За ним помчалась вся его свита, и лес огласился топотом слонов и звоном оружия.

А Пандавы, закончив охоту и встретившись в лесу, обеспокоенно заметили, что птицы мечутся в небе и не садятся на свои гнезда.

— Это дурной знак, — сказал Юдхиштхира. — Кто-то чужой появился в этих местах. Мое сердце беспокоит. Не случилось ли что-нибудь с Драупади? Поспешим домой.

Когда они достигли своей хижины и увидели, что она пуста, а повсюду вокруг видны следы слонов, людей и колесниц, им сразу стало ясно, что произошло. Через мгновение они уже мчались вдогонку, опережая ветер и держа наготове луки с натянутой тетивой.

Услышав шум погони и оглянувшись, Джаядратха увидел воочию этих укротителей врагов, этих воинов, неотвратимых в битве. Виная, что они стремятся за ним, сметая лес на своем пути, подобно горному потоку, он содрогнулся.

— Эти, там вдали, что бегут за нами, это Пандавы, вероятно? — спросил он у Драупади, запинаясь. А затем закричал: — Эй вы все, готовьтесь к битве!

— Тебе следует не о битве думать, а спешить, сложив ладони, навстречу этим героям и молить их о пощаде, — сказала Драупади.

Но она не успела и договорить, как Пандавы, словно смерч, обрушились на войско Джаядратхи. Поражаемые стрелами этих лучших среди воинов земли, друзья злонамеренного царя стали падать на землю со слонов и колесниц, как птенцы из гнезд. Кони и слоны, никем не управляемые, носились по всему полю боя, давя и топча воинов. Когда погибли почти все, кто сопровождал его, Джаядратха, оставив Драупади, пустился в бегство.

Арджуна заметил это и сказал Бхимасене, который каждым ударом булавы убивал сразу по сто врагов:

— Остановись, брат. К чему избивать не причастных к делу, когда избег кары сам похититель? Ведь эти его друзья шли за ним, как шакалы идут за тигром.

И тогда Бхимасена обратился к Юдхиштхире, сказав ему:

— О брат, возвращайся в нашу хижину вместе с твоей супругой, которая утомлена. Пусть она успокоится и отдохнет, а я клянусь, что догоню и убью этого мерзкого оскорбителя. Потому что нет прощения тому, кто похищает чужую жену, даже если он молит о пощаде.

С этими словами он вместе с Арджуной бросился за Джаядратхой. Арджуна, не видя врага, который был далеко впереди, послал ему вслед волшебную стрелу и убил его коней. Бхимасена, как разъяренный буйвол, налетел на Джаядратху и уже занес булаву над его головой, как услышал голос Арджуны:

— Не убивай его, брат. Надо проучить его так, чтобы все запомнили, что нельзя совершать такие несправедливые поступки.

И тогда Бхимасена острием стрелы обрил голову Джаядратхи, оставив в разных местах пять пучков волос, и сказал ему:

— Если ты хочешь сохранить свою низкую жизнь, слушай внимательно. Ты должен ходить по всем странам и возглашать на площадях и базарах: «Я — раб Пандавов». Если я узнаю, что ты не следуешь моему велению, я убью тебя.

И они бросили этого своекорыстного царя в колесницу и привезли к своей хижине.

— Я — раб Пандавов, — покорно возгласил он, когда увидел Юдхиштхиру и Драупади.

Злодею обрили голову

— Отпусти его, Бхимасена, — сказал добросердый Юдхиштхира. — Я сегодня счастлив и не хочу видеть несчастных и униженных. Пусть идет куда хочет. Он уже достаточно наказан.

— Да, отпусти его, — добавила Драупади. — Ведь до тех пор, пока вновь не отрастут его волосы, он каждый день и каждый час будет вспоминать о том, что злые дела влекут за собою кару.

И Пандавы, сказав: «Иди, ты больше не раб», отпустили злодущного Джаядратху. Но он не понял урока, который ему дали благородные герои. Запомнив только то, что у него отняли похищенную им красавицу и что его опозорили, он вернулся в свою страну и стал ждать часа, чтобы отомстить Пандавам. Он знал про их распрю с Кауравами и решил в своем сердце, что станет на сторону Кауравов, если между этими двоюродными братьями когда-нибудь разгорится открытая битва.

РАССКАЗ О РАМЕ

Снова по прошествии времени Юдхиштхира стал предаваться недоумению, не понимая, за что они все должны терпеть такие лишения.

— Почему эта лотосоокая Драупади, — спросил он у одного отшельника, — почему эта женщина, лишенная недостатков, подвергается изгнанию и влачит такую жалкую жизнь в лесу? Почему у всех нас, которые никогда не совершали дурных поступков, отнято то, чем мы владели по праву? Почему мы так несчастны, за что? И за что была оскорблена похищением эта лучшая из жен?

И старик, умудренный жизнью, ответил ему:

— Не спрашивай об этом. Значит, такова ваша судьба. Многие из величайших людей земли проводили свои дни в изгнании. Ты уже слышал повесть о Нале, который проиграл свое царство. Мне же известна еще одна повесть о герое, пострадавшем безвинно, и о его жене, которая тоже подверглась похищению. И что же? На всей земле люди славят их имена и будут славить вечно.

При этих словах все Пандавы подсади поближе к отшельнику, и Юдхиштхира спросил:

— Кто же это, расскажи нам. Что с ними произошло? И какие враги ввергли их в бездну страданий?

— В давнее время на далеком острове Ланка жили три брата-ракшаса. Одного звали Раваном, другого — Кумбхакарной и третьего — Вибхишаном. Раван имел десять голов. Он был самым старшим и самым свирепым из всех братьев. Кумбхакарна отличался невероятной силой. Вибхишан же был совершенно не похож на весь род ракшасов — он был добр, правдив и никогда не творил беззаконий.

И все три брата захотели получить от богов дар исполнения своих желаний. Для этого они предались тяжким подвигам. Десятиголовый Раван тысячу лет простоял на одной ноге между пятью кострами, а затем срезал свои головы и принес их в жертву, бросив в огонь. Кумбхакарна много столетий простоял с опущенной головой, а Вибхишан питался одними сухими листьями.

Боги, довольные ими, вернули Равану его головы и обещали исполнить любые желания этих ракшасов за исключением просьбы о бессмертии. И тогда Раван захотел, чтобы никто не мог убить его: ни боги, ни богини, ни небесные воители-гандхарвы, ни ракшасы, ни тигры, ни слоны, ни змеи, ни крокодилы. Про людей он даже не упомянул, потому что людоеды-ракшасы никогда не имели страха перед ними. Могучий Кумбхакарна пожелал себе долгого сна. Вибхишан же захотел, чтобы ему хватило силы даже в опасности не покинуть пути добродетели.

Как только их желания были исполнены, Раван сразу же ограбил бога сокровищ Куберу и отнял у него воздушную колесницу. Затем он стал летать на ней на вершины Гималаев и нападать на всех других богов, не давая им наслаждаться покоем. Среди людей он тоже сеял зло, и все на земле начали ненавидеть друг друга.

Все боги собрались и стали думать, как им теперь избавиться от этого врага, которого никто не может убить. И вспомнили, что Раван в своей просьбе не упомянул людей, а значит, только рукою человека могла быть отнята его жизнь. И тогда в них зародилось желание спуститься из заоблачных высот и воплотиться в жителей земли, чтобы победить этого необоримого ракшаса.

Бог Вишну всегда стоял на страже закона и справедливости. Когда люди начинали погружаться в зло и творить беззакония, он спускался на землю, принимая разные облики — то вепря, то льва, то черепахи, и истреблял тех, кто забыл о добродетели. И теперь, видя, что настала пора поддержать в людях стремление к добру и уничтожить зло, он воплотился в маленького мальчика по имени Рама, сына царя Дашаратхи.

Царь Дашаратха имел трех прекрасных жен. Рама был сыном старшей царицы. Он рос во дворце своего отца, радуя взоры людей несравненной красотой и силой. Уже в детстве он познал все науки и стал искусным воином, грозой для врагов. Он был наделен высокими мыслями и чувствами и был правдив в речах. По древним законам он должен был стать наследником престола. Все подданные произносили его имя с любовью и ждали того счастливого часа, когда он станет правителем.

Достигнув юности, он победил царевичей всех стран на состязании женихов и взял себе в жены Ситу, красота которой озаряла каждый уголок земли, подобно свету тысячи солнц. Счастьем и радостью наполнилась жизнь Рамы и всех, кто окружал его.

Но вскоре река бедствий затопила всю страну, и люди надолго лишились этого светлого царевича.

Это горе навлекла на всех младшая жена царя, гордая красавица Кайкейи.

— О великодушный царь, пусть твой старший сын, твой наследник, будет изгнан из нашей страны, а младший из твоих сыновей, мой Бхарата, пусть будет возведен на престол.

Рама (бронза, XVI век)

Ярость охватила сердце Рама, этого льва среди людей. Вместе со своим верным братом бросился он к далекой Ланке, сокрушая все на своем пути, подобно стаду диких слонов. С такой скоростью бежали они, что горы в одно мгновение оставались позади, а деревья, реки и озера мелькали мимо, как облака, гонимые бурей.

И в этом безудержном стремлении вперед они достигли царства Сугривы, повелителя лесного народа обезьян.

Советником Сугривы был Хануман, эта обезьяна, наделенная божественными свойствами. Он, способный менять свой облик и знающий тайны полета, поднявшись в воздух, пере-

Дашаратха, пораженный ужасными ее словами, словно огненными стрелами, от горя лишился дара речи.

Но когда Рама, одаренный благородством, узнал о том, что царь обещал исполнить любое желание Кайкейи, он сказал:

— Да не будет ложным слово моего отца. Я удаляюсь в изгнание. Пусть Бхарата счастливо правит страной.

И этот праведный царевич, надев одежду отшельника, покинул свою страну и свой народ. Преданная жена его Сита, сказав: «Ни в том, ни в этом мире я не разлучусь с тобой», последовала за ним. Не покинул Раму и средний его брат, молодой воин Лакшман, который безмерно любил Раму и всегда радостно стремился к подвигам.

И вот эти трое поселились далеко от своей цветущей страны, в глухом лесу. Истребляя тысячи ракшасов, охраняли они отшельников. Обо всем этом узнал десятиголовый Раван. Взвившись в воздух на своей колеснице, он устремился в далекий лес, чтобы погубить несравненных героев, которые убивали его кровожадных подданных.

Опустившись на землю недалеко от убежища Рама, он повелел одному из ракшасов превратиться в дивного золоторого оленя, усыпанного драгоценными камнями.

— Бегай вокруг их хижины, то появляясь, то исчезая, пока за тобой не погонятся оба брата. А тогда я сделаю то, что хочу, — сказал он ему.

Когда ракшас, покорный воле своего жестокого повелителя, заманил далеко в лес Раму и Лакшмана, коварный Раван увез Ситу на воздушной колеснице в свое царство.

летел через океан и достиг острова Ланки, плавающего среди бездонной пучины. Он один смог найти Ситу. Увидев ее в саду Равана, исполненную горькой печали, обессиленную, с распушенной косой, Хануман подкрался к ней и утешил ее сердце, проговорив:

— Не скорби, достохвальная царица. Я вестник пресветлого Рамы. С несметной армией он вскоре появится на Ланке и принесет тебе свободу.

Вернувшись к Раме, этот могучий советник Сугривы сказал, что видел Ситу. Он поведал Раме, что его бесподобная супруга ждет своего повелителя, жестоко страдая в окружении ракшасок, косматых, красноглазых, трехглазых, одноногих и разных других, безобразных и злобных.

Тогда Рама, разгневанный и безудержный, попросил Сугриву и Ханумана созвать войско из лесных племен. И когда собрались тысячи миллионов подданных Сугривы, а также тысячи тысяч могучих медведей и других жителей лесов, Рама двинул всю эту огромную армию к океану, в сторону Ланки.

Достигнув берега, омываемого кипучими валами, они все остановились, не зная, как же им переправиться через эту пучину.

Тогда Океан сказал:

— Хорошо, я помогу тебе. Пусть те, кто пришел сюда с тобою, бросают в мои бурные воды скалы, камни, камыш или деревья. Силою моих волн я буду удерживать все это на месте, и вскоре ты увидишь перед собою мост до самой Ланки.

Очнувшись с первыми лучами солнца, Рама, исполненный нетерпения, повелел войскам немедленно начать возводить этот чудесный мост. И вскоре вся его армия переправилась через океан на далекий остров, в царство Равана.

И тогда десятиголовый Раван, который устрашал самих богов, ринулся в бой, стоя в грохочущей колеснице. Силою волшебных чар он породил сотни тысяч новых ракшасов, и, окруженный ими, косматыми и зубастыми, он двинулся прямо на Раму, сиявшего золотым блеском.

Без страха и колебания встретил могучий Рама этого повелителя зла. Все оружие, что метал в него Раван, он на лету разбивал калеными, далеко летящими стрелами. И наконец самую необоримую стрелу, оперенную огнем, он послал в сердце этого владыки ракшасов, и Раван мгновенно был охвачен всепожирающим пламенем.

Убив Равана, ненавистного для всех живых существ, Рама вместе с Ситой, исполненной безмерного счастья, и с Лакшманом, стойким в битве, вернулся в свою родную страну.

Так земля была освобождена от великого зла, и снова на ней воцарилась правда.

Пока стоят нерушимые горы,
И волны рек в океан стремятся,
О подвиге Рамы хвалебная песня
Среди живых на земле не смолкнет.

Беседа Рамы и Ханумана

РАССКАЗ О ПРЕДАННОЙ ЖЕНЕ

Когда старый отшельник закончил повесть о Раме, он сказал:

— Поэтому ты, о Юдхишхира, не должен сокрушаться духом. Ведь великому Раме, когда он остался только вдвоем с Лакшманом, стали помогать даже птицы и звери, а ты имеешь четверых могучих братьев и таких неодолимо сильных друзей, как Кришна. Почему же ты грустишь?

— Меня не так печалит мое горе и даже горе братьев, близких моему сердцу, — ответил Юдхишхира, — как мне больно видеть страдания моей достойной супруги, этой женщины, исполненной чистоты и благородства. Ведь она сама последовала за мной в изгнание и теперь подвергается великим лишениям. Слышал ли ты, почтенный, о какой-нибудь другой женщине, которая страдала бы только за то, что избрала путь добродетели?

— Да. Я слышал историю о Савитри, которая выдержала тяжелые удары судьбы только по причине своей преданности мужу.

— Расскажи нам о ней, досточтимый, — обратилась к нему Драупади.

И они все услышали такой рассказ:

— В одной стране был царь, который до преклонных лет оставался бездетным. Стремясь к приобретению потомства, он принес сто тысяч жертв богине Савитри, и она сама явилась к нему, выйдя из жертвенного пламени.

— Что ты просишь у меня, являя такую стойкость в обетах? — обратилась она к царю, который смиренно склонился перед нею.

— Я хочу иметь много сыновей — продолжателей моего рода, — ответил он богине.

— Нет, сыновей у тебя не будет, но дочь, прекрасная, как заря, скоро украсит твой род, — сказала богиня.

И действительно, у этого царя скоро появилась дочь. Он дал ей имя Савитри в честь богини, которая подарила ей жизнь.

Эта девочка выросла и стала так дивно красива, что люди не знали, кто она — земная женщина или жительница небес. Стройная и безупречная, она была подобна золотому изваянию.

Пораженные ее сияющей красотой, женихи не решались просить у царя ее руки.

Время шло, а никто не брал ее в жены. Удрученный отец ее не знал, что делать.

— Дочь моя любимая, — обратился он к ней однажды. — Поищи себе сама достойного супруга. Я не могу больше видеть тебя незамужней, ведь это и моя вина, что ты одинока. Мудрецы говорят:

*Тот отец, что для дочери взрослой мужа не ищет,
Тот мужчина, что с женщиной брак заключить не стремится,
И сын, что хранителем матери вдовой не служит, —
Эти три в нашем мире земном порицанья достойны.*

Савитри, склонившись к ногам отца, взошла на колесницу и направилась сначала в обитель мирных отшельников, чтобы обрести покой и душевные силы в беседах с ними.

И вот в глухом лесу встретила она юношу по имени Сатьяван и полюбила его всем сердцем.

Отец Сатьявана некогда был могущественным правителем. Но неожиданное несчастье поразило его — он лишился зрения. Воспользовавшись этим, враги отняли у него царство и подвергли его тяжким гонениям.

Он укрылся в лесу, в тихой обители, и мирно жил здесь со своей женой и сыном, который служил ему утешением в скорби.

Сатьяван был великодушен, силен и красив. Но одно страшное заклятие лежало на его жизни — через год он должен был умереть.

От одного великого мудреца узнал об этом отец Савитри и сказал ей:

— Нет, этот юноша не может стать твоим супругом. Все его совершенства излишни, так как через год он расстанется с жизнью. Ты должна выбрать себе другого жениха.

Но Савитри возразила отцу:

— Лишь раз выпадает жребий счастливый,

Лишь раз выходит девушка замуж,

Лишь раз отец обещает: «Я выдам» —

Эти три вещи лишь раз происходят.

А поэтому я не буду думать о его коротком веке. Мое сердце сделало выбор, и я не знаю колебаний. Только Сатьяван станет моим супругом.

— Да будет так, — ответил ей отец и стал думать о свадьбе.

В скором времени он привез свою дочь в лесную обитель и отдал ее мужу, совершив должный обряд. Став женой отшельника, Савитри сняла все украшения и надела платье, сплетенное из лесных трав. Забыв про свое высокое происхождение и про жизнь во дворце, она всем услуживала и проявляла всегда только смирение, ласку и любовь.

Но время шло, и близился страшный срок. Никому об этом не говорила Савитри, но сердце ее горело в огне непрестанной муки. И когда настал день гибели Сатьявана, она ни на шаг не покидала мужа.

Увидев, что он собирается в лес, чтобы поискать плодов и корней, Савитри устремилась за ним. Подсекая деревья и бродя в поисках пищи, Сатьяван вдруг стал слабеть и сказал своей большеокой супруге:

— Боль внезапно охватила все мое тело, и мне кажется, будто голова моя пробита копьем.

С этими словами он лег на землю и смежил глаза. И тут Савитри, объятая ужасом, увидела, что над ним стоит кто-то устрашающий, с серым лицом и огненными глазами, одетый в сверкающие одежды.

— О, кто ты? — трепетным голосом обратилась к нему эта женщина, отмеченная несчастьем.

— Узнай во мне Яму, всесильного бога смерти, — ответил он. — Жизнь твоего мужа, исполненного добродетелей, я сейчас унесу в свое царство.

Сказав так, этот величественный бог извлек из тела Сатьявана его душу и направился в южную сторону, где было царство мертвых. Савитри без колебаний последовала за ним, верная обету не разлучаться со своим мужем.

Яма, могучий владыка смерти, стремился вперед огромными шагами, без усилий перешагивая кусты и деревья, взлетая на горы и скользя над водою рек. Савитри спешила за ним, сбивая ноги о камни, цепляясь одеждой за колючие ветви, спотыкаясь и падая, но не отставая. Наконец неодолимый бог оглянулся и стал отсылать ее от себя, говоря:

— Зачем ты следуешь за мной? Твой долг — жить среди живых.

Но она ответила ему:

— Долг супружества превыше всего. Поэтому не преграждай мне дороги. Я не разлучусь с мужем.

— Слишком далека эта дорога, — сказал Яма. — Ты не пройдешь ее, лучше вернись домой.

Но Савитри возразила:

— Ничто не далеко тому, кто долгу предан неизменно,

На целом свете ничего нет выше преданности долгу.

И, сказав так, она продолжала следовать за Ямой.

— Я доволен тобою, — проговорил тогда этот грозный бог. — Проси у меня дар какой пожелаешь, но только не проси вернуть жизнь твоему супругу. Этого я не сделаю.

— Тогда верни зрение слепому отцу моего мужа, — попросила Савитри. — Он стар и несчастен.

— Да будет так, — произнес Яма.

И снова они пошли друг за другом по бесконечному пути смерти.

— Вернись, женщина, — опять попросил ее бог, устрашающий своим видом. — Ты устала от этой трудной дороги.

— Не может быть для меня усталости возле мужа. Его путь — это мой путь:

Был добрым мой муж, а обшение с добрыми — благо,

Поэтому все на земле должны только к добрым стремиться.

— Я доволен твоими разумными словами, — промолвил Яма. — Проси у меня еще дар, но только не жизнь Сатьявана.

— Тогда, о всемогущий, верни отцу моего мужа царство, отнятое врагами, — сказала Савитри.

— Да будет так, — согласился Яма.

Видя, что Савитри продолжает идти за ним, оставляя за собой кровавые следы, он опять остановился.

— Отчего ты снова идешь по моим стопам? Не терзай себя напрасно. Вернись.

— Позволь мне не подчиниться тебе, хотя ты и считаешься всевластным укротителем всех живущих. Я всегда стремлюсь идти путем правды.

— А в чем правда? — спросил он.

— В чем правда? В том, чтоб ни словом, ни делом не нанести вреда тем, кто живет на свете.

Бог смерти проговорил:

— О женщина, твои речи сладостны. Ты снова угодила мне. Я дарю тебе еще одно желание. Но не требуй у меня жизни твоего супруга.

— Тогда подари отцу моему сто сыновей для продления рода. Ведь он имеет только одну дочь, а это значит, что он почти бездетен.

— Да будет так, — сказал Яма в третий раз. — Но теперь ты должна вернуться. Слишком далек наш путь для тех, кого еще не покинула жизнь.

— Нет, — ответила Савитри. — Никакой путь не далек рядом с мужем. Я стремлюсь туда же, куда направляется он. У нас с тобою, о всемогущий, один и тот же путь, одна и та же правда. А правда от добра неотделима:

*В душах людей доверие лишь доброта рождает,
Лишь добротой можно зло победить земное.*

— Я никогда не слышал таких слов, — сказал грозный Яма. — Четвертый раз дарю я тебе право просить о чем хочешь.

Бог Яма возвращает Савитри душу ее погибшего мужа

телу мужа. Вложив в него душу, она села возле мужа, положив его голову себе на колени, и стала ждать. И вот он очнулся, открыл глаза и сказал:

— Почему ты меня не будила так долго? Ведь уже вечер, надо спешить в обитель.

— Да, вставай, уже пора. Надвигается ночь, просыпаются хищные звери, шакалы воют; поспешим обратно, — ответила Савитри, ничего не сказав ему о своем трудном подвиге.

Глубокой ночью достигли они тихой обители отшельников, и сердце Сатьявана исполнилось радости, когда он увидел, что отец его вновь обрел зрение.

А потом Савитри поведала им обо всем, и они узнали, как была спасена жизнь Сатьявана и каким путем страшное горе обернулось радостью.

— Жизнь Сатьявана прошу я у тебя, о неодолимый бог. Пусть вернется он на землю, и пусть будет у нас сто прекрасных сыновей. Иного желания у меня быть не может. Нет мне без супруга радости, не нужно мне без него и собственной жизни. Подари ему жизнь во исполнение своего слова.

И тогда отпустил Яма душу Сатьявана, сказав:

— Иди и будь счастлива. Твоя любовь победила мою силу. Вы проживете четыреста лет и будете иметь сто сыновей, и род ваш расцветет на земле.

Получив душу Сатьявана, Савитри бегом устремилась к бездыханному

— С тех пор люди неустанно славят имя Савитри, лучшей из женщин. — Так закончил отшельник свой рассказ. И добавил: — Подобно тому как Савитри избавила всех родных от безысходных мучений, так и Драупади, стойкая сердцем и благонравная, поможет всему вашему роду выйти вновь на дорогу процветания.

РАССКАЗ О КОНЦЕ ИЗГНАНИЯ

Чем ближе был конец изгнания, тем чаще думали Пандавы о том, как же им вернуть себе царство. Не было надежды на то, что Дурьодхана, всегда помышляющий только о низменных делах, добровольно уступит им половину страны и отдаст войско и все их богатства.

— Битва, только битва сможет спасти нас, — говорил всегда Бхимасена, гневно сверкая глазами.

— Да, это так, — соглашался Юдхишхира. — Но у нас еще мало союзников, а друзья Кауравов очень сильны.

И он замолкал, вспоминая прежде всего непобедимого Карну, всегда готового к бою и неуязвимо защищенного своим природным панцирем. Он часто думал о том, как им трудно будет одолеть этого героя, который в подвигах равнялся Арджуне и был быстр и дерзок в речах и поступках.

И вот тысячеокий бог Индра, всегда даривший Пандавам свою любовь, услышал мысли, которые мучили Юдхишхиру.

Индра знал о Карне даже то, чего не знал никто из людей. Ему было ведомо, что в рожденных серьгах Карны хранится его бессмертие и что убить его невозможно, пока он не лишится этих серег.

Этот всемогущий бог видел, что победить Карну силой невозможно, а на хитрость Пандавы не способны. Тогда он вознамерился сам отнять у него и панцирь, и серьги, чтобы помочь этим героям, попавшим в беду.

Но как сделать это? И Индра после долгого раздумья решил явиться к Карне в виде брахмана и попросить у него панцирь и серьги как подаяние. Ведь никто из живущих не может отказать брахману в милостыне, потому что нет на свете греха тяжелее этого.

Но об этих помыслах Индры узнал отец Карны — всесветлое Солнце.

Оно явилось своему сыну во сне и проговорило, желая остеречь его:

— Ни богатому, ни нищему, ни воину, ни брахману не отдавай серег и панциря, с которыми ты родился. В них твоя сила, в них твоя жизнь, береги их. Особенно опасайся брахманов. Один из них скоро придет к тебе.

Но Карна возразил:

— О ты, изливающий тысячи лучей на землю, как я могу поступать так? Честь воина состоит в том, чтобы охранять брахманов и отдавать им все, что они попросят. Я могу поступиться всем чем угодно, но только не честью.

И как ни умоляло его Солнце не расставаться с серьгами и панцирем, он стоял на своем: — Пусть я погибну, но не нарушу древнего обычая и не откажу брахману в подаянии.

Тогда Солнце сказало Карне:

— Если ты так непреклонен и так щедр, то попроси у этого брахмана, который к тебе придет, его копьё. Ведь это не брахман будет, а Индра, неодолимый бог грома и битвы. Пусть отдаст тебе свое копьё. Оно обладает свойством не падать на землю и не возвращаться в руку, которая его послала, до тех пор, пока не поразит тысячу врагов. Попроси его, не забудь.

На этом сон Карны прервался. Утром он с глубоким почтением приветствовал первые лучи солнца, упавшие на землю, и стал спокойно ожидать прихода брахмана.

И вот перед ним предстал могучий Индра в обличье брахмана, живущего подаянием.

— Что я должен пожертвовать тебе, почтенный? — обратился к нему Карна.

— В виде милостыни прошу у тебя твои серьги, сверкающие, как солнце, и панцирь, облегающий твоё тело.

— Нет, не проси того, что я не должен отдавать. Хочешь, я дам тебе золотые ожерелья или тысячу коров? Или завуюю для тебя царство, которое ты пожелаешь?

— Я хочу твои серьги и панцирь, — продолжал настаивать Индра. — Больше мне ничего не надо.

— Ну, хорошо. Я отдам тебе то, что ты просишь, — согласился Карна. — Но тогда мне нечем будет защитить мою жизнь. Дай мне взамен твоё копьё, чтобы мне не встретить безоружным моих врагов.

— Я согласен, ты получишь мое копьё. Но в моих руках оно убивает сотни и тысячи врагов, в твоих же оно убьёт только одного. Раньше чем метнуть его, выбери, кого ты хочешь поразить. И пошли его в этого врага только тогда, когда прочтешь вслух заклинание. Слушай его и запоминай.

И великий Индра сказал Карне волшебные слова и отдал ему свое волшебное копьё, а Карна отрезал от своих ушей серьги, наполненные солнечным светом, и отодрал от тела сверкающий панцирь. Истекая кровью, он отдал их тысячеокому богу. Великий Индра одним взглядом исцелил все его раны и покинул землю, вознесясь на вершины Гималаев.

Теперь он знал, что избавил Пандавов от очень сильного врага.

Это все случилось уже к концу двенадцатого года изгнания.

Пандавы готовились к тому, чтобы покинуть лес, который так долго давал им приют. Они обошли все хижины отшельников и простились с ними, принеся им благодарность за участливые слова и мудрые беседы. Драупади в последний раз накормила и приласкала

Индра в обличье брахмана

лесных зверей, которые с любовью приходили к ней каждый день, принесла воды из реки и в последний раз полила все цветы вокруг хижины.

Двенадцать лет провели Пандавы без битв и подвигов, без славных дел и побед. Двенадцать лет прошло вдали от их города, от войска, от всех плодов их дел.

Низкие, злодушные враги своими хищными, нечистыми руками похитили двенадцать лет справедливой и разумной жизни этих мужей, преданных правде. Двенадцать долгих лет страдали подданные их страны, с нетерпением ожидая их возвращения.

И вот срок изгнания истек. И теперь им всем предстояло прожить еще один год неузнанными, чтобы до конца выполнить условие игры, на которое согласился правдивый Юдхишхира.

Покинув свою хижину, великославные Пандавы вместе с верной и стойкой Драупади вновь пошли через лес, с каждым днем удаляясь от своей страны, чтобы найти себе новое прибежище.

Много дней и ночей провели они в этом странствии. Много раз встречали они утреннее солнце и провожали вечернее. Много раз видали они восход луны, ночуя под густыми деревьями. И все шли и шли, не зная отдыха.

В один из дней своего пути они все ощутили сильную жажду, но нигде вокруг не было воды.

— О младший брат мой, — обратился Юдхишхира к Накуле, — влезь на дерево и посмотри, нет ли где-нибудь источника.

Накула, исполнив это, вскричал:

— Я вижу вдали деревья, которые растут у воды, и слышу крики журавлей.

— Пойди туда, — сказал Юдхишхира, — и принеси нам воду в колчане.

Накула ушел и не вернулся. После долгого ожидания обратился Юдхишхира к другому брату, Сахадеве:

— Сахадева, ты младше всех нас, помоги нам. Возьми свой колчан и пойди за водой. И посмотри, где Накула и почему он не возвращается.

Сахадева послушно ушел. И тоже не вернулся.

— Что же произошло с этими юношами, которые всегда с такой радостью стремятся помочь нам? — спросил Юдхишхира у третьего брата, Арджуны. — Пойди следом за ними, может быть, они сами нуждаются сейчас в помощи.

И Арджуна безотказно пошел за братьями. Прошло много времени, но и он не возвращался.

— Иди ты, истребитель врагов, — сказал Юдхишхира Бхимасене. — Приведи обратно братьев и принеси воды. Драупади совсем ослабела от жажды.

Бхимасена устремился в гущу леса по следам своих братьев. Солнце стало клониться к закату, но они не возвращались.

Не зная, что и подумать, сам Юдхишхира, оставив Драупади в тени цветущего дерева, пошел вслед за братьями, обуреваемый тревогой. И что же его ожидало?

На берегу озера с холодной прозрачной водой лежали все его братья как бы в глубоком сне. Он подбежал к Бхимасене и увидел, что этот могучий герой мертв. В ужасе он бросился к Арджуне, но и этот непобедимый воин не являл никаких признаков жизни. И оба младших брата лежали бездыханными на прибрежной траве.

Охваченный неизмеримым горем, остановился над их телами Юдхишхира. «Кто же мог убить их в этом тихом месте? — думал он. — Нигде не видно следов людей, и на теле

этих погибших нет ран и крови. Может быть, вода напоена ядом? Надо мне самому ее попробовать».

Решив так, он спустился к озеру и только склонился к воде, как услышал чей-то голос:

— Это моя вода. Не подходи к ней, пока не ответишь на мои вопросы. Твои братья не хотели сделать это, и я отдал их под власть того, кто уносит жизнь. Сначала дай мне ответы без ошибок, а потом пей сколько пожелаешь.

— Но кто ты? — спросил Юдхиштхира, не видя никого вокруг.

— Я журавль, — последовал ответ.

— Нет, не птицей убиты эти герои. Кто ты?

— Я лесной дух в образе журавля. Но перестань меня спрашивать. Здесь я задаю вопросы. Отвечай, если хочешь сохранить жизнь.

Юдхиштхира пошел на этот голос и вдруг увидел в густой листве деревьев духа леса. Он был ростом с пальму, тело его блестело, как огонь, а глаза были круглыми и смотрели не мигая. Голосом, который напоминал грохот водопада, он спросил:

— Ты будешь отвечать? Или тоже хочешь здесь остаться навсегда?

— Спрашивай, — сказал Юдхиштхира.

И не успевал дух леса задать вопрос, как слышал уже готовый ответ.

— Как приобрести разум?

— В беседах с мудрецами.

— Что ценнее всего для воина?

— Оружие.

— Что важнее всего для пахаря?

— Дождь.

— А для сеятеля?

— Семена.

— Что выше неба?

— Отец.

— Что быстрее ветра?

— Мысль.

— Кто спит, не закрывая глаз?

— Рыба.

— Кто не двигается после рождения?

— Яйцо.

— Кто лечит от холода?

— Огонь.

— Кто является душой отца?

— Сын.

— Кто самый близкий друг?

— Жена.

— Что является лучшим богатством?

— Знания.

— Чем окутан мир?

— Мраком.

— Что является истинным покоем?

— Сердечный покой.

Дух леса

— Какая болезнь неизлечима?
— Жадность.
— О самый разумный среди смертных, ты дал правильные ответы на все мои вопросы. Поэтому я говорю тебе: иди и пей воду из моего озера и набери ее в колчан и не бойся ничего. А братьям твоим я возвращаю жизнь.

С этими словами лесной дух исчез, а все Пандавы тотчас воскресли. Напившись прозрачной воды, они отнесли Драупади полные колчаны воды и спокойно предались ночному отдыху.

РАССКАЗ О ПРЕВРАЩЕНИИ ПАНДАВОВ

Долгий путь Пандавов окончился на краю леса. И здесь Юдхиштхира обратился к братьям:

— Вот перед нами лежит страна, которой правит могущественный царь Вирата. Здесь никто нас не знает, и мы должны прожить здесь целый год, скрывая, кто мы. Покинем же этот лес и направимся в столицу Вираты.

— А куда же мы должны девать свое оружие, скажи, мой мудрый брат? — спросил его Бхимасена. — Ведь лук Арджуны известен всему миру. Так же, как моя булава и мечи наших младших братьев.

— Видите, там вдали растет огромное старое дерево, — сказал Арджуна. — В его ветвях мы спрячем оружие на целый год. Никто его здесь не найдет.

Ловкий и гибкий Накула влез на это дерево и привязал к толстой ветке все луки и колчаны, мечи и копья. После этого они вошли в город и, смешавшись с толпой, дошли до дворца.

Юдхиштхира, умелый в поступках, прошел прямо в тронный зал царя Вираты.

Приблизившись к этому славному правителю, Юдхиштхира сказал:

— О великий царь, узнай во мне брахмана, который хочет жить под твоим покровительством. Я владею искусством игры в кости и буду верно служить тебе.

— Я готов отдать тебе все, что ты пожелаешь, почтенный, — ответил царь, довольный словами Юдхиштхиры. — Ты будешь моим другом и советником, мы будем ездить в одной колеснице... А вы все, — обратился Вирата к своим придворным, — оказывайте ему такие же знаки уважения, как мне.

Так Юдхиштхира поселился во дворце.

Спустя некоторое время перед лицом царя появился Бхимасена. Держа в могучих руках сосуд для приготовления пищи и ложку, он сказал:

— О пресветлый царь, вот я, повар, стою перед тобой. Позволь мне жить у тебя на кухне.

— Ты не похож на повара. У тебя плечи буйвола и руки, как хобот слона, — с сомнением сказал Вирата.

— Да, я не только повар, но и борец. Для того чтобы развлечь тебя, я, безоружный, буду бороться с львами и слонами. Возьми меня к себе на службу.

— Тогда будь главным над моими поварами и моим любимым слугой, — обрадованно проговорил царь.

И Бхимасена быстро прошел на царскую кухню и остался там.

Драупади же, скрыв под черным покрывалом свои прославленные косы, стала ходить взад и вперед по улицам мимо окон дворца. Когда люди спрашивали ее, кто она, Драупади отвечала: «Я служанка. Возьмите меня в свой дом...» Но никто, видя ее, озаренную красотой и нежностью, не мог поверить этому и не брал ее в услужение.

Но однажды эту женщину, бродящую под террасами дворца, увидела царица, любимая жена Вираты, и, призвав к себе, спросила:

— Кто ты, безупречная? Это черное покрывало не может скрыть твою красоту.

— Я служанка, — ответила Драупади со смирением. — Я умею делать красивые прически, готовить ароматные притиранья и сплести гирлянды из разных цветов — из лотосов и жасмина и из голубых лилий. Возьми меня к себе, царица, ты будешь довольна мною.

— О совершенная, я сделаю все, чтобы ты счастливо жила в женских покоях дворца! — воскликнула царица. — Будь старшей над всеми моими служанками и рабынями. Я дарю тебе мое покровительство.

Так Драупади стала жить под той же кровлей, под которой поселился ее достославный супруг.

Следующим во дворце появился Сахадева. Надев одежду пастуха, он сказал, что когда-то раньше пас стада Пандавов.

— А теперь, — добавил он, — эти герои скрылись из людских глаз, и я хочу найти новую работу.

— Как странно! — сказал царь. — Ты больше похож на воина, знатока оружия и вожака колесниц, чем на пастуха.

— Нет-нет, досточтимый владыка, я простой пастух и знаток всех родов стад. Я умею как никто исцелять коров от разных болезней. Возьми меня к себе на службу.

— Ну хорошо, — согласился Вирата. — Я сделаю тебя главным среди всех охранителей моих бесчисленных стад.

Так, никем не узнанный, Сахадева стал служить у этого царя, владевшего несметными богатствами.

Вскоре в тронный зал дворца вошел Арджуна. Он был одет как странствующий артист, чье искусство состоит в том, чтобы веселить женщин городов и деревень песнями и танцами. Чтобы никто не догадался о силе его рук, он надел на них множество сверкающих браслетов. Следы от тетивы на пальцах он скрыл под перстнями. Из-под вьющихся волос, которые закрывали шею, были видны большие серьги, а широкую грудь воина скрывали блестящие ожерелья. Его могучее тело было одето в женский наряд, как предписывал обычай странствующим актерам, которые должны были развлекать женщин.

— Кто это? — спросил удивленный царь. — Я впервые вижу здесь этого человека. Он красив, как житель небес, и взгляд его блещет отвагой. Ему больше пошли бы доспехи воина, чем это платье. Кто он?

Услышав эти слова, Арджуна почтительно приблизился, сложив ладони, и сказал:

— О несравненный владыка, я умею петь, танцевать и играть на сладкозвучных инструментах. Не спрашивай меня, кто я, чтобы не причинять мне страданий. Я брожу по стране, не зная, где мой дом и не имея ни отца, ни матери. Если хочешь, великий царь, я буду учить твою дочь и ее подруг музыке и танцам.

Танец царевны

— О да, да. Музыка украшает жизнь, я очень хочу, чтобы моя дочь изучила искусство танца и научилась петь. Я рад, что ты пришел ко мне. Оставайся с нами.

Таким образом, и Арджуна поселился в этом же дворце.

Через несколько дней последний из Пандавов, Накула, вошел во двор, где стояли царские лошади, и стал взглядом знатока оглядывать их.

— Кто это там осматривает моих коней? — спросил Вирата. — Откуда он пришел? Приведите его ко мне.

Когда Накула вошел во дворец, царь сказал:

— О ты, одаренный красотой молодого бога и силой воина, что ты делал возле моих коней? Что тебе в них?

— Да сопутствуют тебе победы, славный царь, — ответил Накула. — Я конюший и умею обучать боевых коней. Поэтому обо мне знают правители многих стран и всегда радостно встречают меня. Если ты хочешь, о могучий, я буду твоим конюшим.

— Остайся, мне нужен знаток лошадей, — согласился Вирата. — Я подарю тебе золотую колесницу. Будь старшим среди моих колесничих.

Накула согласился и стал жить там же, где его братья.

Каждый из них был искусен в деле, за которое взялся, и все они жили в довольстве.

Так прошло несколько месяцев. И вот наступил большой праздник. В столицу Вираты прибыли отовсюду стрелки из лука и метатели копий, вожаки колесниц и борцы, чтобы показать свою силу и ловкость.

На большой арене состязались они друг с другом, радуя взоры зрителей.

Борцы, подобные утесам, вызывали помериться силами всех жителей страны. Особенно огромен и могуч был один, внушавший страх своим видом. Никто не решался не только вступить с ним в единоборство, но даже подойти к нему близко. Он ходил по арене и вызывающе оглядывал всех, и смеялся, гордый от того, что нет ему равного в этой стране.

И тогда царь Вирата повелел Бхимасене принять вызов этого необоримого силача.

Бхимасена, безмерно обрадованный, согласился, и на арене перед взорами тысяч людей сошлись два непобедимо-могучих героя, подобных двум горам, двум темным тучам, двум яростным слонам.

Они начали борьбу, толкая друг друга плечами и боками, сжимая друг друга руками и бросая на землю. Когда их тела сталкивались с непомерной силой, дрожала земля и валились деревья, а когда они ударяли друг друга ладонями, раздавался грохот, подобный грому. Они кружили по арене, как два буйвола в весенней битве, и никто не мог бы сказать, за кем останется победа. Наконец могучерукий Бхимасена захватил своего противника, поднял над землей и стал крутить его над головой, как палицу. Сто раз повернул он его тело в воздухе, а затем бросил на землю и наступил на него коленом.

Все, кто смотрел на этот поединок, были очень довольны видом такой моши, и Вирата щедро одарил Бхимасену, радуясь, что приобрел слугу, наделенного такой несравненной силой.

Так жили Пандавы, не узнавшие никем, и с нетерпением ожидали окончания этого года, а с ним и окончания своих невзгод и унижений.

РАССКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ КИЧАКИ

Когда миновало одиннадцать месяцев жизни в столице славного царя Вираты, судьба чуть было не перестала благоприятствовать Пандавам. Однажды, когда Драупади была в покоях царицы, ее увидел брат царицы по имени Кичака. Он был дерзким и могучим воином, не знавшим преград на пути своих желаний. Его ослепила красота Драупади. Приблизившись к ней, он проговорил:

— О ты, чьи волосы выются так красиво, лицо сияет, как луна, руки подобны почкам лотоса, а поступь, как поступь лебедя, будь моей женой. Зачем тебе быть служанкой царицы, когда ты сама можешь стать царицей? Соглашайся и пойдем в мой дворец, где я подарю тебе золотые ожерелья и серьги, драгоценные камни и шелковые одежды всех цветов.

— Я служанка и хочу остаться служанкой, — скромно ответила Драупади, не поднимая на него глаз. — Я всем довольна и не стремлюсь к иной жизни.

— Ты болтаешь глупости. Твое положение не соответствует твоей красоте. Каждая женщина должна иметь мужа, который будет о ней заботиться и защищать ее. Не медли больше, пойдем со мною.

Что могла сделать Драупади, чьи уста были скованы обетом не выдавать себя? Она не могла воззвать к покровительству супруга, не могла обратиться и к его братьям. Никто во всем мире не мог бы сейчас открыто вступить за нее.

— Оставьте меня, милостивый царь, — сказала она. — Я никогда не стану вашей женой. Но Кичака, опьяненный ее красотой, схватил ее за руку и потащил за собою.

— Отчего ты упрямисься? — говорил он. — Служанка должна быть счастлива таким даром судьбы. Идем, я объявлю всем, чтобы готовили свадьбу.

Обезумев от страха, чистая сердцем Драупади вырвалась из рук этого злодея и побежала к царю Вирате. Кичака, не терпевший протестов и не знающий милосердия, бросился за ней и схватил за одежду. Она толкнула этого дерзкого так сильно, что он упал. Тогда он, исполненный бешенства, швырнул на землю эту беззащитную женщину и ударил ее ногой.

Красота Драупади пленила злодея

— Да зачем я тебя прошу, словно царицу?! — вскричал он. — Сегодня ночью я приду похитить тебя, знай это.

Зарыдав, Драупади пошла к Бхимасене и рассказала ему о словах и угрозах Кичаки.

Пламя гнева зажгло кровь этого сильнеешего из Пандавов, этого слона среди людей.

— Я убью его, клянусь тебе! — воскликнул он. — Я не стерплю ни одного оскорбления, которое тебе кто-нибудь нанесет, будь то воин или брахман, царь или сам бог. Я убью его.

— Только не дай никому себя узнать, будь осторожен, — стала умолять его Драупади. — Ведь нам остался один месяц изгнания. Не погуби нас всех.

Бхимасена успокоил ее, обещав, что не забудет об этом.

— Но никто из нас не найдет счастья и покоя до тех пор, пока земля будет слышать шаги Кичаки, — сказал он. — Я уже решил, что мне делать. И ты должна мне помочь.

— Но как? Чем может помочь тебе женщина, которая даже не имеет сил защитить себя?

— Сегодня ночью ты должна спать не на своем ложе, а на моем. А я, не замеченный никем, лягу вместо тебя и подожду, пока Кичака явится меня похищать. О том, что будет дальше, ты, прекрасная, не должна думать.

И вот с наступлением ночи Бхимасена встретил Драупади в дворцовом саду. Под прикрытием темноты она провела его в свою комнату и уложила на своем ложе, накинув на него шелковое покрывало. А сама проскользнула в его жилье при царской кухне и притаилась там.

Кичака, который не знал колебаний в достижении своих целей, глубокой ночью направился прямо в женские покои.

Прокравшись в комнату Драупади подобно волку, который жаждет добычи, он стал прислушиваться, боясь, что после его угроз красавица покинула свое ложе. Но, услышав в тишине сонное дыхание и с трудом найдя во мраке, откуда оно доносилось, он бросился к ложу с желанием подхватить на руки спящую Драупади и бежать с ней к себе.

И вдруг его руки вместо тела тонкой и нежной красавицы ощутили железное тело Бхимасены.

Разбуженный Бхимасена, подобный взбешенному вепрю, одним движением смял Кичаку, как пучок тростника, и голыми руками переломал ему все кости. Затем он отнес в сад то, что осталось от злодея, и бросил там эти жалкие останки.

Когда утром было найдено тело Кичаки, никто не мог понять, кем же был убит этот сильный воин и каким страшным оружием все его кости были раздроблены на мелкие кусочки.

Все жители дворца говорили об этом, спрашивая один у другого:

— Уж не гандхарвы ли погубили храброго Кичаку?

Кичака

— Кто же из смертных мог сделать это?

— Кто обладает такой нечеловеческой силой?

Царь Вирата обратил этот вопрос даже к своему придворному поэту, и тот ответил ему такими строфами:

Из жителей неба лишь Индра великий

Да светлых гандхарвов небесное войско

Могли с такой силой Кичаку сразить.

Но здесь, на земле, среди смертных созданий,

По силе безмерной, могучей и грозной

Лишь средний из Пандавов равен богам.

— Да, только средний брат великого Юдхиштхиры мог бы так проявить свой гнев! — стали восклицать все. — Но ведь Пандавы скрылись неизвестно куда и их следы давно потерялись. Кто же убил Кичаку?

Так выражали свое удивление не только придворные, но и горожане, рассказывая друг другу о страшном событии в дворцовом саду.

Эти речи услышали многочисленные слуги Дурьодханы, которых он разослал во все страны, чтобы узнать, куда скрылись Пандавы на тринадцатый год изгнания.

Вернувшись в столицу Кауравов, они предстали перед Дурьодханой и рассказали ему обо всем, что произошло в столице царя Вираты. Но боги затмили их разум, и они ничего не сказали о том, что все там говорят о Бхимасене.

— Так мы и не смогли нигде обнаружить Пандавов, — закончили они свой рассказ. — Покорные твоему велению, о царь царей, мы искали их следы в лесах и полях, на склонах гор и на вершинах. Мы спрашивали о них в городах и деревнях, у воинов и нищих, у отшельников и придворных. Нет нигде на земле этих твоих врагов, о величайший среди великих. Мы узнали только о том, что гандхарвы убили Кичаку, военачальника царя Вираты, и что войско его теперь ослабело. Других новостей нет в чужих странах.

Вслушав эти речи, Дурьодхана, чьи мысли всегда были направлены на низкие дела, решил вместе со своим другом Карной и всеми своими братьями напасть на страну Вираты и разграбить ее. Но и ему в голову не пришло, что Кичаку поразили гнев Бхимасены.

Кауравы собрали сильное войско и повели его с великим и устрашающим шумом прямо к столице Вираты.

Там они разделили войско на две части, и одна из них должна была вызвать на бой армию Вираты, а другая в это время направилась на пастбища, чтобы окружить и угнать стада, составлявшие богатство царя.

Вирата, этот справедливый правитель и владыка мужей, узнав о приближении врага, сказал Юдхиштхире:

— Что же мне делать? Мой военачальник убит гандхарвами, и некому вести мое войско в бой. Это удручает мое сердце.

Услышавший эти слова Бхимасена обратился к нему:

— Если ты дашь свое согласие, о защитник народа, я помогу твоему войску сражаться. Ты уже знаешь, что я умею побеждать в борьбе.

И когда разгорелась битва, Бхимасена, неистовый в бою и исполненный силы и мужества, смял ряды вражеской армии, разбил сотни колесниц и сокрушил тысячи воинов.

Армия, которую возглавил сам благородный Вирата, мчалась за ним и сокрушала врагов, подобно лавине.

Когда победа была уже близка, в столицу Вираты прибежали обезумевшие от страха пастухи и стали призывать на помощь, крича, что враги угоняют стада. Но кто мог отразить удар этих жадных пришельцев? Только юный сын царя Вираты, но и у него не было даже колесничего, чтобы везти его в бой.

— О кто, кто поведет мою колесницу в битву? — восклицал царевич. — Горе мне! Я, сын царя, не могу защитить свой народ и свои богатства. Кто остался в столице, способный править боевыми конями?

Но никто не отзывался на этот призыв, потому что всех воинов увел Вирата на бой.

Когда слух об этом дошел до женских покоев дворца, Арджуна, лучший среди вожаков колесниц, устремился к царевичу, не успев даже снять «украшения и женское платье, и сказал:

— Я целый год живу во дворце твоего отца, благосклонного подателя даров, великого Вираты. Дни мои протекали в мирных занятиях танцами и музыкой. Но сейчас настал час, когда я должен помочь вам всем. В моих руках хватит силы сдержать твоих коней. Идем, покажи мне, где твоя боевая колесница.

И они, взойдя на колесницу, вдвоем поскакали прямо на поля, где раньше мирно паслись стада, а сейчас бесчинствовали враги. Эти поля простирались вокруг старого дерева, в ветках которого было спрятано оружие Пандавов. Арджуна безмерно обрадовался, взяв в руки свой лук.

Обильные стада, которыми владел царь Вирата, были отогнаны далеко от пастбищ и окружены войском Кауравов. Сам Дурьодхана вместе с Карной был во главе этого войска.

Подобный кровожадному тигру, он кружил вокруг чужого скота, радуясь своей добыче. Сотни и сотни колесниц и воины на конях и слонах стояли там, сверкая оружием, как стена, увенчанная остриями.

Стада царя Вираты были бесчисленны

Сердце юного сына Вираты, не искушенного в боях, дрогнуло. Увидев, что их всего двое против такого могучего войска, царевич, охваченный страхом, выскочил из колесницы и побежал обратно, не помня себя.

— Стой! — вскричал Арджуна. — Какой же воин бежит с поля боя? Лучше смерть, чем позорное бегство. Вернись!

С этими словами он тоже спрыгнул с колесницы и бросился догонять убежавшего царевича. Его, покинувшего укрытие колесницы и стремительно бегущего по полю, увидели тогда все враги.

— Кто это? Кто? — стали восклицать военачальники Кауравов. — Он бежит в развевающейся женской одежде, но прискакал на боевой колеснице. На нем много сверкающих украшений, но его широкие плечи и могучая шея напоминают Арджуну. Уж не он ли это перед нами?

— Кто же, кроме непобедимого Арджуны, может один выступить против тысяч врагов? — сказал Дурьодхана. — Если только это он, неустршимый в битве, тогда я нашел здесь мое счастье. Мне думается, что до конца последнего года изгнания Пандавов осталось еще несколько дней. И теперь они, узванные нами, снова должны будут уйти на двенадцать лет в леса.

— Нет, — сказал Карна, — ты ошибся, повелитель. Срок их изгнания кончился. И теперь вам придется решать ваши споры только в открытом бою.

В это время Арджуна догнал сына Вираты и стал стыдить его, говоря:

— О сокрушитель врагов, о тигр среди людей, если ты не можешь биться, возьми вожжи и веди колесницу, а я буду вести бой. Направляй бег коней прямо в гущу врагов. — С этими словами Арджуна поднял над головой свой могучий лук.

Когда юный царевич взгляделся в этот лук, равного которому нет в трех мирах, он поразился и спросил:

— Чье это оружие, подобное оружию богов? Он похож на лук несравненного героя Арджуны, рассказы о подвигах которого я слышал с колыбели.

— Это оружие Арджуны, сына царя Панду.

— Но где же этот светлый герой? Ведь говорят, что все сыновья Панду исчезли с лица земли.

— Узнай во мне Арджуну и не бойся ничего. Я и все мои братья жили целый год неузнанными в вашем дворце. Мы защитим ваше царство от этих злобных врагов. Сегодня я могу открыть себя. Сегодня кончился тринадцатый год изгнания.

Услышав эти слова, сын царя Вираты возрадовался сердцем и ощутил, что его покинул страх. Он склонился перед Арджуной и сказал:

— Я боялся иметь своим другом в бою того, кто учит девушек петь и танцевать. Но нет счастья выше, чем счастье биться плечом к плечу с Арджуной, слава которого гремит по всей земле. Говори, что надо делать, — я покорен тебе.

Тогда Арджуна сбросил со своих рук золотые браслеты и кольца, и они со звоном раскатились по земле. Он надел на руки чехлы, сделанные из кожи ящерицы, чтобы тугая тетива не сорвала мяса с пальцев. Затем он рванул тетиву своего божественного лука, и ее

Юный царевич

звук, подобный реву урагана в горах, облетел всю землю и заставил замереть души врагов и возликовать сердца друзей. Долго никто не слышал этого звука, а теперь все узнали, что Арджуна, это украшение битвы, снова встал в ряды воинов.

— Сдержи коней, — сказал он царевичу, — чтобы они не понесли, я буду трубить в раковину.

И вот могучий звук боевой раковины этого величайшего из героев заполнил все пространство, и сотряс землю, и расколочил горы, и поднял волны в океане.

Сердца всех воинов Дурьодханы сжались от страха. А угнанный ими скот, испугавшись этого звука, ринулся бежать, топча пеших воинов и мешая построению войска.

И вот снова запела тетива, натянутая рукой Арджуны, и тысячи тысяч его стрел закрыли небо. Военачальники Дурьодханы падали на землю, пронзенные десятками стрел. Мертвые воины покрыли все поле, как колосья сжатого риса.

Карна, пораженный, бежал, боясь оглянуться. А Дурьодхана, пытавшийся вступить в поединок с этим лучшим среди знатоков оружия, был мгновенно изранен, не успев даже поднять свой лук. Он повернул вспять всех воинов, оставшихся в живых, и вскачь помчался к границам царства Вираты, чтобы скорее покинуть эту страну.

РАССКАЗ О КОНЦЕ ИЗГНАНИЯ

По прошествии тринадцати лет своего изгнания все Пандавы совершили торжественное омовение, умастили свои тела сандалом, надели белые одежды и золотые головные уборы и, придя в тронный зал царя Вираты, сели на сиденья из слоновой кости, украшенные драгоценными камнями.

Увидев их, сидевших на царских тронах и сиявших красотой и величием, Вирата был поражен:

— Эти троны предназначены для сыновей царей. Отчего же ты, мой придворный игрок в кости, и ты, мой повар, и вы, все остальные, сидите здесь в царских нарядах?

— Не гневайся, о достохвальный царь, — ответил Юдхиштира. — Сегодня эти места принадлежат нам по праву. Исчезнувшие из глаз людей год тому назад Пандавы — это мы. Узнай в нас сыновей царя Панду, которые почтительно приветствуют тебя. Ты дал нам приют на этот год, и мы всегда будем твоими друзьями.

Исполнившись радости, благородный Вирата предложил Пандавам все свое царство и все свои богатства, но блистательный Юдхиштира избрал только один из его городов, чтобы созвать туда всех царей, связанных с ним узами дружбы.

И вот в этот город собрались владыки всех народов, правители всех стран земли. И это блестящее собрание царей было подобно звездному небу или вершинам Гималаев.

И все они узнали от Пандавов повесть их страданий и всего, что произошло с ними за эти тринадцать лет. И все восклицали:

— Только войной вы вернете утраченное. Только силой оружия вы сможете заставить Дурьодхану склонить свою надменную голову. Объединитесь с нами, и мы разобьем армию Кауравов, раскидаем ее, как муравейник, по лицу земли.

Согласившись с этими мудрыми советами, Юдхиштхира послал Арджуну в город Двараку, столицу пресветлого Кришны.

— Скачи на колеснице, стремись вперед, не сдерживая коней, и заключи союз с этим лучшим из мужей земли, — повелел он своему брату. — Нам пора готовиться к битве с нашими притеснителями.

И Арджуна помчался к Кришне, к этому защитнику народа. Но, прискакав в Двараку и войдя в покои дворца, он узнал, что незадолго до него сюда же прибыл Дурьодхана. И вот оба они предстали перед Кришной, который озарял весь мир своим блеском, подобно тому, как солнце озаряет облака. И оба стали просить этого героя, одаренного истинной силой, помочь им в предстоящей битве.

— Ты должен оказать помощь мне первому, — сказал Дурьодхана, — потому что я достиг твоего дворца раньше этого сына Панду. Люди справедливые и знающие обычаи всегда исполняют раньше просьбу того, кто пришел первым.

— Хорошо, — ответил великославный Кришна. — Проси о чем хочешь, тебе не будет отказа.

— Я прошу, чтобы ты мне помог одолеть Пандавов. Больше мне ничего не нужно, — сказал Дурьодхана.

— Но я еще не слышал, чего хочет сын Панду, прискакавший сюда на золотой колеснице, — говорил Кришна.

— Я прошу, чтобы ты нам помог одолеть Кауравов. Больше нам ничего не нужно, — ответил Арджуна.

— Как я могу исполнить столь разные просьбы? — спросил Кришна. — Для этого я должен разделить на две части все пригодное к битве, что я имею. А это мое войско, искушенное в сражениях, и я сам. Какую же часть выберет каждый из вас?

— Я, я должен выбирать первым! — вскричал Дурьодхана. — О великий, не нарушай обычая. Позволь мне произвести выбор.

— Выбирай, — благосклонно согласился Кришна.

— Я выбираю твое могучее войско, не знающее поражений. Пусть все твои воины явятся в мою страну.

— А ты, сын Панду, что выбираешь ты? Будешь ли ты спорить с Дурьодханой из-за моего войска?

— Нет, сокрушитель врагов, не буду, — ответил Арджуна. — Я избираю тебя, стойкого в подвигах, тебя, украшение земли.

— Выбор сделан! — сказал Кришна. — Да будет так.

Дурьодхана сделал свой выбор

Обрадованный Дурьодхана, полагая, что его выбор наилучший, отправился в свою столицу, чтобы поделиться этой счастливой вестью со своими друзьями.

А Кришна, оставшись наедине с Арджуной, спросил его:

— Почему, о лучший из рода Бхараты, ты остановил свой выбор на мне и пренебрег моим войском, которое так искусно в бою?

— Я отвечу тебе, о владыка мужей, словами, которыми воспевают тебя в этом мире:

Из всего, что обильно рождает земля, —

Из творений живых и из мертвых вещей —

Все живое является высшим.

Из великого множества тварей живых,

Что летают, мелькают, кружат по земле,

Человек почитается высшим.

Из всего необъятного рода людей —

Из царей, полководцев, рабов, мудрецов —

Ты, о Кришна, являешься высшим.

А поэтому я хочу, чтобы ты не отказал мне в милости стать моим колесничим и руководить мною на трудных дорогах битвы.

— Я согласен, о непобедимый, — сказал Кришна.

Затем они оба, взойдя на колесницу, направились к Юдхиштхире и другим Пандавам.

Дурьодхана же, стремясь в свою страну, встретил по дороге огромную армию. Сотрясаемая землю, шли воины, мчались колесницы, вышагивали слоны. Оружие всех видов и форм сверкало на солнце, пестрели разноцветные флажки над колесницами, блестели доспехи. Во главе этого неисчислимого войска был великий царь Шалья, родной дядя Пандавов, который спешил повидать их и порадоваться их освобождению.

Тогда Дурьодхана, мысль которого всегда успешно текла по пути коварства, не замеченный никем, свернул с дороги. Он повелел всем жителям страны готовить лучшие яства и питье, воздвигнуть обширные навесы для тени и принять эту армию с почетом и любовью. Все так и было сделано, как он сказал.

И вот достославный царь Шалья, видя, как наслаждаются его воины таким гостеприимством, пожелал узнать, кто же их принял с таким радушием. Тогда перед ним предстал Дурьодхана. Шалья, исполненный благодарности, обнял его и сказал:

— Ты, о щедрый, поддержал моих воинов во время далекого и долгого пути. Проси у меня что пожелаешь, тебе не будет отказа.

И, очастливленный этим обещанием, Дурьодхана проговорил:

— О могучий царь, о лучший среди лучших, я прошу только об одном: стань во главе одного из моих войск. Нет на свете военачальника, подобного тебе. Я хочу, чтобы ты сражался на моей стороне.

— Но с кем же ты хочешь биться, о герой? — спросил Шалья. — Ведь никто тебе не угрожает.

— Судьба изменчива, — сказал Дурьодхана. — Никто не знает, что нас ждет впереди. Ты дал мне слово, теперь исполни его.

— Хорошо, я согласен. И мое войско тоже сольется с твоим. Я не изменю данному слову, — проговорил Шалья и направился дальше по своему пути.

Встретившись с Юдхишхирой, он рассказал ему обо всем, что произошло, и был очень опечален, узнав у этого лучшего из царей земли о том, что Пандавы готовятся к битве с Кауравами.

— Я, твой родной дядя, я, который является твоим вторым отцом, так опрометчиво дал слово поддерживать твоего врага, — с горечью говорил он. — И это в то время, когда вы все сами так нуждаетесь в помощи. О горе мне, горе! Что же теперь делать?

— Нет сомнения в том, что ты должен сдержать слово, данное Дурьодхане, — сказал ему справедливый Юдхишхира. — Но и мне ты можешь помочь. Из всех, кто будет биться на стороне Кауравов, опаснее всего Карна, сын Солнца. Искусный в подвигах и дерзкий, он будет нападать на Арджуну. Надо обезопасить моего брата от его стрел. Ты, о дядя, должен стать колесничим Карны и править его колесницей так, чтобы он не мог поразить Арджуну. Больше помощи нам не надо, поэтому не печалься из-за содеянного тобой.

— Пусть будет так, — согласился Шалья. — Я рад, что хоть чем-нибудь смогу поддержать вас в битве.

Вскоре привел свое могучее войско брат Драупади, бесстрашный герой Дриштадьюмна, и со всех концов земли стали стекаться армии разных государств. Эти армии, исполненные моши, были подобны грозovým облакам, плывущим по небу. Воины в сверкающих доспехах были, как золотые изваяния, а боевые слоны походили на несокрушимые горы. Колесницы летели так быстро, что казалось: кони не касались копытами земли.

И каждая из армий, вливаясь в неисчислимое войско Юдхишхиры, тонула в нем, как тонкий ручеек тонет в океане. Но все новые и новые друзья этого царя справедливости оставляли свои страны и приводили войска под его стяги.

И когда собрались тысячи тысяч воинов, Кришна, приблизившись к Юдхишхира, сказал:

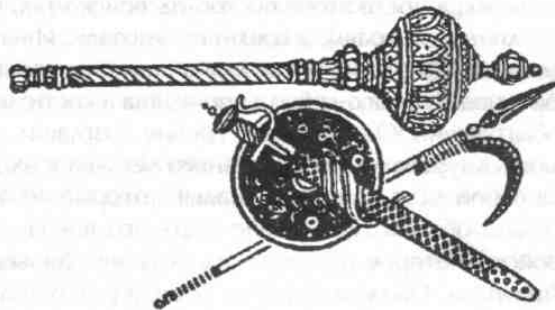
— Пока не натянут лук Арджуны, пока булава Бхимасены не засверкала в его могучих руках, пока спят в ножнах мечи твоих младших братьев, о украшение рода Бхараты, следует сделать все, чтобы избежать битвы. Я направлюсь к Дурьодхане и попробую примирить вас.

Сказав так, он взшел на колесницу и вскоре прибыл ко двору слепого царя Дхритараштры. Обращаясь к нему и к его советникам, и к царям, которые собрались там, и к самому Дурьодхане, он старался лучшими словами убедить их вернуть Пандавам их царство и все их достояние.

Но хотя великомудрый прашур Бхимша, и советник Видура, исполненный честности, и старый Дхритараштра просили Дурьодхану стать наконец на путь правды и закона, этот злоумный не хотел и слышать о возвращении захваченного.

И Кришна, не преуспев в задуманном, вернулся к Пандавам.

— Теперь, — сказал он, — когда мы выполнили долг благородства, нам не остается ничего, кроме битвы.

Традиционное индийское вооружение

РАССКАЗ О СБЛИЖЕНИИ АРМИЙ

После того как Кришна, этот светоч земли и небес, покинул двор слепого Дхритараштры, Дурьодхана обратился к своим друзьям и приближенным, сказав: — Теперь, когда Кришна увидел, что мы неколебимы, битва начнется скоро. Мы знаем, что Пандавы готовятся к ней, пора и нам подумать о том, чтобы наше войско было готово к бою.

— Мои воины уже проверили свои колесницы и вычистили коней, — проговорил один из военачальников.

— Мои воины накормили и выкупали слонов и укрепили паланкины на их спинах, — сказал другой.

— Мои воины приготовили все оружие и ждут начала боя, — промолвил третий.

И так, один за другим, все начальники войска сообщили о том, что все готово к битве. И тогда Дурьодхана оглядел всю свою армию и увидел ее, огромную и сверкающую, подобную океану при восходе луны. Он повелел разделить всех воинов на лучших, хороших и средних, а после этого построить войско так, чтобы лучшие были впереди, хорошие — посредине и по краям, а средние — позади. И на много других частей делилась эта армия. Во главе одной из них Дурьодхана поставил своего брата Душшасану, который так оскорблял Драупади, когда она была проиграна в кости; во главе другой стал Шакуни, коварный игрок, обыгравший Юдхистхиру. Третью возглавил наставник Дрона, который обещал свою помощь Кауравам за то, что много лет жил в их дворце, не зная забот. Еще одну часть повел за собой дядя Пандавов, Шалья, который не переставал печалиться о том, что так неосторожно обещал Дурьодхане стать его военачальником. И во главе неисчислимого своего войска, которое тоже слилось с армией Дурьодханы, стал дерзкий Джаядратха, похититель Драупади. Пандавы стрелой обрили ему голову в лесу, и теперь его сжигала жажда мести. И другие части этого великого войска возглавили братья Дурьодханы и его друзья.

«Но кого же сделать самым главным военачальником? — подумал Дурьодхана. — Кто славен больше других своей мудростью и отвагой, знанием оружия и опытом жизни?»

После раздумий он избрал прадеда Бхишму, который до старости сохранил зоркость глаза, меткость руки и умение воевать и добиваться побед.

Дурьодхана пришел к этому величайшему из воинов земли и обратился к нему, почтительно сложив ладони:

— О могущественный, армия без главного военачальника подобна куче муравьев, которые снуют по земле взад и вперед. Ты среди нас подобен месяцу среди созвездий и Индре среди богов. Иди впереди нас, как сильный бык впереди стада.

— О воин, пусть будет так, как ты хочешь, — ответил благородный Бхишма. — Но ты ведь знаешь, что я люблю Пандавов и не стану убивать их. Я обещал твоему отцу свою помощь, и я буду сражаться за вас, но их я убивать не стану. Поэтому я буду уничтожать каждый день по десять тысяч других воинов их армии. По прошествии месяца я истреблю все их войско.

Тогда Дурьодхана спросил наставника Дрону:

— О сильнейший, сколько дней и ночей пройдет, пока ты уничтожишь армию врагов?

— Я тоже уже стар, и сила моих рук упала. Не меньше месяца пройдет, раньше чем я смогу сделать это.

И все другие военачальники ответили, что такое же время, и даже больше, пройдет до того, как они победят врага. Один Карна воскликнул с жаром:

— А я, о повелитель земли, истреблю всю армию Пандавов за пять дней. Я поведу твое войско, если захочешь.

Услышав это, старый Бхишма улыбнулся и сказал:

— Так можно говорить до тех пор, пока не увидишь войска Пандавов воочию.

И Дурьодхана, согласившись с этими словами, обратился к Бхишме:

— Веди нашу армию за собой, подобный опытному вожаку слонов. Мы все будем почтительны тебе в этом бою.

И тогда Карна, вскочив со своего места, в гневе закричал:

— О, если Бхишма возглавит твое войско, пресветлый царь, тогда я не буду сражаться. Он всегда был против меня. И против тебя. Он всегда был за Пандавов. Зачем ты даешь ему право вести твое войско? Я не буду сражаться до тех пор, пока его не убьют. Знай это. Или повели мне вести твое войско.

Но Дурьодхана не мог решиться доверить армию своему пылкому другу, заносчивому и самонадеянному. Поэтому он решил, что Бхишма возглавит поход, и известил об этом всех. И воины в знак приветствия и радости стали трубить в раковины и бить в барабаны и с великим шумом двинулись вперед, стремясь поскорее встретиться с врагом.

И вот эта огромная армия пришла к полю боя и остановилась на Курукшетре* на ночной отдых, закрыв собою всю землю, подобно тому как черная туча перед грозой покрывает небо, как саранча покрывает поле.

А в армии Пандавов тоже собрались все военачальники, эти могучие среди могучих, эти воины, одаренные величием и силой. И Юдхишхира спросил Арджуну, лучшего из носителей оружия:

— Скажи, о тигр из рода Бхараты, сколько времени потребно тебе для того, чтобы сме- сти армию Кауравов с лица земли?

— Во мгновение ока их всех поглотит тайное оружие всемогущего бога Шивы, которое я получил от него на вершинах Гималаев. Но мы победим их и без этого страшно разящего оружия. Взгляни, какие воины тебя окружают, какие львы среди людей, какие несокрушимые горы силы и мужества.

— Да, — согласился Юдхишхира. — Верховным вождем всего войска, всех армий я прошу стать брата несравненной Драупади — многоопытного воина. Не будем думать о длительности битвы, будем думать о самой битве. Тебя, Бхимасена, не знающий поражений, я прошу стать во главе главного отряда. Ты, подобный грозе, как бы родившийся в бою, будешь сражаться впереди всех, сокрушая врагов. А эти младшие наши братья, Накула и Сахадева, будут охранять тебя с двух сторон от вражеских стрел и копий. А я буду в центре армии, чтобы хорошо видеть все, что происходит. И Арджуна, стоя в колеснице, которую поведет Кришна, будет недалеко от меня.

* Курукшетра («поле Куру») — равнина километрах в ста к северо-западу от современного города Дели — столицы Индии.

И вот эта армия двинулась вперед, подобная Ганге, которая стремится в океан. В середине ее шли слоны, каждый из которых нес на себе семь воинов. По сторонам и впереди летели колесницы, обшитые шкурами тигров и леопардов. К колесницам были прикреплены колчаны, полные стрел. В них лежали также острые дротики, палицы и разное другое оружие. Кони, которые влекли колесницы, были украшены жемчугом и колокольцами, а воины в колесницах были искусны во владении оружием и в управлении конями.

Шли пешие воины, вооруженные луками, и копьями, и мечами. А другие пешие воины несли за спиной кувшины, полные ядовитых змей. А третьи имели длинные трубки, чтобы пускать во врага струи горячей патоки и горящую смолу. И за ними быки влекли большие чаны, где кипела патока и разогревалась смола. Эта устрашающая армия пришла на поле боя и остановилась там против вражеского войска. И были эти обе армии, как два бурлящих океана, разделенных узкой полосой земли, на которой еще царили мир и покой.

Спустилась ночь, и оба войска затихли, чтобы предаться отдыху. И для многих воинов это была последняя ночь, которую они должны были провести в числе живых.

В эту ночь, последнюю перед решающим сражением, Карна не мог уснуть. Он отошел в сторону от спящих воинов, опустил на теплый песок и задумался, глядя на блеск далеких-далеких звезд. Он пытался мысленно представить себе завтрашние бои, эти кипучие стычки воинов и свой поединок с Арджуной. Он мечтал о том, что убьет его, именно его, этого гордого царевича, чьи победы на воинских состязаниях всегда все превозносили, называя его лучшим из тех, кто носит оружие. Да, он был прекрасным метким стрелком, но и стрелы Карны безошибочно достигали той же цели, но этого как бы никто и не замечал; зачем обращать внимание на успехи какого-то молодого колесничего, чьи руки должны уметь держать вожжи, а не луки, и кто должен уметь направлять колесницу воина туда, где нужно нанести удар.

Но вдруг тишину этой звездной ночи нарушил легкий звук чьих-то шагов, а затем чья-то ласковая рука коснулась волос Карны. Вскочив, он увидел перед собой Кунти, окутанную тонким белым покрывалом. Молитвенно сложив ладони, она обращала к нему лицо, залитое слезами.

Карна приветственно склонился к ее стопам и сказал:

— Благослови меня перед боем, великая царица.

— Да будет счастье сопутствовать тебе, дорогой мой сын.

— О ты, высокородная, не смогла увидеть в этом мраке, что это перед тобою я, Карна, сын простого колесничего, а не твой сын.

— Нет-нет! Я никогда не ошибусь, называя тебя сыном. Ведь это ты был первым, подарившим мне радость материнства. Мои сыновья Пандавы — это твои младшие братья. Ты — мой первый сын в этой земной жизни. Верь мне!

Карна припал головой к ее стопам:

— Не могу, не смею не верить тебе, великославная! Но не откажи в ответе на мой вопрос: кто подарил мне жизнь?

И Кунти поведала ему все о его рождении, все без утайки. И тогда боль и гнев охватили душу Карны.

Кунти пришла к Карне

— Ты дала мне великое счастье узнать, что я не безродное дитя, выросшее в семье члена невысокой касты. Ты подтвердила мое право на владение оружием, наследственное право истинного воина. Ведь я стал другом Дурьодханы только потому, что он одарил меня частью своего царства и я обрел великое святое звание воина. И я всегда буду сражаться на его стороне, как положено другу. Но — против кого? Против моих родных братьев? Против твоих сыновей, достопочтенная царица? Но воины не изменяют долгу дружбы, и теперь, будучи прикованным к Дурьодхане этим долгом, я без колебаний буду завтра убивать твоих сыновей. Так будет, мне нет выхода, и не может быть другого решения!

Кунти, заливаясь слезами, стала умолять его о сожалении, прося пощадить жизнь ее достопочтенных сыновей, это украшение рода Куру, древнего рода воинов и царей. Каждое ее слово было налито страхом за жизнь своих детей:

— Ты говоришь, почтенная, что ты моя мать, и я верю тебе. Но скажи, почему же ты раньше об этом не вспоминала? Ты же видела, что меня как низкороджденного изгоняли с площадки для воинских соревнований? Когда видела, как меня, сына бога Солнца и высокогородной царицы, унижали на глазах у всех собравшихся. Где ты была, моя мать, когда я, отвергнутый всеми, рыдал и молил бога смерти, темного Яму, изъять мою душу из тела? Жизнь твоих сыновей была сплошным праздником чести и побед, а моя была полна незаслуженных обид. Ты только теперь вспомнила обо мне, когда твоим сыновьям грозит смерть от моей руки, и молишь меня пожалеть тебя и не лишать тебя ни одного сына. Прошу тебя стойко выслушать мой ответ, достойнейшая царица: я клянусь тебе, что лишу жизни только одного из Пандавов, а против других я оружия не подниму. И ты, и все помнили, что ты обладаешь пятью сыновьями, так знай же, что и после этой битвы у тебя снова будет их пять, и пятым стану я, твой первенец, твой сын от бога Солнца. Я займу то место, которое предназначено мне от рождения. А теперь прошу тебя покинуть наш стан. Уже близится рассвет, и я хочу в одиночестве встретить первые лучи пресветлого Солнца, моего отца.

Приняв от Карны последний глубокий поклон, Кунти удалилась, снова и снова оплакивая и проступок своей ранней юности, и услышанную от Карны горестную повесть его жизни, и заранее в ужасе ожидая страшных вестей с поля предстоящей битвы.

Когда вершины Гималаев окрасились первыми лучами утреннего солнца, Арджуна обратился к Кришне, сказав этому несравненному:

— Скоро начнется великая битва. Взойдем на колесницу и окинем взглядом армии, стоящие здесь.

И Кришна погнал коней и остановил колесницу между двумя ратями, чтобы Арджуна смог увидеть всех, кто был готов к бою. И вот взор этого славного воина упал на оба неисчислимо огромных войска, исполненных жажды битвы. И среди вражеских воинов Арджуна увидел прадеда Бхишму, который когда-то впервые показал ему, как надо держать лук в руках. И наставника Дрону, который с такой любовью учил всех Пандавов владеть оружием и так гордился их успехами. И всех своих двоюродных братьев, вместе с которыми он рос во дворце слепого Дхритараштры. Увидел он также своего дядю, царя Шалью, который стал военачальником у Кауравов, и много, много других родных.

И когда Арджуна охватил взором всех этих членов своего рода, готовых к тому, чтобы убивать или быть убитыми на поле брани, в великой скорби сжалось его сердце.

— О скажи, несравненный, — обратился он к Кришне, — разве нет другого пути, кроме кровопролитной битвы, чтобы вернуть нам незаконно отнятое царство? Неужели никаким

другим путем нельзя спасти наш народ от притеснений Дурьодханы? Неужели нельзя прекратить распри в нашей стране, не убивая всех, кто близок мне по крови?

— Словами мудрых отвечу я тебе, о лучший из потомков Бхараты, — сказал Кришна. —

*Ведь тот, кто родился на свет,
Обрел себе смертную долю.
Путь свой пройдя по земле,
Канет он в смерть неизбежно.
Что же за польза скорбеть
О том, что нельзя отворотить?*

— Нет, не в силах я убивать своих родных. Не желаю я победы, купленной ценою их крови. Не нужны мне царство и все блага, не нужна радость битвы и упоение победой — ничего этого я не желаю, если земля пропитается кровью моих близких. Это злодейство погубит наш род, прославленный в трех мирах. Руки мои слабеют, я не в силах поднять лук. Я не буду сражаться. Пусть меня убьют, я даже защищаться не стану. — И, проговорив эти слова, Арджуна, охваченный тоской, опустился на дно колесницы и выронил из рук свой дивный лук и остро отточенные стрелы.

Видя эту скорбь своего друга и зная, что битва неизбежна, Кришна, одаренный высшей мудростью, сказал:

— О лучший из Пандавов, заблуждается твой ум и не находит верного пути. Во имя правды ты должен сражаться. Великим злодейством Дурьодхана подверг вас неисчислимым мучениям. Все это знают, и, если не будет ему кары, многие станут поступать так же, насаждая беззаконие. Твой достохвальный брат, Юдхишхира, который дарил счастье народу, отрешен от дел царства, и страну терзают враги, подобные хищным птицам. Погруженные в страдания люди ждут, когда же они снова обретут мир и покой; слабые народы и страны хотят объединиться вокруг справедливого и мудрого вождя, каким считают они Юдхишхиру.

— Скажи мне, что делать, ты, одаренный совершенным знанием. Мой ум мутится от горя, и я не знаю своего долга, — ответил ему Арджуна.

— Ты воин, ты родился воином и воином умрешь. И не может быть для тебя на свете ничего выше битвы за справедливость, — сказал ему Кришна. — Мысль нерешительного человека подобна дереву со многими ветвями, мысль решительного пряма, как дротик. Отгони все сомнения и будь готов к бою. Всегда помни, что:

Кришна зовет к победе, проявляя свою божественную сущность (рисунок С. Потабенко)

Воин живет, чтобы следовать долгу
И в битве за честь не шадить своей жизни.

С этими словами Кришна вложил лук в руки Арджуны, помог ему подняться на ноги и погнал коней обратно, чтобы этот непобедимый воин занял свое место в рядах войска, которое он поведет за собой.

РАССКАЗ О НАЧАЛЕ БИТВЫ

Слова мудрого Кришны проникли в сердце Арджуны, и он укрепился духом и снова стал стойким и неборимым, как прежде, когда взшло солнце и над миром расцвело утро, раздался звук боевых раковин и загрели барабаны. Заржали кони, затрубили слоны. С грохотом двинулись вперед колесницы, весь мир огласился звоном оружия.

И дрогнула земля, и застонали горы, когда сшиблись грудью бойцы двух огромных армий, стремившихся к победе.

Тучи стрел заволокли небо, и за ними не стало видно солнца. Мечи с оглушительным громом ударялись о щиты и доспехи, дротики проносились над головами, как струи косога дождя.

Слоны сталкивались друг с другом, подобно скалам в горном обвале. Они топтали ногами воинов и вспарывали бивнями бока коней. Сверкали на солнце шлемы воинов, булавы и мечи оставляли в воздухе блестящие следы, словно вспышки молний.

Каждая часть обеих армий, ведомая опытным военачальником, билась в предназначенном месте и с предназначенным врагом. Каждый воин забыл о своей жизни и безопасности и, исполнившись ярости боя, думал только о том, чтобы сразить того, кто наносил ему удары.

Впереди войска Пандавов сражались два несравненных властелина битв — неистощимый в подвигах Арджуна и Бхимасена, неистовый в бою. Звон тетивы дивного лука Арджуны наполнял души врагов страхом и смятением. Радуга вспыхивала в небе, когда этот герой поднимал его, поражая неотвратимыми стрелами военачальников, воинов, коней и слонов.

Сверкающая колесница Арджуны, подобная метеору, пролетала по полю битвы

Битва началась

с такой быстротой, что казалось: она видна повсюду в одно и то же время. Кришна направлял ее в самую гущу боя и всегда успевал увести от опасности. Своей грудью он прикрывал Арджуна и принял на себя много стрел и ударов, направленных в этого славного героя. И Арджуна охранял его, создавая вокруг колесницы неодолимую преграду из стрел. Он посылал стрелы так часто, что между ними не было просвета.

Когда смыкались вокруг неисчислимые толпы врагов, Арджуна накидывал на себя чудесные доспехи, которые ему подарил на вершинах Гималаев бог сокровищ Кубера. В этих доспехах он становился невидимым для глаз. Тогда, потеряв его в битве, расступались вражеские воины, и Кришна умело выводил колесницу, чтобы устремить ее туда, где сражались военачальники.

А Бхимасена, наделенный устрашающей силой, опустошал ряды войска Дурьодханы, подобно самому богу смерти. Он крушил колесницы и вбивал в землю оружие врагов. Словно пыль из-под копыт буйволов, разлетались во все стороны поверженные враги.

Стремясь направить свои удары против военачальников Дурьодханы, Бхимасена ловил взглядом золотой блеск их колесниц. Увидев перед собою колесницу старого Бхишмы, он метнул в нее булаву и раздробил колесницу на мелкие куски. Но Бхишма успел соскочить на землю и, оставшись невредимым, продолжал возглавлять войско Кауравов. Толпы воинов, бросившись к Бхимасене, отделили его от Бхишмы стеной живых тел.

Видя, что Бхишма умело руководит армией Дурьодханы и что каждый успех войска Пандавов сразу же тонет в новом нападении этой армии, Кришна, в свою очередь, направил бег коней Арджуны прямо на колесницу Бхишмы.

— Не забывай о своем долге, — напомнил он ему, — армия без главного военачальника будет подобна телу без головы.

И вот колесницы этих двух величайших героев сблизились и стали кружить одна возле другой, словно два орла под солнцем. Арджуна поднял свой чудесный лук, и мгновенно сотни стрел осыпали коней Бхишмы, вонзились в его колесницу и поразили колесничего, но ни одна не коснулась самого Бхишмы.

Много раз Арджуна целился в сердце своего прадеда и каждый раз отводил лук в сторону, не находя в себе силы поразить его.

Видя это, сам Кришна соскочил на землю и замахнулся своим острым, неотвратимым диском, который принес смерть стольким врагам. Но Арджуна, бросившись ему вслед, удержал его руку, сказав:

— Нет, не сейчас. Я молю тебя пощадить его. Пусть хоть несколько раз еще встретит он восход солнца.

И Кришна опустил сверкающий диск, и оба носителя славы, взойдя на колесницу, понеслись в другое место боя.

Так целых пять дней продолжалась битва. Тысячи воинов были поражены стрелами и копьями, десятки тысяч были изрублены мечами и истоптаны слонами. Земля пропиталась кровью, и вода рек покраснела, и солнце вставало в кровавых тучах. Но не было перевеса ни на одной стороне, и никто не мог бы сказать, чем кончится это сражение.

На шестой день Дурьодхана спросил у старого Бхишмы:

— Скажи, почтеннейший среди воинов, почему наше войско, ведомое в бой такими великими и прославленными военачальниками, как ты и Дрона, Шалья и мои братья, не может одержать победу?

— Не раз я говорил тебе, что нас ждет поражение, — сказал Бхишма. — Много раз я повторял, что нет и не может быть победы там, где царит зло. Победит тот, кто сражается за правое дело. Но ты не слушал меня. Еще не поздно опомниться. Еще живы почти все члены нашего рода. Прекрати бой и не нарушай больше законов правды.

Страх закрался в сердце Дурьодханы, но он ничего не ответил и покинул великомудрого Бхишму, так и не отказавшись от своих злых дел и мыслей.

И на следующий день битва вспыхнула с новой силой. Каждый из военачальников, не думая о спасении, вел свое войско в бой и старался следить за врагом, чтобы уберечь своих близких от гибели. Снова и снова вступали в поединки герои обеих армий, и сражение прекращалось только с наступлением темноты, чтобы с утра вновь разгореться на целый день.

В один из дней Бхимасена, увидев многих Кауравов вместе, покинул укрытие колесницы и пеший ринулся на них с булавой в руках. Когда Арджуна увидел, что колесница Бхимасены пуста, он в тревоге спросил у ее жоака:

— Где мой брат, который мне дороже жизни?

— Этот сильнейший среди живущих повелел мне ждать его здесь и врезался в ряды врагов, — ответил колесничий.

Арджуна со страхом бросился за Бхимасеной и увидел его, отражающего нападение сотни врагов, подобно льву, который сражается со слонами. Тогда Арджуна оградил брата тучей стрел и вывез его на своей колеснице, чтобы упоение битвой не привело его к гибели.

Всходило и садилось солнце, много раз проплывала по небу луна и скрывалась за вершинами гор, но не было видно конца битве. Уже погибли многие цари, союзники Пандавов и Кауравов, была разбита колесница Накулы, и он, еле избегнув смерти, сражался вместе с Сахадевой. Стоны раненых и победные крики разносились по всей земле. Реки приносили в океан столько крови, что его волны стали багровыми. Сотни тысяч воинов отдали свои жизни, но победа была по-прежнему далека от обеих армий.

Боевой слон схватил хоботом вражеского воина

И вот на десятый день великой битвы пал Бхишма, пронзенный сотнями стрел. Упав с колесницы, он не мог даже коснуться телом земли и лежал на этих стрелах, как на ложе.

И вот Пандавы и все Кауравы, прекратив на время бой, собрались вокруг умирающего прадеда и в великой скорби стояли там, низко опустив головы.

И вот старый Бхишма проговорил:

— Тело мое опирается на острия сотен стрел, но голова моя не имеет опоры.

Все стоявшие вокруг сразу же бросились, чтобы принести большие удобные подушки, расшитые золотом и шелком. Но

Бхишма, исполненный величия даже в свой смертный час, сказал, взглянув на Арджуна, самого любимого из правнуков:

— О непобедимый, о светоч рода Бхараты, сделай мне изголовье, подобающее воину, который прощается с жизнью.

И Арджуна, сдерживая рыдания, выпустил из своего лука три стрелы, и, скрестившись, они стали подушкой для седой головы Бхишмы. Через некоторое время, когда солнце поднялось высоко, Бхишма, чтимый во всех мирах, проговорил со стоном:

— О Арджуна, всегда дорогой моему сердцу, подойди, напои меня водой, у меня горит все тело, и мне трудно дышать.

Тогда Арджуна натянул свой звенящий лук и пробил стрелой землю у самой головы Бхишмы. И из глубины земли забил прозрачный холодный ключ и оросил лицо умирающего воина и его потрескавшиеся губы.

И вот когда солнце прошло половину своего небесного пути, старый Бхишма отдал свою душу в руки необоримого бога смерти, проговорив с последним вздохом:

— Пусть эта война закончится вместе с моей жизнью.

Так простился с землей этот величайший из людей, который никогда не совершал несправедливых деяний и не произносил неправедных слов.

Но никто из Кауравов не хотел прекратить войну.

И тогда Карна, сын Солнца, верный своему обету не сражаться до тех пор, пока жив Бхишма, взшел на колесницу и устремился на войско Пандавов. И все воины бросились за ним, и снова запылала битва, пожирающая жизни людей, как пламя пожирает сухую траву.

РАССКАЗ О ЗАВЕРШЕНИИ БИТВЫ

Карна не захотел стать во главе всего войска Кауравов. И он, и Дурьодхана обратились к наставнику Дроне с мольбой вести в бой армию. И Дрона, одаренный знанием всех видов оружия, дал свое согласие. Это был одиннадцатый день великой битвы, и Дурьодхана исполнился надежды, что теперь его армия, вдохновляемая Дроной, приблизится к победе.

И каждый день, от первых до последних лучей, бой не прекращался ни на один миг. Оба великомощных военачальника — и Дрона, и Юдхишхира — располагали свои войска то в форме кольца или креста, то в виде лотоса или орла с раскинутыми крыльями.

Ярость битвы не ослабевала, но никто не знал, на чьей стороне будет победа.

Много раз рука Арджуны тянулась к страшному, всеистребляющему оружию, которое дал ему бог Шива, но Кришна всегда останавливал его, говоря:

— Подожди, о герой. Еще не время. Подожди до последнего мига. Если мы увидим, что враги побеждают и нет надежды на спасение, ты прибегнешь к этому ужасному оружию. Помни, что говорил тебе всеисильный Шива: оно может истребить весь мир.

И Арджуна, удержанный мудрым другом, снова брался за лук и сражал стрелами тысячи врагов.

И вот Кришна сказал ему:

— Избегая оружия Шивы, не забывай о том, что другой владыка мира, тысячеокий бог Индра, научил тебя владеть стрелами молний.

Тогда Арджуна прочитал заклинание, которое придало ему силу подчинить себе мощь небесного огня, и в гневе поднял руку, повелевая грозным копьям богов обрушиться на вражеское войско. И мгновенно все небо озарилось нестерпимым блеском, оглушительный грохот сотряс вселенную, и на армию Кауравов стали падать копья и стрелы, оперенные огнем.

Это оружие, вселяющее ужас в души врагов, пробивало железные и золотые доспехи, дробило шиты и шлемы. И в это время все войско Кауравов оглушил страшный рев Ханумана, который пробрался в их ряды, чтобы сдержать слово, данное Бхимасене. В страхе заметались ослепленные и израненные воины Дурьодханы, прячась под слонов и забиваясь под колесницы. С ревом кидались во все стороны испуганные слоны, носились по полю боя кони, лишенные всадников.

И когда кончился этот день битвы, от армии осталась лишь небольшая часть. Скорбное предчувствие сжало сердце Дурьодханы, но он снова отогнал мрачные мысли и решил на рассвете продолжить бой. Видя, что силы войска падают, а конца сражению не видно, он замыслил хитрый план. И утром следующего дня он повелел всем своим воинам не посылать стрел в Юдхиштхиру, но взять его живым.

Наставник Дрона, одаренный честностью и прямоотой, обрадовался, полагая, что Дурьодхана избрал этот путь, чтобы скорее окончить битву и примириться с Пандавами. Но не этого добивался старший среди Кауравов. Он думал, что, пленив Юдхиштхиру, он обезглавит армию врагов и она рассеется, как стадо антилоп, которое лишилось вожака. Если же убьют этого царя справедливости, любимого всеми людьми, армия Пандавов исполнится такой ярости, что победить ее будет невозможно. Поэтому Дурьодхана объявил всему войску, что жаждет видеть Юдхиштхиру своим пленником.

И вот все воины Дурьодханы устремились, чтобы захватить Юдхиштхиру в плен, но этого лучшего из смертных охраняли его непобедимые братья. И Арджуна, и Бхимасена не подпускали к нему врагов даже на расстояние полета стрелы.

Тогда против Арджуны двинулось войско, каждый воин которого поклялся перед священным огнем, что не отступит перед стрелами этого тигра среди мужей. И все они оросили землю своей кровью, и ни один из них не остался в числе живых.

Вслед за ними на Арджуну стало наступать войско Джаядратхи, того дерзкого, который в лесу изгнания пытался похитить Драупади. Арджуна сам поскакал ему навстречу, повелел младшим братьям охранять Юдхиштхиру, не сводя глаз с врага.

Кришна направил колесницу прямо в глубь вражеской армии, и вот Арджуна и Джаядратха очутились лицом к лицу, как два разъяренных тигра. Джаядратха был силен и искусен в сражении, и бой длился до самого заката солнца. И когда уже сгушался ночной мрак и Кауравы стали издавать крики радости, думая, что Арджуна не успеет поразить своего врага, Кришна сказал ему:

— Теперь пора. Рази его.

И Арджуна послал в Джаядратху стрелу такой силы, что голова этого несправедливого была срезана с плеч и отлетела высоко в небо, залив кровью облака.

Так погиб этот осквернитель покоя Пандавов в тяжкие годы их изгнания.

Вместе с Пандавами сражались и ракшасы, подвластные Бхимасене.

Когда спустилась ночь и густой мрак окутал землю, один из них, свирепый и необоримый, как гора, двинулся на Карну. В лунном свете он казался особенно громадным и страшным. Он приближался, сверкая огромными зубами и вращая глазами, и вид его был так ужасен, что даже бесстрашный Карна содрогнулся. Земля сотрясалась при каждом шаге ракшаса, со спин слонов падали на землю паланкины, и ни люди, ни кони не могли устоять на ногах.

Издав громopodobный рев, ракшас швырнул в Карну обломок скалы и раздавил всю упряжку его коней, словно жуков. Карна послал в него дождь стрел, но все они только царапали кожу ракшаса, не принося ему вреда. В ночной темноте было трудно поражать врага из лука, и тогда Карна вспомнил о чудесном копье, которое дал ему тысячеокий бог Индра в обмен на его серьги и панцирь.

«Но ведь я хотел сразить этим копьем Арджуну, — подумал он в смятении. — Ведь я могу только один раз прибегнуть к этому оружию. Что же мне делать?»

Но тут ракшас стал метать в Карну каменные глыбы, и они ливнем обрушивались на колесницу этого отважного воина. Тогда он перестал колебаться и, прошептав заклинание, послал копье Индры в своего ужасного врага. Чудесное копье, со звоном промелькнув во мраке, само нашло сердце ракшаса и пронзило его так стремительно, что этот чудовишный людоед был отброшен на другой край земли.

А на следующий день Карна встретился в схватке с могучим Бхимасеной. Их колесницы сталкивались с великим громом, а белые кони Карны и черные Бхимасены кружили по полю, словно тучи дня и ночи, гонимые смерчем.

Карна, этот отважный воин, уверенный в победе, нападал на Бхимасену, улыбаясь и повторяя все время:

— О, не трусь, не вздумай повернуть спину. Если даже ты захочешь убежать, мое копье догонит тебя.

Эти слова жалили сердце Бхимасены, как пчелы, и он рычал от ярости и швырял во врага одну булаву за другой с такой силой, что мог бы сокрушить горы. Уже пять, семь, восемь раз должен был Карна оставлять разбитую вдребезги колесницу и всходить на новую; уже почти все его оружие было поломано; уже улыбка сошла с его лица, но схватка этих героев не слабела. Бхимасена был изранен так, что походил на дерево ашока, покрытое красными цветами, но и его ярость не становилась меньше. Видя это, Дурьодхана стал посылать своих братьев, чтобы поддержать Карну в битве. Но все они, один за другим, были убиты и изранены Бхимасеной и корчились на земле, как раздавленные змеи.

Увидев гибель столь многих Кауравов, Душшасана, следующий по старшинству брат Дурьодханы, решил сам идти на помощь Карне. Но как только он приблизился и его увидел Бхимасена, вся кровь бросилась в голову этому несокрушимому воину. Вот наконец перед ним этот ничтожный, который осмелился за волосы притащить Драупади в зал для игры в кости!

Бхимасена сразу вспомнил слова своей клятвы: «Да не достигнет душа моя посмертного

Бхимасена убивает Душшасану

блаженства, если я не разорву грудь этого злодея...» Охваченный неизмеримой яростью, он спрыгнул с колесницы, как тигр, и, отбросив в сторону оружие, ринулся на Душшасану.

Никто из воинов не успел и вскрикнуть, как этот могучий одной рукой опрокинул колесницу врага, а другой швырнул его на землю, словно жалкого шакала. Наступив на Душшасану, Бхимасена мгновенно разорвал его пополам.

В это время Кришна привел к месту кровавой схватки колесницу Арджуны. Ему навстречу устремился Карна, горя желанием победить наконец того, кто был его соперником во всех подвигах. И тогда закипел такой бой, что взгляд человека не в силах был уследить за мельканием стрел и копий, за движениями обоих воинов и поворотами их колесниц.

Шалья, дядя Пандавов, стал колесничим Карны, сдержав слово, данное Юдхиштхире. Стремясь помочь Арджуне и оградить его от ударов врага, Шалья направлял колесницу так, чтобы Карне нелегко было сразить своего противника.

Тогда Карна послал в Арджуну стрелу, которая обладала силой тысячи змей. Острие ее было подобно змеиной голове, и она излучала блеск, похожий на блеск чешуи змеи. С шипением взвилась эта стрела в воздух и стремительно понеслась прямо к горлу Арджуны.

Кришна, одаренный высочайшим умом, сразу повернул колесницу так, что она погрузилась в песок до половины колес. Поэтому ужасная стрела вонзилась в золотой шлем Арджуны, не принеся гибели этому украшению рода Бхараты.

И в этот миг Арджуна, натянув свой лук, сверкающий, как радуга, неотвратимой стрелой лишил Карну жизни.

Так исполнилась клятва еще одного Пандава, произнесенная тринадцать лет назад в зале для игры в кости.

Проносья по полю битвы, Сахадева, лучший из владеющих мечом, увидел перед собой злодея среди злодеев — хитроумного Шакуни, этого тигра с душой шакала. Они стали сражаться на луках и копьях, на кривых мечах и булавах, разя друг друга без пощады. Но вероломный Шакуни не мог одержать победу в открытом воинском поединке и трусливо обратился в бегство.

Сахадева, этот лев среди воинов, устремился за ним на своей колеснице, украшенной золотом. Поразив стрелами всех коней Шакуни, он положил на лук тяжелую железную стрелу с широким, остро отточенным наконечником и, послав ее во врага, сбил с плеч его голову, как палкой сбивают с ветки тяжелый плод. И эта голова, порождавшая столько хитрых мыслей и коварных планов, покатилась по пыльной земле под ноги победителя.

Смерть главных военачальников, которые были надеждой войска и украшением битвы, поселила горе в душах Кауравов. Был убит и наставник Дрона, учивший их владеть оружием. Сраженный братом Драупади, он упал на землю, подобно могучему дереву, обрушенному ураганом.

Вскоре под стрелами союзников Пандавов упал и Шалья, словно пораженное молнией древко знамени.

И тогда Дурьодхана понял, что это сражение не принесло ему победы. Погибли все, кого он вовлек в эту кровопролитную битву. Погибли Бхишма и Дрона. Погиб Шакуни, чьи измышления и поступки породили столько зла. Погибли все сыновья слепого царя Дхритараштры. И только он один, упорный в своей ненависти, остался в живых, чтобы созерцать это море крови, залившее всю страну. Думая об этом, Дурьодхана поник головой и опустил оружие.

И тогда перед ним появились все пять Пандавов. Они были покрыты ранами и истерзаны битвой, но живы и готовы до конца стоять за правду.

— Выбери любого из нас и бейся, — сказал ему Юдхиштира.

— Зачем? — спросил Дурьодхана. — Я не хочу больше править царством, я уступаю его тебе.

— Не за царство сейчас будет бой, а за справедливость, — ответил ему этот носитель правды. — Слишком много зла ты совершил, чтобы не понести кары. Выбери любого и бейся.

Дурьодхана, душа которого уже устремилась к смерти, выбрал Бхимасену и начал с ним бой на палицах. Страшные удары высекали огонь, озарявший небо и землю. Вихри вздымались, когда эти могучие воины сталкивались друг с другом и били палицами о щиты. Но вот последним страшным ударом Бхимасена сразил своего врага, и этот неразумный царь, шедший всегда по пути заблуждений, выронил из рук оружие и, пошатнувшись, опустился на землю.

Вокруг него, погрузившись в молчание, собрались те, кого он вверг в океан неизмеримых бед и страданий. Обведя их гаснущими глазами и увидев Кришну, стоявшего рядом с Арджуну, Дурьодхана обратился к нему слова гнева:

— Ты виновен в моем поражении. Ты хитростями спасал Арджуну от гибели. Ты учил Пандавов, как надо поступать, чтобы победить мое войско. Из-за тебя я погибаю теперь, заливая своей кровью эту пыльную горячую землю. Ты один виновен в гибели всего моего рода.

— О воин, — сказал ему великославный Кришна, — не умножай ненужным гневом своих смертных мук. Ты следовал путем греха и беззаконий, и эта кара заслужена тобой. Среди этих благородных Пандавов нет виноватых перед тобой. Не о гневе думай, а о том, что перед тобой открыто небо воинов.

— Да, — подхватил эти слова Юдхиштира, желая добрым словом облегчить своему врагу последний путь, — ты бился честно и бесстрашно. Небо воинов готово принять тебя. Прощай.

С этими словами он удалился, и за ним последовали его братья. А над умирающим Дурьодханой спустилась ночь, и тысячи тысяч звезд пролили свой прохладный свет на его пылающее жаром тело.

РАССКАЗ О СМЕРТИ ДУРЬОДХАНЫ

В глубоком мраке к Дурьодхане прокрался один из юных воинов его армии, сын наставника Дроны. Увидев этого царя, который недавно еще был так могуч и властен, а теперь бессильно лежал на окровавленной земле, он разрыдался и припал головой к ногам своего поверженного владыки.

— О величайший из великих, — воскликнул воин, — неужели на земле нет ничего неизменного? Ты, который был властелином полумира, погибаешь здесь один, окруженный гиенами и шакалами. Где твоё войско? Где непобедимые военачальники? Где братья и соратники? Все, все ушли по пути бога смерти. Никого нет возле тебя. Некому оказать тебе подобающие почести, некому отомстить за тебя.

Рыдания юного воина вызвали душу Дурьодханы из предсмертного забытья. Обратившись к этому юноше, который так горестно оплакивал его поражение, Дурьодхана сказал:

— Я не скорблю о жизни. Рано или поздно смерть приходит ко всем живущим на земле. Я счастлив, что принимаю смерть, достойную воина. Я счастлив, что вижу тебя невредимым. Ты всегда был храбрым и стойким. Не горюй и теперь. Мне горько думать только о том, что моя армия разбита, а в армии врагов сохранилось так много невредимых.

— О повелитель, пусть не печалят тебя эти мысли! Я клянусь тебе всем, что имею, клянусь своей душой и своей правдой, что скоро вражеского войска не станет. Жди меня. Я сам принесу тебе весть об этом.

Проговорив так, этот воин, одаренный горячностью и отвагой, устремился в стан Пандавов, жаждая боя.

Это была первая ночь после завершения великой битвы. Измученные воины спали тяжелым крепким сном. Нигде не было видно зажженного огня, нигде не было слышно ни слова.

Подкравшись к лагерю врага, мститель притаился под большим развесистым баньяном и стал думать о том, как же он сможет одолеть всех этих воинов. Он пришел сюда, гонимый неизмеримой скорбью и неутолимой жаждой мести, но ведь он был один. Что, кроме смерти, могло ждать его в этом бою?

Погруженный в эти безрадостные мысли, сидел он под деревом, не зная, на что решиться. Вдруг что-то упало во мраке к его ногам, как будто плод, сбитый порывом ветра. Потом еще и еще. И все чаще и чаще стали слышны удары о землю вокруг него. Он протянул руку и нашупал возле себя птицу, которая билась в предсмертных судорогах и вскоре затихла. Возле нее лежала другая, дальше еще одна и много, много других птиц. Одни из них были с оторванными головами, другие с разбитой грудью, третьи без перьев.

Юноша стал всматриваться в густые листья баньяна, не понимая, что же могло убить этих птиц в ночной тишине. И вдруг огромная сова пролетела над самой его головой, скрыв от его глаз звезды своими распластанными крыльями. И тогда его внезапно осенила мысль, что не в открытом бою должен он сразить этих врагов, а сейчас, ночью, не медля ни минуты. Только пока они охвачены сном, подобно этим птицам, сможет он один одолеть их всех. Когда загорится рассвет, будет уже поздно. Он вскочил, исполненный решимости, и стал красться во мраке, пригибаясь к земле, подобно леопарду. И вот его взору открылись, словно тени на земле, воины Пандавов, устало раскинувшиеся в глубоком сне.

«А могу ли я убивать спящих? — вдруг подумал он. — Не нарушу ли я древних законов воинской чести?» И, охваченный колебаниями, он остановился, не решаясь поднять руку на врага.

Но потом отогнал сомнения, вспомнив слова, которые он часто слышал от военачальников своей армии:

Враг должен быть убит без колебаний,

Не глядя на его усталость или раны,

На то, что спит он, или убегает,

Иль утоляет жажду, или ест,

Или разбит, или охвачен страхом.

Все это не причины для сомнений —

Враг должен быть убит без колебаний.

Разбив щит своей чести на тысячи кусков, он выхватил кинжал и бесшумно бросился на спящих воинов, как кобра, наносящая смертоносный удар. Разя их без пошады и сожаления,

он истреблял всех, кто остался в живых после битвы. А те воины, которые проснулись от стонов умирающих, в страхе убивали друг друга, не видя врага и не понимая, откуда пришла опасность.

Спаслись от страшной гибели только сами Пандавы, которых в эту ночь не было в лагере.

Завершив избиение войска, он поджег навесы и шатры в чужом стане и скользнул во мрак так же бесшумно, как появился. Он поспешил к умирающему Дурьодхане и, склонившись над ним, спросил в тревоге:

— О тигр среди мужей, слышишь ли ты меня? Если душа еще не покинула твоего тела, прислушайся к моим словам, которые принесут тебе радость. Вся армия врагов уничтожена моей рукой. Среди живущих остались только братья Пандавы и Кришна, а из нашего числа только я и еще двое благородных воинов. Когда на небе ты увидишь моего отца и всех, кто погиб в этой битве, скажи им, что я отомстил за них. И знай, что я отомстил и за тебя, о величайший из царей земли.

Дурьодхана, собрав последние силы, проговорил:

— Ты совершил то, чего не могли сделать все воины моей армии. Благо тебе. Теперь я умираю с легкой душой.

И жизнь покинула этого царя, который до конца своих дней так и не смог стать на путь добра и правды.

Когда Юдхишхира узнал о гибели всего своего войска, он, одаренный мудростью, сказал:

— Как часто побежденные оказываются победителями, а те, кто побеждает, бывают побеждены. Это по нашей вине ночью были убиты все воины. Наша беспечность привела их к смерти. Мы не должны были покидать лагерь. Поистине мы подобны кораблю, который, переплыв океан, утонул в реке. Но нет пользы в том, чтобы скорбеть о свершившемся. Мы должны теперь думать о спасении страны и о благе своего народа.

И, сказав так, этот царь справедливости направился в сопровождении своих братьев в город слепого царя Дхритараштры.

Одиночный воин — друг Дурьодханы

РАССКАЗ О ПРИМИРЕНИИ

Души всех жителей столицы Кауравов были погружены в глубокую печаль. Слезами горя были омыты лица жен и матерей погибших воинов. Старый Дхритараштра, лишившийся всех сыновей, был подобен дереву с обрубленными ветвями, птице без крыльев.

— Зачем, зачем я не последовал мудрым советам Бхишмы и Видуры?! — горестно восклицал он. — Для чего мне теперь жизнь? Я потерял весь свой род. Мера моего горя превышает мои силы. Как мне выдержать такие страдания? Как мне жить теперь, одинокому, слепому, утратившему всех, кто был дорог моему сердцу?

Советник Видура, который никогда не покидал старого царя, обратился к нему со словами утешения и поддержки:

— Встань, о величайший из царей, не поддавайся горю. Слезы живых жгут души умерших, как искры огня. Твои сыновья не единственные, кого избрал бог смерти. Битва является законом жизни воинов, смерть в битве почетна для них. Да и как могут живые избежать смерти? Ведь сказано:

*Нет для смерти желанных и нет нежеланных,
Жизнь кончается смертью, как встреча — разлукой.*

И герои, и трусы, и святые, и плуты —

Все уносятся смертью, как вихрем пылинки.

Ниоткуда приходят на землю живые,

Неизвестно куда исчезая со смертью.

Все окончится — юность, и жизнь, и богатство,

И родство, что людей сочетает друг с другом.

Только время бескрайне, только время всеильно,

Только время бессонно, бесстрастно, бессмертно.

А поэтому не предавайся скорби и помни, что лучшим путем на небо является для воина битва. Отдаваясь волнам горя, ты погрузишься на дно, а сопротивляясь им, ты переплывешь море мучений. Поэтому встань, о царь, и погаси водой мудрости огонь своих страданий. Тебя ждет народ, чтобы воздать последние почести погибшим воинам.

Поддержанный разумной речью, слепой царь поднялся на ноги и, опираясь о плечо Видуры, проговорил:

— Мой верный советник, ты напомнил мне о моем долге. Пусть облачат меня в траурные одежды, я проследую на берег Ганги.

И вот, взойдя вместе с Видурой на колесницу, старый Дхритараштра направился к священной реке.

Когда гонцы известили об этом Юдхишхиру, он вместе с братьями и Кришной устремился навстречу своему дяде, чтобы вымолить у него прошение за все горе, которое он вынужден был причинить ему. Приблизившись к старому царю, Юдхишхира упал к его ногам. Каждый из Пандавов назвал себя по имени, чтобы слепой брат их отца мог узнать их всех, смиренно склонившихся перед ним.

«Как и за что мне гневаться на них? — подумал Дхритараштра. — Ведь я знаю, что мой неразумный сын был всему виною. А эти дети моего брата по закону наших предков считаются также и моими детьми. Хорошо, что хоть они остались в живых и не прервется великий род Бхараты».

Смирив этой мыслью свое сердце, слепой царь обнял Юдхишхиру, затем простер руки и к другим Пандавам. Но когда он услышал шаги Бхимасены, от которых загудела земля, неизмеримый гнев охватил его душу. Ведь к нему сейчас подходил тот, кто своей рукой убил столько его сыновей, тот, кто лишил жизни и Дурьодхану. От этой мысли все тело Дхри-

тараштры налилось страшной силой, и он стал подобен скале. Руки его, как два гигантских удава, протянулись навстречу Бхимасене.

Увидев эту перемену в старом царе и понимая, что сейчас он способен сокрушить сильнейшего из живущих на земле, Кришна мгновенно отстранил Бхимасену. Благодаря своим божественным свойствам Кришна заранее знал, что Дхритараштра, встретив Бхимасену, не сможет совладать с порывом ярости, а поэтому взял с собой железную фигуру человека. Теперь он быстро толкнул ее в объятия разгневанного царя.

Дхритараштра сжал эту фигуру руками с такой непомерной мощью, что она сплющилась, как мягкая глина. И тут же гнев его погас, и он раскаялся в содеянном и стал со слезами взывать к богам, моля их вернуть жизнь Бхимасене, этому сильнейшему из потомков Бхараты.

Тогда Кришна, поняв, что яростная сила покинула старого царя, сказал:

— Не горюй, царь царей. Второй сын твоего брата жив и ждет твоего благословения. Ты разбил не его тело, а железную статую,

И обрадованный Дхритараштра обнял Бхимасену, одаренного мощью тысячи слонов, и прижал его к своей груди.

— Мое счастье и счастье народа зависит теперь от вас, о могучие герои, — сказал он. — Теперь вы должны править страной и охранять подданных. Я благословляю вас.

С этими словами царь оставил Пандавов и направился к воде, чтобы совершить обряды омовения.

Берега Ганги были покрыты толпами вдов, пришедших сюда, чтобы оплакивать погибших. Распустив волосы и сняв все драгоценные украшения и золотые пояса, эти женщины, вошедшие в воду, были подобны стае белых журавлей, которые лишились птенцов. Их горестные вопли наполняли воздух и долетали до сияющего неба. От их слез переполнились воды Ганги и стали солеными, как волны океана.

Раскачиваясь от горя из стороны в сторону, эти прекрасные женщины напоминали тычинки лотоса, колеблемые ветром. И больше всех горевала супруга слепого Дхритараштры, луноликая Гандхари, подарившая ему сто сыновей. Все сто погибли в битве, и не было меры душевной муке этой матери, которая лишилась всех детей.

— О мой первенец, о Дурьодхана! — рыдала она. — Каждый раз, когда ты просил меня благословить тебя на победу, я отвечала: «Победа там, где правда». И вот ты повержен во прах, и все твои братья погибли, и я обездолена. О, какой страшной ценой ты заплатил за познание правды! О, как страшно мне, одинокой, доживать свои дни!

Слезные крики Гандхари звучали, словно вопли израненной птицы.

И тогда к ней подошел Юдхиштира, этот носитель справедливости, претерпевший так много от Дурьодханы и его братьев. Склонившись к ногам рыдающей Гандхари, он сказал смиренно:

— О мать, вот я перед тобою, убийца твоих сыновей. Можешь проклясть меня. Я сам больше не радуюсь жизни, которая оплачена ценою гибели стольких героев.

Но Гандхари, взглянув на него, измученного битвой и покрытого шрамами многих ран, поняла, что нет его вины в том, что произошло.

Ведь она сама говорила, что победа там, где правда, — так за что же ей теперь было винить этого царя, который сражался за правду? Ведь поистине не его вина была в том, что столь многие славные воины и цари лежали на земле. Не его вина была в том, что все поле боя, подобно россыпи драгоценных камней, сверкало обломками золотых шлемов и

доспехов. И не его вина в том, что, как слоны, убитые львами, уснули навек все сто братьев Кауравов.

И Гандхари тоже обняла и благословила Пандавов, этих носителей доблести и правды, этих львов среди людей.

И только после этого они приблизились к своей матери, царице Кунти.

РАССКАЗ О ВОЦАРЕНИИ ЮДХИШТХИРЫ

По прошествии месяца Юдхиштхира вступил в столицу. Его должны были короновать на царство, но он не мог найти радость ни в своей безграничной власти, ни в преклонении народа, ни во владении неисчислимыми богатствами. Печальный и задумчивый, сидел он на сверкающем троне под белым царским зонтом, и в его глазах отражалась глубокая скорбь. Перед его взором неотступно стояли кровавые видения битвы, он не мог забыть погибших воинов и всех членов славного рода Бхараты, навсегда простившихся с жизнью.

И вот он призвал к себе всех братьев, этих тигров среди мужей, и Кришну, который украшал собою мир, и сказал им:

— Все враги покорены мною при помощи вашей доблести и силы. Нет на земле властителя, подобного мне по моши и богатству. Но душа моя окутана мраком, и мысль моя блуждает в поисках правды. Нет для меня счастья в том, что я стану правителем мира ценою таких безмерных утрат. Радость моей победы утонула в море пролившейся крови. Я не хочу царствовать. Я решил стать отшельником, жить в лесу среди зверей и питаться плодами и кореньями. Большого мне не надо... Что вы скажете об этом, о достойные герои?

После долгого молчания первым заговорил Бхимасена:

— Мой досточтимый брат, ты сейчас подобен слепому, который среди ровного поля потерял дорогу. Перед тобою расстилается весь мир, где так нужна твоя праведная власть, а ты хочешь избрать путь бездеятельности. Зачем тогда погибло столько славных воинов? Разве человек, который роет колодец, должен стремиться не к воде, а только к тому,

Царь Юдхиштхира

чтобы выпачкаться землей? Или тот, кто прошел долгий путь, должен повернуть обратно у самой цели? Или голодный, который наконец добыл пищу, должен отказаться вкусить ее? Что же будет с родной землей? Только тот может уйти в леса, кто не в силах поддерживать других. Помни, что

*Для царя путь царей уготован,
Путь смиренья назначен монахам,
Жизнь лесная указана ланям,
Путь сражений для воинов создан.*

Поэтому я говорю, что каждый должен следовать своим путем.

Тогда Юдхиштхира перевел свой взор на Арджуну, этого лучшего из знатоков оружия. И Арджуна проговорил:

— Да. Я могу только повторить слова брата. Ты воин и царь, и на поле твоей жизни должны возрасти успехи правды и добра. Ты должен безропотно нести тяжкую ношу управления государством, защищая его границы, и направлять жизнь своих подданных по руслу правды. Ведь сказано:

*Кто долгу предан безмерно,
Кто речью славен правдивой,
Кто верен слову и делу,
Того почитают люди.*

А поэтому ты, одаренный величием и благородством, ты, владыка мужей и знаток закона, должен править миром, в котором нет теперь твоих врагов.

После Арджуны заговорил Накула, герой с грудью льва и горячностью молодого коня:

— Знай, о царь, что не только люди, но даже боги не властны в своих делах. Обязанности каждого человека сильнее его самого. Если на одну чашу весов положить обязанности, а на другую все соблазны и порывы жизни, то первая чаша перетянет. Мудрецы говорят:

*Правитель, который оставил царство
И предал народ на страданья и гибель,
Будет людьми и богами проклят
И будет навеки предан забвенью.*

Поэтому знай, что царь без народа подобен облачку, которое оторвалось от тучи и будет развеяно ветром. Пусть горе оставит тебя — ты должен думать о своем долге.

И последний из Пандавов, искусный в бою Сахадева, промолвил:

— Неправильна жизнь того правителя, который, владея всей землей, забывает о законах, предписанных предками. Только тот, кто отдает себя целиком заботе о живых существах, населяющих подвластный ему мир, будет всегда жить в душах людей. Ведь сказано:

*Никто не отделен глухой стеной от прочих тварей —
Все, кто живет вокруг тебя, с тобою слиты неразрывно.*

*Творя добро для них, себе ты обретешь добра частицу,
И, защищая их от зла, свою ты душу защищаешь.*

После этого великий Кришна поднял на Юдхиштхиру взор, подобный солнечному лучу. Он взял руку этого опечаленного царя и мягко заговорил с ним, успокаивая души людей своим голосом, который напоминал плеск прозрачных волн.

— О царь, о тигр среди мужей, — сказал он, — к чему поддаваться горю? Ведь этим не вернешь тех, кого нет в живых. Все павшие воины были украшением битвы и добыли себе великую славу. Их постигла смерть, завидная для каждого героя. Воины рождаются для такой смерти, и скорбеть о них не следует, как не следует печалиться о том, что брахманы приносят жертвы, а пастухи пасут скот. Так жили и умирали цари и воины до нас, так они будут жить и умирать после нас. Думай о живых, которые ждут от тебя помощи и готовы следовать за тобой, как дети за отцом. Думай о них — в этом твой долг.

При этих словах Юдхиштхира ошутил, что горе оставило его сердце. Он выпрямился на своем золотом троне и со светлым лицом обратился к своим близким, к советникам и к придворным, приглашая их занять места в зале совета. После этого он призвал своих подданных, и во дворец устремились толпы людей. Каждый хотел взглянуть на прекрасное лицо царя справедливости, каждый хотел принести ему дары.

На берегу Бенгальского залива, на юго-восточном краю штата Тамилнаду, стоят высеченные из скал храмы в память Пандавов и Драупади (VII век н.э.)

А затем был воздвигнут алтарь и зажжен священный огонь. И брахман стал лить в этот огонь растопленное масло и читать гимны, призывая на Юдхиштхиру благословение богов. Потом он возлил на голову царя воду из белоснежной океанской раковины.

Юдхиштхира принял дары от своих подданных и со светлой улыбкой выслушал все слова приветствия и восхваления. Щедро одарив всех жителей столицы, он сказал:

— Я прошу вас всех помнить о том, что царь Дхритараштра, брат моего отца, является для меня вторым отцом. И вы все должны неизменно оказывать ему знаки высочайшего внимания и почтения, подобно тому, как я сам буду преданно служить ему до конца дней. А его верный и мудрый советник Видура станет теперь старшим среди моих советников.

Затем Юдхиштхира обратился к Кришне, почтительно сложив ладони:

— Только благодаря тебе, о величайший из великих, выиграна эта битва. Только с твоей помощью, о сокрушитель неправды, я вновь обрел престол и объединил землю своих предков. Слава тебе, непобедимый, озаряющий мир своим блеском, слава тебе!

И тогда Кришна, чьи желания исполнились и чьи взоры насытились видом величия Пандавов, взошел на свою золотую колесницу, украшенную драгоценными камнями, и покинул столицу своих друзей.

РАССКАЗ О ПОСЛЕДНЕМ ПУТИ

Вскоре после воцарения Юдхиштхиры, этого владыки правды и добра, Пандавы решили, что пришла пора совершить Великое Жертвоприношение Коня. Только тот царь, равного которому не было на земле, мог решиться на принесение такой жертвы, потому что после нее все властители мира должны были склониться к подножию его трона.

И вот был избран конь сверкающей белизны. По красоте и силе он превосходил всех других коней царства, как месяц превосходит звезды, как солнце превосходит все планеты. В присутствии придворных, и всех дружественных царей, и всех горожан этот конь был украшен золотом и бесценными камнями и отпущен на волю.

Помедлив у ворот города, он устремился вскачь туда, куда вело его собственное желание. За ним последовало войско, состоявшее из лучших стрелков из лука, лучших колесничих и лучших меченосцев. Золотые тучи пыли затмили небеса, и это войско с великим звоном и громом промчалось по полям и скрылось вдали.

Куда бы ни направлял царственный конь свой свободный бег, повсюду следовали за ним воины. Они ревностно следили за тем, чтобы правители всех стран, в пределы которых вступал этот конь, изъявляли знаки покорности великому царю Юдхиштхире. Горе было тому из властителей, который дерзал остановить коня и возмутиться вторжением войска. В решительной и жаркой битве его армия встречала поражение, а сам он, лишившись всего, что имел, признавал себя покоренным.

Так пронесся по земле этот великолепный всепобеждающий конь, и все владыки склоняли свои венцы к ногам Юдхиштхиры, одаренного несравненным величием.

Став правителем мира, этот сильнейший из царей много лет спокойно правил землей. Справедливость процветала, и подданные не знали меры счастью.

По прошествии времени старый Дхритараштра изъявил желание удалиться в лес и, став отшельником, отдохнуть от всех тягот жизни. Как ни молил его Юдхишхира не покидать их, слепой царь был непреклонен. С ним вместе в лесную обитель ушла и его супруга Гандхари, которая пережила так много горя. Мать доблестных Пандавов, царица Кунти, не желая оставлять старейших членов семьи в одиночестве лесного уединения, тоже последовала за ними, и все они стали мирно проводить свои последние дни среди медоносных цветов и тенистых деревьев.

Прошло много лет. Старость простерла свои мирные крылья над жизнью великих Пандавов. И вот Юдхишхира решил, что настало время и для них покинуть этот мир. Короновав на царство внука Арджуны — Парикшита, он вместе с Драупади и всеми братьями направил стопы свои к Гималаям, обители богов.

Сняв царские одежды и украшения, все они облачились в платье отшельников и покинули свою столицу.

Мирным и ровным был их неторопливый путь.

Ведя тихие беседы, собирая лесные плоды и отдыхая на берегу рек, они день за днем неуклонно приближались к своей последней, высшей цели. Они свершили все, что было им назначено в жизни, и души их были спокойны, как течение великой Ганги. Ничто не связывало их больше с делами земли. Каждый из них был готов устремиться на небо тысячеокого Индры.

Когда они достигли подножия Гималаев, престола бессмертных, и стали подниматься на их склоны, Драупади, нежная, как тычинка лотоса, опустилась на землю и, издав последний вздох, простилась с жизнью.

Вскоре и Сахадева бессильно склонился к подножию дерева и больше не встал. За ним последовал и Накула, который никогда не расставался с ним.

Все выше и выше поднимались трое оставшихся в живых, и, не отставая, шла за ними собака — последний преданный друг. Увидев невдалеке сияние неба, светлый красавец Арджуна опустился на колени и приник к земле, отпустив свою душу на волю.

Могучий Бхимасена продолжал еще следовать за старшим братом, который все ускорял свои шаги, стремясь к вершинам, но вскоре и ему изменили последние силы. Протянув руки к солнцу, он рухнул на склон горы, в последний раз заставив вздрогнуть землю.

И только один Юдхишхира, которого влекла к небу сила его правды, неуклонно поднимался вверх.

И вот перед ним появилась сверкающая колесница сильнейшего из богов — Индры, владыки грома.

— Твоя нежная и чистая супруга и твои братья, достойные восхищения, раньше тебя достигли неба, — сказал он царю. — Тебя же задержала тяжкая ноша твоей телесной оболочки. Но так велики твои заслуги перед людьми и богами, что я живым возьму тебя с собою. Поистине ты был и остаешься царем справедливости, — сказал тысячеокий бог. — Взойди на колесницу.

Юдхишхира взошел на колесницу Индры и очутился на небе воинов, где в блаженстве пребывали все его братья, и чистая его супруга, и все члены прославленного рода Бхараты, и все воины, погибшие в великой битве.

И пока будет стоять мир, эти величайшие из героев земли будут наслаждаться плодами своих дел и взирать из глубин веков на жизнь потомков, которые свято хранят в своих сердцах память об их несравненных подвигах.

В назидание живущим создана Махабхарата премудрым Вьясой. Несравненный Вьяса создал ее, чтобы все на земле узнали о добродетелях потомков Бхараты. Вьяса, обладавший справедливой душой, создал Махабхарату, чтобы все, кто читает или слушает ее, поучались добру и правде, величию и красоте.

Воины из рода Бхараты слушали слова мудрейшего Вьясы, и сердца их наполнялись мужеством и благородством. Так пусть же мужеством и благородством наполнятся сердца всех, кто узнал эти древние предания, славу которых не смогли затмить тысячелетия.

РАМАЯНА, ИЛИ СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ ГЕРОЯ РАМЫ

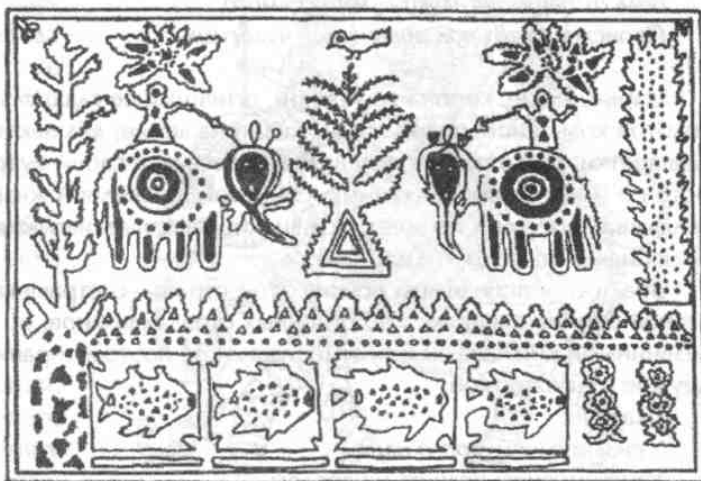

О ЦАРСТВЕ И ЦАРЕ

Много-много веков тому назад в далекой Индии, отделенной от всего мира грядой гигантских гор, которую люди называли подножием небосклона, и синими водами трех океанов, расцвело, как лотос под солнцем, царство Кошала. Было оно обильно всем, что только могли подарить щедрые боги. По густым зарослям бродили могучие слоны, владыки лесов, и когда они шли на водопой, земля дрожала под их тяжелым шагом, и все живые твари почтительно уступали им дорогу. Олени и антилопы мелькали меж стволов и кустов, легко пробегали по цветущим полянам и нежились на солнечных берегах озер. Круторогие буйволы, пресытившись сочными травами, медленно забредали в воду и долго лежали в ней, наслаждаясь прохладой и покоем. По утрам к водоемам подкрадывались в поисках добычи полосатые гибкие тигры, а затем скрывались в зарослях тростников и спали в их густой тени, невидимые для глаз. В пышных кронах деревьев, обвитых цветущими лианами, прыгали и раскачивались озорные обезьяны, которым щедрый лес дарил круглый год свои сочные плоды.

Плодами, орехами и семенами питались бесчисленные яркие птицы, чье пение от зари до зари звенело во славу солнца и жизни. Всеми красками мира украшали лес цветы, и весь день жужжали под лучами пчелы и кружились бабочки, подобные летающим цветам.

Не было предела земному изобилию. Полноводные реки были богаты рыбой и давали влагу полям, возделанным трудолюбивыми земледельцами. Едва только начинало светлеть небо на востоке, предвещая восход солнца, крестьяне выходили на поля, неся на плечах орудия своего труда. С людьми шел и рабочий скот — волы со светлой шерстью и черные крутобокие буйволы. Это были верные помощники человека в его работе на земле, и люди любили и берегли их, всегда задавая им корм раньше, чем

Царство процветало

сами садились за еду. На полях Кошалы вызревало три урожая в год, и ее жители не знали недостатка ни в чем.

В деревнях рядом с крестьянами жили и искусные ремесленники, изготовители вещей полезных и красивых. Прядильщики, красильщики и ткачи пряли тонкие нити, красили их в радостные цвета и ткали яркие, веселые ткани. Звенели в мастерских молоточки мастеров, делавших металлические сосуды, а плетельщики плели узорные циновки, подобные коврам.

И во всех деревнях работали умелые ювелиры, знавшие, что женщины очень любят украшение и не снимают их даже во время своих хозяйственных хлопот.

Женщины Кошалы славилась красотой и своей преданностью семье и дому. И умели не только готовить сто восемь блюд из пшеницы, риса и проса, приправляя их самыми разными пряностями, но и рисовать на стенах домов картины о подвигах героев, о делах всемогущих богов и о жизни людей на земле.

Да:

В прекрасной Индии, жемчужине земли

Когда-то в древности была страна Кошала.

Счастливо жил народ. На нивах и полях

Звенели смех и песни от зари до ночи,

Скользили лодки по сияющим рекам,

И рыбаки домой уловы приносили,

В лугах стада коров, обильных молоком,

Паслись на радость молодым и старым,

Ковру стоцветному подобен был базар,

Все были веселы, нарядны и богаты.

В ту пору, о которой здесь ведем рассказ,

Страною правил царь, чье имя не забылось,

Был Дашаратхой он, Владыкой Колесниц,

Был воином, защитником народа,

Ведь от царя светил, от Солнца самого,

Происходил тот род правителей чудесных.

Царь-Солнце, корона вселенной, огненный ее глаз, владыка дня, несущийся по небу на золотой колеснице, прародитель жизни на земле, дал некогда жизнь далекому предку царя Дашаратхи. И этот род прославился на весь мир своей мудростью, верностью законам и заботой о благе своих подданных. О чистой, праведной жизни царей Солнечного рода люди складывали песни и легенды. Все знали, как счастливо живет в Кошале народ, как его трудолюбием украшено это царство.

Знали о непобедимом войске этой страны, о страшных боевых слонах, покрытых железной броней с шипами, об огненных стрелах воинов, об их умении владеть мечами, двулезвийными кинжалами и тугими луками. И поэтому правители других стран стремились к дружбе с Дашаратхой.

Сказано:

У сильного и мудрого царя

Учись странною править и народом

И содержи в готовности войска

Для устрашения тех, кто жаждет власти,
Будь это чужестранец или свой,
Ведь только страх его смирить поможет.

Богатые товары из Кошалы растекались по земле с торговыми караванами. Шли груженные слоны, шли верблюды, волы, запряженные в крытые повозки; все они развозили по разным странам ткани, украшения, ковры, богатые сосуды, статуэтки из слоновой кости, самоцветы, золото и серебро. А в царство Дашаратхи текли встречные караваны, везущие в обмен все, чем владели народы других стран. И оно богатело год от года.

Прекрасный дворец царя был украшен башнями, фигурными колоннами, узорными мраморными решетками на окнах и яркой росписью на стенах покоев.

Но Дашаратха не знал полного счастья. Долго-долго не имел он потомства. Многие годы молил он богов о рождении сына.

Были у Дашаратхи три жены, три царственных супруги, но ни одна не осчастливила царя, ни одна не подарила ему наследника. И тосковал могучий правитель богатого царства. Не оживлялись покои его великолепного дворца лепетом и смехом детей. И когда вновь обратился царь со слезной мольбой к повелителям небес, послал ему милосердный бог Вишну, бог добра и справедливости, великий дар — в один и тот же день родились сыновья у его жен.

Старшая из них, царица Каушалья, подарила ему первенца, которому дали имя Рама. Он рос, даря радость всем вокруг. Этот отпрыск Солнечного рода был отмечен всеми достоинствами — щедростью и благородством, силой и отвагой, преданностью родителям и любовью ко всем людям. Он был прекрасен, как весна, и добрый взгляд его больших удлинённых глаз зажигал счастье в сердцах каждого, на кого он смотрел и к кому обращал свою мягкую речь.

Другая жена Дашаратхи, красавица, которую сваты избрали в царском роду далекого горного народа и имя которой было Кайкейи, тоже подарила своему мужу сына. Этого царевича назвали Бхарата. И он тоже был наделен многими достоинствами и радовал семью царя.

От третьей жены, царицы Сумитры, родились два сына. Один из них, по имени Лакшман, был лучшим другом Рамы. Рама стал его кумиром, владыкой его души, повелителем всех помыслов и стремлений. Не было для Лакшмана большего счастья, чем угадывать и исполнять малейшие желания старшего брата, даже не высказанные, даже при-

Торжественный выезд на слоне

Рама

Ко всем сыновьям был привязан Дашаратха, но душа его была прикована к старшему сыну неразрывными цепями любви и надежды.

Сказано мудрыми:

*Своих сынов равно любить велели боги,
Тому подав пример неоднократно,
Но все ж земное сердце человека
Привязано к тому, кто нас заменит,
Продолжив наши мысли и дела,
И тем наградою для нас послужит
За все, что в жизни вынести пришлось,
За все, чего мы на земле добились,
За все, чему мы в жертву принесли
Столь многое, о чем не скажешь в слове.*

Да, отец любил Рама больше жизни. И чем старше становился он сам, тем сильнее его сердце привязывалось к наследнику. Среди братьев-царевичей, достойных преклонения, Рама был самым достойным, среди смельчаков — самым смелым.

*Как юный месяц среди чистых звезд,
Как лотос голубой в саду дворцовом,
Как среди птиц сапфировый павлин,
Сиял среди людей царевич Рама.*

сбившиеся. Он с детства ни на шаг не уходил от Рамы, деля с ним игры, радости и огорчения.

Все четыре мальчика росли во дворце, не зная забот и печалей. Их сердца были всегда согреты лучами родительской любви, и сами они были горячо привязаны к своему достойнейшему отцу и к царицам-матерям. В мире и согласии протекали дни царской семьи.

Всех царевичей с наступлением семилетнего возраста опытные наставники стали обучать тем наукам, которые необходимы царским сыновьям и воинам. Их научили стрельбе из лука и умению биться мечами и кинжалами, править боевыми конями и сражаться на колесницах. А Раме, как старшему из них, кого царь объявил наследником престола и будущим правителем царства, наиболее широко преподавали знание тайной и явной политики, науку об устройстве городов и крепостей, охране границ, искусство возглавлять армию и вести битвы.

О ВРАГАХ

Никто не оценит добра, если оно не борется со злом. Никто не назовет смелым того, кто не стремится к битве. И никто не скажет «он силач» о том, кто не побеждает в поединках. Но для этих битв, для этих поединков должны жить на земле злые враги, непримиримые к тем, кто добр и справедлив. И были такие враги в Кошале и в других царствах, лежащих и у подножия великих гор, и на берегах океана. Страшные враги, не знавшие чести и правды.

Это были ракшасы-демоны. В их черные души не проникал свет любви и благочестия. Они ненавидели все живое, пожирали людей и разоряли хижины мирных отшельников, одиноко живших в лесу и возносивших молитвы к богам. Ракшасы не ведали пощады, и их полчища постоянно врываются в деревни и города, топтали поля, разоряли людей и сеяли в их душах зло, мрак и ненависть. Их армии возглавлял самый злобный, самый мстительный и самый жадный из них — десятиголовый Раван. Не было предела его власти над силами зла, и не было границ его властолюбию.

Когда-то, давно-давно, он решил покорить богов силой своего духа. Став йогом, он совершал подвиги самоистязания, на сотни лет погружался в раздумье, стоя на одной ноге и не принимая ни пищи, ни питья, целыми днями смотрел на пылающее солнце, в узлы завязывал члены своего тела и добился наконец того, что боги испугались, признав его заслуги и обретенную им невероятную силу.

— Он снискал такое могущество духа, что может одолеть и нас, — сказал один из них.

— Да, — согласился другой. — Скоро он станет бессмертным и будет сильнее нас.

— И станет нашим повелителем, — добавил третий. — Нам следует подумать, как избавиться от его возможной власти.

Собрались великие боги на самой высокой, самой сияющей вершине горы и, соединив свои мысли, стали искать решение. И нашли его. Они призвали Равана к себе и возвестили ему, что довольны его долгими и тяжкими подвигами и желают одарить его.

— Чего хочет твоя душа? О чем ты попросишь нас? Ради чего ты совершал эти подвиги?

— Бессмертия хочет моя душа. О даре бессмертия прошу я вас, — ответил десятиглавый ракшас.

Это был дерзкий ответ, но боги, давши слово, отказаться от него не могут. После раздумья сказали они Равану:

— Смерть связана с источником смерти. Возвести нам, от кого ты не желаешь принять смерть.

И Раван стал радостно перечислять все живые существа земли. Он вспомнил львов и тигров, слонов и леопардов, змей и крокодилов, птиц и рыб, а также насекомых. Он перечислил богов, и демонов, и духов. Обо всех он сказал, кроме людей. Людей он так презирал, что не думал о них, считая их столь ничтожными, что их-то бояться уж никак не стоит.

Вслушали его всемогущие повелители трех миров и согласились одарить его бессмертием таким, о каком он их просил. Раван низринулся с небес на землю, а они сказали друг другу:

— Все живое он вспомнил, все твари назвал он нам, но главного своего недруга, человека, он не вспомнил. Что же нам делать теперь?

— О великие, как это — что делать? Пусть человек и разлучит этого ракшаса с подаренным ему бессмертием.

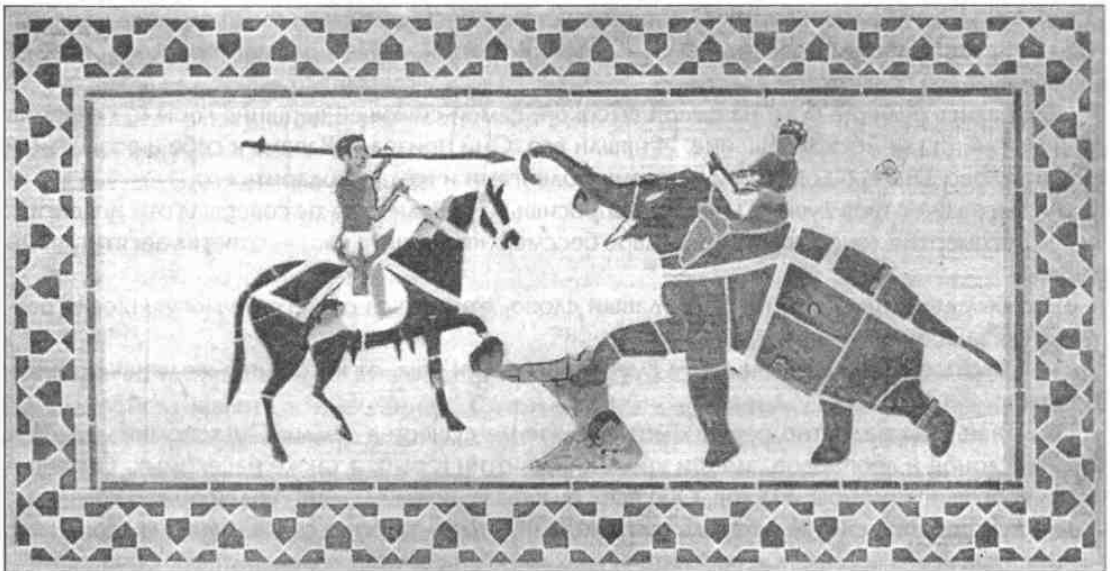
— Но какой человек? Кто из людей? Кто из них сможет одолеть этого могучего владыку зла?

— Да, обыкновенный человек этого не совершит. Это подвиг, требующий нечеловеческих сил. Одному из нас следует вселиться в человека и влить в него силу божественной непобедимости.

Все бессмертные согласились с этими мудрыми словами. И всемогущий, всемилостивый, светлый Вишну, всегда стремящийся помогать людям в их бедах, сошел на землю, приняв форму души человека. Он вселился в зародившееся тело мальчика, старшего сына царя Дашаратхи, мальчика, рожденного царицей Каушалей, мальчика, нареченного Рамой. Так появился на земле герой, судьбой которого стала борьба с повелителем зла и мрака, с самым могучим из ракшасов. Но не знал об этой своей судьбе Рама и рос среди своих братьев как земной царевич, жадно поглощая знания и готовясь к тому, чтобы когда-нибудь стать правителем Кошалы.

И было так:

*Ведь окружали царство дебри и леса,
Где тысячи гнездились ракшасов ужасных,
Угроза вечная для всех живых существ,
Исчадь подлости, жестокости, коварства.
И на Кошалу вдруг, подобно саранче,
Напала их орда в слепой безумной злобе.
В озера крови превращались города,
Огонь испепелял цветущие селенья,*

Враги напали на Кошалу

*И царь-отец тогда, и юные сыны
Возглавили войска в горячей тяжкой битве.
Но Рама молод был, и не тогда еще
Сбылся его удел, начертанный богами.*

Равана не было в этой битве. Он поставил во главе войска своего сына, веря в его победу, а сам предавался отдыху в покоях своего золотого дворца, стоявшего в центре богатого города, столицы его царства — Ланки. Сто десять жен окружали его ложе, тридцать лучших танцовщиц плясали для него, надев наряды, расшитые золотом, и музыканты услаждали его слух дивными мелодиями.

На далеком острове лежало его царство, и рокот океана вливался в высокие окна дворца, прохлада овевала тела ракшасов, наслаждавшихся покоем.

А в Кошале кипела страшная битва.

В этой битве, как и всегда и всюду, ракшасы сражались хитро и коварно. То делали вид, что испугались и бегут от врага, но это была ловушка для тех, кто бросался их преследовать. Заманив преследователей в дебри, они убивали и терзали их по одному и жадно пили их горячую кровь, набираясь сил для новых схваток. Обладая даром менять свой вид, они вдруг становились маленькими, как мыши, а когда воины рассыпались по полю в поисках врагов, ракшасы внезапно принимали огромные размеры и кидались на бойцов, оскалив свои острые клыки и сотрясая воздух оглушительным ревом.

И вот случилось, что кони, впряженные в боевую колесницу Дашаратхи, испугались этого рева и понеслись, не слушаясь вожжей и не разбирая дороги. Не смог воин-колесничий их сдержать, не смог повернуть обратно, и царя окружили враги. Со всех сторон мелькали косматые головы ракшасов, сверкало их оружие и неслись победные крики: «Он наш, он попался, уьем, изрежем на куски!» И только сгрудились они возле царя, подняв кривые ножи, как задрожала под ними земля, и колесница Рамы врезалась в их черную грудь. Рубя их мечом, пронзая копьем, он мгновенно рассеял врагов и бросился к отцу. А его братья бесстрашно настигали убежавших и беспощадно убивали их. Стрелы царевичей догоняли тех, кто пытался скрыться, и без промаха пронзали их тела. Визг, вопли, стоны, проклятья наполняли воздух.

Рама бросился к отцу и вдруг увидел, что он лежит недвижно и кровь течет из его груди. Подумав, что царь убит, он издал крик отчаяния, но Дашаратха открыл глаза и сказал:

— Не надо скорбеть, мой сын. Я только ранен. Скажи, где враги.

— Мы рассеяли их злобное войско, — ответил Рама. — Они больше не посмеют врываться в пределы твоего царства.

— Перенеси меня в свою колесницу, — слабым голосом попросил сына царь.

Рама поднял отца своими могучими руками и, удобно поместив его, ослабевшего от раны, в свою колесницу, сам занял место возничего и направил бег коней в столицу, ко дворцу.

Столица царства носила название Айодхья. Прекрасен был этот город, украшенный фонтанами, широкими площадями и множеством вечноцветущих деревьев. Прекрасен был он раньше и радостен. Сейчас же, когда царевичи с войском вступили на его улицы, они увидели много разрушений, и многие раненые жители Айодхьи встречали их со слезами.

— Неужели же снова накинута на нас эта мерзкая тварь? — горестно восклицали они.

— Нет, успокойте ваши сердца, — отвечал Рама. — Мы изгнали врагов из нашей родной страны. Идите и возвестите это вашим семьям. И пусть страх оставит ваши души.

— О боги! — вскрикивали многие, увидев раненого Дашаратху. — Мы не хотим верить, что царь убит.

— Он ранен, тяжело ранен, — скорбно говорил Рама. — Но мы принесем сейчас Великую Жертву богам, и я верю, что они явят нам свою милость. Не печальтесь раньше времени. Глашатаи вам будут объявлять каждый час о жизни и здоровье нашего повелителя.

Успокоив горожан, Рама направил колесницу к воротам дворца.

О ЦАРСКОМ ДАРЕ

Казалось, что угасло солнце, и вся природа затихла в ожидании исхода. В храмах непрерывно приносили жертвы богам, моля о спасении жизни царя. Горожане не могли приняться за привычные дела и, оставив все свои занятия, толпой стояли у стен дворца и ждали вестей. Ждали, не отходя ни для приема пищи, ни для отдыха.

Темные покровы печали опустились на всех обитателей дворца. К ложу, на котором лежал ослабевший от тяжелой раны Дашаратха, Рама подвел обессиленную от слез царицу Каушалью. Она опустилась на ковер, приникла к изголовью ложа и не отрывала взгляда от бледного лица своего супруга. Обе младшие царицы света не видели из-за слез, и царевичи пытались поддержать их души ласковыми словами, хотя сами замирали от страха за жизнь своего отца.

— Повелитель, великий царь, озари нас солнцем твоего взгляда, — умоляла Каушалья. — Ты слышишь, твои жены и сыновья зовут тебя?

— Горе нам, горе! — восклицала Сумитра, опираясь на руку Лакшмана.

— Мать моя, сдержи свою боль, отец встанет и окрепнет, я верю в это, — утешал ее Лакшман.

— О небо! — зывала к богам Каушалья. — За что ты караешь нас так жестоко?

— Как мы несчастны! — рыдала Кайкейи. — Неужели же мы останемся вдовами? Бхарата, сын мой, неужели ты останешься без отца?

— Всесильная смерть, — зывала Сумитра, — не отнимай отца у этих чистых сыновей. Сжался над ними!

Царица Каушалья взгляделась в глаза Дашаратхи и увидела, что в них меркнет свет.

Горе царицы

— Горе нам! Жизнь нашего супруга угасает. Закатывается солнце древнего рода царей! Вскричав так, она лишилась чувств, и Рама повелел отнести царицу в ее покои и дать ей целебные снадобья.

Кайкейи, склонившись над телом царя, увидела, что он слабеет и смерть уже готовится взять его душу.

— Да, я тоже вижу, что гаснут очи нашего повелителя, гаснут очи вселенной. Я низко склоняюсь перед всеми и прошу оставить царскую опочивальню. Боги при моем рождении влили в мои руки силу жизни. Я разотру руками голову и грудь царя, я перелью в него эту силу. И пусть я сама лишусь жизни, но супруг наш должен жить. Оставьте нас, прошу.

И когда все удалились, царица стала совершать то, о чем говорила. Шли часы, кончился день, зашло дневное светило, и звезды осыпали небо, но она не прекращала своих стараний оживить царя. И к утру его грудь стала теплеть, веки затрепетали и разомкнулись, и он снова увидел свет, золотой балдахин над кроватью и встревоженное, побледневшее лицо Кайкейи, склоненное над ним.

— Вернись, вернись к жизни, мой владыка, — шептала царица, глядя горячими руками голову своего супруга.

— Кто это? — спросил Дашаратха. — Я вижу все словно сквозь тяжкий туман.

— Сейчас смертная мгла отступит, сейчас, — повторяла Кайкейи. — И ты увидишь и меня, твою преданную жену, и всех твоих близких. Соберись с силами, сядь на ложе. Обопришь на мои руки.

И царь ошутил прилив жизни, сел и увидел, что в узорные решетки окон вливается свет утреннего солнца и что возле его ложа склонилась на ковер обессилевшая Кайкейи.

— Сюда! Скорее! — вскричал он. — Царица лишилась чувств. Скорее!

И все его родные, без сна ожидавшие в соседнем покое всю ночь, вбежали на этот зов. Их сердца охватила безмерная радость, когда они увидели, что царь здоров и его лицо снова озарено светом жизни. Но и тревога омрачила их души при виде Кайкейи, недвижно лежащей возле ложа.

К ней сразу бросилась ее старая нянька, горбунья Мантхара, которая приехала с ней из дома ее отца. Была она холодна сердцем и жестока и не любила никого на свете. Но свою госпожу она холила и берегла, потому что за каждую услугу Кайкейи щедро одаривала ее золотом. А блеск золота был для Мантхары дороже блеска солнца и луны, дороже всего, что существует на свете.

Увидев госпожу, бледную и слабую, лежащую без сил на ковре, она кинулась к ней, достала завязанную в пояс склянку с волшебным настоем тридцати трех горных цветов и стала натирать ей ноги и руки. И вот Кайкейи открыла глаза, встала на ноги и с улыбкой приветствовала всех собравшихся там.

— Что было со мной? — спросил царь.

— Ты умирал от тяжелой раны, — сказала Каушалья. — Младшая царица вырвала твою жизнь из рук самой смерти.

И все, сложив ладони, низко склонились перед Кайкейи, говоря:

— Слава тебе и вечная наша благодарность, прекрасная царица.

А Дашаратха, услышав это, встал с ложа и направился в тронный зал. И все последовали за ним. Взойдя на трон, он позвал своих советников и придворных и, обедев всех приветливым взором, торжественно возгласил:

— Перед богами, перед родными своими, перед всем народом я возглашаю, что в знак моей высокой благодарности своей младшей супруге, царице Кайкейи, я дарю ей обещание исполнить два любых ее желания. Любых. Всем известно, что я своих слов не меняю. Так будет!

Кайкейи была поражена таким щедрым даром. Поклонившись царю, она сказала:

— Но ведь я совершила только то, что мне велел мой долг. Нет в этом никакой заслуги.

Тут Мантхара, не отходявшая от нее ни на шаг и делавшая вид, что ей надо все время оправлять наряд царицы и цветы в ее прическе, шепнула ей на ухо:

— Ах, госпожа моя, не надо спешить с отказом. Ведь дар царя — это дар царя!

— Так чего желает твое сердце, царица? — обратился к супруге Дашаратха. — Я никогда не забуду твоей помощи, никогда.

— Ах, как это хорошо, — снова пробормотала Мантхара.

Смутившись таким вниманием своего царственного супруга, Кайкейи сказала ему:

— Я не в силах выразить словами тот поток благодарности, который готов излиться из моего сердца, повелитель. Но я не могу принять такой дар.

— Не спешите, госпожа, — зашептала Мантхара. — Вы еще не знаете, где протекает река вашего счастья. Возможно, когда-нибудь этот дар спасет вас и вашего сына.

И тогда Кайкейи ответила так:

— О величайший из царей земли, сейчас я счастлива и всем довольна. Живите тысячу лет, и если придет миг обратиться к вам, я осмелюсь тогда попросить вас о чем-нибудь.

Дашаратха с любовью посмотрел на нее и на своего сына Бхарату, стоявшего рядом с братьями, и промолвил:

— Не забывай, царица, о моем слове. Помни, что сказано мудрецами:

Один раз говорят цари,

И один раз говорят воины,

И только женщины меняют свои слова.

Так перед всем миром великий и справедливый правитель одарил своим высоким словом младшую царицу, и это слово с любовью и одобрением было встречено и царицами, и их сыновьями, и всеми подданными, живущими в цветущей его стране.

О РЕШЕНИИ ЦАРЯ

Летели дни, пролетали месяцы. Занимаясь науками и постигая воинское искусство, царицы не замечали, как сменяют друг друга на высоком небосводе солнце и луна, как приходит и проходит сезон жары, а за ним неизменный сезон муссонных ливней. С годами достигли они возраста цветущей юности и окрепли телом и духом. И Рама среди них стал как первый среди равных в любом собрании воинов, как могучий слон-вожак во главе стада слонов.

К царю же незаметно, день за днем, крадучись, как гиена, стала приближаться старость. Неудержимы и неотвратимы для смертных ее бесшумные шаги, и никому, кроме светлых богов, не дано миновать конец своих дней. И вот однажды, предаваясь отдыху в цветущем и благоуханном своем саду, он подошел к бассейну и заглянул в зеркально чистую воду. Грусть охватила его душу, когда он увидел свое отражение. На его лице отпечатались все следы прожитой жизни. Усталость от бесчисленных битв, боль от перенесенных ран, тоска о сыне, осевшая в сердце за те долгие годы, когда он был бездетен, заботы о делах царства.

Но недолгим был миг огорчения, ибо он вспомнил справедливые слова:

Охотник всю жизнь стремится

К плодам охоты — к добыче;

Рыбак до скончания жизни

О щедром улове мечтает;

А царь и богов служитель

К концу своей долгой жизни

Покой познает и мудрость,

Что служат плодами деяний,

Свершенных во имя блага.

Вспомнив эти мудрые слова, Дашаратха ощутил, что мир воцарился в его сердце. И он подумал: «Да, я старею, но жизнь моя принадлежит не мне, а всем, ради кого она была мне подарена богами. И прежде всего она принадлежит моему народу. Возможно, смерть моя недалека, а ведь страна без сильного правителя будет захвачена врагами и приведена к разорению. Пора, пора возвести наследника на престол. Пора. Не следует колебаться».

Погрузившись в эти мысли, он еще долгое время провел в саду, бродя в одиночестве под пышными ветвями деревьев и меж кустами, листья которых были не видны из-за обилия душистых цветов. Войдя же во дворец, он призвал в тронный зал всех своих близких и своих советников и обратился к ним с такими словами:

— Прислушайтесь к моим речам и подавите в душах желание не согласиться с ними. Я боюсь, что мне уже недолго осталось идти по дороге моих дней. И хотя я знаю, что наследник должен взойти на трон только после смерти царя, я решил возвести Рама на престол при своей жизни. Мои глаза должны увидеть, чего достиг он в науках и могу ли я спокойно уйти в обитель смерти, зная, что царство передано мною в сильные и благородные руки. Жизнь моего народа должна быть ограждена от всякой опасности, и мой покой в старости зависит от того, каким правителем станет Рама и достоин ли он моих надежд. Таково мое решение.

Затем Дашаратха спросил старого советника, который всю свою долгую жизнь посвятил служению царям Солнечного рода:

— Скажи, мудрейший, прав ли я? И согласуются ли мои мысли с волей богов, которые внемлют мне сейчас?

И советник, поникнув седой головой, сказал:

— О царь царей, мне горько это слышать. Но тебе подарена власть решать судьбы царства. Рама достиг расцвета своей силы и обрел много знаний. Он достоин выполнить твою великую волю.

И правитель обратил свой взор к царице Каушалье:

— А ты, мать Рама, веришь ли в своего сына и в его предназначенье на земле?

— Я верю, великий. Я знаю, что все твои слова отмечены сияньем справедливости. Но моему сердцу больно узнать твои печальные мысли. Ты будешь, ты должен долго жить. Ради нас, любящих тебя беспредельно.

— Да, ради нас, — в один голос подхватили эти слова младшие царицы. — Не приноси нам горя такими речами.

И Сумитра добавила с поклоном:

— Решение моего супруга будет и моим.

А Кайкеи сказала:

— Да, ведь Рама — старший среди братьев. Закон на его стороне.

Тогда царь-отец обратился к Раме:

— Расскажи мне о битве против ракшасов, которую ты завершил, когда родилась новая луна. Как сражались твои братья? Сильное ли войско прислал Раван?

— Мне не следует преувеличивать или преуменьшать силу врагов. Я помню только, как кипела эта битва. Ракшасы ревели, как бешеные буйволы, вырывали деревья из земли и сражались ими наших воинов. Да, битва была горячей. Правда, Лакшман?

И Лакшман подхватил:

— Они бросали в нас камни величиной с гору. Земля дрожала от топота наших боевых слонов и грохота колесниц. Братья усеяли своими стрелами все небо.

— Да, — добавил Рама. — Лучи солнца не могли пробиться сквозь тучи наших стрел.

— А враги бежали при одном виде сияющей колесницы Рама. Мы их победили! — воскликнул Бхарата.

— Да, — молвил Рама, — мы далеко отогнали врага от нашего царства. Не скоро ракшасы посмеют теперь тревожить покой твоих подданных, повелитель земли. Мы совершили то, что ты велел нам.

И он низко поклонился отцу, почтительно коснувшись руками его стоп.

Дашаратха благодарным жестом положил руку на его голову и сказал:

— Стань рядом с моим троном, Рама.

И смелым, открытым взглядом огляди всех, кто тебя здесь окружает. И посмотри мне в глаза. И скажи, чувствуешь ли ты в своей душе готовность стать моим воспреемником еще при моей жизни? Готов ли ты стать царем?

Рама сложил ладони и, склонив голову, ответил своему благородному отцу:

— Я внимал каждому твоему слову, государь, я готов снять с твоих плеч тяжелое бремя правления царством. Но готовность — это еще не есть желание.

Рама (дерево, XX век)

— Тогда в чем же твое желание? — удивился Дашаратха.

— В том, — с мольбой в голосе проговорил Рама, — чтобы ты еще много-много лет правил в Кошале. Чтобы дворец и столица каждый день озарялись солнцем твоего взгляда. Вот в чем мое желание.

— Да, отец, да, великий царь, — перебивая друг друга, стали восклицать царевичи, — твой земной путь должен быть долгим-долгим. А мы, твои покорные сыновья, будем исполнять каждое твое намерение, даже невысказанное тобой, даже скрытое. В этом наш долг.

— Я горжусь вами, сыновья мои. Вы доблестные воины и истинные царевичи. И тобою я горжусь превыше всего, Рама. Но я объявил свое решение и менять его не могу и не буду. Ибо:

*Когда душа созревает,
Как плод тяжелый на ветке,
Когда она чует кончину,
Как плод, готовый сорваться,
Когда утомляет старость,
А рядом сияет юность,
Тогда разрешают боги
Уйти, уступив дорогу
Тому, кто исполнен жизни,
Кто будет служить опорой
И мне, и народу, и царству.*

Проговорив это, Дашаратха встал с трона и, положив руку на сильное плечо Рамы, сказал:

— Объявляю всем, что скоро наступит день, когда мой старший сын взойдет на престол. И мое слово неизменно!

Все склонились перед царем и покорно оставили тронный зал.

О КОЛЕБАНИЯХ В РЕШЕНИИ

По прошествии времени к царю обратился главный советник, знаток законов и блюститель права. Он дождался дня, когда Дашаратха собрал в тронном зале своих придворных, чтобы провести великое торжество возведения Рамы на престол, и сказал:

— Ты принял великое решение, царь царей, но мне боги повелели напомнить тебе, что предками нашими, предками царей и мудрецов, был изречен закон, который не следует преступать тому, для кого честь есть высшее благо земли.

— Я никогда не нарушал законов, — ответил Дашаратха. — В чем же ты, почтенный, можешь упрекнуть меня?

И все собравшиеся зашептались и с удивлением посмотрели на советника. Более других были поражены его упреком царицы и сыновья царя, ведь честь супруга и отца — это и их честь, а его достоинство — это их достоинство.

— Продолжай, мудрейший, я жду твоих слов. Ведь никогда еще они не были напрасными. Проясни мою память, хотя я и не вижу за собою греха, — так с почтением сказал Дашаратха.

— Да, я напоминаю тебе, владыка, и всем, кто слышит меня, о нашем древнем законе. Он гласит, что наследник не может взойти на трон, если он не имеет супруги. Ибо тому, кто не явил своим подданным примера супружеской верности и любви, нельзя давать в руки кормило верховной власти. Многие тысячи глаз устремлены на него со всех концов страны, и каждый ее житель готов подражать его делам и поступкам. Все видят, что ты всегда был преданным супругом и добрым отцом, но кто это может сказать о Раме?

— Припадаю к твоим стопам, почтенный, — сказала с низким поклоном Каушалья, — и прости мне мою дерзкую речь, но Рама известен всем в нашем царстве. Народ знает его душу, его дела и подвиги.

— Да, дела и подвиги он знает, но душа человека открывается до конца только в лоне своей семьи. Не мною сказано, что:

*Украшенный победами в сражениях,
Сумевший избежать позора плена,
Не убоявшийся и ражасов ужасных,
Тот воин камня самоветного ценнее
И служит дивным украшеньем царству.
Но ведь бывает, что герой храбрейший —
Будь то царевич или полководец —
Слабеет перед женской красотой
И долг супружеский всечасно нарушает,
Семью свою позоря пред народом,
А вслед за ним весь круг его придворных
И сотни подданных, увидев злое дело,
На путь порока тут же обратятся.
Ложь воцарится, распадутся семьи,
И царство в беззаконии погибнет.*

Вот почему я говорю, что следует подумать о том, чтобы Рама вступил в брак. Мы должны подумать о том, где найти невесту, достойную нашего доблестного царевича.

Услышав эти слова, Дашаратха погрузился в глубокое молчание. Он склонил на ладони голову, убранную короной, сверкающей, как солнце, от сотен бесценных камней, и долго задумался. Все поняли, что он всем сердцем обращается к богам, моля открыть ему свою волю. И никто не нарушал ни шепотом, ни движением его молчаливой молитвы. Все ждали, сидя в тихой неподвижности на парчовых подушках, словно окованные чарами.

Наконец Дашаратха поднял голову, взглянул с любовью на Раму и сказал:

— Да, мой наследник, да, мой сын, слова советника мудры и справедливы. Дошли ли они до твоего сердца? Решаешься ли ты вступить в брак?

— Я готов исполнить твою волю, отец. Как ты велишь, так я и поступлю.

И тогда вступила в их беседу мать Каушалья:

— Я думаю, повелитель, что нам следует направить близких нам людей гонцами в разные страны. Пусть принесут они вести о самых прекрасных и достойных царевнах, среди которых мы изберем супругу для нашего сына.

— Меня, меня направьте, — вскричал пылкий Лакшман.

— И нас тоже, — попросили другие братья. — Нас трое, и мы поскачем на колесницах в страны, цари которых славны своей справедливостью. У них должны быть дочери, достойные Рамы. Мы, мы все поедem на поиски.

И в этот миг за окнами дворца послышались топот коней и звуки труб и барабанов.

— Что там? Кто там? Что случилось? — стали вскрикивать все.

А Дашаратха жестом послал сторожевых воинов узнать причину шума.

Вернувшись, они привели с собой глашатаев, прибывших из соседнего царства Митхилы. Упав ниц перед тронem, глашатаи вручили царю пластину из слоновой кости, на которой было начертано послание.

В нем говорилось, что правитель Джанака, царствующий в Митхиле, объявляет всем сыновьям царей, всем высокородным юношам разных стран, что в его царстве будет проведен сваямвар — состязание достойных, на котором его единственная дочь, прекрасная Сита, изберет победителя своим мужем.

— Сита превосходит своими добродетелями всех земных дев, — возгласил глашатай. — Ведь она не обычная женщина, она дочь Матери-Земли.

— Как? Что? Почему? — заговорили вокруг, — Что значит эти слова? Это правда?

И тогда снова выступил вперед старший советник и сказал:

— Да, это правда. Послушайте меня:

Когда-то поразил Митхилу голод,

И в горе зарыдала вся страна —

Косила смерть и молодых, и старых.

И сам царь Джанака не мог помочь беде.

Но посетил его однажды старец,

Глубоким знанием жизни умудренный,

И предсказал, что голод прекратится,

Когда сам Джанака с сохой пойдет пахать.

Лишь только царь земли сохой коснулся,

Вся борозда сверканьем озарилась,

И красотой и нежностью сияя,

Внезапно девочка явилась перед ним.

В Митхиле тотчас прекратился голод,

А девочку, рожденную Землей,

Царь возрастил с любовью и заботой,

И красотой своей она пленила мир.

— Вот кто такая эта царевна, — продолжал советник. — И вот почему она по справедливости носит имя Ситы, в честь борозды, проведенной царем Джанакой. Вот отчего ее зовут Дочерью Земли. Да, все это истинная правда, — закончил он свою речь.

Царь Джанака пошел пахать и нашел Ситу в борозде

И тогда заволновались и зашумели все в тронном зале.

— Это воля богов, — вскрикивали одни.

— Это странный случай, — говорили другие.

— Ах, Рама, это твоя судьба, твоя судьба, — повторяла Каушалья.

— Да кто же угадает, чем кончится это состязание? — спрашивал еще кто-то.

— Победит Рама, и только он! — решительно отвечал Лакшман.

— Мы решили, — молвил Дашаратха. — Ты поедешь, Рама, на этот сваямвар. Ты примешь участие в состязании героев. Мы слышали о несравненных достоинствах Ситы и надеемся, что ты завоюешь ее руку.

— Отец, — обратился к царю Лакшман, — позволь мне сопровождать брата. Позволь, молю тебя.

— И нам позволь, — бросились в ноги царю младшие царевичи.

— Лакшман, ты поедешь с братом, а вы останетесь оба со мной, — ответил царь, привлекая к себе двух других сыновей. — Я верю в твою победу, Рама. Собирайся в путь. Да хранят тебя боги.

— Покоряюсь, владыка, — с поклоном ответил Рама.

О СОСТЯЗАНИИ ЖЕНИХОВ

Столица Митхилы готовилась встретить сотни гостей. Чуть только золото зари окрасило восточный свод небес, тысячи водоносов с бурдюками были посланы на главную площадь, чтобы омыть покрывавшие ее мраморные плиты и охладить их. Все фонтаны города рассеивали по улицам ароматную влагу, и во все каналы была пушена самая чистая вода. Дома были убраны флагами и гирляндами цветов. Дорогими яркими коврами были покрыты резные сиденья для царевичей, стоявшие под цветными навесами, а также скамьи для гостей.

Горожане еще с ночи толпами собирались вокруг площади, чтобы своими глазами увидеть все торжество состязания женихов и узнать, кто же окажется победителем. Нетерпение владело всеми.

И вот по всем улицам понеслись колесницы великославных воинов, и они горделиво заняли приготовленные для них места, ревниво оглядывая друг друга. Сиянье их золотых шлемов и блеск доспехов затмевали свет солнца.

Добронравные женщины и девушки разглядывали их, скрываясь за резными решетками балконов.

— Взгляни, подружка, какой красотой блистает царевич, что сидит впереди всех, — шептала одна девушка другой.

— Ах нет, — отвечала ее подруга, — ведь его убор беднее того, что надет на юном воине рядом с ним.

— А рядом с тем, посмотрите на него, его шлем так сверкает от множества алмазов, что слепит глаза, — восклицала еще одна.

— О, как прекрасны они все! — говорили другие.

Зрители в толпе старались угадать, кто и из каких стран приехал на состязание, какие великомощные цари прислали сюда своих сыновей, чтобы завоевать руку несравненной Ситы, этой светлой Дочери Земли.

— Кто этот, сидящий впереди, и чем он прославлен?

— Это царевич из самой северной страны. Я мало слышал о его подвигах. Но он очень богат и знатен.

— А те, что не хотят даже сесть, а стоят, положив руки на мечи, эти откуда?

— Они с западных краев. Да, вид у них такой, как будто здесь скоро начнется битва.

— А где же сын царя Дашаратхи, о доблести которого говорят все в мире?

— Я не вижу его в первых рядах царевичей. А вы, друзья?

— Да, где Рама? И мы его не видим.

Так переговаривались горожане, ища глазами среди женихов прославленного героя. А он был там, но не старался стоять на виду, не хотел, отмеченный скромностью и достоинством, привлекать к себе всеобщее внимание. И верный Лакшман стоял с ним плечом к плечу, и оба спокойно ждали начала состязания.

Никто из собравшихся не знал, чего потребует от них царь Джанака. Каких подвигов, каких свершений во имя того, чтобы обрести величайшую из наград — руку божественной Ситы.

А задание, которое подготовил для них всех царь Джанака, было труднейшим. Ему предшествовали удивительные события, связанные с волей бессмертных богов, которым видно и ведомо все — и прошлое, и грядущее. И было так:

Некогда повелитель рождений и гибели всего живого, всемогущий бог Шива, чья милость желанна, а гнев ужасен, одарил далекого предка царя Джанаки таким мощным и прочным луком, что никто из людей не мог согнуть его, чтобы натянуть его тетиву. Из поколения в поколение в роду этих славных царей передавался заколдованный лук, но кто бы ни пытался выпустить из него хотя бы одну стрелу, отступал бессильно, смирившись перед закланием всевластного Шивы, создателя и разрушителя вселенной. И было сказано этим богом, что только тот из смертных осилит лук, в ком скрыта тайная сила божества. Но не являлся такой на землю, и лежал лук сотни лет нетронутый и почти забытый.

Вот и решил царь Джанака, что отдаст свою дочь, обладающую божественным происхождением, тому герою, который, согнув лук, проявит эту скрытую тайную силу. Только ему и никому другому. Никому и никогда.

Настал час, которого так ждали все на площади. Из дворца вышли торжественной процессией придворные и военачальники царя, а за ними, царственно ступая, проследовал к своему трону, осененному золотым царским зонтом, сам Джанака. Рядом с ним шла Сита в драгоценных сверкающих уборах.

— О, несравненная! — воскликнули все как один и до земли склонились перед ней.

Затем двадцать самых могучих воинов царства вынесли на своих сильных плечах волшебный лук и опустили его на парчовое покрывало посередине площади.

— Глашатай, — возгласил царь, — объяви всем условия состязания.

Забили барабаны, призывая людей к почтительному вниманию, а затем глашатай заговорил таким громким и звучным голосом, что каждое его слово было слышно на самых отдаленных улицах:

— Повелитель царств и покровитель народов, великодержавный Джанака, приказал сообщить всем достойным царевичам и юным военачальникам, что начинается великое состязание женихов. Рука его дочери, о добродетелях и красоте которой знают все жители земли, будет отдана тому, кто победит. И условие победы одно, только одно. Слушайте и запоминайте. Тот станет супругом несравненной Ситы, кто поднимет и согнет этот лук, лежащий перед вами. Тот победит, чья сила одолеет сопротивление этого лука, искусно изготовленного неземными мастерами в незапамятные времена. Приступайте к состязанию! Проступайте, не колеблясь! Подходите к луку! Явите миру вашу силу!

После этих слов глашатай в толпе женихов поднялось волнение. Гул голосов взлетел над ними, как грозное облако:

— И это все, что требуется сделать?

— Да нас позвали, чтобы посмеяться над нашим достоинством! Согнуть лук сможет каждый боец моей армии. Зачем же я сам прискакал сюда?

— Нет, вы слышали, сыновья царей? Согнуть лук! Лучше сразу уйти, чтоб не унижаться этой игрой для солдат.

Одни смеялись, другие спорили, а иные уже направлялись к своим колесницам. Один только Рама продолжал стоять спокойно и неподвижно и смотрел, как зачарованный, на дивное лицо Ситы, не смея поверить в то, что перед ним земная девушка, а не волшебное создание, опустившееся с небес.

И, словно ощутив силу его взгляда, Сита подняла глаза и взглянула на него. Когда их взоры встретились, небо озарилось внезапной вспышкой света, и мгновенно раскрылись все цветы, скрывавшиеся в бутонах. Так вспыхнула в этот миг их любовь.

— О боги, — прошептала она, — молю вас даровать победу ему. Только ему!

«Если я не добьюсь победы, — подумал Рама, — я убью себя. Без этой дивной царевны моя жизнь мне больше не будет нужна».

А женихи продолжали волноваться и спорить. Тот, кто был по виду сильнее других, заколебался и отступил подальше. А тот, кто был совсем юным, сказал ему:

— Ну иди, достойнейший. Ведь ты первым вступил на эту площадь.

Силач же ответил, стараясь скрыть свою нерешительность:

— Я могу уступить свое право тебе. Поэты говорят, что молодые побеги бамбука первыми встречают восходящее солнце.

Третий суетливо поощрял других:

— Ну конечно же, конечно, кто-то должен выйти первым. Решайтесь, решайтесь.

И был среди этих сильных толстяк, чье обширное тело не могли скрыть золотые доспехи. И тогда еще один обратился к нему с усмешкой.

Юный жених

— Вот ты, выходи первым. Ты сможешь заслонить собой нас всех перед взором божественной Ситы.

Другие одернули насмешника:

— Не следует указывать человеку на несовершенства его тела. Твои слова позорят тебя, а не его.

Наконец решился выйти вперед высокий и стройный царевич, сын правителя горной страны. Почтив царя Джанаку и его дочь низким поклоном, он приблизился к луку, склонился над ним и, напрягая все свои силы, попытался поднять его. Но ему не удалось даже на волосок сдвинуть с места этот заговоренный лук. Со стыдом он закрыл лицо руками и отбежал к своей колеснице.

Затем выступил тот, кто отличался первым расцветом юности. Но и его ожидала та же неудача.

Раздался смех силача:

— Ай да воин! Может быть, ты девушка? Запомни: бутоны лотоса не могут затмить раскрывшиеся цветы. Ты еще слишком молод.

Юноша ответил ему на эти слова:

— Да, вероятно, ты прав. Но зато я не прятался за чужие спины, как другие.

Силач возмутился:

— Кто эти другие? Это ты не обо мне ли?

И, расправляя могучие плечи, он тотчас двинулся к луку. Но не принесли и ему успеха его усилия, и, устыдившись, он мигом вскочил на колесницу, и ее грохот вскоре замер вдали.

Толстый воин нерешительно вышел на середину площади, обошел вокруг лука, присматриваясь к нему, а затем, поклонившись царю, молвил:

— Страшно даже подумать, что можно сразу убить свою надежду... Нет! Пусть уже лучше вообще не будет царицы в моем дворце. Прошай, великодержавный.

И ушел. И никто больше не решался на новые попытки. Тогда советник Джанакки обратился к царю:

— Великий правитель, этот лук слишком тяжел для смертных. Не изменишь ли ты условия состязания?

— Ничто не тяжело для обладателя истинной силы, — ответил Джанакка. — А мне, царю, не пристало менять свое слово. Как я сказал, так и будет. Прошу достойных воинов продолжать состязание.

Нетерпеливый Лакшман не мог больше молчать, видя неподвижность Рамы:

— Брат, где твоя сила? Где мужество? Чего ты ждешь?

И Рама сказал ему в ответ:

— Я знаю, чего надо ждать. Прислушайся. Сейчас мы с ним встретимся. Сейчас.

— Да с кем? О ком ты говоришь?

Но старший брат не успел ответить младшему. Все вокруг внезапно затмилось мраком, точно солнце стало угасать. Раздался свист плетей, и рабы-носильщики бегом внесли на площадь паланкин из золота, затянутый узорной парчой. Рядом бежали ракшасы, скаля клыки и потрясая оружием. Всех охватил ужас. Женихи отступили в сторону, а горожане в страхе стали разбегаться, крича: «Спасайтесь! Скрывайтесь! Ракшасы в городе! Запирайте дома!»

Откинулась занавеска паланкина, и перед потрясенными людьми предстал сам владыка ракшасов, десятиголовый Раван. Роскошь его одежда была неопишима. Шлемы, украшавшие его головы, слепили всех блеском невиданных драгоценных камней.

Раван в образе жениха

— Как он великолепен! — прошептал один из женихов.

— Не суди по платью, — сказал другой, — птицы иногда бывают очень яркими, но питаются червями.

Надменно оглядев собравшихся на площади, Раван направился к луку.

— Это что? — спросил он Джанаку. — Надо согнуть эту детскую игрушку?

Сита в ужасе прикинула к царю:

— Отец, отец, кто это?

И Джанака ответил с тревогой:

— Это сам Раван, Владыка Зла. Я очень озабочен его появлением, но ведь на состязание были званы все. Теперь и он мой гость. Мне надо быть учтивым.

А Раван уже склонился над луком, но, не дотрагиваясь до него, взглянул в сторону женихов. Обведя их насмешливым взглядом, он остановил взгляд на Рама и воскликнул, издеваясь:

— Кого я вижу? И пресветлого Раму, и его брата. Кто же из вас двоих хочет завоевать руку Ситы? Идите к луку, пробуйте, я могу уступить эту попытку вам, а потом сам подниму его без труда.

Лакшману было невыносимо слушать эти наглые слова. Он выхватил меч и вскричал, не в силах сдержать досаду:

— Рама! Почему ты молчишь? Сейчас я его проучу.

— Нет, брат, нет, — остановил Рама его горячий порыв. — Вспомни мудрые слова:

Один скажет, но не сделает,

Другой попытается, но без успеха,

А третий молча подойдет к преграде

И одолеет без ненужных слов.

Проговорив это и собрав всю силу своего высокого духа, Рама выступил вперед; почтительно приветствовал царя и его блистательную дочь и молча подошел к луку. Тихо прошептал: «О всемогущие боги, поддержите меня ради победы над силами мрака», он медленно наклонился над луком. Все замерли в ожидании, а Раван расхохотался.

— Дерзай, дерзай, — вскричал он. — Сейчас мы все над тобой посмеемся.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Рама левой рукой высоко поднял лук, а правой натянул тетиву с такой силой, что лук не только согнулся, но разлетелся на куски, которые рассыпались по площади.

— Будь ты проклят! — прорычал Раван, ощерив клыки.

— Слава герою! Слава великому Рама! Слава непобедимому! — стали восклицать все, кто видел это чудо.

— Подойди ко мне, сын мой, дай мне обнять тебя, — сказал Джанака.

Сердечно обняв Раму, царь подвел к нему Ситу. И она украсила героя цветочной гирляндой, которую еще на рассвете этого дня сама сплела своими пальцами, гибкими, как стебли лотоса. Затем отец вложил ее нежную руку в сильную руку Рамы, совершая древний обряд «отдания дочери» и торжественно провозгласил:

— Отныне жизнь моей дочери сольется с жизнью этого героя, как сливаются на земле священные реки.

Сита, сложив ладони, склонила голову и проговорила:

— Приветствую тебя, солнце силы. Приветствую тебя, мой супруг и повелитель.

Но тут раздался резкий голос Равана:

— Это еще что такое? Эй, Джанака, да как ты смеешь отдавать дочь кому-то другому, если перед тобой стою я? Я, владыка всех ракшасов земли?!

Царь Джанака, помня заветы гостеприимства, мягко ответил:

— Ты здесь равный среди равных. Почему же ты не пожелал поднять лук, явив нам свою мощь?

На это Раван дерзко возразил:

— Вы недостойны того, чтобы я участвовал в ваших детских состязаниях. Сейчас же прикажи дочери войти в мой паланкин. Немедленно!

Рама, будучи уже не в силах сдерживать свой гнев, схватился за меч, но Джанака удержал его, сказав:

— Подожди, юноша. Здесь я правитель царства. А тебя, повелитель черных ракшасов, я прошу сейчас же покинуть его пределы. И отныне мы все будем говорить с тобою только на языке мечей и стрел.

Раван чванливо усмехнулся и с угрозой обратился к молодой чете:

— Ну хорошо же! Я уйду. Но мы еще встретимся. Я вас найду, где бы вы ни были, и ничто не спасет вас от мести Равана. Ничто! Запомните это!

И, бросившись в свой паланкин, он стал хлестать плетью спины носильщиков, крича: «Шевелитесь, шакалы! Живей!» Когда его унесли, солнце праздника залило площадь.

Рама ломает лук (рисунок С. Потабенко)

О РАДОСТИ И ГОРЕ

Царь Джанака послал гонцов на легких колесницах в Кошалу сообщить отцу Рамы радостную весть и пригласить всех на свадебное торжество. По древним законам родные и близкие жениха должны были прибыть в дом отца невесты, чтобы разделить со всеми ликование по случаю богоугодного бракосочетания. Не мог быть счастливым брак без согласия родителей и их благословения. А затем следовало привезти молодую жену в дом ее мужа в

сопровождении торжественной процессии, в которой шли бы пешие воины и гарцевали бы конные, медленно шагали бы слоны под раззолоченными покрывалами, сотни музыкантов оглашали бы музыкой города и села на пути, и танцевали бы лучшие плясуньи страны. И на белом слоне, в паланкине, осыпанном алмазами и рубинами, сапфирами и жемчугом, восседала бы новобрачная, сияя скромностью и красотой.

К такому празднику стали готовиться в Кошале. Сотня ювелиров гранила лучшие камни и готовила золотые украшения, тысячи умелых мастеров ткали парчовые одежды, кузнецы ковали серебряные подковы для свадебных коней, все были заняты изготовлением дорогих подарков для родных и приближенных царя Джанаки.

И вот настал блаженный час, когда процессия, возвращавшаяся после свадьбы в Митхиле, приблизилась к столице Кошалы, к благословенному и богохранимому городу Айодхье. Она миновала городские ворота и, пройдя по улицам, которые собравшиеся для встречи горожане усыпали цветами, остановилась возле дворца. По тканым узорным коврам, расстеленным по мрамору, провела царица Каушалья Ситу во дворец. Все любовались юной женой и осыпали ее лепестками роз.

— Рады ли вы, мои царицы? — обратился Дашаратха к своим трем супругам.

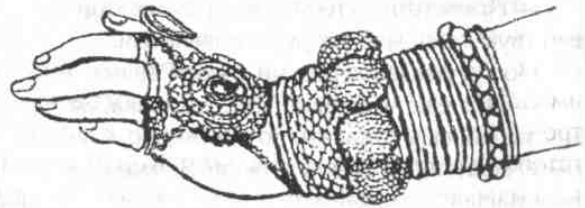
— У меня сердце переполнено восхищением, — ответила Каушалья. — Я буду любить эту бесценную невестку, как родную дочь. Каждый ее взгляд озаряет покои дворца, подобно свету солнца.

— Твое решение, владыка, послать Раму в Митхалу было мудрым, как и все твои слова, — сказала Сумитра, мать Лакшмана. — Нет на земле женщины, прекраснее Ситы.

— Люди правильно говорят, — молвила красавица Кайкеи, — невестка в дом — счастье в дом. Ее приход одарил радостью нас всех.

И придворные в восторге стали переговариваться, хваля красоту и нежность Ситы. Молчала только нянька Кайкеи, горбунья Мантхара. Как всегда, она стояла возле своей госпожи, следя, чтобы не расстегнулось ожерелье царицы или не соскользнула бы с ее прекрасных плеч златотканая шаль. Стояла и молчала, погружившись в какие-то свои тайные мысли. Но кто будет наблюдать за прислугой царицы и кому есть дело до ее мыслей, если торжество охватило все сердца и каждый не отводил взора от счастливой юной четы.

Дивный дворец повелел Дашаратха построить для своего любимого сына к дню его бракосочетания. Из всех стран везли а Айодхью самый чистый мрамор и порфир. Камнетесы, движимые любовью к Раме, старательно работали тонкими резцами, создавая на стенах покоев узоры из трав и цветов, изображая оленей в лесах и птиц, поющих на ветвях деревьев. В стенах были искусно проложены водотоки, и струи прозрачной воды перетекали по ним, наполняя бассейны в залах для игр и отдыха, источая прохладу и даря покой. Балконы и окна были украшены тонкими резными решетками, и ни одна из них не повторяла узора другой. Для лож и сидений были изготовлены точеные золотые ножки и подставки в виде фигур сидящих зверей и гибко изогнувшихся рыбок. И все это было убрано яркими самоцветами, от затейливых сочетаний которых нельзя было отвести глаз. Дворец был подобен небесному чертогу, и все жители Айодхьи гордились этим творением своих мастеров.

Праздничные украшения

Светом и радостью наполнились дни Рамы. Когда новобрачные гуляли в дворцовом саду, лианы расцветали им навстречу, и павлины, распустив сапфировые хвосты, начинали танцевать перед ними. Плеск фонтанов становился звонкой песней, и лебеди в прудах склоняли перед Ситой свои головки. Все вокруг пело о счастье, и оно казалось безмерным и бесконечным.

Бежали дни и приближался час, когда стареющий царь Дашаратха должен был, по сказанному им слову, возвести наследника на трон. Все во дворце знали это и готовились к великому дню коронации Рамы.

Но не бывает света без тени, не бывает дня без ночи, неба без облаков. Узнав, что день восшествия Рамы на престол уже назначен царем, Мантхара помрачнела и стала подобна грозовой туче. Накануне великой праздничной церемонии она забрела в далекий, густо заросший кустами угол сада и стала бить себя в грудь, рыдать и в отчаянии кататься по земле.

— Нет! Не бывать этому! — бормотала она. — Не Рама, а сын моей госпожи, Бхарата, будет царствовать в Кошале. Этого хочу я, к этому я всегда стремилась. Госпожа с детства привыкла слушаться меня, а ее сыночек привык слушаться ее. Так кто же будет самым важным человеком при дворе Бхараты, если он станет царем? Я! Я, горбунья Мантхара! Власть над всеми слугами будет в моих руках. И власть, и золото. О, как я его люблю, этот дивный металл, дающий такую силу. Я жажду богатства, и оно будет моим! Да, я помешаю Раме занять престол. Только я могу сделать это. И сделаю! Клянусь! Клянусь владыкой зла, великим Раваном! Клянусь!

Произнеся эти страшные слова, Мантхара вернулась во дворец царя и, сделав заботливое лицо, вошла в покои Кайкеи. Да, не зря люди говорят, что:

*Добро и зло стучатся в сердце человека,
Но только для добра спеши его открыть,
И сам служи примером добрых дел,
И даже если ты не блещешь красотой,*

*Сита ни на миг не расставалась с мужем
(рисунок С. Потабенко)*

И скованы твои неловкостью слова,
Прекрасным будешь ты всегда в глазах людей.
А если злу свое откроешь сердце,
То вырастут в нем черные цветы,
И опьянит тебя их тяжкий аромат.
И ты забудешь долг, любовь и верность,
Предашься темным мыслям и делам.
И друга своего ты назовешь врагом.
И после этого ничем — ни красотой,
Ни блеском глаз, ни нежностью лица,
Ни смехом звонким, ни искусными речами —
Не сможешь скрыть, что зло
В твоём гнездится сердце,
Что злобой кровь отравлена твоя.

Войдя к царице, нянька стала перебирать ее драгоценности и осматривать наряды.

— Приготовь все самое лучшее, моя нянюшка, — попросила ее Кайкейи. — Ведь завтра такой торжественный день, такой праздник! Нашего пресветлого Раму возведут на трон.

— Да-да, — поддакнула Мантхара, — конечно, праздник. Какую диадему вы наденете? С рубинами?

Выбрав диадему, Кайкейи подошла к окну и стала любоваться небом, усеянным яркими звездами. Месяц плыл среди них, как белый парус по сверкающей воде.

— Взгляни, нянюшка, — обратилась госпожа к горбунье. — Этот светлый месяц затмевает звезды, как Рама своей славой затмил всех воинов земли. Правда?

Мантхара не ответила. Она опустилась на пол и, пригорюнившись, закрыла лицо руками. Кайкейи подошла к ней и, положив ей руку на голову, спросила встревожено:

— Что с тобой? Ты заболела?

— Нет, госпожа, нет. У меня на душе неспокойно.

— Да почему же? Чем ты озабочена?

Мантхара помолчала, качая головой, а затем, притворившись беспечной, сказала:

— Ах, о чем мне заботиться, кроме вашего счастья, прекрасная царица?

— Ну тогда утешь свою душу. Я счастлива, — радостно ответила Кайкейи. — Ведь Рама взойдет на трон, как восходит на небо утреннее солнце.

Тут Мантхара снова опечалилась:

— О, как вы любите Раму, госпожа. Но ведь если он — утреннее солнце, то ваш Бхарата — юный месяц. А чем же месяц хуже солнца? Они оба прекрасны.

Кайкейи перед праздником

— Да, в Бхарате все мое счастье. Как он будет радоваться завтра!

— Все, все будут радостны и счастливы, — задумчиво проговорила Мантхара. — А вот вы будете?

— Да что это ты говоришь? Что значат эти тени на твоём лице? Отвечай сейчас же, о чем ты думаешь? — встревожилась Кайкейи.

— Ну хорошо, хорошо. Как я смею скрывать от вас свои мысли? Я отвечу, отвечу. Я думаю о том, что вас могут обидеть. Очень горько обидеть.

— Меня?! Кто же это посмеет обидеть любимую жену царя? Ты глупости болтаешь, смешные глупости, — сказав это, Кайкейи рассмеялась. — Твои шутки бывают смешными.

Мантхара увидела, что в этот смех царицы закралась тревога, и решила не отступать, пока не добьётся того, к чему стремится так упорно.

— Мне не до шуток, госпожа моя. Конечно, вас никто не посмеет обидеть, пока царь живёт и здравствует. Но ведь... ведь он не молод... Кто из живущих знает пути бога смерти? Ни я, ни вы, моя прекрасная. Вы радуется за Раму, а я... я печалюсь о Бхарате, о вашем единственном сыне. Я слепну от слез, когда думаю, что ему грозит беда.

Эти слова сильно встревожили царицу.

— Говори немедленно, — закричала она на няньку. — Какая беда? Откуда беда?

— Успокойтесь, успокойтесь, молю вас, — заговорила горбунья быстро. — Это просто глупые мысли вашей слуги, верной слуги.

— Нет, я требую, чтобы ты все сказала, не таясь от меня. Какая беда?

Тут Мантхара поняла, что судьба больше может не подарить ей такой удачной минуты, как эта, и заговорила решительно и твердо:

— Я всего только ваша раба, раба до погребального костра. Но вспомните, что бывает с братьями молодого царя. И что такое брат царя, как не угроза трону? Ведь всем известно...

— Что? Что всем известно? Почему ты вдруг замолчала?

— Да, всем-всем известно, что правитель всегда старается держать братьев подальше от своей столицы. Все знают, что наследник, овладев престолом, ссылает братьев куда-нибудь... Или к диким лесным племенам. Или в пустыню. Да, в пустыню, где только змеи и ящерицы.

Услышав эти слова, Кайкейи ужаснулась. Обессилив от страха, она опустилась возле Мантхары на ковер и, сжав ее руки, тревожно заговорила:

— Ах я глупая, доверчивая! Как же сама-то я об этом не подумала? Скажи, что нам делать. Как мне спасти моего Бхарату?

— Вам следует только вспомнить, госпожа, только вспомнить.

— Что, что вспомнить?

— Всего один день из многих лет своего замужества. Разве вы забыли, как вылечили царя от тяжелой раны? И как настал тот

Мантхара была колдуньей

день, когда в тронном зале при всех он подарил вам обещание исполнить два любых ваших желания? Любых! Ну, вспоминаете этот миг?

— Да, вспоминаю, но не пойму, при чем тут Рама и его коронация. И при чем Бхарата?

Хитрость Мантхары помогла ей сразу так опутать царицу, что та готова была исполнить любой совет, любое настояние. Теперь горбунья уже не старалась скрыть свои тайные замыслы и быстро стала учить Кайкейи что и как следует делать:

— Послушайтесь меня, действуйте твердо и не допускайте в свое сердце ни колебаний, ни жалости. Прежде всего удалитесь из своих покоев в Дом Гнева. Снимите скорее все свои украшения, распустите волосы и запрячьтесь в этом Доме, что стоит в саду у стены дворца.

— Да зачем все это? — недоумевала царица.

— А вот зачем, — продолжала Мантхара. — Царь, услышав об этом, поспешит к вам, чтобы узнать причину вашей скорби. Далеко будет разноситься из окон Дома ваши жалобы и рыдания, и все посмотрят на нашего великого повелителя с осуждением, обвиняя его в душе за то, что он довел вас до такого отчаяния. Ведь каждый знает, что без явной его вины ни одна из цариц в Дом Гнева удаляться не станет. И добейтесь от него, чтобы он короновал Бхарату, а не Раму. Нет другого пути к спасению вашего сына. Так что решайтесь и действуйте, госпожа, действуйте!

Проговорив все это, Мантхара льстиво припала к ногам Кайкейи и тихо скрылась, подобная змее, которая, нанеся укус, быстро заползает в свою нору.

— О-о-о, я несчастная! — громко закричала царица, срывая с себя драгоценные уборы и бросая их на пол. С криком и плачем она выбежала из дворца и побежала, растрепав волосы, по дорожкам сада к Дому Гнева. Все придворные в тревоге выглядывали из окон, не видя причины такого проявления ее недовольства своим безупречным мужем.

— Что могло случиться? — спрашивали они друг друга. — Ведь царь Дашаратха прославился своей преданностью семье и большой любовью ко всем трем супругам.

— Да, от него никто не видел обиды. Что же произошло? Отчего так гневается на него царица? Ведь в Дом Гнева можно идти только при очень тяжком оскорблении. Кто может сказать, что случилось?

Но никто этого не знал, и никто не мог дать ответ. Старший советник поспешил к Дашаратхе, чтобы сообщить ему странную весть. Царь сначала не мог поверить его словам, не зная за собой ни малейшей вины. Но не желая позора, он поспешил к Кайкейи.

Увидев, что в Доме Гнева царица сидит на каменном полу, горько рыдает и рвет на себе волосы, он просто остолбенел от удивления.

— Кайкейи, любимая, что с тобой? — вскричал он, бросаясь перед ней на колени.

— Покиньте меня, повелитель! Оставьте меня наедине с моим горем! — сквозь слезы ответила царица.

— О чем ты говоришь? Какое у тебя горе? Может быть, кто-нибудь тебя обидел?

— Да! — резко ответила Кайкейи.

— Но кто посмел? Кто?!

— Вы, мой повелитель. Вы обидели и меня, и нашего сына Бхарату.

Удивление Дашаратхы не знало границ. Услышав о Бхарате, он очень встревожился, поймав, что с ним произошло несчастье:

— Что случилось с Бхаратой? Отвечай скорее, не терзай моего сердца.

И Кайкейи ответила:

— Он пока еще жив и здоров. И даже не знает, какая черная туча восходит на небо его жизни.

— Что ему грозит? — воскликнул царь. — Я готов защитить его от всякой беды. Я никому не позволю его обидеть.

— Ах, вы уже позволили, владыка. И нас с ним ничто не спасет и никто не утешит.

Растерянный Дашаратха не знал, что и подумать после таких слов супруги.

— Я не пожалею жизни, чтобы успокоить твою душу. Скажи, что я должен сделать?

— О, если ваши слова правдивы, то немедленно прикажите объявить всем, что Рама больше не наследник. Бхарата не менее Рамы достоин звания царя.

— О боги! Ты говоришь, как безумная. Я дал слово Раме, и от своих слов я еще никогда не отступал и не отступлю.

— Ах вот как! — быстро сказала Кайкейи. — Не отступали? А вы помните, что я вернула вас к жизни после тяжелой раны?

— Помню, как можно это забыть?!

— А помните ли свое обещание, что вы тогда мне дали в присутствии всех придворных? Помните?

— Да... да... помню, — отвечал ей царь, в сердце которого закралась страшная догадка.

— Так вот, я прошу вас назначить наследником Бхарату. Это мое первое желание. А второе... Я прошу, нет, требую, чтобы вы завтра же отослали Раму в изгнание. Пусть живет где-нибудь подальше. В лесу или в пустыне, где только змеи и ящерицы... Ну, что же? Я жду вашего решения. Вы согласны, мой господин?

— Нет! Никогда! — вскричал царь.

— Ах, значит, слова царя все же расходятся с его делами, да? А что говорят мудрецы? Вы мне повторяли тогда, что только женщины меняют свои слова.

— Да, царица. Да, прекрасная женщина с черным сердцем. Ты права. Цари своих слов не меняют... И я тоже не могу отказать от своих слов. Но я могу умолять тебя вернуть мне мое обещание. — И с этими словами царь припал головой к стопам Кайкейи. — И я молю тебя об этом. Сжался! Пошади мои седины. Не унижай мою честь. Верни, верни мне данное тебе слово!

— Нет, нет и нет! — непреклонно отвечала царица. — Нет! Никогда!

— Пожалей меня. Ты же всегда видела от меня только любовь и заботу. Чем вызвано теперь твое ужасное требование? В чем моя вина перед тобою?

— Я думаю, что не только вы виновны. Наверное, старшая царица решила избавиться от Бхараты и заставила вас объявить Раму наследником еще при вашей жизни.

Пораженный такими нечистыми словами своей красавицы-жены, Дашаратха стал убеждать ее в обратном:

— Да никогда Каушалья ни делом, ни мыслью меня к этому не подталкивала. Верь мне, она любит царевичей всем сердцем. Всех одинаково любит.

Кайкейи в Доме Гнева

— Нет, я уверена, что это ее злые козни. А вы, как слепец, следуете за ней, ставя ее сына выше других. И главное — выше моего.

— Да ведь Рама — старший среди братьев. И его растили в моем дворце как будущего правителя. Как покровителя и защитника своего народа.

— Бхарата ничем не хуже Рамы. Он тоже добр и храбр и благороден. Только он будет царем! Только он! Я требую этого! Говорите сейчас же, вы согласны?

— Ну что же, царица... У меня нет выхода. Я не могу отказаться от своего обещания и подать людям пример бесчестия. Я... да... я согласен....

Проговорив это, Дашаратха без чувств упал на пол у ног Кайкеи.

Сбежавшие по зову царицы телохранители унесли его из Дома Гнева во дворец, заботливо уложили на ложе и послали за астрологом и придворным врачом.

Дав царю лекарственное снадобье и растерев его тело теплыми целительными соками, врач привел его в себя. А астролог, знавший гороскоп Дашаратхи и читавший судьбу людей по движениям светил и звезд, сказал, что еще не настал час его расставания с жизнью. Встревоженная Каушалья, поспешившая в спальню супруга, отпустила всех, а сама села возле его ложа, чтобы ночью подавать ему целительное питье и беречь его покой и сон.

ОБ УХОДЕ В ИЗГНАНИЕ

На рассвете Дашаратха послал гонцов во дворец Рамы, чтобы призвать его к себе. Подумав, что царь хочет побеседовать с ним до начала торжественной церемонии коронации, Рама, всегда готовый без промедления исполнять любое веление отца, приказал немедленно вывезти свою золотую колесницу и запрячь в нее белых коней. Сита, поспешно совершив омовение и надев свои лучшие наряды, тоже выразила желание направиться к царю вместе с супругом.

Беспредельно опечаленный, Дашаратха встретил их в покоях Кайкеи. Он призвал к себе всех близких. Встревоженная горестным видом своего супруга, Каушалья не отходила от него ни на шаг, но ни на шаг не отходила и Кайкеи, опасаясь, что старшая царица сможет отговорить царя от выполнения его решения.

Быстро сошлась вместе вся царская семья. Лакшман был и огорчен видом отца, как бы постаревшего за одну ночь, и горячо обрадован встречей со старшим братом. Его взгляд то обращался с недоуменным вопросом на царя, то с любовью сиял при виде Рамы.

Не было здесь только Бхараты, из-за которого и разгорелось в сердце Кайкеи такое злое пламя. Он гостил в далеких горных краях у родителей своей матери и проводил дни в охотах, забавах и развлечениях, не зная, не подозревая, что во дворце его любимого отца созрел такой ядовитый плод зависти и черных замыслов.

Молчал Дашаратха, горестно опустив голову на грудь, подобный подрубленному дереву, и молча стояли перед ним все его родные, недоумевая и не смея нарушить его задумчивость.

Наконец Рама решился обратиться к отцу:

— Ты звал меня, повелитель. Я здесь, перед тобою. Приказывай. Что я должен сделать? И ответ прозвучал, но слова слетели с уст Кайкейи, а не Дашаратхи:

— Это не отец призвал тебя сюда, а я велела тебе явиться.

— Я готов исполнить твою волю, великославная царица, — поклонился ей Рама. — Говори, я буду покорен.

— Покорен? Этого-то я и желаю. Слушайте все, — обратилась она к собравшимся, — мой супруг и господин отказался от своего намерения возвести сегодня Раму на престол. Праздника коронации не будет. Ни сегодня, ни завтра. Никогда не будет, потому что Рама больше не наследник. Это решение царя царей, великого нашего владыки. Вот он перед вами, и вот я перед ним говорю то, что вы все сейчас слышите.

Нет в человеческом языке слов, чтобы описать чувства, охватившие душу каждого из стоявших здесь при этих странных и дерзких словах Кайкейи.

— Как? Что?

— Почему не наследник?

— Да за что же отец так разгневался на него?

— Этого не может быть!

— Мы просто не поняли слов царицы Кайкейи, да?

— Да, не поняли. Пусть повторит.

— О боги! Что за горе!

— За что? За что такая напасть?

— Почему царь молчит?

Эти возгласы боли, непонимания и тревоги доносились до слуха Дашаратхи, но он все еще не находил в себе сил ответить на них, объяснить всем, что же произошло за одну эту ночь. Тогда Каушалья сказала:

— Мы все не так поняли речи Кайкейи. Царь всенародно объявил Раму наследником. Таково было его решение, и он своих решений не меняет. Это знают все люди земли. Успокойте свои сердца. Рама взойдет на престол.

— Нет, не взойдет, — возразила Кайкейи. — Вы забыли, что царь еще раньше принял решение, что исполнит два моих желания? Вот это решение он и не меняет. Он делает то, о чем я попросила.

— Да о чем же, о чем? Скажи нам, царица, не скрывай, молим тебя.

— А о том, чтобы мой сын стал наследником. Мой Бхарата будет царем. Он, и только он. А не Рама. Это мое первое решение.

Тут вскрикнул Лакшман:

— Бхарата?! О Рама, почему ты молчишь?

Рама стоял безмолвно, не сводя глаз с отца, по лицу которого катились слезы.

— А второе желание? — спросила Сумитра.

Лакшман

— Второе? Вот оно: повелитель должен отослать Раму из нашего царства. В изгнание. На семь... нет, лучше на четырнадцать лет. И царь обещал, что сделает это. А он своему слову всегда верен, не так ли?

И Кайкейи победно оглядела всех.

— Да, это так, — промолвил тогда Рама. — И я принимаю его волю как веление богов. Я уйду из Кошалы.

— Нет, Рама, нет, — решительно заговорил Лакшман. — Ты нарушаешь свой долг. Ты должен служить своему народу. Такова воля всех наших подданных.

— Твой уход убьет отца, — горестно добавила Каушалья. — Он не переживет разлуки с тобой. Твой первый долг велит тебе остаться здесь с ним и утешать его.

— О нет, мать, не в этом первый долг сына, а в том, чтобы не лишить отца чести. Если он нарушит слово, которое дал царице Кайкейи, его будут презирать во всех странах. Мой долг велит мне сдержать данное им слово. Я ухожу.

— Рама, где твоя сила, где храбрость? — снова воскликнул Лакшман. — Нельзя сдаваться без боя!

— Без боя? — переспросил его Рама. — С кем? С отцом? Опомнись, Лакшман!

И, пристыженный этими словами брата, Лакшман умолк, стараясь сдержать порыв своего негодования. Но все же снова спросил:

— Но почему отец так жесток? Почему он так несправедлив к тебе?

— Нет, брат, отец добр и справедлив. И я прошу вас, мои братья, охранять его покой и жизнь, когда меня здесь не будет.

— О нет! — решительно отрезал Лакшман. — Вернется Бхарата, займет трон и будет заботиться об отце вместе с нашим младшим братом. Но только не я! Я ухожу с тобой. И меня ничто не остановит! Мы не разлучались с детства, не расстанемся и теперь.

— Лакшман, ты останешься здесь, — сказал Рама. — И пошлешь гонцов за Бхаратой.

Тогда Лакшман кинулся в ноги своей матери, царице Сумитре:

— Молю тебя, мать, скажи, должен ли я следовать в изгнание за братом?

— Должен, сын, должен, — ответила справедливая Сумитра. — Нельзя покидать брата в беде.

Но Рама снова попытался остановить его:

— Кто же будет помогать родным? Кто поддержит цариц-матерей в их горе?

— Наши братья! А я всегда буду рядом с тобой. Мы уходим вместе.

Тогда Рама подошел к Каушалье, которая тихо повторяла сквозь слезы:

— Какое горе! О какое невыносимое горе!

— Нет, мать, нет. Это не горе. Это великая радость для сына сдержать слово, данное отцом. Осуши слезы. Меня изгнание не страшит. Гораздо страшнее для меня лишиться своего отца чести. Даже твоя любовь тогда не поможет мне пережить позор, который падет на мою голову.

— Но я... я умру от горя, — продолжала рыдать Каушалья.

— Моя любовь сохранит твою жизнь, — утешал ее Рама. — Ты же всегда была мне опорой, так будь же сильной и сейчас. Это поддержит меня в изгнании.

И Каушалья, овладев своими чувствами, ответила ему:

— Да, пусть так будет. Иди со спокойной душой. Я верю, что океан твоей доблести будет всегда полноводным. Я поддержу царя в его печали. И мы будем ждать тебя. Иди.

Припав к ногам матери и отца в знак прощания, Рама обернулся к Сите, к своей юной супруге, которая безмолвно стояла в стороне, охваченная ужасом и горем. Перед ней вне-

запно разверзлась самая страшная бездна, черная бездна разлуки с мужем, со своим земным богом, с тем единственным, кто был всей ее жизнью, всем светом, всей радостью в этом земном существовании. О нет! На это она согласиться не могла.

— Прощай, моя любимая, — обратился к ней Рама. — Не грусти. Дни, месяцы и годы нашей жизни пролетают стремительнее, чем облака над землей, чем стрелы над полем боя. Мы опять будем вместе, когда кончится срок изгнания, и уже не расстанемся до самой смерти.

Сита, сложив ладони, с мольбой упала к его ногам:

— Прошу тебя, не оставляй меня здесь. Я умру в разлуке с тобой. Ты — солнце и луна моей жизни. Нет большего счастья, чем видеть сиянье твоего лица. Возьми и меня с собой.

Рама ужаснулся:

— Нет, любовь моя, не проси об этом. Меня ждут тяжкие испытания. Останься здесь, где все к тебе так добры.

Но Сита была непреклонна:

— Я не боюсь испытаний. Я и дня не проживу без тебя. Позволь мне уйти с тобой, позволь, молю тебя.

Каушалья подошла к ней и попыталась отвести ее от Рамы, сердце которого, казалось, уже не выдерживает этого прощания.

— Дочь моя, — сказала она, — не проси об этом Раму. Ты будешь ему там только в тягость.

— О нет, мать, нет. Что ты говоришь? Как может любящая жена быть в тягость своему мужу? Отпусти меня с ним.

Но старшая царица продолжала настаивать на своем:

— Подумай, ведь у тебя в изгнании не будет слуг. Твои пальцы, нежные, как роса на лепестках цветов, почернеют от грубой работы. Ты утратишь свою красоту.

— Ах, к чему мне красота, если со мной не будет моего супруга? — горестно отвечала ей Сита.

— Но Раме придется спать на подушке из колючей травы.

— Не придется! — твердо возражала Сита. — Я подложу ему под голову свои руки.

— Путь далек, — убеждала ее Каушалья. — Рама будет задыхаться в пустыне от зноя.

— Не будет, я стану обмахивать его краем своего покрывала.

Тогда в этот спор вмешался Рама.

— На меня могут напасть хищные звери. Или ракшасы, что хуже зверей.

Сита снова бросилась к нему и продолжала умолять, обнимая его колени:

— Я закрою тебя своим телом. О, не отказывай мне. Я должна делить с тобой все тяготы, все горе. Ведь я жена твоя. Ты дыханье моего дыханья. Мне страшна только разлука с тобой.

Рама молчал, отвернув лицо и стараясь скрыть боль своего сердца. Тогда Сита снова протянула руки к Каушалье:

— О мать, помоги же мне умолить моего супруга. Ведь ты сама никогда не расставалась со своим мужем. Так за что, за что вы все обрекаете меня на такое страшное горе?

Видя, что Сита забилась на полу в тяжких рыданиях, Каушалья подошла, помогла ей встать на ноги и, подведя к Раме, сказала:

— Сын мой, слова Ситы справедливы. Не должна она покидать тебя в беде. Возьми ее с собой. Пусть весь мир узнает, какой должна быть преданная жена. Пусть все это узнают и запомнят навсегда, навеки.

— Мать, что ты говоришь?! — воскликнул Рама. — Ведь она погибнет в лесу.

— Значит, такова моя судьба, — решительно проговорила Сита. — Но ты, ты будешь рядом, а тогда и смерть мне не страшна. Я иду с тобой.

Рама склонился перед своей преданной супругой, перед непоколебимой, стойкой ее любовью:

— Идем, идем вместе. Я клянусь беречь тебя больше собственной жизни.

Тогда Каушалья обратилась к одному из воинов Рамы:

— Повели принести для изгнанников одежды лесных отшельников, сплетенные из древесных волокон. И проводи их до границы нашего царства.

И когда горожане, собравшиеся на праздник коронации, увидели, что из дворца вышли трое в желтых одеждах отшельников, они сначала не узнали их и не поняли, что это царственный герой Рама, его дивная супруга и юный воинственный брат Лакшман.

Но слух об изгнании мгновенно распространился по столице, и все жители ее предались отчаянию. Толпы людей побежали за колесницей, увозившей изгнанников, провожая их горькими стенаниями и слезами. Мужчины кричали, что будут ждать их возвращения и охранять город, а женщины срывали с себя украшения, восклицая, что не следует их носить в години горя и что они наденут их снова в тот день, когда изгнанники вернутся на родину. Так свершалось изгнание.

Боги Кришна и Радха — образцы супружеской любви

*Бывает так, что в час перед рассветом,
Когда откроются глаза земли
И улыбнутся в ожиданьи солнца,
И все живое тянется к нему
И в нетерпении спешит навстречу,
Бывает так, что в этот светлый час,
Как стая черных птиц, сомкнутся тучи,
Зарю покроют темной пеленою,
Погасят радость золотого утра,
И тени мрачные на землю бросят,
Как будто снова в мире царство тьмы,
И ночь холодные простерла руки.
Вот так в Кошале все ожидали радость,*

*А вместо радости нагрянуло несчастье,
И ураган беды пронесся над страной.
Сердца людей наполнились слезами,
В пучину скорби погрузились души,
Для всех погасло ликование дня.*

Непосильная, невыносимая тяжесть легла на душу царя Дашаратхи. Не видел он теперь радости ни в чем и ни днем ни ночью не находил себе покоя. И неотступными сделались его мысли о смерти. Каждый миг он стал ждать эту гостью, не ведающую пощады и сожаления, и с каждым часом ощущал ее приближение.

«Рама, о Рама, — шептал он одинокими ночами. — Где ты, сын мой, какие опасности подстерегают тебя, какие невзгоды? Жив ли ты, мой первенец, надежда всей моей жизни?»

Его тяжкие вздохи и этот горький шепот слышали только ветви деревьев под окнами опочивальни, а в его бессильных слезах отражался лишь свет далеких, всегда таких спокойных вечных звезд.

И однажды пришло к нему воспоминание о давнем-давнем дне. Дне, когда он был молод и исполнен гордой отваги, когда сутками он мог не уставая скакать на боевом коне и когда охота в лесах Кошалы веселила его сердце больше всех других наслаждений, которые щедро дарила ему жизнь.

Да, был такой день, уже почти забытый, давний день. С утра началась в этот день царская охота. Многих зверей загнали охотники, многих леопардов поймали живыми, чтобы приручать их и обучать при дворце искусству охотиться на ланей и косуль. Но Дашаратхе, молодому и сильному, все казалось мало, все хотелось еще и еще скакать, догоняя убегающую дичь. Углубившись в чашу леса, его конь приблизился к ручью, и сквозь густые заросли дикого жасмина заметил царевич какое-то животное, пьющее воду. «Это лань», — подумал он, хотя смутно видел сквозь листву лишь чью-то рыжеватую тень, склонившуюся над ручьем. Не колеблясь, натянул он свой тугой лук, и тонко свистнула в воздухе стрела, несущая смерть.

Подбежав к своей добыче, Дашаратха остановился, пораженный ужасом. Не лань, сраженная им, лежала на берегу, не олень и не дикая коза, а лежал, раскинув руки, юноша в коричневой одежде из грубых волокон пальмы, в одежде отшельника. Стрела поразила его, когда он наполнял свой кувшин водой, и вот теперь эта вода вытекала на землю, смешиваясь с его кровью.

— Боги, всеильные, великие боги, спасите его, — взмолился царевич. — И мой грех, страшный грех, простите мне.

— Нет мне спасенья, — слабеющим голосом проговорил юноша. — Здесь недалеко хижина моих родителей, их лесной приют... скажи им... расскажи им...

И он умер на руках Дашаратхи, не промолвив больше ни слова. Потрясенный царевич поведал отцу и матери юноши о страшной своей ошибке и о гибели их сына. Напрасными были слова его сожаления и попытки утешить их в том горе, в котором не может быть утешения.

Возле их бедной хижины был сложен погребальный костер, заготовленный ими еще при жизни, по обычаю отшельников. И оба они взошли на него, чтобы предать себя огню. Отец юноши, охваченный беспредельным отчаянием, проклял перед смертью Дашаратху:

— Подобно тому, как я уйду из жизни, не будучи в силах жить, потеряв сына, так и ты уйдешь в царство смерти, не перенеся разлуки со своим сыном. Тоска по нему убьет тебя, так сбудется мое проклятье...

Горький стон вырвался из груди царя, когда он вспомнил этот страшный день своей молодости. Тяжкие рыдания сотрясли его тело, и душа его отлетела в обитель вечности.

На рассвете эта новая горестная весть облетела город Айодхью, и все ее жители облеклись в белые траурные одежды.

О БХАРАТЕ

Не ведая об этой беде, уносились на колесницах все дальше и дальше от столицы царства Рама, Лакшман и Сита. Управляемые искусным колесничим кони несли их легко по дорогам, пересекавшим леса и поля, мимо городов и селений, и с каждым днем приближалась граница Кошалы, проходившая по берегу полноводной священной реки Ганги. Мать-Ганга дарила влагу полям земледельцев, рыбу дарила рыбакам, и покой дарила она всему, что рождалось, жило и цвело на ее берегах. Жизнь и покой несла она всем тварям земным, каждому дереву и каждой травинке.

Остановилась колесница на берегу великой реки, и остановились, столпившись вокруг изгнанников, провожавшие их жители деревень. Разведя огонь, приготовили деревенские женщины еду и поднесли всем троим свои скромные кушанья — лепешки, топленое масло и просяную кашу с пряностями. И хотя высокородным потомкам царских семей не полагалось, по древним заветам, принимать пищу из рук низкородженных, благородные царевичи не хотели обидеть отказом добрых крестьян и в каждой деревне принимали еду от всех, кто проявлял о них заботу.

Проведя ночь на берегу, они простились на заре со всеми, кто пришел сюда, отпустили колесничего и вошли в лодку перевозчика. Заструились, засверкали вокруг воды Ганги, и родная земля Кошалы стала отдаляться, меркнуть и исчезать из глаз путников. Впереди же их ждал берег, покрытый непроходимыми дебрями. Там им предстояло теперь переносить все дальнейшие превратности судьбы.

А Бхарата, весело проводивший все эти дни в кругу родных и беззаботно предававшийся развлечениям с друзьями, которых он знал с детства, вдруг увидел в одну из ночей странный и страшный сон.

Привиделось ему, будто поздней ночью бродит в одиночестве возле запущенного, грязного пруда его отец. И нет на нем царских уборов, нечесаными космами свисают на плечи его волосы, а тело прикрыто каким-то рваным тряпьем, подобно телу прокаженного нищего. Внезапно он рассмеялся, как безумный, покачнулся и упал в зловонную воду. И тут же сорвалась луна с небесной своей высоты, упала на землю, и погас ее свет, погрузив все в непроглядный мрак. Задрожала земная твердь, разверзлись в ней бездонные пропасти, и в эти зияющие провалы стали рушиться горы, разламываясь на огромные куски. И во всем

этом хаосе, мелькая среди деревьев с опаленными, иссохшими листьями, двигалась куда-то колесница, несущая на себе царя Дашаратху, но был он странен и недвижим, а вместо могучих его белых коней в колесницу были запряжены грязные презренные ослы.

Заметался Бхарата на своем ложе и очнулся в страхе. Душу его охватила глухая тревога. Что мог значить этот сон, наполненный дурными знаками? Он мог быть вестью о беде, он звал царевича обратно в дом отца. И скорей, скорей! Да, там случилось несчастье, Бхарата ошутил это всем сердцем. Но какое? Откуда могло нагрянуть бедствие? Ведь отец был здоров и счастлив, и все во дворце, ожидая дня коронации Рамы, были заняты радостными хлопотами.

Наутро он простился со своими родственниками, не будучи в силах объяснить им причины своей тревоги, и его колесница, словно стрела, спущенная с лука рукой умелого воина, понеслась в Айодхью. Она летела так стремительно, что мелькавшие селенья на пути казались не различимыми глазом пятнышками. Быстрее, быстрее! Мимо, мимо! Ну когда же, когда откроются земли Кошалы?

И вот он достиг своей страны, своей столицы и, вбежав во дворец, проследовал скорыми шагами в покои матери, царицы Кайкеи. Она сидела на ложе, опустив голову, и волосы ее были распущены в знак горя, а тело прикрыто белыми одеждами. Не было на ней ни сверкающих золотых браслетов, ни колец, ни серег — ничего, чем она всегда украшала себя.

Склонившись к ее ногам в почтительном приветствии, Бхарата обратился к ней со страхом:

— О мать, что значат все эти знаки скорби, эта траурная твоя одежда, эти неприбранные волосы?

— Они обозначают горе, мой сын. Нас посетило горе.

— Неужели бог смерти призвал к себе кого-нибудь из нашей семьи? Кого, кого? Где отец? Он здоров?

— Крепи свое сердце, Бхарата, и выслушай меня. Нет больше среди живых великого царя, твоего отца. Его тело сейчас умашают сандалом и душистыми маслами, а погребальщики складывают костер для предания его всеочищающему огню. И сегодня ты, мой сын, перед всем народом должен будешь обойти с молитвой этот костер. Не забудь в горести своей, что обойти его следует так, чтобы держаться к нему правым плечом, не забудь об этом древнем велении. А затем ты подожжешь костер, и мы все вместе со жрецами будем молиться об отлетающей в обитель праведных душе твоего отца. Это будет сегодня, сын, сегодня.

И Кайкеи, проговорив это, залилась слезами. Потрясенный этой ужасной вестью, Бхарата стоял перед ней недвижимый, как изваянье.

— Я не верю своим ушам, — воскликнул он. — Когда я уезжал, все были живы, и отец был здоров и полон счастья. Веселье царило в стране, а сейчас вокруг пустота, боль и слезы. Почему? Как это могло случиться?

Кайкеи вместо ответа разрыдалась еще сильнее, и Мантхара, вбежав, стала ее ласкать и успокаивать:

— Пожалейте свое сердце, моя добрая госпожа, оно разорвется от горя. А тебе, царевич, — обратилась она к Бхарате, — не следует терзать расспросами свою бедную мать. Ты должен шадить ее душу.

— Да, нянюшка, да, — сказал Бхарата, — ты правильно говоришь. Но пусть матушка объяснит мне только одно: почему именно я должен свершить обряд поджигания костра?

Ведь это против закона. Здесь есть старший сын, и это его священный долг. Его, а не мой. Рама сделает это перед лицом народа.

— Нет, ты это сделаешь, — сдержав слезы, сказала Кайкейи. — Рамы здесь нет.

— Как нет? Где он? Что с ним? Он жив? — засыпал ее тревожными вопросами Бхарата. — Почему его нет?

— Потому что отец отослал его в изгнание, — уже более твердым голосом отвечала царица.

— В изгнание? Раму? За что? Что он сделал?

— Не за то, что он провинился перед отцом. Просто царь пожелал, чтобы не он, а ты стал наследником.

Пораженный царевич не знал, что и подумать.

— Я?! Как отцу могла прийти в голову такая странная мысль? Он же назначил день коронации Рамы. Нет, его решения всегда были справедливыми, и он их не менял. Не было причины так нарушать закон.

Тут Кайкейи подумала, что не следует ей скрывать от сына свой поступок, который она считала подвигом.

— Это не царю пришла в голову такая мысль. Это я потребовала, чтобы он короновал тебя, а не Раму.

— Нет, не могу поверить, — возразил Бхарата. — Отца нельзя было заставить отступить от данного им слова.

— Но он и мне тоже дал свое нерушимое слово. Еще раньше. Ты же знаешь. Ты же помнишь тот день, когда он обещал исполнить любые мои желания.

— И ты... ты пожелала?

— Да. Ты будешь не менее достойным наследником престола. Да, я этого пожелала.

Сын смотрел на свою мать и не узнавал ее. Вместо убитой горем вдовы перед ним стояла женщина с гордо поднятой головой, и голос ее стал звучать уверенно и твердо.

— Ты? Ты, моя мать, могла так опозорить меня? И принести столько горя моему отцу?

— Да почему ты говоришь о позоре? — возразила царица. — Я хотела осчастливить тебя. Осчастливить на всю жизнь.

Рама, Лакшман и Сита в дни изгнания навешали лесных отшельников

— Осчастливить? — вскричал в негодовании Бхарата. — Да ты сделала меня самым несчастным человеком на свете!

— Мне странно слышать твои слова, — сказала Кайкейи.

Она была так околдована мечтой о том, что ее любимый сын станет царем, что просто не понимала его возражений.

— Неужели ты считаешь меня таким низким? Как ты могла подумать, что я соглашусь отнять законное право на престол у моего любимого брата?!

— Ах, об этом ли мне надо было думать! — воскликнула с досадой царица. — Вот стоит Мантхара. Она обо всем позаботилась. Благодарите ее, поклонитесь ей в ноги. Это она мне открыла, какая горькая участь нас ожидала бы, если бы Рама взошел на трон.

— Мать, о чем ты говоришь? Ведь ты же знаешь, какая у Рамы высокая и чистая душа! Что, что тебе сказала Мантхара?

— Она объяснила мне, как царица Каушалья и ее сын станут преследовать нас после коронации Рамы. Жестоко преследовать.

— Да как же ты могла поверить таким злобным наветам? Откажись от своих решений, молю тебя.

— Нет! — решительно молвила Кайкейи. — Нет, не откажусь, ты станешь царем, так будет лучше. Тебе следует поблагодарить мою добрую нянюшку за ее заботу о нас.

— Добрую? — воскликнул Бхарата, в сердце которого вспыхнул горячий гнев. — За заботу? Да я ее сейчас в куски разрублю.

И, выхватив меч, он занес его над Мантхарой, которая мигом юркнула за спину своей госпожи. Кайкейи удержала руку сына, сказав ему, что позорно совершать казнь в покоях своей матери. Но душа ее уже заколебалась между правдой и неправдой, и она оттолкнула от себя горбунью. И тогда Бхарата сказал этой злобной старухе неотвратимые слова:

— Ты, исчадие ада и скопище грехов, убирайся навеки из нашего царства. Каждому жителю своей страны я прикажу убить тебя, как бешеную гиену, если ты когда-нибудь появишься здесь снова!

Испуганная нянька опять попыталась было обратиться за поддержкой к царице, но та уже поняла ее зловещую роль, так как знала ее корыстную натуру, и отвернула от нее свое лицо. Мантхаре ничего не оставалось, как выбежать из покоев царицы и быстрее-быстрее бежать от гнева Бхараты, бежать из царства, скрыться навсегда.

Совершив горестный ритуал сожжения праха отца, Бхарата простился с царицами-матерями и объявил всем, что уходит и не вернется во дворец, если не найдет Раму. Созвав свою боевую дружину, в тот же день поскакал он на поиски изгнанников. Расспрашивая по пути жителей городов и сел, он нашел, куда ведут следы братьев. Погоняя коней денно и ношно, он скакал к югу и в каждом селении узнавал свой дальнейший путь.

Так пересек он со своим войском земли Кошалы, и примчались воины к границе царства. На берегу Ганги было много рыбацких деревень, и повсюду были развешаны для просушки сети. Здесь текла мирная трудовая жизнь рыбаков. Когда они услышали сотрясающий землю топот коней и грохот боевых колесниц, их охватил страх. С криками: «Спасайтесь, бегите в лес, идут враги!», они стали покидать свои дома. Но приветливые слова Бхараты успокоили всех, и люди указали ему нужную дорогу. Достигнув той деревни, где Рама, Сита и Лакшман провели свою последнюю ночь на родной земле, Бхарата обратился к рыбакам:

— Кто перевез их на южный берег? Укажите мне его, — попросил он их.

И его подвели к хижине одного из лодочников. Тот вышел на зов и упал в ноги царевичу.

— Это ты осмелился переправить несчастных изгнанников на берег, где бродят дикие звери и ракшасы?

— Я, господин, я. Да и как я смел послушаться нашего светлого Раму? Это было его веление. А меня избрали для этого старшины деревни, они считают, что я самый сильный из наших лодочников. Нет на мне вины, господин, видят боги. Ведь Мать-Ганга беспрельдно широка, южного берега отсюда и не видно, а стремнина реки неодолимо сильна. Я их довел благополучно. Это была воля богов, не гневайся на меня.

И Бхарата смирил свой гнев и обратился к этому лодочнику с просьбой:

— Знай, я иду на поиски Рамы. И не вернусь в Кошалу без него. О нем тоскуют все жители страны, и опустел трон нашего царства. Прошу тебя, собери всех рыбаков окрестных деревень и будь главным среди них. Вы перевезете меня и всех воинов, что со мной, туда, где мои братья. И ты укажешь место, где они вышли из твоей лодки.

Эта просьба царевича была охотно исполнена всеми, кто умел грести и править тяжелыми лодками. Все войско Бхараты взшло на лодки, погрузив на них и колесницы, и коней. Звонкие всплески весел по глубокой воде стали доноситься с Ганги все тише и тише, пока не замолкли вдали.

Оставшиеся на берегу жители деревни направились в свой небольшой храм, чтобы принести рис, цветы и сладости в жертву всеильным богам, моля их не отвращать своих лиц от несправедно осужденных на изгнание и от благородного царевича, спешившего найти брата, чтобы вернуть ему законный трон.

О ЛЕСНЫХ ПУТЯХ

Выйдя на южный берег Ганги, Рама, Сита и Лакшман очутились в густых дебрях, сомкнувшихся вокруг них, как стены. Лианы оплетали стволы и ветви деревьев, как тугие веревки, и были так перепутаны одна с другой, что казались неодолимой сетью. И думалось, что не пройти сквозь нее человеку, а кто пройдет, тому уже не суждено будет вернуться. Под деревьями росли кусты с корявыми ветвями, на которых вместо мягких, ласковых листьев виднелись длинные острые шипы.

Оглядевшись вокруг, Сита в испуге жала руку Рамы и сказала:

— Здесь нет пути. Что с нами будет? Мы погибнем.

— О нет, любимая. Это нас пугают злые лесные духи. Не страшись ни колючих кустов, ни лиан, ни лесного сумрака.

А Лакшман добавил:

— Да, сестра, не робей. Укрепи свое сердце. Что это за преграда для воинов — кусты да эти сетки на деревьях? Вот смотри, сейчас перед нами будет чистая дорога.

И, выхватив меч, он в несколько взмахов рассек густые заросли, и перед ними открылся путь в лесную глубину. Когда Рама и Сита вступили на эту тропу, лианы сразу покрылись

цветами, с кустов исчезли колючки, и их ветви заблистали листьями в свежих каплях росы. Запели вокруг птицы, и воздух наполнился жужжанием пчел. Чем дальше они шли, тем радостнее становилось все вокруг, и страх покинул нежную душу Ситы.

Да, недаром говорят, что
Лес — украшение земли,
Венец бесценный на ее челе,
Здесь гроздь спелых ягод и плодов
Камнями самоцветными горят,
Окрашены здесь травы и цветы
В коралловые отблески зари,
Струятся светлые ручьи среди корней,
Даруя влагу жизни всем вокруг,
И, заколдованный лесною красотой,
В восторге замирает человек.

Одна светлая поляна сменяла другую на пути изгнанников, одни цветы казались прекраснее других, и не было конца радости в их сердцах. Питались они душистыми сочными плодами и шли неустанно все дальше и дальше в сторону полуденного солнца, потому что Рама помнил о словах Кайкейи, пожелавшей, чтобы он ушел далеко от Кошалы.

Набредли они однажды на хижину лесного отшельника, мирно проводившего свои дни в цветущем лесу. Он предложил им погостить у него хоть несколько дней, отдохнуть на ложе из циновок, отведать пищи, приготовленной на его очаге. От старца они узнали, что в лесу бродят ракшасы, нападают на отшельников и разбивают вдребезги их святые алтари, чтобы лишить их возможности возжигать священный огонь и приносить богам в жертву цветы, и душистые порошки из сухих корней и коры деревьев.

— Мы перебьем их, как стаю шакалов, — воскликнул Лакшман.

— Да, мы защитим вас всех от этих злобных тварей, — заверил старца Рама.

Взяв луки и каленые свои стрелы, они оба углубились в чащу в поисках врагов. Вскоре до их слуха долетел злобный визг ракшасов, которые, наверное, делили добычу. Выйдя из-за кустов, они увидели нескольких людей из лесного племени, привязанных к деревьям крепкими веревками из пальмового волокна, а перед ними ракшаска вырывала из рук косматого ракшаса молодую девушку, обессилевшую от страха и слез. Ракшас шелкал клыками и, впившись когтями в плечи девушки, старался ее удержать, а ракшаска, вцепившись в ее волосы, ташила ее к себе. Привязанные люди со стонами боли и отчаяния тщетно старались освободиться от пут и спасти несчастную.

— Отпустите ее, будьте вы прокляты тысячекратно! — закричал Лакшман и поднял лук.

Рама опередил этот порыв — его стрела уже трепетала в груди ракшаса, который падал на землю, обливаясь кровью.

Тогда Лакшман стал целиться в убегающую в страхе ракшаску, но старший брат остановил его:

— Бесчестно стрелять в женщину, оставь ее, путь убегает. Спасенные лесные люди омыли слезами благодарности ноги своих освободителей и поднесли им лучшие плоды. Они рассказали, сколько горя и обид они терпят от ракшасов и как неодолима эта черная сила. Они сказали, что эти косматые демоны пожирают пойманного оленя, живьем разрывая его на куски, что они разоряют человеческие селенья и похищают девушек и

детей, которых уносят в дар Равану. Вот какая тяжелая картина жизни открылась перед братьями. Да:

*Здесь, в лесу, царило зло —
Кто был силен, тот подавлял
Всех тех, кто слаб.
Кто был жесток —
Тот беззащитных убивал.
Кто жаден был —
Тот отнимал чужой кусок,
Чужую честь, чужую жизнь.
Царило зло в лесной глуши.
Хотя казалось, что в густых лесах
Все жители зеленых этих царств
Должны миролюбиво и без ссор
Делить друг с другом все дары земли,
Должны быть справедливы и добры,
Прекрасны, словно травы и цветы,
Казалось бы...
Но было все не так,
И мерзких тварей жадная орда
Стремилась жизнь свою
Питать чужою кровью.*

Перебив и разогнав ракшасов вокруг обители, братья двинулись дальше, стараясь охранять Ситу еще зорче, еще тщательнее.

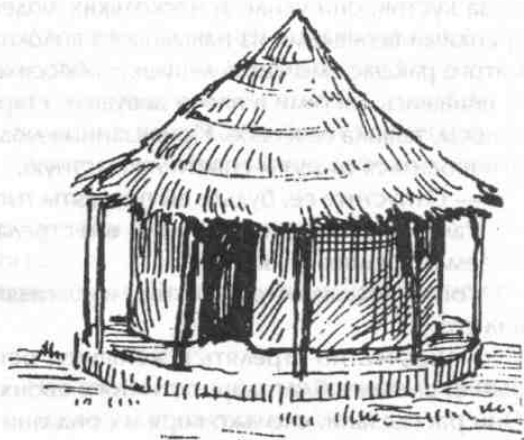
Протекло много дней их странствий, и нигде они не находили такого места, где захотелось бы им поселиться на долгие годы предстоящей им жизни в изгнании. Но однажды набрели они на поляну, полную такой освежающей неги и такой красоты, что Сита сказала мужу:

— Ах, как мне хочется отдохнуть здесь и не идти больше никуда. Взгляни вокруг, здесь самые душистые цветы, самая чистая вода в источнике и самые пышные деревья.

— Лакшман, — сразу же обратился Рама к брату, — Сите здесь нравится, а значит, нравится и мне. Начинаем строить хижину. Вот под этим деревом, где свет солнца сплетается с тенями ветвей, как узорная парча. Начинаем работать, не теряя времени.

Лакшман, всегда стремительный в своих действиях, стал сразу ставить жерди для стен, искусно переплетая их гибкими прутьями, потом они вдвоем сделали крышу из широких пальмовых листьев, и к вечеру был готов их чистый приют, манящий к отдыху и покою.

Не прошло и нескольких дней, как к Сите стали без боязни подходить газели и олени и

Лесная хижина

брать траву из ее рук. Все живые существа леса сбегались и слетались на ее ласковый зов. А умные попугаи срывали с высоких веток красные цветы граната и приносили ей, чтобы она украшала ими свои волосы, как гроздьями рубинов.

У людей из лесных племен изгнанники еще в пути своем научились складывать очаг, и Лакшман слепил его из глины, выведя на нем палочкой красивые узоры для Ситы. В подаренных лодьями простых сосудах она готовила еду из побегов бамбука, съедобных зерен, орехов и плодов, и жизнь никому из них не казалась тяжелой. Для них счастьем было видеть друг друга, беседовать, вспоминать своих родных, привечать доверчиво подходивших к ним лесных животных и радостно встречать по утрам восходящее светлое солнце.

Однажды, взойдя на ближний холм, Лакшман увидел в песчаной долине, у дальнего ее края, движущееся облако пыли. Он всегда настороженно всматривался во все, что их окружало, ожидая появления любой опасности. Быстрым движением пальцев он проверил стрелы в колчане и сорвал лук с плеча.

— Посмотри, Рама, — позвал он брата, — что это там такое? Видишь, с северной стороны движется чье-то войско? Они идут сюда.

Рама стал встревоженно вглядываться вдаль.

— Да, вижу. Но не надо сразу думать, что это враги. Какой-нибудь правитель царства здешних земель мог захватить в наши края со своей охотой.

— Охотой? Посмотри еще раз, не уходи. Это же воины на боевых конях. Их мечи и копья сверкают на солнце.

— Не тревожься, брат. Разве воинам опасны мирные отшельники? Если они прискачут сюда, мы предложим им плодов и чистой воды. Идем к Сите, она приготовила еду.

Когда они сели близ очага, вкушая пищу, деревья вокруг закачались от напора многих сильных коней, и на поляну первым въехал Бхарата. Он соскочил на землю и бросился в ноги Раме.

— Брат, царь мой и повелитель, я глазам своим не верю, счастью своему не верю. Я нашел тебя, нашел!

Затем он горячо обнял Лакшмана и приветствовал Ситу, припав головой к ее стопам. И снова обратился к Раме:

— Вот взгляни на это войско. Мы все пришли к тебе с одной мольбой.

— Зачем ты здесь? — недоуменно спросил его Рама. — К чему эти воины? О какой мольбе ты говоришь?

— Храбрые мои воины! — обернулся Бхарата к своей армии. — Сложите ладони, склонитесь перед властительным Рамой, молитесь его всей душой, всеми мыслями!

— Да о чем, о боги?! Скажи наконец, почему ты здесь? Как ты нас отыскал?

— Меня направляли жители Кошалы, и рыбаки, и отшельники, и люди из лесных племен. И без ошибки вело меня сюда мое сердце. Исполни, повелитель, нашу мольбу!

— Бхарата, если ты не безумен, то скажи, как ты осмеливаешься меня называть повелителем и даже царем? С такими словами ты должен обращаться только к отцу, истинному правителю нашего царства.

— Ах, Рама, узнай горькую весть. Я не должен ничего скрывать. Узнай тяжкую правду.

И с этими словами Бхарата разрыдался, закрыв лицо руками.

Сердце Рамы похолодело. Он понял, что не случай и не юношеский каприз привели сюда его младшего брата.

— Что случилось? — в страхе вскрикнул он. — Отец здоров?

— Нет его больше на этой земле, нет. Наш великославный отец не вынес разлуки с тобой. И это я... я совершил обряд сожжения, ты даже этого горького долга выполнить не смог.

— Успокойся, брат! Говори все, ничего не скрывая. Я выдержу. Я должен выдержать всю боль, что обрушилась на нас, как скала.

— Да, как скала. И раздробила, разрушила нашу семью, нашу жизнь.

И Бхарата рассказал без утайки все, что произошло после ухода Рамы. Узнали изгнанники о горе, охватившем страну, о том, что ее жители не в силах вершить свои дела, что все приходит в запустение, потому что не может царство жить без правителя.

— Да что это ты говоришь? — поразился Рама. — Без правителя? А ты, ты?! После смерти отца ты был обязан принять на себя заботы о народе. И о наших близких. Как ты смел оставить Кошалу и идти разыскивать меня? И зачем? О какой мольбе ты твердишь все время?

— Одна мольба у меня, у этих воинов, у всех наших подданных, только одна.

— Скажи о ней наконец! Отвечай, не молчи!

— Вернись, Рама, вернись! Все ждут тебя. Вот с этим войском и со мной вы все должны покинуть этот лес и вернуться во дворец. Страна погибнет без тебя. Вернись!

Рама овладел своими чувствами и заговорил ровным и твердым голосом:

— Выслушай меня, брат, и запомни каждое мое слово. Отец дал клятву, что отошлет меня в изгнание. А я поклялся сдержать его слово. И уж если я этого слова не нарушил при его жизни, то какая же цена будет моей чести, если я изменю ему после того, как он навеки нас покинул? Он поверил мне, и я не обману его душу. Я останусь здесь до конца назначенного срока, а ты немедленно покинешь нас. Поспешి во дворец, займи трон, от которого я отрекся, и будь справедливым правителем. Таким, каким был наш отец, великий царь Дашаратха. Не опозорь его памяти. Такова моя воля, таково мое решение, и это мое последнее слово к тебе. Иди!

И Бхарата понял, что никакие мольбы и слезы не заставят его брата преступить закон чести. Никакие и никогда. Тогда он склонился к ногам Рамы и попросил его снять сандалии, деревянные сандалии отшельника.

— Для чего? — удивился Рама.

— Я поставлю их на наш золотой трон. Это будут святые для всех нас следы твоих стоп. Я никогда не соглашусь взойти на престол. Я объявляю себя твоим наместником и буду правителем добрым и праведным, как отец и ты. Правителем-наместником. И никем другим! Такое мое решение тоже будет неизменным! Прошай. Прошайте все. Сохраните свою жизнь, а мы сохраним верность тебе, Рама. И будем ждать тебя, считая дни. Прошай.

И благородный царевич, бережно прижав к груди сандалии Рамы, вскочил на коня и вихрем понесся со своим войском обратно в Кошалу.

О ЗНАКАХ НОВОЙ БЕДЫ

К югу от хижины изгнанников простиралась земля, где лежали селенья ракшасов. И чем дальше в сторону полуденного солнца, тем больше этих гнездовий лепилось к холмам, озе-

рам и рекам. Отсюда эти хищные твари налетали, как ночные нетопыри, на мирных жителей разных царств и на обитатели отшельников. Сюда они ташили свою добычу и пригоняли рабов. Накопленные сокровища, захваченные в грабежах, они отсюда переправляли через океан в столицу Равана, в золотой город Ланку. Веками не знали они преград своим набегам, и не имела пределов их жестокость и коварство.

Они свободно бродили по лесу, терзая все живое, и требовали от всех полной покорности и подчинения. И давно привыкли к тому, что все склоняют перед ними головы и готовы откупиться от них любой данью. Ни в чем ракшасы не ведали отказа, зная, что каждый преклонится перед ними ради того, чтобы они пощадили его жизнь и не трогали его близких. Стоном стонала земля от этого разгула темных сил.

К обиталищу Рамы они еще не приближались, не ведая о том, что здесь скрываются царственные изгнанники.

Но все же настал день, определенный злой судьбою, и началась длинная череда бед и несчастий. Как-то ранним утром Лакшман, обходя, как всегда, с луком наготове лес вокруг хижины, услышал булькающие звуки возле источника. Незаметно подойдя, он выглянул из-за дерева и увидел, что какое-то странное существо, стоя на берегу на четвереньках, жадно лакает воду, высовывая длинный острый язык. Оно не было зверем, но и на человека оно не было похоже, хотя было видно, что у него не лапы, а руки и ноги, как человеческие. Но все пальцы имели длинные кривые когти, подобные двадцати острым кинжалам. Волосы черными космами спадали с головы, закрывая лицо, из-под волос торчали в обе стороны огромные, как у слона, оттопыренные уши; и было невозможно понять, кто это такой или что это такое.

«Нет, это существо не зверь — подумал Лакшман, — да к тому же оно, кажется, носит одежду, не увиденную мной в густой траве. Что же это за чудо?» Он быстро подбежал к источнику и резко окликнул пьющее создание, прицелившись в него из лука:

— Кто ты и откуда? Отвечай немедленно! И говори только правду!

Неописуемым было его удивление, когда из травы поднялась женщина.

— Отпусти лук, герой? — насмешливо сказала она. — Или ты хочешь воевать с женщиной? Тебе следует приветствовать меня.

Пристыженный Лакшман, закинув лук на плечо, сложил ладони в сдержанном приветствии и молча стал разглядывать нежданную гостью. Он сразу понял, что встретился с женщиной-ракшаской. Ее красные глаза хищно сверкали на черном лице, толстые губы не прикрывали торчащих клыков, а нос свисал, как перезрелый банан. Но зато на ней были яркоцветная шелковая одежда и такое количество драгоценных украшений, что их блеск слепил глаза.

Шурпанакха притворяется невестой

— Кто ты, госпожа, — спросил он, — и зачем пожаловала в эти края?

— Как? Ты не знаешь, кто я? — воскликнула она. — Да это знает весь мир. Обо мне говорят во всех странах земли. А уж в этом-то лесу я известна каждому зверю и каждой бабочке. Ах, вот одна летит! Какая красивая!

И мгновенным движением руки она поймала когтями прелестную бабочку и сразу же оборвала ей крылья.

Лакшман, стараясь не показать, что возмущен ее глупой жестокостью, стал все же настаивать, чтобы она ответила ему:

— Я спросил тебя, кто ты, но вижу, что ты не хочешь назвать себя. Видно, боишься, да?

Тут ракшаска залилась громким визгливым смехом, при звуке которого птицы испуганно разлетелись во все стороны.

— Это я боюсь? Кого? Да уж не тебя ли? — И, хохоча, она била в ладоши, громко шелкая когтями, подпрыгивала на месте и трясла ушами. — Говори лучше, кто ты и как сюда попал? Я слушаю!

Учтивый Лакшман спокойно ответил ей, рассказав о себе и Раме.

— Ах, вот это чудесно, что ты сын царя. Это очень-очень хорошо! А мое имя Шурпанакха. Знаешь, что это значит? «Имеющая когти, как веер». Нравится тебе? Не правда ли красивое имя?

— Да, чудесное, — вежливо согласился царевич, — но все-таки кто же ты?

— Ты все еще не догадался? Да у какой женщины могут быть такие драгоценные уборы, как мои? Ни у какой. Только у меня, родной сестры великого Равана, владыки золотой Ланки. Да, мой брат — повелитель всех ракшасов земли! Вот кто я! — надменно вздернув голову, проговорила ракшаска.

«О боги! — взмолился Лакшман в душе. — Оградите нас от несчастья. Зачем она здесь?» Вслух же он произнес:

— Я рад встрече с тобой, уважаемая, но ты не сказала о цели твоего прихода.

— У меня великая цель, — гордо ответила Шурпанакха. — Я незамужняя и хочу осчастливить какого-нибудь героя браком со мной. Хожу и ищу жениха, достойного моей красоты и богатства. Теперь ты понял, кто я?

Юный царевич сказал, с трудом сдержав смех:

— Да, почтенная, я понял. И желаю тебе удачи в твоих поисках.

— А они уже закончились, — заявила ракшаска, обходя его кругом и внимательно разглядывая со всех сторон. — У тебя широкие плечи, могучая грудь и светлое лицо. Ты мне, пожалуй, подойдешь. А эту твою грубую одежду мы сожжем, и ты будешь носить только парчу. Парчу и золотые доспехи. Ну как, ты согласен?

Лакшман поклонился ей:

— Я благодарен тебе за такую высокую честь, но я боюсь.

— Почему это вы, люди, так боитесь нас? Тебя никто не осмелится даже пальцем тронуть. Чего ты боишься?

— Я боюсь, что недостаточно красив для тебя. Рядом с тобой я буду выглядеть, как простой тростник рядом с лотосом. Да, я недостаточно красив.

— Достаточно, достаточно! — стала прыгать вокруг него Шурпанакха. — Мы сейчас же отправимся к моему брату. Идем!

— У меня тоже есть брат. Старший брат. Я должен попросить его благословения. Сначала пойдем к нему.

Когда они подошли к хижине, Рама срывал для Ситы душистый жасмин, а она сплетала из него браслеты и гирлянды, которые в изгнании заменяли ей драгоценные украшения.

Увидев его, Шурпанакха пришла в восторг и заявила Лакшману:

— А ведь он красивее тебя. И выше. И руки его сильнее. Ты больше можешь не мечтать о браке со мной. Я выбираю его, а не тебя.

Сита, увидев, что это страшное создание бегом направилось к ним, в ужасе спряталась за спину мужа. А Шурпанакха, бесстыдно схватив Раму за руку, вскричала:

— Наконец-то! Наконец-то я встретила того, кто воистину достоин меня! Я называю тебя своим мужем. Радуйся! Ликуй! Встречай свое счастье!

Рама высвободил руку, поклонился ракшаске и спросил брата, кого это он привел к их хижине. Выслушав рассказ Лакшмана, он решительно сказал Шурпанакхе:

— Ты не должна сама звать кого-нибудь в мужья. Следует скромно обратиться к свату, и он отыщет тебе достойную пару. Прошу тебя покинуть наш приют.

Ракшаска затрясла головой, захлопала ушами и заявила:

— Ни за что! За триста лет своей молодой жизни я не слышала слова «нет». И не желаю слышать! Если я сказала, что выйду за тебя, значит, выйду. Я тебя полюбила! Вот и все! Собирайся, идем!

— Снова прошу тебя оставить нас. Я всего только изгнанник и не могу стать мужем такой знатной госпожи, как ты. К тому же у меня есть супруга. — И Рама указал на Ситу. — Вот с этой царевной из Митхилы я связан браком навеки. И брачной клятве я не изменю.

Тут Шурпанакха выказала невероятное удивление. Оглядев Ситу с головы до ног, она всплеснула руками и заговорила дерзко и насмешливо:

— Это с ней ты связан навеки? С этой простой земной женщиной? Да где были твои глаза, когда ты ее выбирал? Что тебя к ней притянуло? Ее светлая кожа! Но мы, ракшасы, можем менять свой облик по желанию. Мы всегда это делаем для обмана, но я это сделаю из любви к тебе. Я тоже стану светлолицой, как луна. Что, светлая кожа — это все ее богатство? А где ее сила? Отвечай, в чем сила этой хилой человеческой женщины?

— Ее сила — это я, — ответил Рама. — И я всегда буду с ней. Уходи!

— Ах, вот как ты разговариваешь с сестрой самого Равана! Ты меня оскорбляешь из-за этой ничтожной? Я убью ее!

И кланув когтями, Шурпанакха бросилась на Ситу. Рама прикрыл собой жену и сильной рукой отшвырнул ракшаску на край поляны. Здесь ее схватил Лакшман, с трудом сдерживавший свой гнев, и в одно мгновение, в один взмах меча, отрубил ей нос и уши.

— Какая бойкая невеста! — вскричал он. — Убирайся, рожденная мраком! И бойся встретиться с нами опять!

Невыносимый для слуха визгливый вой Шурпанакхи огласил лес. И даже когда она достигла отдаленных чаш, этот мерзкий для слуха звук продолжал разноситься по земле. И звери прятались в норы, а птицы забивались в дупла.

Все ракшасы исполнились желанием отомстить оскорбителям Шурпанакхи. Ее родные и близкие участливо расспрашивали ее о перенесенном позоре, и на своем ночном совете решили жестоко наказать царевичей. Несколько раз подкрадывались они к их обиталищу, но оба брата были настороже и отражали нападения и на заходе солнца, и в ночной темноте, и на рассвете. А Шурпанакха несла свою обиду все дальше и дальше, жалуясь и рыдая в каждом гнездове ракшасов, и вопила о мести.

Весть о том, как была унижена сестра, достигла слуха Равана раньше, чем перед ним предстала сама безносая и безухая царевна, считавшаяся раньше украшением его двора.

— Кто? Кто осмелился?! — в страшном гневе зарычал он и так затопал ногами, что обрушились скалы за стенами Ланки и вспенился океан.

— Они имели вид отшельников и этим обманули меня, — рыдала Шурпанакха. — Когда я увидела их ближе, я поняла, что они царские сыновья, сильные и гордые воины.

— Да кто они? Ты даже имен не знаешь? Как это можно, не знать имени обидчика?! Ты что, забыла, из какого ты высокого рода? — рассердился Раван на сестру. — Все вокруг твердят, что тебе нанесли оскорбление, а я даже не знаю, на кого должен обрушить возмездие. Это позор для меня. Кто они?

— Ах, великодушный мой брат, не гневайся на меня, несчастную. Я все-все тебе расскажу, ничего не утаю. Я же говорю тебе, что они царевичи.

— Что ты твердишь одно и то же? Какие царевичи? Откуда? Почему живут в лесу? Твои речи бессвязны, как у безумной.

— Они в лесу потому, что их выгнал из столицы и из страны их родной отец. Видно, эти негодные сыновья заслужили такой кары. Они, наверное, и отца оскорбляли. Вот Дашаратха и рассердился и прогнал их от себя,

— Кто?! Какое имя ты назвала?! — вскочил с золотого трона Раван, не веря своим ушам. — Какой царь их изгнал?

— Царь Дашаратха. Это его сыновья. Один старше и сильнее, а другой...

— Имя того, кто старше! Имя! — зарычал Раван, тряс сестру за плечи. — Скорее! Имя его!

— Да он мне зла не сделал, — оттолкнула брата Шурпанакха. — Это младший брат во всем виноват.

— Я убью тебя, если сейчас же назовешь имя старшего. Слышишь? Старшего!!

— Младший называл его Рама. Да это и не важно. Вот младшего надо... младшему...

— Рама?! Наконец-то! Вот это удача! — заметался Раван по своему тронному залу. — Как мне повезло! — Потом он опять бросился к сестре. — А жена? Где жена?

— Чья жена? О ком ты?

— Его, Рамы, жена тоже там?

— Там, с ними. Такая ничтожная, все за него прячется, всего боится. Презренная, — фыркнула Шурпанакха.

— Всем! Всем отомщу! За свой позор! И за твой! Всем оплачу! Они узнают, что такое месть владыки владык. В лесу? Втроем? Без войска? Одни? — снова засыпал он сестру вопросами.

— Одни. Да, без войска. А разве тебя утешит их войска? Ведь у тебя двадцать рук, и в каждой — острейшие кинжалы и тяжкие булавы.

— Нет! Меня ничто не утешит. И никто теперь не удержит. Теперь я знаю, что мне делать. О-о, как сладка месть! Она вливает в сердце больше сил, чем напиток бессмертия.

Жена Равана

Да! Теперь я знаю как надо действовать. Ни люди, ни боги мне не помешают. Теперь я буду победителем на этом состязании женихов! Я! И никто другой! Да, на этот раз моим рукам будет работа. Резать! Колоть! Дробить! Терзать! Я! И никто другой! Уходи отсюда. Я буду думать о мести. Ищи ее и ты в своем сердце. Иди.

И Раван, этот носитель злой воли, сев на свой драгоценный трон, застыл в страшной неподвижности, устремив взгляд сквозь окно, сделанное из тонкой пластины светлого сапфира. Он смотрел на валы океана, неустанно набегавшие на берег, и в душе его теснились и прокатывались волны черных мыслей о том, как отомстить царевичам, как причинить им такое неслыханное зло, чтобы никто из живых никогда не забыл об этом.

Да, всегда должны люди помнить слова древних мудрецов:

Кто зародился в черных недрах мрака,

Тот по земле идет путями тьмы,

Кривыми и колючими путями,

Таясь от солнца, света и добра.

И не выносит темная душа

Ни красоты, ни радости, ни счастья,

В ней, словно пузыри в гнилой воде,

Вскипает зависть и стремленье к мести:

Как алчет крови вражеский кинжал,

Как царь жестокий вечно казней жаждет

Как ворон к телу мертвому стремится,

Так зависть властно к мести призывает.

О ПОХИЩЕНИИ СИТЫ

Шурпанакха выбежала в дворцовый сад и, упав на цветы, обернулась в комок. Черный комок среди ярких нарядных цветов. «Что Рама в ней видит? Чем она хороша? Кожа, конечно, у нее светлая, но рот маленький и не растягивается, как у меня. А зубы мелкие, как белые ракушки на берегу океана, — разве это красиво? И совсем не видны за губами, как будто подпиленные. Волосы тоже никуда не годятся — просто стянуты в пучок на затылке, но разве это лучше моей пышной черной гривы? Хотя они и обвиты веночком из жасмина, но этот жалкий жасмин, как у нищенки, не сравнить с алмазной сеткой на моей голове. Ну что, что он в ней находит? Почему все ее считают прекрасной? Почему ее, а не меня?!»

Так терзалась Шурпанакха, катаясь по цветам, ломая их и вырывая с корнем из земли. В ее распаленном воображении вспыхивали картины мести. Она видела себя с мечом и падающую под ее ударами Ситу, изрубленную, окровавленную. Или себя, рвущую когтями нежное лицо Ситы, которое после этого уже не будет привлекать Раму. Или... или...

«Но ни один из этих братьев все равно на меня не взглянет, даже если я ее изрублю, изорву, изуродую, — думала она со злостью. — Ни один... Нет, такая месть не годится. Ведь

убитая мной Сита страдать уже не будет, а изуродованная не будет унижена. Унизить их надо, унизить! Превратить в ничтожество! Да! Только так! Этим и оба героя будут ввергнуты в жалкое состояние. Хуже нищих у храма, хуже прокаженных. Моя победа кроется в их унижении».

И вот Шурпанакха снова направилась в покои своего злодушного брата. Она знала о том, как он проиграл на состязании женихов в Митхиле, знала, что он не расстанется с мечтой ввести Ситу в свой золотой дворец и назвать ее лучшей среди многих сотен своих жен, знала также, что он ненавидит Раму, но не может разыскать его тайного прибежища. Все она знала, и пока медленно шла по обширному саду и по залам дворца, решила, что надо хитростью заставить Равана обратить на царевичей-отшельников всю силу гнева, всю неотвратимую ярость мести. Только хитростью.

«Он должен обрушиться на них, как неустойчивый океанский вал, как каменная гора, и стереть в порошок их спесь, а эту заносчивую Ситу отнять у них. Вот что ему надлежит сделать. И водворить ее в свои покои, и заставить ее покориться» — так зрели в ее душе планы мести. Она была уверена, эта черная сестра черного владыки ракшасов, что нет на свете силы, способной противостоять ее великому брату. А он, непобедимый, он, старший брат, обязан охранять свою сестру, заботиться о ее чести, беречь ее красоту и гордость, жестоко мстить за каждую нанесенную ей обиду, за каждое поругание. «Эти, другие члены нашего рода, не смогли там, в лесу, расплатиться за меня, — думала она, — а великий Раван не отступит, этот пожиратель правды добьется своего, я знаю. Пусть похитит Ситу, и тогда Рама умрет от горя, а за ним и этот мой обидчик тоже. Или сам умрет, или его убьют ракшасы. Его одного-то им легко будет одолеть».

— Я знаю, что тебе следует сделать, — обратилась она к Равану. — Тебя глубоко оскорбили на состязании женихов, а за обиды нужно мстить. И мстить беспощадно! Что же это ты, великомощный, не решаешься мстить? Мне странно видеть твои колебания.

— Как я могу им отомстить, как?!

— О, это не так трудно. Смерть им, смерть!

— Да если я убью этого презренного Раму, войска людей истребят половину моего народа, моих верных защитников, опору зла и ненависти. Я должен оберегать своих подданных, это мой долг. Нельзя мне его убивать.

— Да нет, зачем убивать? Пусть они сами умрут. Их надо ввергнуть в позор, смертную тоску и отчаяние. Тебе следует нестерпимо уязвить их гордость. Особенно Раму надо унижить. Он не перенесет этого. В этом будет его гибель. Его убьет собственная гордыня. Уж слишком он спесив!

— Твои слова правильны. Говори, говори, — стал вдумываться Раван.

И Шурпанакха открыла ему свои надежды на успех хитрой мести:

— Ты должен похитить Ситу. Ведь тебе нравится эта несравненная, этот алмаз среди женщин, эта стройная и нежная красавица, да? О-о, как она украсит твой дворец, эта луноликая. Она ведь воистину прекрасна, эта дочь земли, все покои будут озарены ею, как солнцем. Решайся, брат, решайся! Никто перед тобой не может устоять, а уж где ей-то, смертной женщине! Решайся и действуй! Она будет счастлива стать твоей женой!

И с этими словами Шурпанакха оставила брата, увидев, что его глаза загорелись, как факелы, и он уже весь во власти ее низких планов и стремлений.

Раван ощутил не только острую жажду мести, но и невыносимое, нестерпимое стремление немедленно захватить Ситу. Налететь вихрем, схватить ее, блистающую добродетелью,

привести сюда, в золотой дворец, и назвать лучшей среди своих жен и дев, окружающих и услаждающих его.

— Колесницу! — взревел он. — Мою колесницу! Немедленно!

Непростая у него была колесница.

Давным-давно, в незапамятные времена, когда Раван сражался с верховными богами, требуя у них напиток бессмертия, в одном из боев победил он бога богатств Куберу. Толстый, тяжелый Кубера не смог одолеть могучего ракшаса, будучи прижат многими его руками к земле, стал молить о пощаде, обещая любые дары за свою свободу. И Раван не захотел ничего из всей роскоши земной, кроме одной вещи — воздушной колесницы, на которой летал Кубера, преодолевая любые пространства трех миров.

И он получил ее, эту волшебную, эту прекрасную колесницу, и, взлетев на ней в первый раз, огласил землю и небо таким радостным громовым хохотом, что в Гималаях утесы обрушились в бездонные пропасти, а южный океан поднял волны до облаков и залил все окраинные царства.

Дивная это была колесница. Все драгоценные камни, рожденные в глубоких недрах земли, осыпали ее, образуя на ней пестрые узоры, а края ее были покрыты лучшим океанским жемчугом — и белым, и розовым, и цвета кокосового масла, и черным. И когда летела она по небу, стремительно пронизывая облака, все вокруг озарялось ее блеском — казалось, что тучи вспыхивают огнем, ночной небосвод наливался светом солнца, а на земле все источники вод загораются, как будто на дне их внезапно зажглись костры. Дивная была колесница, и Раван не уставал любоваться и восхищаться ею.

И вот теперь, в миг своей ярости и предчувствия близкой победы, он топал ногами и рычал на весь дворец, требуя, чтобы колесница была немедленно подана к золотой лестнице.

Ракшасы-прислужники кинулись исполнять его приказ, и вскоре на стенах зала заиграли, заискрились цветными огнями отражения солнца от алмазов и яхонтов, лалов и изумрудов, украшавших колесницу.

Быстрыми прыжками Раван пересек покои дворца и кликнул к себе одного из самых преданных и ловких ракшасов, Марича. Они оба взошли на колесницу, и через мгновение это сверкающее чудо скрылось за краем неба.

— Обрати ко мне свой слух, — повелительно сказал Раван Маричу, — и постарайся не пропустить ни одного слова из всего приказания.

— Я готов повиноваться, ты же знаешь, великий, что я никогда не проявлял ослушания.

— Не вздумай проявить сейчас, ибо нет ничего страшнее той казни, которой я подвергну тебя, если не исполнишь моего веления.

— Исполню, все исполню, владыка, — отвечал Марич, опускаясь к ногам Равана.

— Тогда слушай. Мы летим, чтобы похитить Ситу. Но мне не хочется сражаться с этим Рамой, он может нанести мне раны, даже изуродовать меня в бою, а я должен предстать перед дивной его женой во всем блеске своей красоты и могущества.

Танцовщица во дворце Равана

— Ах, не делай этого, повелитель, молю тебя, — вскричал Марич. — Мне сердце говорит, что такое злое дело приведет тебя к гибели. Опомнись, вернись на Ланку, где тебя ждут все богатства и все красавицы мира.

— Замолчи! — взревел Раван. — Я не советуюсь с тобой, а приказываю. Твое дело — молча все исполнять. Я уже сказал, что в битву вступать не желаю. Поэтому мы пойдем на хитрость. На земле ты изменишь свой облик, ты станешь волшебным оленем с золотой шерстью. Ты заманишь этих братьев в лес и будешь уводить их все дальше и дальше, чтобы я успел сделать все, что задумал. Понял? Уводить все дальше и дальше!

Маричу оставалось только покорно склонить голову. А внизу, на земле, уже показалась светлая поляна и на ней хижина трех отшельников.

Когда Сита вышла к источнику, в кустах за ним что-то засверкало, и к другому берегу подошел олень небывалой красоты. Он изгибал свою шею, точно лебедь, и ласково смотрел на Ситу, то скрываясь в зелени, то появляясь вновь. Она никогда не видела такого дивного животного и не знала, что на свете есть олени с золотой шерстью, сияющей, как солнце на закате.

«А ведь уже истерлась старая шкура оленя, на которой спит мой супруг, — подумала Сита. — Как хорошо было бы застелить его ложе такой новой, такой нарядной шкурой. Это напоминало бы ему парчовое покрывало на его ложе во дворце».

И она окликнула Раму и показала ему это странное заманчивое животное.

— О да, его шкура прекрасна, — сказал Рама. — Я застелю ею твоё ложе.

— Нет-нет, твоё, мой господин.

— Нет, твоё, любимая.

С этими словами Рама схватил лук и бросился в лес, крикнув Лакшману, чтобы он ни на шаг не отходил от Ситы.

— Слышишь? Ни на шаг!

Будучи уверен в твердом послушании брата, он увлекся погоней за дичью.

Он знал, что его лук не знает промаха. Ведь это была награда, которой его одарил один из достойнейших отшельников за то, что он отогнал от его святого алтаря ракшасов, темных мучителей жизни. Дав Рама лук, этот носитель мудрости сказал:

— Стрела, спущенная с твоего лука, будет оперена огнем. Она без ошибки поразит каждого носителя зла и всех, кто заслужил смерти. Не расставайся с этим заговоренным оружием, оно спасет тебя от гибели, и пусть будет твоя жизнь опорой слабых и угрозой для неправедных.

И теперь, погнавшись за оленем, он не смог отделаться от мысли, что преследует не простое животное, что эта золотая шерсть манит с какой-то странной неодолимой силой, которую трудно превозмочь. «Не оборотень ли это?» — думал он, стремясь настигнуть небывалую дичь. Но тут же и успокаивал себя, зная, что Лакшман оберегает Ситу, а заманчиво сияющая шкура скоро покроет грубое лесное ложе его дивноликлой супруги. И мчался все дальше и дальше за убегающим оленем.

Мелькая среди деревьев, то пропадая, то появляясь вновь, Марич заводил Раму в дебри, а сам беспокойно думал о том, что ведь с Ситой остался Лакшман, и приказ Равана не выполнен. Что же сделать, чтоб не прогневить всемогущего своего владыку? И ему в голову пришла новая хитрость: заманить сюда и другого брата. Он громко закричал голосом Рамы:

— Скорее! На помощь! Сюда!

Услышав этот зов, Лакшман бросился к лесу, но, вспомнив наказ брата, остановился и нерешительно вернулся к хижине. Встревоженная Сита стала вслушиваться в звуки леса.

— Что это? Мне послышался голос Рама. Ты слышал?

— Нет-нет, — торопливо ответил Лакшман, — это был плеск дальнего водопада.

И в это время до них явственно донеслось:

— Брат, скорее! Погибаю!

— Беги! — крикнула Сита. — Беги скорее!

— Ах, не могу я тебя оставить. Рама велел не отходить от тебя ни на шаг.

— Беги! Я приказываю тебе!

— Нет, сестра. Не гони меня. Приказ брата для меня важнее.

— Трус! Шакал! Ты за себя боишься, — стала гневно упрекать его Сита. — Рама гибнет в лесу, а ты... ты... Я презираю тебя. Слышишь? Презираю. Дай мне твой лук, я сама побегу на помощь мужу.

Не выдержав этих горьких упреков, Лакшман устремился в чашу, откуда продолжал доноситься слабеющий голос Рама.

Раван же, поглядывавший из-за деревьев и слышавший каждое слово, мигом принял облик странствующего брахмана-отшельника, прикрылся грубой оранжевой накидкой и направился к Сите. Она, поглощенная тревогой, вглядывалась в лес и шептала:

— О боги, великие и светлые, вы все видите и все можете, молю вас спасти Раму. Я себя принесу в жертву, но только сохраните ему жизнь. Сжальтесь! Ведь он и так лишился всего, что имел, подарите ему жизнь, не дайте погибнуть.

Погруженная в молитву, она не сразу заметила старого отшельника, тихо стоявшего невдалеке. Увидев же его, согбенного и молчаливо ожидавшего конца ее молитвы, она сложила ладони и низко поклонилась ему:

— Приветствую тебя, святой отец.

— Будь благословенна, дочь моя, — смиренно ответил ей Раван. — Что ты делаешь здесь, одна в глухом лесу? Как ты сюда попала? Тебе не страшно?

— Я не одна здесь. Со мной мой супруг, непобедимый Рама, и его младший брат, отважный воин. Мне нечего бояться, пока они со мной.

Рамы и Лакшмана догоняют золотого оленя

— Да-да, конечно, нечего. Но подходит ли тебе эта жизнь, эта хижина из листьев и ветвей, этот жалкий очаг? Для такой ли жизни ты создана?

— Я создана для такой жизни, которую судьба предназначила моему мужу и повелителю, — смиренно ответила ему Сита.

— Да какой же муж обречет такую жемчужину, как ты, на жизнь в глухом лесу? Что же это за муж, если по его воле погребена здесь твоя красота, достойная сиять во дворцах вельможных владык? Тебя должны славить все певцы мира, а кто тебя здесь видит? Слоны да олени.

— Мне странны твои речи, почтенный. Ты высокородный брахман и служишь богам, смиряя свою плоть, а говоришь дерзко, как низкородженный.

— О, я говорю только правду, в моих речах истина.

— Куда лежал твой путь? — спросила его Сита. — Хочешь, я принесу тебе чистой холодной воды?

— Нет. Мою жажду утоляет возможность видеть тебя, любоваться твоими глазами, подобными лепесткам лотоса, твоими бровями, изогнутыми, как тугой лук, твоими губами, яркими, как созревший плод граната, твоим дивным гибким станом, пальцами твоих ног, подобными бутонам жасмина...

— Остановись, почтенный, — воскликнула Сита. — Твои речи греховны, и не подобает мне слушать их. Ступай своим путем.

И с этими словами она хотела укрыться в хижине, но Раван, отбросив покрывало, вдруг предстал перед ней в своем истинном, в своем страшном облике, от которого замирали сердца всех живых существ. Обессилев от страха, Сита смогла только прошептать:

— Зачем ты здесь? Что тебе нужно?

— Ты мне нужна, прекрасная, только ты, несравненная. Я за тобой пришел.

— Оставь меня, нечестивый. Уходи, а не то Рама сейчас тебя истребит.

— О, не пугай. Он далеко, он гоняется за моим золотым оленем и не скоро вернется сюда. Идем!

— За твоим? — в ужасе пробормотала Сита, теряя чувства от страха.

И тут Раван подхватил ее на руки и повлек к своей колеснице, которая через миг уже взвилась в воздух, заливая своим сияньем небо и землю.

Очнувшись, Сита увидела, что она стремительно пронесится в облаках, а над ней склонились десять голов Равана и сквозь свист ветра доносится его резкий тяжелый голос:

— Не бойся, дивная, не бойся меня. Мы несемся в сторону полуденного солнца, и скоро ты войдешь в мой дворец. Взойдешь по золотым ступеням в прекрасно убранные залы, и все склонятся перед твоими совершенствами. Ты будешь первой, будешь главной, будешь царицей цариц. Не бойся меня, несравненная, не бойся, богиня зари.

Взглянув вниз, она увидела лишь мелькающие деревья, быстро исчезающие за краем земли сверкающие реки. Сняв с шеи душистую гирлянду белых цветов, которой Рама утром украсил ее, как жемчужным ожерельем, она незаметно бросила ее вниз. А за ней браслеты, красиво сплетенные из душистых трав, и покрывало со своей головы, хранящее аромат ее волос. «Если по этим знакам Рама не найдет меня, значит, мне суждена эта страшная гибель?» — подумала она, все же надеясь в душе, что ее супруг обойдет вместе со своим верным братом все леса вокруг, осмотрит каждую пальму, каждый куст и обнаружит, и узнает эти ее скромные лесные уборы.

А злонамеренный царь мрака продолжал направлять колесницу к своему золотому острову и глаз не отводил от поверженной пленницы, от ее бессильных нежных рук, от

устало опущенных ресниц, прикрывших глаза, еще недавно радостно сиявшие, как черные алмазы. Весь ее облик говорил теперь о безмерной печали, об утрате былого счастья, о готовности проститься с самой жизнью.

Раван же ликовал и оглашал пространство криками торжества и победы. Дикая песня рвалась из его груди, разносясь от края до края небосвода. Он пел о своем бессмертии, о том, что ему никто не страшен, что он вырвал у богов это великое право не бояться никаких угроз и что перед многими его могучими руками бессильно все, что живет и движется по земле. Не были ему страшны ни звери, ни птицы, ни хищные морские твари. Никого он не боялся, этот носитель безумия, и в его песне гремело торжество злых бед.

И снова не вспомнил о человеке, да и не знал он, что в смертного царевича Раму из Солнечного рода вселился сам бог Вишну, носитель высшей справедливости и необоримой правды.

Услышал песню низкодушного владыки ракшасов повелитель ястребов, могучекрылый Джатаю. Выше всех туч кружил он в поднебесье, купаясь в струях ветра и озирая землю. Видел он всех, кто жил в лесах и полях, от самой малой полевой мыши до тяжелого слона, владыки лесов. Строго следил он за тем, чтобы его подданные не занимались разбоем, а брали лишь столько добычи, чтобы не ослабли от голода крылья и чтобы жили и возрастали их птенцы в гнездах. Кружась в высоте, он увидел сверкающую неземным блеском колесницу Равана, проносившуюся в облаках, и от зорких его глаз не укрылся ни сам похититель, ни бедная Сита, недвижимая, сраженная невыносимым страданием. Не колеблясь, он ринулся на это летающее чудо, подобного которому он никогда не видел. Страх не было в его душе, и тень его широких крыльев нависла над Раваном, как грозная туча.

— С дороги! — крикнул грозно ракшас. Вместо ответа Джатаю ударил колесницу грудью, и она закачалась от этого сильного толчка.

— Назад! — воскликнул он. — Не добавляй нового греха к своим бесчисленным злодеяниям!

И он стал хлестать Равана крыльями, стараясь сбить его на землю. Но не ракшас упал вниз, а отрубленные его острым мечом могучие крылья великославного царя ястребов. Кровь храброй птицы оросила колесницу и дождем пролилась на пальмовые роши.

— Не пушу! Не полетишь дальше, мучитель жизни! — кричал ястреб и вцепился в жемчужные края колесницы острыми когтями.

— Полечу, полечу! — победно отвечал Раван и отрубил ему ноги. Бессильно крутясь в воздухе, упало в лес изрубленное тело великолепной птицы, а злодушный ракшас унесся на колеснице в даль.

О ПУТИ БЕЗ КОЛЕБАНИЙ

Услышав, что Лакшман бежит по лесу в поисках брата, Марич перестал скрываться и подставил грудь под огненную стрелу Рамы. Сраженный ею, он утратил облик оленя и обрел в смерти свой истинный ужасный вид. Подошедший к нему Рама сразу понял, что не зря

он сомневался, не зря колебания одолевали его во время погони. Охваченный тревогой, он бросился обратно, но когда достиг хижины, не увидел там ни Ситы, ни брата. На его громкий зов выбежал из леса Лакшман и горячо обнял Раму, восклицая:

— Какое счастье! Ты жив! Благодарение богам! Какая радость!

— Где Сита? — в страхе спросил его Рама.

— Сита? — И Лакшман осмотрелся вокруг. — Н-не знаю... Она оставалась здесь.

— Как оставалась? Что это значит?! А ты где был?

— Я побежал в лес, когда услышал твой зов, твой крик о помощи.

— Это не я, это ракшас тебя звал. Да как ты смел меня послушаться?! Как ты мог оставить ее одну без защиты?! Где она теперь, где?! Что с ней случилось?

И Рама, поддавшись горькому порыву горя, закрыл лицо руками и без сил опустился на траву.

— Брат, прости меня, — обнял его ноги Лакшман. — Лучше убей меня, я этого заслужил. Но не горюй так, утешь свою душу. Надо искать Ситу. Идем немедленно! Скрепи свое сердце. Идем скорее. Мы найдем ее. Я сейчас осмотрю здесь лес.

Рама же протянул руки ко всему, что видел вокруг, обращаясь с мольбой к самой жизни, которую он так любил и всегда оберегал:

— Ветер, ты играл ее покрывалом, скажи, что с ней, где она? Цветы граната, вы украшали ее волосы, она любила вас, покажите, куда она ушла... Птицы, дети ветра, где она? Пчела, лети к ней, и я последую за твоим золотым звоном... Сжальтесь надо мной... Земля, святая Земля, открой мне, где твоя дочь... Нет, я не достоин твоего ответа, и не будет мне прощения, пока я не найду ее... Куда, куда мне идти на поиски? Где она? Что с ней?

Все вокруг молчало. Поникли ветви деревьев, и закрылись цветы. И это молчание как бы говорило Рама: «Иди скорее. Ищи ее. Иди. Мы тоже горюем без нее и будем ждать».

Но Рама заметил, что пчела, покругившись вокруг его головы, полетела в южную сторону, и туда же устремились все птицы, как бы маня его за собой.

И он одолел отчаяние, встал, вознес молитву богам и окликнул Лакшмана.

— Не теряй времени, брат. Пополним колчаны стрелами и в путь без промедления!

Покинув поляну, они быстрым шагом направились через лес и шли, не останавливаясь, день за днем, от ранней до поздней зари, переплывая реки и одолевая горы, встававшие на пути.

Внезапно они увидели следы крови. Она была на широких листьях пальм, на траве и кустах, на земле и вершинах деревьев.

— О боги! Что здесь произошло? Это ракшасы кого-то растерзали, — воскликнул Лакшман.

— Неужели это святая кровь Ситы? — произнес Рама, холодея от ужаса.

И в этот миг до них донесся стон, и что-то затрепетало в гуще кустов. Бросившись туда, они увидели скомканную, окровавленную кучу изломанных перьев, прикрывавших тело большой птицы. Голова ее была бессильно откинута в сторону, глаза смотрели на Раму, и этот взгляд уже угасал. Братья узнали его, смелого царя ястребов, который был их другом все дни их лесной жизни.

— Джатаю, что с тобой? — вскричал Рама.

Он опустился возле израненного ястреба и заботливо положил его голову себе на колени.

— Скажи, друг, кто обагрив кровью твои гордые крылья? — обратился к нему Лакшман, выхватывая меч. — Он живым от меня не уйдет!

— Ах, он уже ушел, — еле слышно проговорил Джатаю. — Это Раван. Он увозил по воздуху на колеснице твою супругу, Рама. Она и в бессилье своем блистала величием. Поспеши, светоч правды...

— Она жива?

— Она была бледна, как луна перед рассветом, но видела наш бой... Да, она жива...

— Куда? Куда лежал путь этого оскорбителя слабых?

— К южному океану... К золотой Ланке... Поспеши... Оставь меня... Пришла моя смерть... Прошай...

И чистая душа могучей птицы отлетела в обитель вечности.

Рама и Лакшман сожгли погребальный костер и предали прощальному огню израненного царя вольных ястребов, который погиб в неравной битве, как храбрый воин и истинный герой. Да, не зря люди до сих пор помнят о тех далеких днях:

А после завершения обряда

К далекой Ланке Рама устремился,

Как дикий слон стремится к водоюю,

Как лев стремится за своей добычей.

Преград не видя, удержу не зная,

Сквозь дебри страшные неукротимо,

Он рвался, целью праведной ведомый,

Освободить весь мир от власти зла.

Не зная, что рожден для этой цели,

Был с детства справедливостью отмечен,

Нося в душе пресветлый образ Вишну,

Хранителя и правды, и добра.

Пройдя с боями через многие земли ракшасов, достигли братья чистой опушки леса и, усталые, легли у костра, чтобы предаться ночному покою. Когда луна стала склоняться к краю небес, они проснулись от чьих-то тихих голосов, раздававшихся вблизи. Сквозь прищуренные веки Лакшман разглядел крупных обезьян, сидевших неподалеку и с любопытством разглядывавших их. Он стал прислушиваться к их разговору, удивившись, что понимает их язык, близкий к языку людей.

— Кто это? — спросила одна.

— Это люди, — ответила другая.

— Нет, это обезьяны. Из другого племени, — пояснила третья.

— Да ведь у них луки! — вскричала первая. — Это охотники!

— Тогда их надо убить, — раздался шепот еще одной. — Ищите камни. Расколем им головы, как орехи.

При этих словах Лакшман вскочил на ноги и поднял лук, но Рама сразу удержал его руку.

— Не губи невинных, брат, — сказал он и обратился к нерешительно топтавшимся вокруг них обезьянам:

— Кто вы и что вы хотите?

— Хотим вас убить! — ответила одна из них.

— Да за что же? — спросил Рама.

— Вы охотники! — воскликнули они все вместе.

— Вы ошибаетесь, мы не причиним вам зла. — И Рама протянул к ним руки с открытыми ладонями. — Мы просим позволения пройти сквозь ваши земли на юг.

— Надо спросить, — ответили обезьяны.

— Кого?

— Нашего царя. Его зовут Сугрива.

— А где же он, царь Сугрива?

— Он прячется. Он боится.

— Кого боится? — пытался выяснить Рама.

И тут он услышал повесть о бедах обезьяньего правителя. Без утайки обезьяны рассказывали о том, что у Сугривы есть брат по имени Балин, жестокий и алчный, который много лет старался захватить его трон и недавно достиг успеха в своем злом намерении. Больше того, он не только отнял власть у Сугривы, но и увел в свою пещеру любимую жену брата, лишив его семейного счастья. И теперь изгнанный из своих владений повелитель обезьяньего народа влачит жалкое существование нищего, бесприютно скитаясь по окраинам своих лесов.

— Не терплю несправедливости! — гневно воскликнул Рама. — И не прошая неправды. Где он, этот злонравный брат? Ведите меня к нему.

И он взбросил лук на плечо и решительно направился в чащу за обезьянами, радостно поверившими каждому его слову.

Лакшман следовал за ними, преданный своему долгу быть всегда на страже возле Рамы, но не понимая, зачем брат решил прервать их путь и так надолго задержаться в этом царстве обезьян.

Вскоре до них долетел страшный шум — тресали ломаемые деревья, словно под ударами бури, раздавались громкие удары о землю и чьи-то злобные вскрики. Обезьяны замедлили свой шаг и стали прокрадываться вперед, прячась за кусты и стволы пальм.

— Что там происходит? — спросил Рама.

— Бой! — ответили его спутники. — Смертный поединок Сугривы и Балина. Нам страшно! Мы не хотим победы Балина. Он замучает весь наш народ. Мы боимся его.

Тогда Рама устремился к месту боя и в предраусветном сумраке увидел двух огромных обезьян, плотно охвативших друг друга руками и в смертельной схватке клубками катавшихся по лесу, сокрушая кусты и деревья.

— Кто из них ваш царь, а кто враг? — спросил он сопровождавших его подданных Сугривы. — Я не знаю, в кого стрелять.

— Вот он сверху, нет, теперь уже снизу, а теперь слева, а вот снова сверху...

Наконец объятия врагов разжались, и оба враждующих брата разошлись, готовясь к новой схватке.

— Вот он, Балин, тот, что у пальмы, скорей, скорей! — зашептали обезьяны.

*И закипело гневом сердце Рамы,
Он поднял лук, разящий без пошады,
И стрелы, словно огненные змеи,
И встал перед обидчиком жестоким.
Лишь только свет зари ветвей коснулся,
И лес стал праздновать победу утра,
Стрела без промаха пронзила злое сердце,
И снова воцарилась справедливость.*

Когда так неожиданно был повержен Балин, захватчик чужого царства и дерзкий похититель чужой жены, потрясенный Сугрива упал в ноги Рама и, обхватив его колени, залился слезами радости. Не будучи в силах говорить, он знаками подозвал своего советника, в котором Рама с удивлением узнал прославленного даже среди людей Ханумана, мудрейшую из обезьян земли, наделенную многими божественными свойствами.

Хануман

После взаимных почтительных приветствий и речей, выразивших восхищение и уважение, царь Сугрива и его советник осведомились о цели появления в их царстве обоих царевичей. И Рама поведал им горькую повесть своей жизни, рассказал о похищении Ситы и о том, что они оба стремятся к южному океану, на волнах которого покоится остров, а на нем сияет золотыми стенами столица могучего Равана.

— Великославный наш друг, — обратился к нему Хануман, — я как советник царя должен исполнять свой долг и не допускать, чтобы мысль моя текла лишь по одному руслу, как неширокий поток. Позволь мне спросить тебя: неколебима ли твоя уверенность в том, что Раван увлек Ситу именно на Ланку?

— Такой путь указали мне все живые существа леса, и об этом же сказал умиравший на моих руках Джатаю, царь вольного племени ястребов. А ты, премудрый, сомневаешься в этом? — спросил Рама.

— В моем сердце нет места недоверию к ним. Но ведь злоумный ракшас исполнен коварства. Он мог повернуть колесницу в сторону восхода и захода солнца и в сторону полудни.

— Да-да, ты прав, советник, — подтвердил Сугрива и добавил, обращаясь к Рама: — Он всегда прав, всегда-всегда.

— Что же ты посоветуешь нам, носитель знания? — обернулся Рама к Хануману.

— Сейчас надо созвать сюда весь обезьяний народ и послать их на поиски во все страны света. Они найдут Ситу.

— Да-да, ты говоришь верно, — поддержал его Сугрива.

И когда вестники передали всем повеление собраться к главной пещере, где стоял трон Сугривы, Рама был поражен огромным числом могучих обезьян, рассеявшихся вокруг в ожидании приказаний своего повелителя.

— Советник, — сказал Сугрива, — вели им делать все, что следует, а мы с моими гостями предадимся отдыху.

И пока он водил царевичей по своим пещерам, убранным так богато, что они были истинными царскими чертогами, Хануман разделил обезьянье войско на четыре части и

направил их в разные стороны, повелев вызнать и выпросить все о путях дерзкого похитителя Ситы.

— Но когда же они вернутся? — в нетерпении спросил Рама. — Я не выдержу столь долгого ожидания.

— Скрепи свое сердце, друг, они придут сюда к концу сезона дождей. Видишь, как клубятся на небе тучи и какой стеной воды отделен мой пещерный дворец от всей земли? Поживите с нами, в моем царстве ветвей и пещер, мы будем угождать вам во всем, вы отдохнете и наберетесь сил.

Да, не было другого выбора, надо было оставаться и ждать-ждать...

Прошел месяц, за ним другой. Сугрива и Хануман не расставались с царевичами, согревая их души горячим сочувствием и окружая их вниманием и заботой.

Когда ветер с океана стал гнать с неба дождевые тучи, как пастух гонит с поля стадо коров, Рама все нетерпеливее начал поглядывать в южную сторону и наконец сказал:

— Примите слова нашей самой глубокой признательности за ваше гостеприимство, за дружбу и ласку. Но мы не можем больше задерживаться здесь, мы уходим. Прошайте.

И в это время вбежала жена Сугривы и стала пританцовывать перед ними, играя оранжевым покрывалом, то накидывая его на голову, то обертывая им плечи.

— Откуда это у тебя, откуда? — вскричал Рама, узнав покрывало Ситы. — О боги, это же ее покрывало! Отдай его мне.

— Чье? Что значит «ее»? Оно мое, я нашла его в кустах. Не отдам.

Рама сказал умоляюще:

— Это покрывало Ситы, моей похищенной жены. Отдай его мне, прошу тебя.

— Надо отдать его человеку сейчас же, — непререкаемо обратился к Сугриве Хануман. — Вели жене отдать эту дорогую для его сердца вещь.

— Отдай! — приказал Сугрива. И его жена покорно сделала, что он велел.

Рама прижал покрывало к лицу и ощутил родной незабываемый аромат жасмина, которым Сита всегда украшала свои волосы. Он разрыдался от горя и тоски, не в силах сдержать нахлынувшие на него воспоминания о супруге.

— Не плачь, носитель славы, взгляни лучше на вернувшиеся отряды моих воинов, — старался утешить его Сугрива.

Когда они вышли наружу, царевичи были крайне удивлены открывшимся им зрелищем. Все вокруг было заполнено воинами-обезьянами, которые гневно потрясали толстыми дубинами и обломками скал.

А впереди стояли, грозно рыча и вздыбив на загривках черную шерсть, тяжелые медведи.

Перед этим страшным войском ходил Хануман, отдавая воинам какие-то приказания и выравнивая их ряды.

— Вот, царевич, мои воины, — обратился к нему Сугрива. — Ты помог мне, а я теперь буду помогать тебе. Ты, сокрушитель врагов, должен знать, что я твой союзник в битвах и мой народ не предаст и не оставит тебя в беде. Клянусь тебе в верности! А вы, воины?

И все войско дружно вскричало:

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

— Благодарю, друзья, я верю вам. Но нашли ли вы мою супругу? Я так долго ждал вестей от вас.

— Нашли, — ответил воин, возглавлявший отряд, вернувшийся с юга. — Твой путь был правильным, она в плену у Равана на золотой Ланке.

Подошедший Хануман преклонил колено перед Рамой и в знак преданности прижал ко лбу край его одежды.

— Мы знаем теперь, где она. Пора выступать.

— Но медведи откуда? — спросил его Рама.

— Воины, ушедшие на север, привели их с далеких гор. Они тоже хотят сражаться с владыкой ракшасов, с этим носителем погибели. Сражаться за правду, за жизнь.

— Вперед, на Ланку, на Равана! — вскричал обрадованный Лакшман и кинулся обнимать вождя медведей и полководцев обезьян.

— На Равана! — взревело войско так грозно, что вздрогнул весь лес, как от внезапного порыва бури.

О СИТЕ И ХАНУМАНЕ

Увидев с высоты небес золотое свечение крыш своего дворца над далеким краем океана, Раван победно воскликнул:

— Ну вот, моя несравненная, наступит миг, когда твои ноги, украшенные ноготками, подобными лучшим жемчужинам, ступят на землю моего царства. Перестань печалиться, головы моих подданных склонятся до земли перед твоим величием.

Когда колесница опустилась на главную площадь столицы, Раван подхватил на руки безмолвную, обессилевшую от страха Ситу и, поставив ее на золотой помост, оказал:

— Подними свой взор, прекрасная, огляди свои владения и свой народ. Здесь все отныне принадлежит тебе. Требуй, приказывай, казни или милуй по своей воле, никто не посмеет возразить или не подчиниться. Оглянись же вокруг, твои подданные приветствуют тебя.

Когда Сита, собравшись с духом, подняла глаза, ее охватил такой ужас, что она сразу же их закрыла. Ей почудилось, что она попала в царство бредовых снов. На площади толпились, жадно разглядывая ее, тысячи ракшасов. Никого и ничего страшнее она в своей жизни не встречала. Они не были одинаковыми, но отличались один от другого только разными уродствами. Каждый был исковеркан злобой собственной души, каждый носил печать своих нечистых помыслов, коварных намерений и жестоких поступков.

Возле златоколонных зданий с хрустальными окнами, перед фонтанами, изливающими струи благовонной воды, толпилась эта нечисть. Косматые, клыкастые, то огромные, то маленькие, то однорукие, то косоплечие, кривые, красноглазые и вислогубые, толкались они вокруг Ситы, громко цокая языками и резко вскрикивая в знак того, что одобряют выбор своего владыки.

Видя, что Сита готова от страха лишиться чувств, Раван прогнал всех с площади и, укавав потрясенной женщине на вход в свой дворец, сказал, стараясь смягчить свой резкий голос:

— Взойди по этим ступеням, достохвальная царица. Освяти их прикосновением своих нежнейших стоп. Отныне ты станешь владычицей этого дворца.

Но Сита увидела, что рядом с дворцом раскинулся огромный сад, все деревья которого были усыпаны цветами и стояли под синим небом, как пышные разноцветные букеты. Она молча сошла с помоста, молча прошла мимо входа во дворец Равана и скрылась в саду, с каждым шагом углубляясь все дальше под сень благоухающих ветвей.

Раван бросился за ней, но она властным движением руки остановила его и ушла в глубину сада. Увидев раскидистое дерево ашока, покрытое ярко-красными цветами, она бесильно села на землю, прислонившись к его стволу, и погрузилась в горькое раздумье. Глядя на красные цветы, которые падали на землю и устилали все вокруг, как прекрасный ковер, она думала, что этот цвет говорит о горячей любви, о бессмертной, безмерной любви, которой ее сердце связано с избранным ею гордым и благородным супругом, единственным ее господином, вершителем ее судьбы.

Устремив взор на сверкающую вдали гладь океана, она сказала себе, что будет здесь, под этим деревом, ждать Раму и смотреть вдаль, пока не ослепнет, пока не умрет. И будет до конца своих дней верить, что он найдет ее и придет, чтобы покарать злого похитителя и освободить ее из этого страшного плена.

Ветер с океана играл ветвями ашоки, срывал с них яркие цветы, и они падали на поникшие плечи Ситы, на бессильно лежащие на коленях ее руки, на горестно распушенные неприбранные волосы. И ей казалось, что это повелитель ее души заботливо украшает ее, присылая ей с ветром знаки своей любви. «Пока не ослепну, пока не умру», — шептала она и смотрела-смотрела на мерно бегущие к острову волны.

Дни и ночи сменяли друг друга, к застывшей, словно мраморное изваяние, Сите приходил Раван, не терявший надежды пробудить в ней желание стать его женой. Он клялся ей в своей любви, в своей преданности, которая будет бессмертной, ибо он сам бессмертен, он приносил ей драгоценные дары и не мог понять, как это обычная женщина не желает даже взглянуть ни на него, ни на его подарки.

— Не печалься, царица, — говорил он ей, — доверься мне. Пока я с тобой, никто не причинит тебе зла. Войди во дворец, взгляни на покои, которые я велел для тебя приготовить, на их богатое убранство.

Сита вместо ответа протянула руки к небу и взмолилась:

— Великое Солнце, сожги меня, как пламя погребального костра, чтобы даже голос этого низкого не осквернял моего слуха.

— О, не гневайся на меня, яснолика, — продолжал умолять ее владыка ракшасов. — Посмотри, какими невиданными украшениями и нарядами хочу я тебя одарить. Вот парча, взгляни на ее узоры, их ткали небесные девы из красок зари и блеска молний. А это покрывало для волос, ты видишь? Оно, как утренняя роза на траве, как сонное дыхание бога ветра. Ну кто из женщин земли видел такие узоры? Подними глаза, посмотри.

Видя, что Сита молча отворачивает свое лицо, он зашел с другой стороны и высыпал к ее ногам небывалые драгоценности, приговаривая при этом:

— А такие запястья и ожерелья ты видела? Вот эти я отнял у богини рек. Они подобны сверканию струй в ночь полнолуния. А эти рубиновые цветы? Их когда-то носила богиня леса. Они как красные лотосы на озере в час рассвета. Бери, наряжайся, украшай свою дивную шею и нежные руки. Бери! Почему ты ни на что не смотришь?

Невыносимы были для Ситы эти речи, исполненные ненужных ей соблазнов.

— Вот златокованные венцы с моих голов кладу я перед тобой, покоренный твоим величием. Я буду твоим рабом. Я, непобедимый, самовластный, беспощадный царь всемогущего

мрака, склоняюсь перед тобой, смертной женщиной, дочерью земли. Чего еще ты хочешь, чего ты ждешь?

— Супруга своего, светлого, чистого сына Солнечного рода, я жду. И буду ждать до смерти. И не приближайся ко мне больше никогда! Чтобы даже твоя тень не появлялась возле этого цветущего дерева! Слышишь? Никогда! — гневно ответила ему Сита.

И ветер, пронсясь над ней, как бы прошептал слова из древних сказаний мудрецов:

*Гора не может раздавить алмаз,
И золото в грязи не потускнеет.
Засыпьте жемчуг горами песка —
Он сохранит свой блеск, и цвет, и форму.
И раковина будет белизну
Хранить в костре пылающем и жарком.
И даже океанские валы,
О тонкий риф разбившись, отступают:
Не может сила одолеть того,
Кто по природе чист и непреклонен.*

— Ну хорошо же! — вскричал, разгневавшись, Раван. — Я по-другому украшу твое одиночество. Тебе больше не будет тоскливо сидеть здесь в пустом ожидании!

И, придя во дворец, он позвал Шурпанакху и велел ей окружить Ситу ракшасками, самыми уродливыми и самыми злобными. Его отвратительная сестра, ощутив радость приближающейся мести, отобрала наиболее мерзких из числа своих приближенных и послала их в сад, приказав оскорблять Ситу и издеваться над ней, как им только подскажут их жестокие сердца.

Утомленная Сита забылась сном, прислонившись к стволу ашоки. Но скоро ее покой был нарушен визгом и бранью собравшихся в саду ракшасок. С содроганием и ужасом она увидела возле себя окруживших ее уродок, терзавших какую-то кровавую добычу и дравшихся из-за каждого куска.

Заметив, что она открыла глаза, ракшаски стали подступать все ближе и ближе, дразня ее страшными гримасами и пугая угрожающими жестами. Наконец, осмелев, они стали дергать ее за волосы, тормошить ее обветшавшую одежду и тыкать пальцами то в ноги, то в бока. Несчастная женщина тесно прижалась к дереву и взмолилась к богам, прося или защиты от этого кошмара, или немедленной своей смерти. И ее молитва оттолкнула нечистую силу. Черные косматые прислужницы Шурпанакхи стали отодвигаться все дальше и дальше и убежали, пригрозив, что будут каждый вечер приходить к ней, чтобы причинять ей новые мучения. Истерзанная страхом и болью, Сита приникла к земле и проплакала всю ночь до утра.

В дни ее горького плена Рама не находил себе покоя ни на один миг. «Где эта Ланка? Правилен ли наш путь? А если правилен, то жива ли моя любимая? Не разорвали ли ракшасы в клочья ее нежное тело? Как узнать об этом? Кого спросить?» Думая так, он метался ночами без сна на ложе из листьев в окружении спящих воинов своей могучей армии. И в одну из таких мучительных для него ночей он услышал тихий голос Ханумана:

— Я вижу твои мысли, герой, и знаю, как болит твоя душа. Я помогу тебе узнать, где твоя беспорочная супруга и что с ней.

— Ты? — удивился Рама. — Но как, как?

Беседа Ханумана и Рамы

— Ты ведь знаешь, что я не просто обезьяна. Я ношу этот облик, чтобы быть с этим народом, сильным, но беззащитным. Я советник их царя и их полководец, я им помогаю во всем, так велели мне боги. Но многое скрыто от этих моих братьев. Ведь я сын Ветра. Мой божественный отец одарил меня двумя бесценными свойствами. Он дал мне способность менять по желанию свой вид, а еще сообщил мне дар полета, волшебного полета, стремительного, как ураган, нет, даже более быстрого, — как полет молнии или мысли. Теперь, узнав обо мне все, поверь, что я помогу тебе найти Ситу. Отпусти меня на рассвете, я полечу на Ланку. Но только дай мне свой перстень, чтобы эта страдалица не испугалась меня. Я найду ее, верь мне.

Пораженный этим рассказом, Рама отдал Хануману перстень со своим именем, и не успело солнце окрасить вершины пальм, как эта

божественная обезьяна взмыла в небо и исчезла из глаз в одно мгновение.

Пролетая над океаном, Хануман встретился с большой опасностью. В глубинах вод жило жадное чудовище, которое ловило тень того, кто летел над волнами, и этим лишало его сил. А когда носитель тени падал в воду, оно сразу проглатывало его. Так оно питалось живыми существами и пожрало множество легкокрылых птиц. Увидав на волнах отражение летящей обезьяны, эта алчная тварь радостно поймала скользящую тень, и Хануман попал в ее пасть. Но с этой добычей справиться было труднее, чем с птицами. Обладатель волшебных свойств, попав в утробу чудовища, не погиб там, а разорвал его чрево и, предав его такой смерти, снова взлетел в воздух и вскоре опустился возле золотых стен Ланки.

Не желая, чтобы ракшасы, охранявшие город, заметили его, он превратился в крохотное существо, подобное мыши, и незаметно проник во дворец Равана. Обойдя все бесчисленные покои и залы дворца, заглянув в помещения для слуг, в спальни жен и в опочивальню самого повелителя мрака, он нигде не обнаружил Ситу. Сначала он по ошибке принял за нее главную жену Равана, которая нежилась на раззолоченном ложе, перебирая пальцами бесчисленные драгоценности, но сразу же понял, что чистая супруга Рамы не могла так наслаждаться жизнью в доме другого мужчины. Он выскользнул из дворца и пробрался в сад, где до его слуха долетели злобные голоса каких-то женщин, дразнивших Ситу.

И вот он увидел ее, бессильно сидевшую под цветущим деревом ашокой в окружении визгливых ракшасок, шипавших и толкавших ее. Вскочив на это дерево, он принял свой обычный вид огромной обезьяны и так страшно зарычал на них, что они в ужасе разбежались.

Спрыгнув вниз, он поклонился в ноги смертельно испуганной Сите и, отдав ей перстень Рамы, сказал, что ее великославный супруг ведет на остров огромную армию и скоро освободит ее из этого позорного плена. Успокоив сердце Ситы, он стал бушевать в цветущем саду, вырывая из земли деревья и ломая их на куски.

Узнав от прибежавших ракшасок о какой-то огромной обезьяне, ломающей его сад, Раван велел поймать ее и привести к нему. И вот Хануман предстал перед грозным царем Ланки и стал поносить и бранить его как самого низкого из низкорожденных.

— Да кто ты такой, — в бешенстве взревел Раван, — чтобы сметь так обращаться ко мне, величайшему из великих, повелителю всех сил зла?

— С величайшим из великих ты скоро встретишься, — отвечал Хануман. — Пресветлый Рама послал меня сюда, чтобы сказать тебе, что он ведет на бой свою могучую армию. Готовься защищать свою низкую жизнь.

— Ах, вот как, — рассмеялся Раван. — Рама идет на бой? Как ты меня испугал, бедного. А ну-ка! — крикнул он ракшасам. — Зажжем светильник в честь посланца самого Рамы. Привязать ему паклю к хвосту! И поджечь!

— Поджечь! Поджечь! — закричали ракшасы все как один и, толкаясь в дверях, кинулись исполнять повеление своего властителя.

— Ну как? Боишься? — спросил Раван.

— Очень боюсь! Огонь для меня страшнее всего на свете, — притворно дрожа, ответил ему Хануман. — Пожалей меня, я ведь тебе зла не сделал.

— Пожалеть? Я не знаю, что значит это глупое слово. А зла ты мне и не можешь сделать, ничтожная обезьяна.

Вбежавшие ракшасы, ликующе визжа, привязали к хвосту Ханумана пучок пылающей пакли и закружились вокруг него в радостной пляске.

— Да, я тебе зла еще не делал, — вскричал он, — но сейчас сделаю!

И с этими словами великий полководец обезьян проявил свою божественную мощь. Прочитав про себя заговор против вреда, наносимого огнем, он взлетел, как птица, выбил сапфировое окно и поскакал по крышам домов, поджигая каждый из них. Великий Ветер, породивший его, мгновенно раздул такое пламя, что вся столица черного владыки превратилась в один огромный костер. Крики ужаса наполнили воздух. Невольницы, выбежав из дворца, бросились к океану и укрылись в прибрежных волнах. Ракшасы метались, выскакивали из домов, ташили свое имущество и тоже все стремились на берег. От огня оплавилась даже золотые стены и кровли дворца, а Раван, охваченный яростью, направился к своим войскам, чтобы подготовить их к битве.

С воинами были его родичи — безгранично преданные ему братья и старший сын, силой и яростью подобный своему отцу.

— Готовьтесь к бою! — прогремел приказ Равана. — На нас скоро нападет армия Рамы, надо их разбить и уничтожить всех до одного! Всех до одного!

Один из братьев этого владыки зла, Вибхишан, был, в отличие от всех ракшасов, наделен справедливой душой и большим умом. Услышав такой приказ, он сказал Равану:

— Выслушай меня со спокойным сердцем. Ты совершил страшное дело, похитив чистую жену благородного мужа. Ты навлечешь беду на весь наш народ. отошли к нему Ситу, про-

шу тебя. У тебя тысяча жен, и среди них есть истинные алмазы красоты. Верни ему Ситу, и он уйдет.

— Никогда! Ни за что! — прорычал Раван. — Я добьюсь ее любви, и если она потребует, я изгоню всю тысячу красавиц из своего дворца. Я должен унижить Раму, и весь мой народ будет знать, что я отомстил за свое поражение на состязании женихов. И я отомщу так, что весь мир содрогнется. А ты мне больше не брат, если это мое стремление тебе чуждо. Я отрекаюсь от тебя! Уходи!

И Вибхишан ушел и укрылся в лесу, не желая участвовать в битве, порожденной бесчестием.

Другой же брат Равана, огромный, как гора, Кумбхакарна, выпив целое озеро крови зарезанных для него людей и зверей, спал непробудным сном на берегу и не видел ни пожара в столице, ни мечущихся в страхе ее жителей, ни взволнованных воинов, готовящихся возле него к бою. Спал, сотрясая землю тяжким храпом, и видел во сне новые жертвы своего кровавого пиршества.

О ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Вернувшись к Рама, могучий советник Сугривы поведал ему всю правду о том, что творится в царстве ракшасов, и рассказал, как Сита, преданная ему, неотступно ждет или его прихода, или своей смерти.

Разгневанный герой безудержно двинулся во главе армии к берегу океана. Тысячи тысяч мощных обезьян и широкогрудых медведей ломались сквозь чащи, оставляя за собой широкий лесной проход, покрытый вывороченными из земли деревьями и кустами. Рама узнал главное, что хотел узнать, — Сита жива. Сита ждет его, а воины тьмы со своим кровожадным правителем заслужили небывалой кары. И он их должен покарать, он должен избавить землю от их злодейств и низкой лжи.

Достигнув к ночи берега, омываемого кипучими валами, катившимися от самого края небес, все остановились, не зная, как же им переправиться через эту беспредельную пучину. И тогда Рама сказал:

— Я выжгу всю эту воду своими огненными стрелами, которые страшны всему живому и неживому на земле. Предадимся отдыху до рассвета, а затем пройдем по сухому дну на остров.

Но когда звезды густо осыпали небо, перед неустрашимым царевичем предстал сам Океан в облачении из жемчуга и сотен бесценных камней. Почтительно сложив ладони, он промолвил:

— Скажи мне, о воин, преданный правде, к чему ты произнес такую страшную угрозу? Что ты хочешь от меня?

— Я хочу найти путь для моего войска через твои воды. И поэтому я их выжгу до дна.

— О, не делай этого, прошу тебя. Бесчисленное множество жизней, поддерживаемых только моими водами, погубишь ты безвинно. И этот грех навсегда отяготит свою душу.

— Но как же найти другой путь на остров? Вот ты, стоящий передо мной в своем мерцающем драгоценном одеянии, можешь ли за этот жемчуг купить здесь на безлюдной земле миллионы лодок для моей армии? Чем ты мне можешь помочь?

И Океан ответил:

— Да, я могу тебе помочь. Но лодки тебе не понадобятся. Пусть все, кто пришел сюда с тобою, бросают в мои воды скалы, камни, кусты, деревья и даже пучки камыша. Я обещаю тебе, что все это будет прочно лежать на моих волнах, силою которых я удержу все, что будет брошено. Солнце еще не успеет уйти на покой, как ты увидишь перед собою широкий мост до самой Ланки. А теперь прощай и усни под плеск прибоя.

И Океан исчез, растворившись в сиянии луны и блеске волн. А Рама погрузился в глубокий сон, и наутро, откинув все сомнения, приказал своим могучим воинам делать то, что сказал ему Океан.

Грохот ломаемых скал сотряс берег, стволы огромных деревьев летели в воду, как щепки, и — о чудо! — ничто не тонуло, и мост вырастал на глазах с такой небывалой скоростью, словно его строили сами боги. Ураганы проносились над океаном, темные валы вздымались до небес, но здесь, где созидался этот чудесный мост, вода была тихой и такой нерушимой и твердой, словно отлитая из серебра. Передавая друг другу камни и бревна, воины продвигались от берега все дальше и дальше, и вскоре передние их отряды увидели, как вдали над кипучими волнами засверкали золотые кровли столицы Равана.

И первым их увидел Рама.

— Лакшман, Сугрива! — позвал он. — Оставьте работу, бегите ко мне. Я вижу остров. Наша цель близка.

Все, кто услышал его зов, приблизились к нему и в восторге обнимали друг друга, благодарно кланялись застывшей тихой воде и радовались тому, что скоро вступят в бой.

И когда мост был завершен, Рама первым вступил на землю врага, и готовность к жаркой неотвратимой схватке охватила всю его душу. Рядом с ним стал брат, преданный и стойкий, к ним подошли Сугрива и Хануман, а за этими военачальниками грозным сплоченным строем стали полководцы яростных медведей и мощных обезьян. По мосту же шли и шли бесчисленные отряды воинов, и скоро вся земля острова вокруг столицы покрылась этой могучей армией, словно тучами, насыщенными молниями и громом.

Город Равана был окружен высокими стенами с коваными воротами. Стены высились в четыре ряда, а между ними были вырыты глубокие рвы, где в воде кишели крокодилы и огромные хищные рыбы. Непрístupной казалась эта столица, но истинных смельчаков ничто не устрашало. Надо было любой ценой избавить землю от черной нечисти.

*Как звери, ракшасы свирепые бродили
В своей неукротимой страшной злобе
И жадно пили человечесью кровь.*

*А их владыка, беспощадный Раван,
Как сгусток яда, ненависти, мрака,
Всю землю отравлял своим дыханьем,
И в океане зла тонули люди,
И ждали долгие века героя,*

Что мог бы эту силу одолеть.
Но вот на Ланке появился Рама,
Как острый меч, карающий и гневный,
Как ослепительно сверкающее пламя.
И силы жизни встали против смерти,
Скрестятся светлые и черные мечи,
Кто победит — грядущий бой покажет.

О БИТВЕ

Осмотрев все укрепления столицы Равана, полководцы армии Рама решили разделить часть ее на четыре отряда и каждую из них направить на взятие ворот, а всех остальных воинов подготовить к открытой битве с выступившими для обороны ракшасами и для штурма стен.

В груди каждого из нападающих кипели неукротимая жажда битвы и воля к победе. Размахивая булавами, сделанными из целых деревьев, и потрясая тяжкими камнями, воины-обезьяны возбужденно прыгали, ощущая в сердце жгучее стремление скорее начать сражение, а медведи с натопоршенной шерстью казались громадными, как скалы, и видно было, что сила их необорима, а клыки сверкают, как двулезвийные кинжалы.

— Трубите вызов! — повелел Рама, и тотчас звуки боевых раковин разнеслись над землей и морем. Но никто из столицы Равана сначала не принял этого грозного вызова.

Вдруг Лакшману пришла в голову страшная мысль: а что если Раван убьет Ситу, когда Рама победит в этом бою? Он подошел к брату и сказал:

— Повремени немного! Я подумал, что...

— Сейчас время битвы, а не дум, — перебил его Рама. — Берись за лук.

— Подожди, выслушай меня. Можно попробовать перехитрить ракшасов.

— О чем ты? В мире никому не удавалось их перехитрить! Где твой меч?

— Но если... но если они погасят светильник жизни Ситы, что с тобой будет тогда?

Эти слова сдержали боевой порыв Рама, но через миг он собрал все силы своей души и ответил брату:

— Не за себя и не за Ситу я пришел на эту битву. Надо погасить это страшное пламя зла, выжигающее в душах людей правду и добро. Судьба, которая нас привела сюда, сильнее нашей воли, наших чувств и даже нашей жизни. Отбрось все колебания, иди к воинам. Вызывай врага на бой!

И Лакшман закричал звучно и грозно:

— Эй, Раван, владыка тьмы! Где ты там прятаться? Великий Рама вызывает тебя на бой! Выходи!

По этому сигналу все войско бросилось на осажденный город. Обезьяны карабкались на стены, перепрыгивали рвы и дробили булавами головы оборонявшихся ракшасов. Медведи

взломали ворота и ворвались на улицы столицы. Толпы ракшасов бросились им навстречу, выбежали на берег, и в страшной кровавой битве сплелись тела сражающихся противников. Прибрежный песок вздымался до небес, реки крови стекали в океан, воздух наполнился тучами стрел, и до облаков долетали отблески сверкающих мечей.

Но Раван не показывался. Он надеялся на то, что его воины истребят и войско, и военачальников нападавших. Непрерывно прибегали во дворец вестники, сообщая о ходе битвы, и он ждал того мига, когда придется самому взяться за оружие. И тут до его слуха долетел голос Лакшмана:

— Где ты, повелитель шакалов? Одолей свой страх, тебя ждет преславный Рама.

Тогда Раван приказал разбудить кровожадного Кумбхакарну. Тот появился, зевая и потягиваясь, и спросил лениво:

— Зачем я тебе, брат? Я еще не выспался, а меня беспокоят твои гонцы.

— Сейчас не время спать! — закричал на него Раван. — Рама напал на Ланку.

— Ну и что? Отдай ему Ситу, и он уйдет.

Обозленный этим ответом, Раван взревел, как взбесившийся слон:

— Сита должна быть моей по всем законам зла! И от законов я не отступаю, это знают все. Иди на бой!

— Пошли сначала своего сына, — лениво ответил Кумбхакарна. — А уж затем пойду и я, если он не справится с врагом.

— Позвать сына! — вскричал Раван и отослал Кумбхакарну, который сразу же снова завалился спать.

Сын же Равана был не только хитрым и подлым, как все ракшасы, но обладал колдовским умением превращать одни вещи в другие. Получив приказ отца немедленно убить Раму и Лакшмана, он сразу превратил свои стрелы в смертельно ядовитых змей и, явившись на поле боя, стал посылать их одну за другой в обезьян и медведей, сражая их насмерть, а сам приближался постепенно к центру схватки, где бились братья-царевичи. И вот невдалеке, в гуще рубки он увидел Лакшмана и, приняв его за Раму, осыпал градом змеиных стрел. Они впились в тело юного героя и напоили его ядом, страшным ядом, который сразу убивал и львов, и слонов, а затем приняли свой обычный вид змей и незаметно уползли, извиваясь под ногами воинов.

Лакшман не ощутил боли, не нашел ран на своем теле, но почувствовал внезапно смертельную слабость, свет померк в его глазах, и он упал на землю, не слыша и не видя больше ничего вокруг.

Когда Рама увидел его, бездыханно лежащего на окровавленной земле, ему показалось, что это его собственное сердце пронзено стрелой и его покидает жизнь. Припав к телу брата, он стал в слезах звать его и восклицал:

— Лучше бы меня унесла смерть, а не этого юношу, еще жизни не видевшего и не издавшего счастья, юношу чистого и лишённого грехов. За что, за что нас так нещадно карает судьба? За что мне это горе? Я не переживу смерти моего любимого, такого преданного мне брата. Смерть, возьми мою душу, она мне больше не нужна.

Услышав эти горькие слова, к Рама поспешил Хануман.

— Друг мой, — сказал он, — это еще не смерть. Твой брат отравлен. Но смерть не замедлит прийти за ним, если ему не помочь.

— Кто же может здесь помочь? И как? Вокруг кипит страшный бой, и помощи ждать не откуда. Мне не избыть моего горя!

— А я, сын Ветра, говорю тебе, что не пройдет и минуты, как он встанет с земли. В далеких северных горах растет трава, дар богов. Она вернет его к жизни. Жди меня и не печаль своего сердца. Жди!

И, не дожидаясь ответа Рама, Хануман взвился в небо и быстрее мысли полетел в сторону полуночи. Не успел Рама снова обнять тело брата, как о землю возле них ударилось что-то тяжелое и раздался голос Ханумана:

— Вот, я не имел времени искать траву, я сорвал и принес тебе всю вершину горы. Вот они, эти целебные лепестки, вот эти.

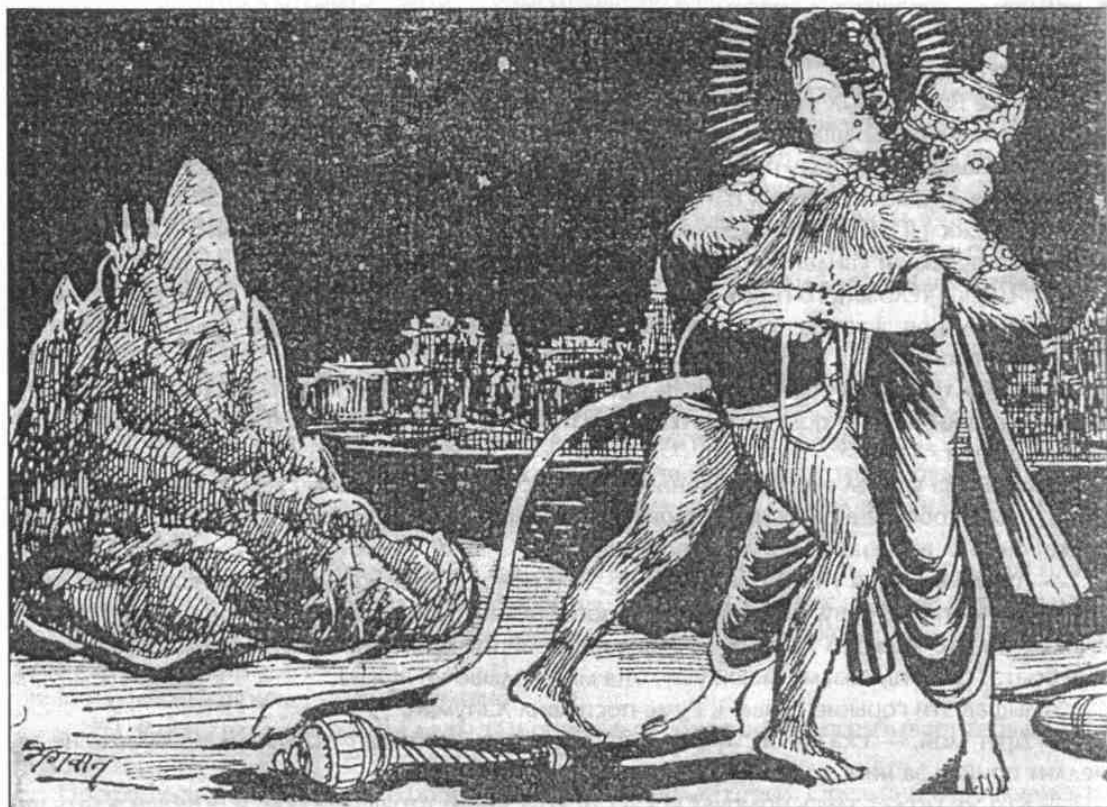
И он растер траву в ладонях и быстро смазал тело Лакшмана ее свежим соком. Веки лежащего воина вздрогнули, поднялись, и в следующий миг он уже вскочил на ноги и спросил:

— Где мой лук? Мой меч? Где враги?

Рама, потрясенный этим невиданным чудом, прижал Ханумана к своей груди и мог только промолвить:

— Тебя люди никогда не забудут. Никогда! Они будут поклоняться тебе, как божеству. Теперь же — в бой!

А сын Равана, будучи уверен, что сразил стрелами-змеями самого Раму, вбежал в тронный зал и торжествующе закричал:

Рама благодарит Ханумана за спасение Лакшмана

— Ну все, мой всемогущий отец, победа за тобой! Я убил Раму!

— Раму? Ты не ошибаешься? Где же его голова? Почему не отсек? Почему не принес? Надо показать ее Сите.

— Вели подать мне золотое блюдо и большой стеклянный шар.

— О, мы это легко сделаем.

Принесенный шар тут же путем колдовства он превратил в голову Рамы и подал отцу. Раван радостно понес это блюдо со страшной окровавленной головой в сад, чтобы показать Сите и сказать ей, что она теперь наконец-то свободна от своих супружеских уз. Но, зная о лживости и коварстве низкогодушного царя ракшасов, Сита вновь с гневом отвернулась от него, так как больше всего она верила своему сердцу, а оно не давало ей вести о таком несчастье. Она знала, что ее бесценный супруг жив, и ждала, ждала мига его победы.

— Уйди и унеси подальше этот обманчивый ужас, — сказала она с отвращением. — Я не верю тебе. Иди и встречай свою смерть от руки моего всемогущего супруга! Он ждет тебя там, где кипит битва. Иди, трус! Почему ты здесь, когда все воины сражаются? Твоя гибель уже неотвратима. Ступай!

Но Раван опять не вышел на поединок со своим главным противником, подумав, что ведь никакое существо из живущих на земле не может принести ему смерть. И снова не вспомнил о возможной гибели от руки человека. Он был озабочен только тем, чтобы поскорее очистить остров от всех напавших врагов, и на этот раз послал в бой кровавого Кумбхакарну. И когда прозвучал еще раз звонкий голос Лакшмана, вызывавший на бой самого темнодушного царя ракшасов, перед армией Рамы появился раздутый, как огромный бурдюк, мохнатый, как гора, поросшая лесом, Кумбхакарна.

— Что вы пишите здесь, крысы? — кичливо спросил он. — Слишком много чести для вас — вызывать на бой самого Равана. Сразитесь сначала со мной, ничтожные. Где этот Рама? Я буду биться с ним.

Из рядов нападавших выступил вперед не знавший страха Лакшман.

— Нет, — сказал он, — с тобой мой солнцеподобный брат биться не станет. Я принимаю этот бой.

Тогда униженный этими словами Кумбхакарна взревел, как раненый тигр:

— Сейчас ты, наглец, первым падешь от моей всемогущей руки, а уж затем и твоего хваленного брата постигнет та же участь.

— Смелчаки не хвастают, а сражаются, — ответил ему Лакшман.

— Тогда берись за копье, — заорал его противник.

— На копье я опирался, когда учился ходить, — с усмешкой молвил юный храбрец и сильным ударом выбил копье из руки Кумбхакарны.

— А меча моего ты не боишься? Бери в руки меч! — потребовал ракшас.

— Ну мечом-то я играл еще в колыбели, — продолжал смеяться над ним Лакшман.

И они сшиблись в поединке. Могучий, но неповоротливый Кумбхакарна бросался на царевича, как скала, летящая с горы, но тот легко увертывался от его ударов, а сам наносил ему бесчисленные раны. Истекший кровью, гигантский ракшас обессилел и упал на землю, испутив дух.

Влетевший снова на битву сын Равана был тут же, на месте, сражен огнеперой стрелой Лакшмана, и царю ракшасов не оставалось теперь уже ничего другого, как самому идти принимать бой с врагом, пришедшим расплатиться с ним за неслыханное оскорбление.

Когда он явился на поле битвы, величественный и ужасный, излучая мрак и держа в своих руках разнообразные мечи, булавы, кинжалы и луки, сердца многих воинов армии Рама дрогнули. Они перестали терзать побеждаемых ими ракшасов и расступились, очищая место для главного, решающего поединка.

И Рама бестрепетно выступил навстречу Равану, властным жестом отослав в сторону всех своих военачальников. Началось великое противостояние двух могучих воинов — носителя Добра и владыки Зла, и все вокруг замерло в ожидании исхода этого боя.

Поединок был долгим и беспощадным. Искусно владея небесным луком, Рама успевал своими стрелами отражать и разбивать в воздухе летящие в него копыя, стрелы и булавы Равана. Казалось, что небо покрылось сплошной тучей из этих смертоносных орудий, но движения Рама были столь стремительны, что его стрелы, оперенные огнем, как бы сливались в тканую сверкающую завесу, ограждавшую его от смертельной угрозы. Он не только отбивался от оружия Равана, но и разил врага своими меткими ударами. Первое тяжкое ранение он нанес, вонзив ему копые в грудь и поранив несколькими стрелами его головы, а затем бесчисленное число стрел посылал он в могучее тело всезлобного противника, но тот не погибал от них, а с еще большей яростью метал в Рама секиры, боевые молоты и дубины с острыми шипами. И тогда богонаправленный герой как бы услышал в своей душе голос самого Вишну, светлейшего из светлых богов: «Пора!». И вспомнил, что среди его стрел есть одна, всего лишь одна, дарованная ему на тот миг, когда честь и правда должны будут решающим ударом поразить неправду и бесчестье.

Выхватив из колчана эту раскаленную стрелу, напоенную такой силой, которая несла гибель самому великому злу на земле, Рама бестрепетной рукой послал ее в сердце Равана.

Затмилось небо, и черными валами покрылся океан, когда рухнуло на землю безжизненное тело властителя тьмы, праздновавшего много веков в своей душе черное торжество побед над светом и жизнью.

И засияло вновь на небе солнце, и заиграли его отблески на утихших волнах, запели птицы в оживших деревьях, и радостным

Рама убивает Равана

ключем победителей огласилась земля. Он пронесся над горами и лесами по всем царствам мира, и все живые существа узнали, что сражен владыка мрака и победила справедливость.

Оставшийся в живых брат Равана, Вибхишан, которого боги в отличие от всех ракшасов наделили справедливой душой, припал к ногам Рамы и промолвил, рыдая:

— Я не могу не горевать, не гневаться на меня, даритель света, ведь я лишился всех своих родных. Но не могу я и не видеть, что постигла их кара по тяжким их грехам. Позволь мне призвать сюда людей, жителей острова, загнанных в далекие пещеры жестокими воинами моего брата. Пусть помогут они мне сложить погребальные костры, чтобы предать всеочищающему огню останки всех погибших в этой страшной битве.

И Рама благословил Вибхишана, разрешив ему совершить погребальный обряд, и сказал: — Тебя, одаренного знанием правды, я оставляю здесь как правителя Ланки. Будь добр к своим подданным, и пусть они навсегда забудут черное время, которое провели под властью темнотных ракшасов. А теперь прошу тебя проводить меня туда, где укрывалась все это время моя многострадальная жена.

Вибхишан, который знал все тайные ходы и выходы столицы, провел Раму ко входу в дворцовый сад. Затем он вернулся на поле битвы, а за Рамой последовали не покидавший его ни на миг Лакшман и охранявший их обоих Хануман.

О СИТЕ И РАМЕ

Ракшаски, терзавшие Ситу, разбежались, напуганные грохотом битвы, доносившимся с берега в тишину сада. Вздрагивала земля и сотрясались деревья, осыпая на траву плоды и листья. Но Сита не испытывала страха, не думала больше о своих мучителях, не призвала смерти. Она ждала Раму. Она знала, что темные силы не устоят перед могуществом его света и правды. Она ждала. Забыв об отдыхе, ни на миг не предаваясь сну и забвению, она вслушивалась днем и ночью в долетавшие к ней боевые крики, свист стрел и тяжкие удары палиц. Слышала она и звонкий голос Лакшмана, вызывавшего Равана на битву, визг ракшасов, рычание медведей и воинственные вскрики обезьян. И вдруг — тишина. Долгая немая тишина. О боги, что она могла означать? Неужели?.. Нет-нет! Не могли победить эти нечистые коварные твари, порожденные тьмой и сеющие тьму в душах людей. Нет! Не могли! Значит, их одолела армия Рамы? А если... все-таки? Нет! Всесветлые боги не допустят победы зла, ведь тогда на земле никогда не воскреснет вера в силу добра и правды. Как же жить, если наступит такой мрак?.. Но почему, почему так тихо, и никто не шлет к ней вестника победы?

Она то металась между деревьями, замирая от страха, то обнимала ствол ашоки, так долго дарившей ей приют и успокоение, но сердце ее трепетало в груди, не находя себе покоя и не зная ответа ни на один из терзавших ее вопросов.

И внезапно она ясно расслышала чьи-то шаги. Сюда кто-то шагал уверенно и твердо, прямо к ней.

И не успел еще он показаться в гуще кустов и деревьев, как она уже узнала его. По звуку таких знакомых шагов, по донесенному к ней ветром родному его дыханию.

— Будь навеки благословен этот миг! Благодарение небу! — вскрикнула Сита и припала к груди супруга, смеясь и плача в порыве безмерного счастья.

И заплясали, закружились над ними ветви дерева ашоки и осыпали встретившихся супругов дождем своих красных цветов, словно набросили на них свадебное покрывало. Лакшман и Хануман преклонили колени, сложив ладони в знак приветствия, радости и глубокого уважения к этим любящим, стойко претерпевшим все муки такой долгой разлуки, но не предавших своего чувства и нерушимой верности.

Но что это? Почему Рама стоит недвижно, как каменное изваяние? Почему его сильные руки не охватывают, не прижимают к сердцу эту супругу, рыдающую от радости? Почему он отвернул лицо и не смотрит в ее глаза, наполненные слезами и светящиеся безграничной любовью?

Приблизившись к нему, Лакшман и Хануман, недоуменно взглянув друг на друга, решились обратиться к нему:

— Брат, — неуверенно произнес Лакшман, — я не вижу радости в твоем взоре. Ведь ты достиг цели, к которой стремился, и вот с тобою снова твоя безупречная супруга. Что же ты молчишь? Почему отворачиваешься от ее дивного лица? Отчего не хочешь успокоить ее исстрадавшуюся душу?

— Да, и я не верю тому, что видят мои глаза, — добавил Хануман. — Супруг должен быть первой опорой для своей верной жены, а ты, великославный, по-моему, нарушаешь этот древний завет.

— Нет, не нарушаю, — твердо ответил Рама. — Моя жена провела много дней во владениях другого мужчины. Он осквернял ее нечистыми помыслами и взглядами. Я не могу принять ее как свою супругу после этого.

— Опомнись, Рама! — не выдержал этих слов Лакшман. — Сита ждала тебя, не приняв ни одного дара от другого. Вот она перед нами, взгляни же на ее рваную, ветхую одежду, на ее руки без единого браслета, на пальцы без единого кольца. Как ты можешь так унижать ее? Как ты смеешь сомневаться в ее верности? Прости меня за эту дерзкую речь, но ты сошел с дороги правды.

— Да, в уголок ее накидки завязан только перстень с твоим именем, что я принес ей от тебя, прилетев на Ланку, — сказал Хануман. — Я не понимаю тебя, человек. Ведь я видел, как она гнала прочь домогавшегося ее ракшаса. Она была верна тебе, эта безупречная жена.

— Я знаю это, — ответил Рама. — Это знаем мы четверо, стоящие здесь. И знает каждый листик каждого дерева этого сада. Но люди не знают. И как я могу заставить их поверить? Какой пример я им подам, взяв в дом жену, пробывшую столь долго с другим мужчиной? Что они скажут? И как будут сами после этого верить в устои собственных семей? Об этом вы подумали, укоряя меня сейчас?

И тут Сита отошла от мужа и сказала голосом окрепшим и твердым:

— Ты прав, господин моей жизни. Прав, как всегда и во всем. Идем на площадь. Созовите всю армию и всех жителей Ланки. Пусть все увидят, виновна ли я перед тобой.

Проговорив это, Сита молча прошла садом и направилась мимо разрушенного дворца Равана на берег, где догорали тысячи погребальных костров.

Остановившись перед собравшейся толпой и стоявшей в стороне армией Рамы во главе с Сугривой, она обратилась ко всем со словами, исполненными неколебимой воли:

— Я провела много дней с чужим мужчиной, с повелителем ракшасов, который низким обманом выманил и выкрал меня из дома моего благонравного супруга. Ничем я не могу доказать свою чистоту и свою верность супружескому долгу. Люди не поверят моим словам, и во многих семьях сможет воцариться нечестивость. Поэтому прошу я вас разложить самый большой и высокий костер. Еще один, последний. Я взойду на него. И если я нечиста, мои истлевшие в огне останки вы сможете выбросить, куда захотите. Я сказала!

Все в изумлении обернулись к Раме. Но он стоял, глядя перед собой все так же твердо и неподвижно, и не произнес ни слова.

Тогда Хануман принес и положил в основание костра первое бревно, а за ним стали следовать и многие люди и обезьяны. Когда костер был сложен, Сита велела Лакшману поджечь его со всех сторон и бестрепетно вошла в охватившее ее пламя.

Стон пронесся по толпе, и все в ужасе закрыли глаза.

Но вдруг раздался чей-то голос, звучавший нездешней силой:

— О вы, живущие на земле, взгляните без страха и сомнения.

И все увидели, что в костре стоит кто-то неведомый и огромный в одеждах, сияющих как блеск молний, и имеющий на голове своей языки пламени вместо волос. Это был сам великий Агни, бог земного огня. Он держал на руках Ситу, которой не повредил смертельный жар костра, и, поставив ее на землю, сказал:

— Вот перед вами самая чистая и непорочная из всех женщин мира, самая верная и преданная жена. Нет на ней ни малейшего греха, она невинна перед супругом, людьми и богами. Прими ее, доблестный герой, носитель правды, и боги благословят вас потомством. Сита подарит тебе двух дивных ясноликих сыновей, которым суждено продлить великославный Солнечный род. О ней будут вечно помнить все живущие на земле. Она прошла самое страшное из испытаний — испытание огнем, и ее беспорочность несомненна.

Проговорив это, великий Агни исчез, растаяв в воздухе, а костер рассыпался пеплом.

Рама протянул руки к Сите, и она припала к его груди, эта праведная и чистая женщина. И откуда ни возмись, все вокруг озарилось разноцветными отблесками, и перед Рамой опустилась воздушная колесница Равана. Взойдя на нее вместе с Ситой и Лакшманом, Рама почтительным жестом предложил в ней место и Хануману, а затем обратился ко всем собравшимся:

— Нет у меня слов, способных выразить чувство безмерной моей благодарности доблестным воинам армии Сугривы, и ему, великому полководцу, и всем его военачальникам. Мы избавили мир от страшного зла, и пусть царит покой в ваших сердцах и мир между людьми. Прощайте все, и да сопутствует вам счастье. Срок моего изгнания кончился, и мы возвращаемся к Айодхью, в свою родную столицу. Вы все навсегда мои желанные гости, и я ваш друг до конца своих дней.

В низком поклоне склонилась перед ним толпа, а когда подняли они глаза, то увидели, что в синей небесной высоте летит сияющая чудесная колесница, уменьшаясь с каждым мигом и как бы растворяясь в свете солнца.

Слух о победе Рамы достиг обитателей его царства за один день. Каждый житель лесов, будь то слон, тигр или муравей, передавал эту новость друг другу, прося поскорее сообщить ее другим. Через Гангу этот слух перенесли рыбы, и вся Кошала узнала, что возвращается законный наследник престола.

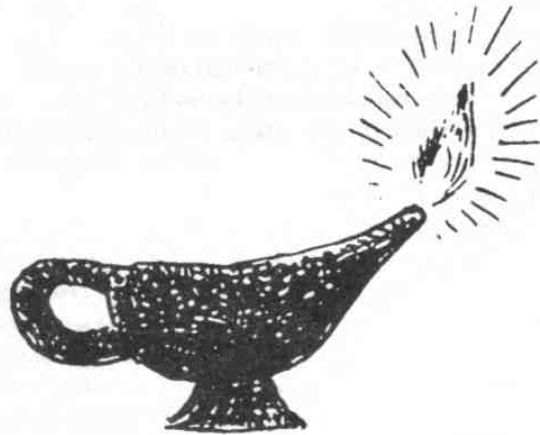

Летяшие на колеснице к ночи достигли границ своей страны. Взглянув вниз, они увидели море огней, как будто их царство, все его города и деревни охватило пламя. Но не пожары это были, не о беде, а о великой радости вешали эти огни. На всех оградах дворов, на крышах всех домов, на террасах и окнах стояли тысячи тысяч зажженных светильников, пылали воткнутые в землю факелы, и даже по рекам плыли огоньки в спущенных на воду глиняных плошках. Все светилось, все сверкало, и счастьем сияли глаза людей, встречавших своего справедливого правителя после столь многих лет разлуки с ним.

*В далекой Индии, жемчужине земли,
И в наши дни все прославляют Раму,
И время справедливости и мира
Зовут с тех пор словами Царство Рамы.*

Слово «индуизм» определяет в научной литературе и публицистике наиболее древние традиционные формы религиозной системы индийцев в отличие от других этических и религиозных учений — буддизма, джайнизма и ислама. В русской литературе это название укоренилось в XIX веке. Оно возникло не в среде коренных жителей Индии, а в среде тех военачальников и правителей соседних стран, которые исповедовали ислам и начиная с X века приводили на земли Индии свои захватнические армии. Первой областью, где стало распространяться их влияние, были северо-западные земли этой страны. От названия главной водной артерии этих земель — реки Синдху-Хинд-Инд — и произошли слова Индия и хинду (индуизм).

Сами индийцы именуют свою страну Бхарат, а индуизм определяют как дхарму, или санатана-дхарму, т.е. религиозный закон. Дхарма охватывает собою всю сложную систему религиозных, этических и социально-правовых установлений, которые постепенно складывались в среде населения страны за последние 5 тысяч лет. Со времени Средневековья утвердилось название «хинду» применительно к приверженцам дхармы, а от этого слова произошло и русское их название «индус».

Это название не следует путать со словом «индиец», которое относится ко всем без исключения коренным жителям Индии, где бы они ни находились. Индус — это приверженец индуизма (дхармы), а индиец — это гражданин Индии вне зависимости от его этнической, религиозной или партийной принадлежности, даже если он живет вне своей страны, но не принял гражданства какой-либо другой страны.

В среде населения Индии, численность которого уже превысила 1 млрд чел., индуизм исповедуют 80%, мусульмане составляют 12%, и нечетко определяется число членов других конфессий — буддистов и необуддистов, джайнов, христиан и др. Переписи выделяют иногда в отдельную конфессию приверженцев так называемой религии племен, но по своему исконному содержанию эти верования настолько плотно сближаются с индуизмом, что всех членов этих «отсталых» племен следует включать в число индусов: в этой среде распространено почитание тех божеств, которые во многом уже стали и продолжают становиться объектами почитания и в среде индусов.

Попытки выявления корней индуизма приводят исследователей к вопросу о происхождении и истории двух главных этнических массивов, ставших задолго до нашей эры основой сложения населения Индии. В конце прошлого века была открыта на северо-западе страны древнейшая археологическая культура, получившая в науке название Цивилизации долины Инда, или Цивилизации Хараппы (по названию одного из ее городов). Начало этой цивилизации датируют V—IV тыс. до н.э., а упадок — II тысячелетием. Возможно, это была культура городов-государств, подобных современным ей городам Шумера и других стран Передней Азии. Создавшее ее население знало орошаемое земледелие, скотоводство, строительное дело, многие ремесла и искусства. Больше того — оно создало письменность, знаки которой, явленные на многих печатях и таблицах, еще не расшифрованы. Эта цивилизация охватывала обширную область, вплоть до верхнего течения Ганга и до побережья Аравийского моря.

Судя по найденным изображениям, а также по более поздним описаниям в памятниках литературы, ее создателями были люди, отличавшиеся чертами негро-австралоидного расового типа. По всей видимости, их предки населяли земли Индии с древнейших вре-

мен — некоторые ученые связывают их происхождение с жителями тех островов, которые остались над поверхностью воды в незапамятные годы погружения в океан континентов Лемурии и Гондваны. К таким остаточным территориям относят Австралию, острова Океании и Индонезии, юг Индии, Шейлон, Мадагаскар и юго-восточные районы Африки. Эти утверждения подтверждаются сходными чертами в антропологическом типе жителей этих земель и в целом ряде элементов их материальной и духовной культуры.

Те черты их религии, которые удалось выявить по изображениям на таблицах и печатях Хараппы, говорят о том, что люди тех давних времен уже знали многие культы, вошедшие впоследствии в индуизм.

Другой, более поздний вклад в процесс формирования этой религии внесли племена арьев, приходившие в Индию волна за волной с конца III и до завершения II тыс. до н.э. В науке признается, что они стали приходиться с земель Восточной Европы. Более того — поиски исходного их очага привели многих ученых (как западных, так и индийских) к мысли, что это должны были быть области Приполярья. Это подтверждается наличием в самых древних памятниках литературы на санскрите — языке, который лингвисты единодушно отнесли к индоевропейской языковой семье, — целого ряда указаний на природные реалии Крайнего Севера: на белую землю, белый (молочный) океан, долгую ночь и беззакатный день, на Полярную звезду, северное созвездие Большой Медведицы и т.п.

Вхождение санскрита в одну семью с европейскими языками не могло быть случайным, а оно было твердо установлено учеными. Всем ясно, что из Индии, куда пришли арьи задолго до н.э., их язык к европейцам никак проникнуть не мог. Где же мог выработаться уровень установленного сходства? В XIX веке родилась мысль, что по ряду выявляемых показателей их следует связать с Арктикой. Долго не могли прийти к согласию в вопросе о ледниковом периоде, но в XX веке было доказано, что последний ледник сполз в Ледовитый океан в XIII—XII тыс. до н.э.

Доказано, что Гольфстрим повернул в ту эпоху к северу, и установилось там теплое время. Палеоботаники определили, что земли севера были тогда покрыты лесами и травами, так что создались условия, при которых дошедшие туда люди могли развивать новые формы хозяйства. Там начались процессы постепенного складывания их родовых групп в племена и возникали племенные союзы, налаживались взаимные контакты между укрупнявшимися человеческими коллективами, а это неизбежно приводило к появлению сходных слов и понятий. Сюда и восходят корни сложения индоевропейской языковой семьи, равно как и сохраняющееся до наших дней сходство тех форм религиозно-магических представлений, которые выявляются при исследовании язычества у всех индоевропейцев.

Лингвисты и религиоведы определили также, что наибольшее число элементов сходства прослеживается в языках и религиозных представлениях арьев и славян — почти забытые после эпохи язычества славянские божества и связанная с ними терминология, как и поверия, обнаруживаются в индуизме, а сотни слов санскрита могут быть безошибочно сопоставлены со славянскими языками в большей степени, чем с другими европейскими.

Пройдя постепенно по землям Восточной Европы (т.е. по землям будущей России) и продолжая контакты с переселяющимися группами протославян, арьи по достижении Черного моря двинулись в III—II тыс. в сторону Индии. Их подтолкнуло к новым перекочевкам наступившее длительное время засухи, несовместимое с их кочевым хозяйством. О длительном их пребывании на славянских землях говорит множество сохранившихся до наших дней названий рек от Русского Севера до Черного моря.

После прихода в Индию арьи стали оседать на землю и осваивать новые жизненные условия; заимствуя многие навыки у местного населения и при этом физически с ним смешиваясь. Век за веком арьи соединяли свои религиозные представления с теми, что были известны доарийскому населению; равно как и свои правовые институты с местными.

Арьи, исконно сформировавшиеся в более северных областях, отличались европеоидными чертами внешности — светло окрашенной кожей, светлыми или каштановыми волосами и чисто-голубыми или серыми глазами. Местные же жители обладали, в соответствии со своей расовой принадлежностью, довольно темной кожей, темными же, а часто и черными волосами и очень темными глазами. Наличие в среде населения Индии людей, отличающихся признаками обеих рас с разной степенью их выраженности, является прямым результатом многовекового процесса физического смешения потомков представителей двух основных этнических массивов далекой древности.

В процесс формирования здесь индуизма при участии и тех, и других этносов вошли черты, порой противоречащие одна другой, но многовековое совместное проживание в одной стране привело к их постепенному согласованию и объединению в одну систему.

Арьи внесли в нее такие элементы, как: 1) представления о сотворении мира верховным богом Брахмой, веру во многих богов, связанных с ним своим происхождением и предназначенными им деяниями, а также утверждения о существовании полубогов; 2) принес в Индию сложившийся в их среде патриархальный строй, они внесли в общество новые семейные устои; 3) наличие деления на три основные социальные группы: а) брахманов-жрецов, б) кшатриев-воинов и охотников и в) вайшьев — всех прочих, занимавшихся разными видами хозяйственной деятельности.

Доарийское же общество Индии характеризовалось тем, что, во-первых, очень действенны еще были матриархальные отношения (в пантеоне было множество властных богинь); во-вторых, занятием населения было в основном земледелие, а не кочевое и полукочевое скотоводство, как у арьев; в-третьих, в религиозных воззрениях видное место занимал тотемизм, а также поклонение божествам рек, гор, камней и растений.

В новое формирующееся религиозное мировоззрение, постепенно становившееся общим для всех жителей страны, как и в складывавшиеся правовые отношения, комплексно вошли эти разные составные части. И если военачальники арьев, их кшатрии, проводили частые захватнические войны, обретая новые территории проживания, то их духовные наставники, брахманы, придерживались политики сближения законов, принятых у разных групп, и постепенного приведения местного общества к почитанию главных святынь арьев. Среди этих святынь важнейшее место занимали Веды — сборники гимнов и молитв, посвященных богам арьев. Эти книги носили характер заповедных текстов, передававшихся многие века от поколения к поколению без права вносить в них хоть малейшие изменения. Первая из четырех Вед — самая священная и непререкаемая — Ригведа была завершена уже после прихода арьев в Индию, к концу II тыс. до н.э., а записаны были эти тексты уже в первые века н.э. Брахманы стали также постепенно вводить в свое сословие и местных жрецов, игравших в обществе заметную роль, и вместе с ними вырабатывали приемлемые для всех формы богопочитания.

Так формировались сливавшиеся из двух источников нормы индуизма. Результатом этого процесса явилось сходное, а часто и единое для всех отношение ко всем богам и святыням, но при отсутствии в индуизме объединяющей и возглавляющей церковной ор-

ганизации — каждый храм имеет свою группу независимых жрецов, молящиеся могут посещать любой храм, посвященный любому из богов или группе богов. Всеми принимаются без отчуждения любые изображения божеств, и все в ходе веков приняли мифы и сказания, касающиеся богов, их деяний и проявлений. Всеми признано, что Веды являются основой представлений о величии богов и о необходимости ежеминутно сверять с ними свою жизнь. И почти всеми были приняты указания на великую роль брахманов, обладающих исключительным правом чтения и преподавания Вед.

Из культов обеих этнических основных массивов в индуизм вошли и обязательные жертвоприношения — некоторым божествам приносят кровавые жертвы (вместо коров, постоянно упоминаемых в Ведах, в Индии жертвой стали буйволы, а коровы заняли место священных животных), а другим — бескровные (цветы, плоды, сладости, рис и т.п.); приверженцы доарийских культов сохранили (главным образом на юге) самоистязание как принесение своей плоти в жертву; стало распространенным и пронесение идолов из храма в храм или к водным источникам, что всегда сопровождается многолюдными процессиями; новым для пришедших на эти земли арьев стало поклонение идолам и само искусство их высекания из камня: в своих перекочевках арьи ранее таких идолов не изготавливали — есть указания в источниках, что они, видимо, перевозили в своих кибитках небольшие деревянные фигурки богов.

Можно перечислить еще много крупных и мелких черт, вошедших в рамки индуизма из культов разных народов Индии, равно как и черт, связанных с формированием кастового строя, с правовыми отношениями, семейными структурами, обычаями и т.д., — все это будет относиться к характеристике индуизма как крайне многообразной и разветвленной системе, включившей в себя и религиозные воззрения, и нормы социальных отношений (до сих пор во многом направляемые и регулируемые этой системой).

Разделение нижеследующего текста на три части чисто условно и отражает попытку разделения богов индуизма на тех, что воспеваются в Ведах и связаны с доиндийским периодом жизни арьев, — они описываются как обладающие светлым обликом, и на тех, что вошли в пантеон индуизма из числа божеств, которые почитались доарийскими народами и которых они представляли себе как обладателей черт внешности, свойственной им самим.

Старания мудрых авторов религиозных законоуложений и проповедников, направляемые в течение ряда столетий на то, чтобы сблизить и возвести на равную высоту всех богов, вне зависимости от различия их черт, способствовали тому, что в представлении верующих сложились образы, в которых часто сочетаются и светлый, и темный облик. Так возникло, например, убеждение, что бог арьев Вишну мог перевоплотиться в Кришну, само имя которого означает «Черный». Равно как и темный обликом Шива стал в иконографии индуизма представать и в черном, и в белом цвете, слившись с ведическим богом Рудрой и обретя имя Шива-Рудра.

Вторая же и третья части текста посвящены рассказу о тех многих, обычно невидимых, но занимающих прочное место в религиозном мировоззрении индусов, существах, которые встречаются во всех мифах индуизма. Это небесные гении, волшебные девы, полубоги, друзья и недруги богов (сочетающие в своем облике черты людей, птиц и животных) и демоны. В верованиях индусов им отводится немалая роль, равно как и тем пророкам и отшельникам, которые своими духовными подвигами могли заслужить уровень божественности и даже влиять на волю и деяния богов.

Автор руководствовался желанием показать богов индуизма такими, какими их видят и любят индусы. Несмотря на то что за последние полторы тысячи лет в Индии сложилось много религиозно-философских школ и течений, боги индуизма, вне зависимости от их происхождения и исторических корней, равно царят в мироощущении всех верующих, абсолютному большинству которых и в голову не придет мысль, что значение, величие и сила богов могли некогда определяться отношением к ним той или иной группы людей, той или иной общности. Все множество богов индуизма обладает надмирной сутью и заслуживает внимания, почитания и послушания. И главное — нетребовательной любви. Таковы основы индуизма.

Каждый человек, родившийся в семье индусов, по самому факту своего рождения считается принадлежащим к индусской общине. И каждый с детства узнает и запоминает множество мифов и преданий, касающихся богов и богинь, добрых и злых гениев и духов. Эти знания прежде всего вводятся в сознание ребенка женщинами семьи, а затем, подрастая, он услышит их от странствующих сказителей, узнает их в игре артистов народных театров и увидит изображения самых разных персонажей мифов в храмах, где они представлены и в виде объемных скульптурных фигур, и в резьбе, и в рельефах на стенах, колоннах и высоких крышах. Во всех лавках стены украшены яркими картинками на бумаге, несущими те же изображения, и такие же картины во множестве продаются на каждом углу и на рынках в селах и городах. Так что все узнанное в детстве постоянно закрепляется в памяти и поддерживает религиозный настрой души.

Читатель встретит ниже краткое изложение тех мифов, которые наиболее широко известны жителям Индии. И поскольку и персонажи мифов, и их сюжеты часто трактуются крайне разветвленно и неоднозначно, здесь приводятся наиболее популярные их варианты. Автор пытается отразить образы богов в том виде, в каком они наиболее часто встречаются в храмах, на домашних алтарях и на иконах.

Неисчерпаемое количество сюжетов и описаний, содержащееся в Махабхарате и Рамаьяне, издревле служило источником вдохновения для творцов прекрасных произведений искусства — скульпторов, резчиков по камню, живописцев и мастеров художественных ремесел. И на тканях и на храмах видны фигуры богов, богинь, небесных гениев, великих мудрецов, людей, животных, сцен из мифов и т.п. Это иллюстрации к существующим издревле «устным книгам», это непрерывно создаваемая летопись индуизма в самых разных его аспектах и проявлениях, это делящаяся веками эстафета передачи духовной культуры от поколения к поколению. Каждое храмовое или бытовое изображение несло и продолжает нести информативную функцию, служа также поводом для того, чтобы лишний раз вспомнить или рассказать эпизод, сюжетно связанный с данным изображением.

Особенно широкого размаха строительство храмов и искусство их декоративного убранства достигло в эпоху Средневековья — с середины I тыс. н.э. по XVII век. Возводились не только отдельные храмы, становившиеся с каждым веком все более обширными и богатыми, но и огромные комплексы храмовых зданий и даже целые города храмов. Индию по справедливости называют музеем под открытым небом, и, хотя многие храмы уже не функционируют, к ним все время тянется цепь паломников — приходят то семьями, то группами, а то и процессиями, отдавая дань интереса и любви как прекрасным произведениям национального искусства, так и неисчерпаемому многообразию изображаемых сюжетов индуизма и тому удивляющему европейцев отзвуку, который эти сюжеты порождают в душе каждого индуса.

СВЕТОЛИКИЕ И ТЕМНОЛИКИЕ БОГИ

Люди не помнят, но мудрецы помнят. Люди не знают, но знают мудрецы. Те, кто удостоился высокого дара божественного знания. Те, кто заслужил этот дар, неуклонно пройдя путь тягчайших испытаний. Те, кто, живя среди людей, презрев все земные соблазны и не шадя своей плоти, молча выносил голод и жажду и не боялся страданий. Те, кто проводил сотни лет в неустанном почитании богов. Те, кто преклонялся перед ними, нетленными и вечными, существующими и несуществующими, перед ними, что есть вся вселенная.

Великим этим мудрецам даровано зрение, которым они могли проникать в прошлое и будущее. И только они передавали людям знание, только они сообщали его другим смертным. Только они могли поведать о деяниях великих богов, научить людей истинному почитанию этих владык вселенной и предостеречь смертных от грехов, влекущих за собой гнев бессмертных.

СОТВОРЕНИЕ ЖИЗНИ

Некогда мир был окутан мраком без блеска и света. И всюду простиралась только вода без пределов. Океан владел землей, и лежала она на дне его, в глубинах глубин. Он обладал необоримыми силами, был грозен и скрывал в себе огонь и свет и множество даров для грядущих жизней.

И возникло в пространстве Золотое Яйцо.

Бог Брахма (Южная Индия. Камень, VI век)

В сокровенной его сердцеvine таился Зародыш. Его силы возрастали в медленном ходе сотен веков. И вот он разбил скорлупу яйца и разделил ее надвое. И вышел. И стал первобогом, стал Брахмой.

Одной половине скорлупы он повелел сделаться небом, а другой указал путь вниз, чтобы стала она в токе времен земной твердь. Чистым воздухом заполнил он простор от неба до земли, а затем посвятил мысль свою и дух свой великому делу творения. Он создал все, что должно существовать на земле, в воде и в небесных сферах. Он создал год и стал Прародителем времени и меры времени.

Необоримой силой своего духа он породил сыновей, назначив им стать владыками существ, богов, демонов и всех добрых и злых сил. Из своего чела он произвел могучего и властного бога, принявшего имя Рудра.

Из пальцев правой своей и левой ноги Брахма тогда же произвел бога света и богиню ночи. Они сочетались нерушимым браком, и поэтому не бывает света без тьмы.

По его велению засветились в небе солнце и луна, а с ними и мириады звезд. От многих потомков Брахмы стали возникать и многие боги, а всего их явилось числом в тридцать три тысячи, тридцать три сотни и еще тридцать три.

Но тогда же народились и враги богов — многие асуры и демоны, чем обозначились и все грядущие битвы между силами света и мрака.

Но тогда, появившись в образе вепря, бог ощутил, сколь тяжело земле лежать на дне океана, этого безмерного пространства, заполненного сумраком. В сердце бога вспыхнула любовь к будущим существам, которым предназначено жить на земле, и он погрузился в пучину и поднял на мощных своих клыках всю землю из водных глубин. И украсилась она горами и реками, травами и лесами. Появилось на земле великое множество существ — родились и сильнейшие гиганты, и слабые человеческие детеныши, и те, кто живет в реках, и те, кто летает в небе, и те, что ползают, и те, что селятся в древесных кронах.

И тогда самого белого из пернатых, дивного северного гуся, избрал Брахма для себя как своего неразлучного друга, а также возницу. И с тех пор они всегда и всюду видны вместе — Брахма в светлых одеждах и белоснежный сильный гусь, несущий бога на себе.

Так создал мир всемогущий Брахма.

Так возникла и утвердилась жизнь.

ОБРЕТЕНИЕ БЕССМЕРТИЯ

На краю земли простирался далекий океан. В его водах хранилась великая тайна — напитка бессмертия — амриты. И боги, и враждебные асуры жаждали бессмертия как высочайшего из благ. Того бессмертия, что избавляет от недугов и старости и от ухода во тьму. Всесветлый бог Вишну сказал:

— Все вы, и боги, и асуры, перестаньте враждовать. Направляйтесь к тому океану и начинайте вместе сбивать мутовкой его воды. Так вы добудете амриту, скрытую в его недрах.

Вняв его словам, устремились все к океану. Но тут же сомнение одолело асуров: если они соединят свои силы с силами богов, то кому потом достанется амрита? Боги успокоили их, пообещав отдать половину волшебного напитка. Стали они все вместе думать: где же достать такую огромную мутовку? И снова дал им совет всемилостивый Вишну, пояснив, что нет мутовки лучшей, чем большая тяжелая

Сцена пахтанья молочного океана

гора, и нет для такой мутовки лучшего шнура, чем великодинный змей, известный всем как Шеша.

Общими усилиями оторвали они от земных корней огромную гору и обернули ее змеиным телом. Но побоялись, что воспротивится океан и изольет на землю свои обильные воды. Испросив его разрешения, узнали, что не будет он гневаться, если и ему уделят частицу амриты. Так с общего согласия взялись боги и асуры за хвост и голову змея и стали поочередно тянуть его, вращая гору, погруженную в океан.

Вращали они гору дни и ночи, сотни лет вращали непрерывно. Кипел океан, змей Шеша извергал из пасти огонь и дым, клубились тучи над водой, изливаясь обильными дождями на этот огонь. После прошествия срока побелели воды океана и стали молоком. А затем из этого молока сбилось масло. Из новых молочных вод вознесся в небо ясный месяц, сияя холодным светом. Вслед за ним возникла богиня Лакшми в белоснежных одеждах. А затем — белый конь и много разных волшебных существ. И тут, где только белое возникало из белого, появился внезапно и сверкающий, как радуга, драгоценный камень. Вишну украсил им свою грудь, чтобы все узнавали его по этому знаку. И наконец из вод возник бог-целитель, вознося в поднятых руках белый сосуд, наполненный амритой.

Сразу же поднялся крик и разразились споры. Все тянулись к сосуду, стремясь захватить желанный напиток. Но Вишну, видя этот спор, взял владычной рукой сосуд и дал богам выпить амриту. Не смогли перенести этого разгневанные асуры. Они ринулись на богов, и вспыхнула у океана невиданная битва. Сверкали в небе отблески золотого оружия, острых стрел и мечей, искры взлетали к тучам, и все вокруг казалось охваченным небывалым светом. Боги, одаренные доблестью и величием, являли себя в облике огня. Тогда Вишну, владыка солнечного диска, бросил его во врагов, и они отступили, скрывшись под землю.

В наступившей тишине пресветлая богиня Лакшми направила свои стопы к Вишну. Эта богиня счастья и красоты склонилась перед ним, сложив ладони в знак избрания его своим супругом.

Проходят века за веками, но эта божественная пара, дарующая радость и помощь во всех добрых усилиях, неизменно предстает перед теми, кто верит и молится.

Так стали бессмертными боги. Так обрели они силу всегда, во все времена миловать праведных и карать грешников. А люди и демоны могли отныне обрести бессмертие, только вымолив его у богов как высшую милость.

ИНДРА — СИЛА И ВЛАСТЬ

Далеко за северными горами лежит царство одного из могущественнейших богов, чье прекрасное имя — Индра — славят все на земле.

Он повелевает грозами, раскатывает гром над землей, мечет огненные молнии и проливает дожди над долами и горами. Он всегда сжимает в правой руке смертоносное свое оружие — ваджру, подобную двуглавой палице, и всегда готов метнуть ее во врага. По силе своей он взял себе в спутники огромного белого слона, явившегося из океана, когда добывали амриту. Это он, Индра, стал своей могучей рукой вращать вокруг Полярной звезды все светила небес, подобно колесу гончара.

И это ему, великому, известны все дела людей и, видимо, все, что происходит в мире, как будто у него множество глаз. Его, и никого другого, зовут Тысячеглазым и славят за готовность всегда явиться на призыв о помощи: он видит, он знает, и он поможет.

Был некогда Индра не только могуч, но и неукротим нравом. Был он также прекрасен видом, и к его ногам склонялись в послушании многие земные и небесные красавицы. Не могли противиться ему ни чистые девы, ни верные жены и ни одна из женщин, которые, как известно, грешны по своей природе. Не останавливался Индра перед убийством мужей и даже отшельников, если ему не хотели подчиняться и не почитали его, как должны были почитать все смертные. Бог-воитель не терпел отказов и возражений.

Но однажды прогневил он бога мастеров Тваштара. Он разжег его гнев тем, что безрассудно убил его сына. И Тваштар возжаждал мести и решил создать нечто невиданно ужасное, нечто непобедимое. Плодом его стараний оказался огромный и непомерно сильный змей Вритра, извергающий из пасти всепожирающее пламя. Этот Вритра сразу же направился в земные пределы и стал вершить зло. Он заковал реки, превратив их воды в камень, ломал и сжигал деревья на их берегах. Затем он ринулся в небо, сорвал солнце с его пути и скрылся с ним во мраке глубочайшей бездны. Весь мир охватила непроглядная тьма. Погасли зори, и перестали сиять рассветные созвездия — божественные братья-близнецы Ашвины. Те Ашвины, что всегда встречали восход солнца. Те Ашвины, что самым появлением своим на утреннем небе приносили исцеление богам и людям от страха, таящегося в ночной темноте. Их все почитали как волшебных врачей, спасителей страждущих. Их ждали перед наступлением каждого утра. Им молились с любовью и надеждой. Но вот и они исчезли.

Ужас охватил людей, и даже боги в страхе смотрели на мерцающую высоко в небе одинокую Полярную звезду и на слабые светочи созвездий, что кругами ходили вокруг нее.

Да, испугались все, но только не Индра. Он решил вступить за своего любимого друга, за светлое солнце, за Сурью, умеющего непрерывно лить на землю тепло и ласку. И без колебаний ринулся он в темную бездну, чтобы вызвать на смертный бой несправедливого Вритру. В этой битве Индра не шадил себя, не думал о тяжелых своих ранах и ожогах, не знал страха. Текло время, проходили дни за днями, но бой не стихал.

Люди на земле поддерживали его пением молитв и гимнов, славяли его силу и мужество, надеялись на его победу. И не отводили глаз от неба, ожидая первого проблеска рассвета. Но наступившая ночь все длилась и длилась. А они пели, не переставая, замирая от страха и молясь:

Бог Индра на мифическом белом слоне
(индийский рисунок)

*Да достигнем мы благополучно другого края ночи...
Того края, которого даже не видно...*

Так пели жрецы, и так вторили им все вокруг, не умолкая:

*О Индра, я хочу достигнуть широкого света,
Исключающего страх!
Да не погубит нас долгий мрак...
Как ты раньше храбро убивал,
Так убей нашего врага, о Индра!*

Индра убивает Вритру (рисунок С. Потабенко)

Эти слова, эти мольбы вливали в сердце сражающегося бога новые силы, и бой кипел, не стихая ни на миг. Наконец Индра расколол голову врага своей смертоносной ваджрой, и Вритра испустил дух. Солнце взлетело на небеса, и все озарилось светом долгого дня. Охваченные радостью люди встретили ликованием конец такой долгой ночи, и всюду зазвенели песни-хвалы богу-победителю. Звучные слова новых песнопений разносились над берегами океана, над водами и горами:

*Этот бог Индра, восхваленный,
Для смертного освободил солнце...
Индра поднял солнце на небо,
Чтобы долго можно было
видеть его...*

Да, надолго воцарился светлый день. Счастливые жители земли приносили любимому богу щедрые жертвы, возлагая на костры «кравью» — всегда только свежее мясо. Они готовили в изобилии для Индры любимый им напиток сому, дарящий бодрость и силу этому богу, божественному вождю истинных мужей. Ублаготворив бога, напивав и напоив его, они обращались к нему, прося о помощи в исполнении желаний, мечтая о победах, о добыче, о рождении многих сыновей. И исполнял он их мечты и просьбы.

Так велик Индра, что все другие боги признали его своим царем и владыкой воздушных пространств. И так прекрасно его царство, что назвали его раем Индры, Сваргой. Этот рай насыщен красотой и населен дивными созданиями небес. И в Сваргу приходят все храбрые воины, снискавшие славную смерть в честном бою. Они наслаждаются пением небесных красавиц и вкушением неземных яств. Славен Индра, бог-воитель, покровитель истинных мужей.

СУРЬЯ — ДАРИТЕЛЬ СВЕТА

Пресветлый Сурья, владыка тысячи лучей, сотворенный в дни начала мироздания и освобожденный могучим Индрой от черного змее-дракона, неустанно дарит свет и тепло. Он — небесный огонь, он — соратник богов, он — друг всего, что произрастает и дышит на земле. Он — Адитья, властелин солнечных месяцев, носящих его имя.

Сурья явился в первые дни творения.

Из пальца своей правой ноги произвел первобог Брахма светлого сына Дакшу, а тот в числе многих дочерей своих первой породил прекрасную Адити. Она затем дала жизнь и Сурье и его брату Вишну, во всем ему помогавшему.

Прекрасен был Сурья, подобно своей матери, но одиноко ходил он по небу — никто не желал разделить с ним ложе, опасаясь палящего его жара. По прошествии времени один из отцов добродетельных дочерей решил, что надо умерить этот жар. Это был бог, именуемый «Вседелатель». Не существовало во вселенной тех веществ, которыми не мог бы он овладеть, пересоздать их или сотворить нечто еще не бывшее. Он смело отделил от тела Сурьи частицу его раскаленности, подрезав его лучи. А затем без опасений отдал ему в жены свою дочь.

Из обрезков же лучей, упавших вниз, он сделал оружие для богов — мечи, стрелы, трезубец для Рудры и сверкающий острейший диск для Вишну.

Счастливым в браке Сурья породил дочь. Она носила имя Тапати — «Теплота». Своей неземной красотой Тапати восхищала всех. Безукоризненным было сочетание членов ее тела и несравненна добродетель. Когда наступила пора ее зрелости, Сурья, озабоченный поисками подходящего ей мужа, остановил свой выбор на одном земном царе, прославившемся блеском своих подвигов. От ее брака с этим царем произошел на земле род благороднейших правителей, именуемый Солнечным. Сто пятьдесят поколений этого славного рода безупречно правили царством, озаряемые с небес сиянием своего предка Сурьи.

Рано утром восход Сурьи возвешают два его сына-близнеца — светлые Ашвины. Их любят все жители земли и радостно славят, принося им жертвы в ожидании рассвета, восхищаясь блеском этих утренних созвездий:

Сурья, бог Солнца (камень, XIII век)

*А ведь правда же, о Ашвины,
Вас называют утешителями...
К нам летите, о два прозорливца,
На птицах-конях, как два сокола...
Рано утром приносите жертву,
Торопите Ашвинов...
Привезите вы вдвое нам богатство
И все дары, приносящие счастье.*

Но не только мать Ашвинов была супругой Сурьи. Любимой спутницей его жизни стала и Ушас, богиня зари с розовой грудью и светлыми пальцами. Он дарил свою страсть и небесным девам, и даже земным красавицам.

Так, одна из них, царевна Кунти, узнала однажды от мудрейшего отшельника тайное заклинание, которым можно призвать к себе любого бога. И вот по ее призыву к ней приблизился Сурья и овладел этой чистой девственницей, вернув ей в виде своего дара нетронутость, но лишь после того, как она даст жизнь его сыну. В должное время она родила преславного Карну, который появился на свет в золотом панцире, приросшем к его телу, и с золотыми серьгами в ушах. Он стал в жизни своей превосходным воителем и непобедимым храбрцом. Не знал он имени своего отца, так как скрыла царевна свой проступок, но всей душой он безотчетно любил солнце и каждый вечер долго шел за ним, провожая взглядом великое светило, уходящее на закат.

Великсветлый Сурья пронесится по небу на золотой колеснице, влекомой семью красными конями. Но Сурья же и сам колесо солнца, катящееся над землей. Злобный змеядракон Вритра захватил в те времена это сияющее колесо и надолго скрыл его в глубочайшем мраке.

Каким бы его ни видели люди, всегда и для всех светил и будет светить Сурья желанный, Сурья любимый, Сурья прославляемый.

*Взошел яркий лик богов...
Он заполнил собой небо и землю, воздушное пространство.
Сурья — дыхание жизни...
Сегодня, о боги, на восходе солнца
Переправьте нас через уозсть, через бесчестье.*

Свет Сурьи разгоняет ночные страхи, отражает нападения демонов на богов и на людей. Его всегда страшатся злые и всегда славят и будут славить праведные.

Бог солнца Сурья в небесной колеснице

АГНИ — ВМЕСТИЛИЩЕ ЖАРА

Владыками земли стали изначально три великих бога — Сурья, Индра и Агни. Саму сущность огня представляет собою Агни — в небесах он является жаром солнца, меж небом и землей вспыхивает он молнией, а на земле горит кострами и пожарами.

Семь языков Агни — это и семь лучей Сурьи, и семь его алых коней, это свет и жизнь. И немислима жизнь без жаркой силы Агни. Он — это и рождение, и смерть. По мощи своей он равен Индре, и он так же теплоносен, как Сурья. Подобно Сурье, пересекает он вселенную по своей воле и, подобно ему, скрывается во мраке океана и вновь рождается как дитя вод. Сурья насыщается его теплом и дарит ему свой свет. А Индра насыщает посылаемые на землю грозовые молнии той силой, которую отделяет от себя Агни. Пылкая его сила ограждает человека от многих угроз и способствует излечению болезней, обогревает жилище и дает жар для приготовления пищи. И великое дело издревле совершает Агни, сжигая на кострах плоть жертвенных животных, вознося богам их пищу, приносящую смертными. Поэтому жарван он устами богов и их кормильцем. И сам он слизывает своими многими языками жир, растопляемый на жертвенном костре, и кровь, изливаемую плотью. За это носит он и имя Кравьяд — Кровеядущий.

Плоть людей, расставшихся с жизнью, превращает бог Агни в дым погребальных костров, и называют его за это Носитель знамени из дыма. С этим его дымом возносятся души усопших в небо, в ту обитель, где пребывают питри — души предков. Из этой дальней сферы видят питри все дела земные, ожидая исполнения потомками искупительных молитв и принесения жертв.

Люди воспевают этого владыку огня, ощущая, как сердца их наполняются восхищением и страхом. Страхом перед необоримой силой Агни. Глядя в пылающее пламя, видят они множество его ярких и жадный языков, то считая, что их семь, а то прозревая лишь три, а иногда и два.

Чаще всего предстает Агни перед ними трехглавым, имеющим три жарких рта и держащим в горячих своих руках три повода, которые направляют бег коней Сурьи в небе. Видится он иногда и двуглавым, несущим знамя дыма. И поют люди гимны Агни, богу юному, нестареющему, вечному.

От самой глубокой и глубочайшей древности, с того мига, как люди укрепились на земной тверди, стали они восхвалять Агни — опору жизни, защитника и карателя, яркого, как

*Редкое иконописное изображение бога Агни:
семь его рук — это семь языков пламени,
три ноги — это три сферы проявления его энергии,
а два лица — это всеохватность огня*

солнце, и отмеченного дивным сиянием. Непрестанно славят они его, любясь его чистым сверканием и боясь его гнева, мощь которого неодолима.

Агни не знает препятствий во вселенной и всегда находит для себя жертву. Любимой своей пищей полагает он тело ягненка или зрелого барана, неотделимое от жертвенного костра. Желая добра этому богу, люди даже в изображениях Агни придают ему это животное, располагая его у ног бога, как бы даря ему эту плоть, что быстро насыщает.

И молятся ему, всегда скрытому в быстром потоке жизни, но всегда готовому вырваться из укрытия. Молятся, призывая его запылать лишь по воле и желанию человека. И наделяют его множеством имен, отражающих все его великие качества, все его проявления в трех мирах, все его облики. Молятся, стараясь молитвой снискать его помощь и направить его гнев против своих врагов.

В каждой мельчайшей частице всего сухого скрыта сила Агни — в тучах и водах, в животных и растениях, в живущих и умирающих, во всем свободном и во всем плененном.

Слава вечномогучим богам. Слава Сурье, слава Индре и слава Агни, непрестанно живущему.

И ВОЗНИКЛО ВРЕМЯ

Не было Времени до начала творения, как не было верха и низа, как не было того, что существует, и того, что не существует. Только первобог Брахма мог мыслью своей охватить все, что будет. Зная, что на земле зародится жизнь, а с нею появятся и люди, всесильный творец прозрел величины и отмерил ими и малое, и великое, и величайшее. Этими величинами предстояло людям измерять Время.

Двум женщинам назначил он неустанно заниматься прядением: одна будет всегда, во всех грядущих веках, выпрядать белые нити, а другая — черные. Ведь сын и дочь Брахмы, созданные им из пальцев его правой и левой ноги, породили свет и тьму, а значит, наступят в мире дни и ночи для всех существ, что зародятся на земле.

И начало катиться колесо с двенадцатью спицами — перед взором бога явились грядущие месяцы года, а в году должны будут неизменно чередоваться три сотни и еще шестьдесят белых дней и черных ночей. Подобно тому, как триста шестьдесят коров рожают одного теленка, так будет рождаться один год. И это будет год людей.

И не износится вовеки это колесо Времени, обладая бесконечной окружностью. Этому колесу привержены и боги, ибо в нем — амрита. Безостановочен его ход, и бессмертны боги.

Безмерное время будет состоять из мельчайших частиц, из мгновений — кшан. Но в него же войдут и величайшие — кальпы. И это будут дни Брахмы. Каждый его день — это одна кальпа. Только один его день.

А люди земли будут всегда проходить и проходить долгий-долгий путь во Времени, отмеряемый годами. Им не дано охватить взглядом своим весь этот путь их жизнью, его смогут прозреть лишь мудрейшие из них. И назовут они этот путь Великой югой — Махаюгой.

В каждой из земных Махаюг придется людям прожить четыре человеческих юги, ибо из четырех юг состоит Махаюга. О каждой из юг будут узнавать люди по делам своим и по плодам этих дел. И дела их, и плоды дел станут являть им правоту и неправоту, верность и неверность их путей. Неправота и неверность приведут их к тому, что наступившая кара неизбежно прекратит их бытие. И завершится их век, их Махаюга. А будет она состоять всего из двенадцати тысяч человеческих лет, лет людей.

Но иной будет мера Времени для богов. В каждый их год войдут триста шестьдесят лет людей. И Махаюга богов станет длиться четыре миллиона и триста двадцать тысяч лет.

Для Брахмы же один день, всего один день, составят двести тысяч таких Махаюг. И это будет день Брахмы, один-единственный его день. И составят его восемь миллиардов и шестьсот сорок миллионов лет богов.

Познав мысли великого первотворца, боги проникли взором в будущую жизнь людей. Тех, кому предстоит жить в пределах четырех своих юг. Тех людей, кто должен будет почитать их, богов, и приносить им жертвы для снискания их милости и поддержки.

В первой из юг, в Критаюге, познают люди счастье. Будут они чисты, как доверчивые младенцы, не ведающие зла и не творящие дурных дел. И природа будет щедро одаривать их сладчайшими дарами, не требуя от них ни труда, ни усилий. Это будет золотым их веком, и продлится он четыре тысячи и восемьсот человеческих лет. И на всем течении Критаюги будет царить справедливость. В сердцах людей не родится ни злоба, ни алчность, ни зависть, и для всех живущих утвердился один закон — закон добра и правды.

Когда наступит вторая юга — Третаюга, люди начнут приносить богам жертвы, они станут молить о помощи в борьбе против нарождающейся несправедливости. Они впервые ощутят, что боги должны вознаграждать их, одаривая их милостью своей за их молитвы и совершение ритуалов. Люди увидят, что утрачивается их вера в незыблемость законов правды. И длиться будет эта юга три тысячи и шестьсот человеческих лет.

Затем начнется Двапараюга. В жизни людей наполовину погаснет справедливость, вытесняемая нарождающейся неправдой. В душах останется лишь небольшая доля прежней веры. Каждый будет думать, что он один знает правильный путь и лишь его одного услышат боги. Споры и озлобление начнут овладевать сердцах смертных, и это станет порождать утомление духа и болезни тела. Эта юга придет к своему концу через две тысячи и четыреста лет.

И тогда вступит человечество в последнюю и гибельную югу — Калиюгу. За все отступления от правды, за безверие, пороки и зло поразят людей тяжкие беды и страшные болезни. Ненависть будет править миром, и низкие станут повелевать теми, кто в душах своих попытается сберечь отблески былой веры в добро. Это царство жестокости и несправедливости займет одну тысячу и двести человеческих лет.

Так Махаюгу людей составят двенадцать тысяч лет.

Так будущность людей была увидена великой мыслью Брахмы. Так возникло Время для людей и богов, смертных людей и бессмертных богов.

ВАРУНА — ВЛАДЫКА ВОД И НЕБА

Когда был сотворен мир и отделилось небо от земли с ее реками и океанами, ни боги, ни планеты, ни живые существа не знали своих путей. Многие бродили во мраке неведения и не видели истинной цели своих помыслов и дел. То Сурья направлял свои лучи не в должную сторону, то светлый Сом-Месяц останавливался надолго среди неба, то реки начинали течь к вершинам гор. А земные твари не могли понять, что есть праведность, а что есть грех. И дуги их тоже терялись во тьме неверных деяний. И первые в мире змеи тоже жалили всех, не отличая правых от виновных. В океане малые рыбы проглатывали китов. В водах плескались и плодили своих детей могучие макары — полурыбы-полуящеры, а сам океан был страшен и сотрясаясь от рева своих многих обитателей. И пространство вод было безмерно, обширно и неизмеримо.

Миры зиждутся на воде, и сам мир создан из воды, вода поглощает жар гнева Агни и всех других богов, и утишает гнев праведников, достигших своими подвигами близости к богам. Сила вод необорима, и в них хранится зачаток тепла и лучей, как хранятся и зародыши жизни. Океан стал обиталищем бога Варуны.

Он сразу погрузился в океан, в прибежище могучих сил, и, вобрав в себя великую мощь, стал он владыкой вод, пребывающих во всех мирах.

В дни творения воды небесные смешивались с земными, и все пространство внезапно наполнялось ливневыми дождями, кипевшими вокруг всех, кто смертен и бессмертен. И негде было укрыться от всепроникающих струй.

Тогда Варуна выбрал среди змей самую сильную из них — огромную кобру, и повелел ей служить богам, прикрывая их головы, как зонтом, раздутой своей шеей. Великой честью для змеи стало это повеление владыки вод, и над ним первым развернула кобра такой зонт, оберегая бога от беспросветного ливня.

И во всех грядущих югах, во все века и годы стали подчиняться этому велению потомки той первой кобры, охраняя всех, кто был божеествен или заслуживал своими подвигами великой милости богов.

Волей своей повернул Варуна реки земли на правильный путь, и стали они течь вниз с гор, направляясь в океан, который по желанию богов никогда не смел переполняться. Солнцу-Сурье указал Варуна верхний путь на небе и помог Месяцу-Соме плыть без преград и остановок.

По воле Варуны океан стал прекращать свое бурное волнение и начал становиться в начале каждой ночи совсем тихим, чтобы не нарушать кипением волн покоя пресветлого бога Вишну, который в эти дни стал предаваться долгому сну, возлежа на гибком теле змея Шешы на поверхности вод.

Сельский алтарь — кобры

Потекли века за веками, и стал со временем Варуна и владетелем небесного свода, и другом Индры, повелителя гроз. Со своей небесной высоты оба бога озирали мир смертных и следили за их праведными или неправедными путями. Грешников Индра поражал ударами своей вальжры — громовой стрелы, а Варуна улавливал их петлей и предавал в руки Ямы — бога смерти. Видя же множество грешников, собравшихся вместе, он и теперь набрасывает на них уловляющую их сеть. Все нарушители божеских и человеческих законов безмерно боялись и боятся этой петли и этой сети, и многие

стремятся искупить свои грехи, становясь на путь добродетельных деяний. Грехи, кружащиеся вокруг людей, Варуна тоже стягивает петлей.

Так силой своей и непреклонностью прославился Варуна среди богов и смертных — великий покровитель мира и хранитель закона.

Варуне известны пути всех, кто передвигается в воздухе, в воде и по земле, и все признают его господство. Он же властвует и над ночью, ибо прозревал ее появление в будущем, когда сам он и другие боги еще пребывали в извечном свете.

Он передвигается над миром, восседая на спине покорной ему могучей макары, родившейся в первичных водах. Боятся ее крокодилы, ибо имеет она зубастую пасть более сильную, чем у них. И боятся змеи, так как закрученный кольцом хвост макары сильнее, чем вся мощь их тел.

Так владычествует в небе бог Варуна, близкий друг Индры.

ЯМА — ПОВЕЛИТЕЛЬ УСОПШИХ

Великое солнце дало жизнь двум близнецам, брату и сестре. Брата звали Яма, а его сестру — Ями. Не расставались они ни на миг с момента рождения, а достигнув юности, стали мужем и женой. И нерасторжимым был их брак в дни сотворения мира. Безмерным было их счастье, и все боги радовались, видя их любовь и неразлучность.

Но в эти же дни, когда супружество стало высокой целью богов и создавали они в браке подобное себе потомство, один из них вдруг отказался от великого закона праведности и обрел за это недоброе имя Беззаконный — Адхарма. И в браке своем породил он сыновей, воспринявших от него грешные свойства. Этими его сыновьями были Великий Страх, то есть Ужас, и Мрителью — Смерть, Погубитель всего живого. Вооружившись секирой с острейшим лезвием, изготовился Мрителью истреблять всех, кто дышит и двигается.

И было так, что Яма и Ями хоть и родились от Сурьи, но богами, подобными всем другим, то есть бессмертными навеки, они не стали. Отец создал в их образе первых людей, как и в образе третьего своего сына по имени Ману, который стал прародителем человечества.

И вот Мрителью похитил жизнь Ямы, дорогого мужа прелестной Ями. Похитил жизнь первого из людей, показав им на тысячи поколений вперед путь обязательного прекращения земной жизни. И Яма, навеки покинувший обитель бессмертных, лишил человечество права на вечную жизнь, способствуя расставанию души с телом в назначенные сроки.

Любящая своего брата-мужа Ями предалась такой тоске, что ее горькие слезы залили небесные пределы. Рыдая, обходила она все пространства, по тщетны были ее поиски — бессмертие было отнято у этого первочеловека. Видя безмерное горе Ями, утешали ее все боги, умоляя забыть Яму, но она отвечала, что ведь вокруг ничего не изменилось с его смертью, — все тот же негасимый свет в небесах, все так же безостановочно вершатся дела богов, и нет ничего, что могло бы отвлечь ее от бескрайней боли души.

Тогда один из богов, брат Дьяуса, бога неба и небесного света, подумал, что следует хоть на время прекратить это непрерывно льющееся вокруг них сияние, чтобы помочь Ями успокоиться. И породил он ночь, пресекающую сверканье дня. И утихло сердечное горе Ями, удивленной таким небывалым явлением — наступлением тьмы после каждого дня.

С тех пор стала ночь приходить и на землю, успокаивая смертных, умаяя их тревоги и даруя им сон до нового пробуждения света.

Яма же вновь обрел бессмертие, но уже не в небесной обители, а в глубинах подземного мира. Он стал царем в этом обиталище, куда являются души мертвых. В глубоком этом мире под земной твердью восседает Яма на троне в своем дворце посреди Ямапура — столицы смерти. В его власти стали и души живых, тех живых, кто достигает рубежа своей жизни, влекомый к нему или старостью, или болезнями, или жаркой битвой.

Покорно стали являться к нему по безвозвратной дороге все души, расставшиеся с плотью, и подвергаться его суду, который он вершит, следя за земными их делами. И дела эти вычитывает ему по книге записей его помощник, писец Читрагупта — Мастер Тайнописи. Смирненно сложив ладони, стоят души перед Ямой, и он, охранитель закона, избирает меру хвалы или кары для них. Достойные хвалы взлетают в высший мир, где навеки остаются как питри — духи предков, почитаемые земными потомками. Грешные же души обрекает Яма на муки, претерпеваемые ими в двадцати одном пределе подземного царства этого бога. Подданные Ямы терзают их, не зная милосердия, — так караются неправедные дела, свершенные в земной жизни.

По земле непрестанно бродят помощники Ямы — четырехглазые пятнистые собаки, надзирающие за людьми. Своими широкими ноздрями улавливают они запахи грехов и похищают жизни неправедных.

Но и сам Яма проносится по земле на колеснице, имея своим возничим Мритью, сеюшего смерть, держа в одной руке жезл, извергающий губительный огонь, а в другой — петлю для уловления душ, дарованную ему Варуной, владельцем такой же петли. Является Яма на черном буйволе, устрашая всех своим красным одеянием и огненным взглядом всевидящих глаз. И никому не дано возможности избежать его петли, которая без промаха охватывает душу, обреченную смерти.

Велик и страшен Яма, а поэтому многими молитвами и жертвоприношениями стараются ублажить его смертные. Это он единственный завладевает душами тех, кто лишается жизни. Это и люди, плоть которых сжигает Агни на погребальных кострах, и те животные, которыми Агни питает богов и питается сам, истребляя их огнем погребальных и жертвенных костров.

Бог Яма (рисунок С. Потабенко)

Неразлучны стали два эти бога — Агни, пожиратель плоти, и блюститель закона Яма, уловитель и неуклонный судья душ.

В стародавние времена, наступившие после того, как боги создали Время, жизнь человека длилась и должна была бы длиться долго-долго, до ста лет. Но Мрителью наступал его неотвратимо не только при достижении им такой глубины возраста, а могло быть это и раньше, и даже в дни юности. И одних из жертв Мрителью люди предавали земле, а других — погребальному костру. Добросердые боги разрешали людям провозжать тела своих мертвых и в земные укрытия, и во владение Агни.

Тела ушедших омывали живые перед погребением водою или кислым молоком — чистейшим веществом, ибо молоко священо, это дар коровы — всеобщей матери-кормилицы. Они облакали эти тела в ткань и давали им украшения и оружие, зная, что и в посмертной жизни обретут усопшие ту же плоть, и все, что дано им с собой, будет им дорого и нужно.

Опуская тела в темное земное пристанище, пели люди гимны и молитвы, обращаясь к великим богам с просьбой продлить годы тем, кто остается в живых, а землю обрызгивали жертвенным маслом и молили о гостеприимстве для того, кого ей отдавали:

*Расступись, земля,
Не дави его!
Дай ему легко и быстро погрузиться!
Укрой его краем своей одежды,
Как мать укрывает своего сына.*

Готовя же усопших к возложению на костер, обильно смазывали их тела жиром, помня, что Агни будет благодарно слизывать его как вещество, приятное для многих его языков, и быстро отделит душу от неживой плоти.

Так расставались и расстаются в истечении времен живые с теми, кого призвал в свое царство неумолимый Яма.

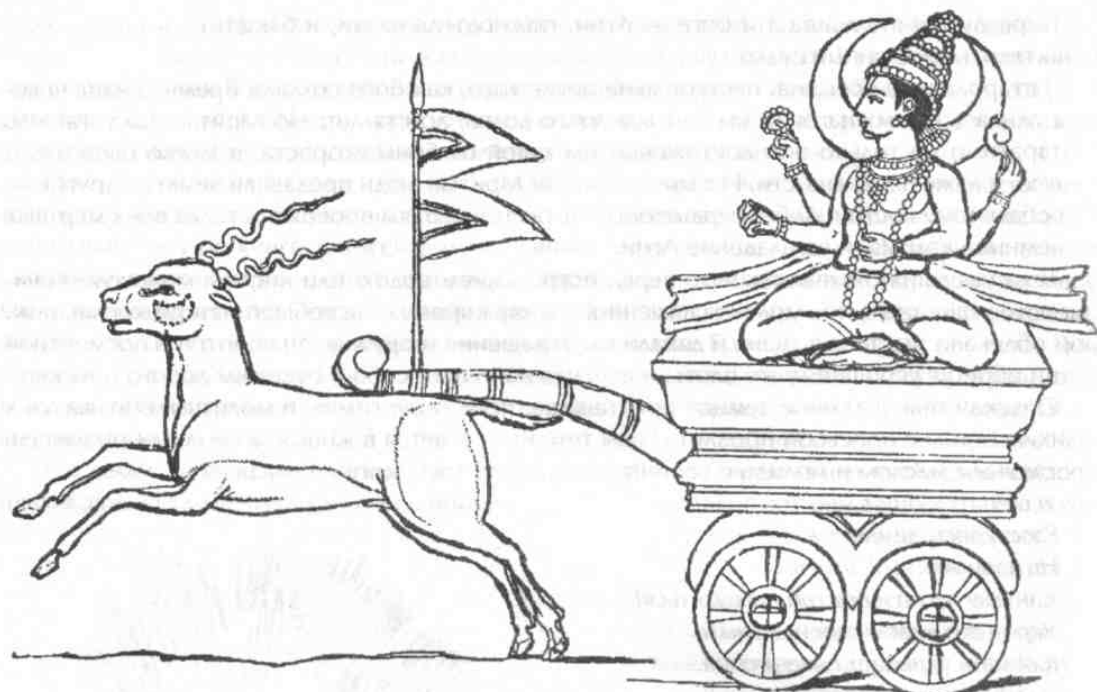
СОМА — БОГ И НАПИТОК

Когда ночь стала сменять день и утихло горе прелестной Ями, а Варуна сильной рукой установил порядок в движении небесных светил, тогда мрак каждой ночи начал озарять свет месяца. Месяц родился так давно, что ни боги, ни люди не могут сказать, как и когда он стал плавать в небе, сливая свой бледный свет с ярким блеском солнца.

Одни говорят, что его породил великосильный Брахма в первые дни творения. Другие утверждают, что он взмыл на небо из волн молочного океана, когда боги пахтали его воды, добывая амриту. А третьи полагают, что он родился от жены одного древнего пророка, знавшего дела богов и людей. Он был брахманом и таким великим проповедником, жрецом и знатоком жертвоприношений, что мог силой своего подвижничества дать жизнь необычному сыну, который и стал известен на небе и на земле как Месяц и бог Месяца, обретший имя Сомы.

Когда этот юный светоч небес достиг зрелости, он взял в жены двадцать семь дочерей бога Дакши, небожителя, порожденного самим Брахмой. Были эти красавицы внучками Брахмы, и засветились они в темных небесах как двадцать семь созвездий, носящих дивные имена. Лучшей среди своих юных жен Сомы считал Рохини, льющую алый свет, ту, которой

Бог луны — Чандра

люди дали имя Альдебаран. Ей, самой прекрасной, уделял Сوما столько любви и ласки, что вызвал ревность в сердцах других своих супругов, и они обратились к отцу своему Дакше с горькими слезными жалобами.

Закон богов гласил, что не должен муж дарить любовь лишь одной из нескольких своих жен, и возмущенный Дакша стал укорять Сому, требуя, чтобы он уделял должную заботу всем супругам поровну. Но Сوما не обратил внимания на слова старшего бога и продолжал любоваться лишь одной Рохини, не входя в покои других жен.

Тогда, поддавшись порыву сильного гнева, проклял Дакша своего молодого зятя и обрек его на мужскую слабость. Но такой тяжелой кары не пожелала супругу ни одна из юных его жен, и все они стали просить смягчить жестокий приговор. Дакша заколебался, зная, что никто из богов не смеет отказываться от проклятия, наложенного на кого-либо из бессмертных или смертных. Он долго искал и наконец нашел новое решение — Сوما должен был с этого мига и навсегда подвергаться тринадцать раз в году постепенной потере своей силы, гаснуть, а затем снова возрождаться, но, достигнув расцвета, каждый месяц гаснуть опять. Пришлось Соме покориться этому решению.

Однажды, в дни своего расцвета, когда сила его лучей становилась неодолимой, он привлек к себе любовные взгляды юной Тары, супруги жреца всех богов Брихаспати, которого все в небесах почитали как отца. Пренебрегая обязательством уважать мудрого Брихаспати, Сوما похитил Тару, скрыл в своей обители и отказался вернуть ее мужу, не подчинившись даже приказанию самого Брахмы.

Это привело к вспышке великой ссоры между всеми небожителями. Недруги богов, тоже витающие в высоких сферах, встали на сторону Сомы, тогда как Индра возглавил тех,

кто возмущался и протестовал. И Индра ударил Сому своей страшной ваджрой, а Рудра пронзил его тело трезубцем.

Увидев, что между богами разгорается битва, Брахма одним властным словом оборвал все споры и повелел Соме немедленно вернуть Тару мужу. И пришлось Соме на этот раз подчиниться. Но с тех пор носит месяц на своем светлом теле темные следы от ударов, нанесенных оружием богов.

Тара же, имея в своем чреве его плод, родила в доме мужа сына, который стал родоначальником долгой линии земных династических царей, гордо именующих себя Лунным родом. И дал этот род стране более ста сорока благородных правителей, многими веками сменявших друг друга на троне. И один из них, уподобляясь Соме, покровителю рода, даже обрел сто жен и равно радовал их всех своими посещениями, твердо помня веление первобога Брахмы.

Сома, ясный светильник ночи, волнующий женщин и воды океанов, пребывал всегда и пребывает в ряду богов, которым люди беззаветно дарят свою любовь. Они с нежностью бросают взоры на ночное небо, когда пересекает его Сома на колеснице, влекомой десятью конями цвета жасмина. Они грустят и предаются страху в темные ночи, когда гаснет месяц, и радостно приносят ему приветственные жертвы, когда он рождается, почитая молитвами каждый день его нарастания.

Сома любит принимать жертвы и с наслаждением вдыхает дым костров, особенно если в огонь бросают душистые или целительные растения. Он — покровитель трав, и это он придает им силу одолевать недуги. Сила Сомы нарастает в светлую половину месяца, становится необоримой при полнолунии, а затем ослабевает при угасании.

Этот великий и чистый светильник ночей наполнен волшебным, божественным напитком, который люди тоже стали называть сомой. Когда питри — души праведников, души дорогих предков — возносятся на небо, они обретают вечную жизнь в обители Сомы. И тут щедро поит их этот бог напитком-сомой, поддерживая их силы для долгого пребывания в потустороннем мире. Видя угасание лунного диска в темную половину месяца, люди говорят, что, видимо, питри выпили слишком много сомы и поэтому тело бога худеет. Они стараются готовить как можно больше свежего сомы, чтобы приносить его в жертву светлому богу, укрепляя его.

Сила Агни, питателя богов, возносит и эти, и все другие жертвы к небесам, чтобы насыщались бессмертные, но в испивании сомы больше других нуждаются Сома и Индра. Силу благого воздействия имеют не только жертвы, но и слова молитв и гимнов.

Традиционное изображение одиннадцатого дня лунного месяца

Слова людей подкрепляют богов в их деяниях. И не мог бы воитель Индра освободить солнце из долгого мрака, если бы не помогали ему брахманы пением гимнов и принесениями сомы.

Собирая сому, стекающего капля за каплей, люди называют его усладой богов, лучшим из всех опьяняющих напитков и владыкой стран света. Этот всемогущий и всепокоряющий сок изливает Сомы на землю как животворное семя, дарящее потомство всему, что движется и произрастает на земле. Пресветлый Сомы изливает его и как великого целителя, одолеваящего телесные и душевные страдания смертных.

Вечен и бессмертен плывущий в небе Сомы, озаряющий в ночи все земные пределы, как вечен и бессмертен сома — напиток богов и людей, этот прославляемый всеми владыка чувств и помыслов.

РУДРА — ГНЕВ И МИЛОСТЬ

В первые дни творения Брахма возжелал иметь возросшего сына. И появился из его лба юноша, который, будучи только что рожден, не знал, что он уже юн, а не дитя. Стал он так громко плакать, что всемогущий Брахма дал ему имя Рудра — Рыдающий. Возрастающий с каждым мигом, стал этот сын требовать новых и новых имен. Он возрастал семикратно, и семь имен подарил ему отец.

Достигнув должного возраста, стал Рудра часто проявлять гнев, выражая его, подобно Индре, в порождении гроз, ветров и ураганов. Рождались от него, как и от Индры, Маруты — повелители ветров и бурь. Самым грозным из них сделался ветер севера и запада, ревуший ужасными штормами и губящий все на своем пути. И стал Рудра известен как грозный, рычащий бог.

Сотворяя его, Брахма определил ему двойственную природу, вложив в него мужское и женское естество, дабы мог он порождать нечто новое. И Рудра породил одиннадцать состояний всех живых существ, одиннадцать проявлений их сути. Некоторые из них были добры, а другие злы и черны. Всех их боги называли рудрами, детьми Рудры.

Своей обителью избрал этот бог далекие северные горы и предавался там охоте на диких зверей. Никому не было спасения от его черных стрел, но это не утоляло его часто вспыхивавшего гнева. Он начал обращать внимание и на людей, поражая их болезнями, несущими гибель. Взмолились смертные и стали приносить ему жертвы и богатые возлияния, обращая к нему жаркие просьбы о ниспослании милости: «Ни детям нашим или внукам, ни нашему сроку жизни, ни нашим коровам, ни коням не причини вреда».

Когда достигли слуха Рудры эти молитвы, он смягчился, видя покорность людей, и своей же волей стал он дарить страдальцам исцеление и новые силы для продления жизни. И тогда люди начали восхвалять его, как великого милостивца и целителя, и даже стали уподоблять его по доброте его деяний светлому Соме, владыке целебных трав, и возносить молитвы к ним обоим, прося о защите от всяких бед: «О Сомы-Рудра, вырвите и рассейте в разные стороны ту болезнь, которая проникла в наш дом!»

В страхе и трепете люди дали ему имя Великий бог, и с дрожью ожидали они каждого проявления его сути, не зная, как он захочет оказать себя в их жизни, в наступающих днях и ночах, о которых ничего не известно смертным заранее.

Гнев Рудры настигал не только людей, но и богов. И вот настал день, когда он в ссоре отрубил голову другому сыну Брахмы — богу Дакше. Стремясь утешить пострадавшего

Дакшу, боги долго искали во вселенной его голову, но так и не смогли найти ее, и тогда им пришлось воссоздать ее в виде головы козла.

От страха перед его жестокими деяниями все стали приносить Рудре жертвы — все, кто возникал в мире: и люди, и асуры, и боги. Все стали стремиться оградить себя от его гнева... Но когда он не гневался, его милосердие тоже не знало предела. И помощь, которую он оказывал, была шедрой.

Порожденные же им светлые и черные рудры продолжают проявлять свою суть в мыслях, чувствах и поступках всех обитателей земли и небес.

ВИШНУ — БОГ ПРАВДЫ И ЕДИНЕНИЯ

Бог Вишну, неразлучный с солнцем, освещает мир милостивым своим взором и равно одаривает всех людей своим благоволением. И нет той частицы, самой малой частицы во всем сущем на земле, в которую не проникала бы сила Вишну, его свет, его воля. Он — охранитель всех и податель даров для всех. Капля воды — это Вишну, и вся вселенная — это тоже Вишну. Слава ему!

Когда зарождался мир по воле Брахмы, был Вишну неотделим от бога солнца, Сурьи, был он сам этим светилом и нес в себе его сияние.

И тремя великими шагами измерял он год, протекавший тогда на берегах молочного океана. Двумя из этих шагов измерял он небо, и видели это люди, исполняясь радости. А третьего шага видеть они не могли — захватывал солнце черный змее-дракон Вритра и скрывал его во мраке подземного, подводного мира. И длилось это до свершения срока года. Затем же солнце, освобожденное воителем Индрой с помощью Вишну, вновь появлялось над землей и поило ее светом и теплом. И было это светом солнца и светлым взором Вишну. Так знали, так верили, ожидая, что Вишну не оставит людей в долгой тьме и вернет им радость дня.

Да, в начале всех начал был Вишну равным Индре, был его другом, и вместе бились они за освобождение света из дальнего мрака, из тех глубин, откуда

Бог Вишну с супругой, богиней Лакшми
(прорисовка скульптуры)

сиянье не могло проникнуть к земле. Знали о его подвиге и воспевали его земнорожденные смертные люди:

Оттуда пусть помогут нам боги,

Откуда зашагал Вишну

Через семь местностей земли...

Три шага прошагал Вишну —

Страж, не поддающийся обману...

Взгляните на деяния Вишну,

Откуда он следит за обетами,

Близкий друг Индры...

Гимны разносились над землей, и передавали их люди друг другу, чтобы все грядущие поколения помнили о подвигах и отваге богов, но не могли люди видеть третий шаг Вишну, свершаемый им во мраке бездны:

Бог Вишну в образе
человекольва

*Видя только два шага того,
Кто выглядит, как солнце, мечется смертный —
На его третий шаг никто не отважится взглянуть,
Даже крылатые птицы в полете...*

Эти гимны, эти славословия поддерживали сражавшихся во тьме богов и пополняли их силы. А затем, в ходе новых веков, свет стал литься с небес день за днем и сменялся лишь недолгой ночью. Забыты были те земли, где устрашающе длившаяся тьма поглощала солнце и где смертные молили богов о помощи. Но не забыты эти боги, видевшие страх и страдания людей и спешившие им на помощь. И не следует забывать о том, что боги видят всегда из своих небесных обителей каждый помысел человека и каждое его деяние. Вишну, которым исполнено все сущее, прозревает все дела мирские, и не следует людям забывать об этом хотя бы на миг.

Когда воцаряется в мире несправедливость, этот воитель правды является среди смертных, чтобы покарать зло. Уже не раз он так являлся и снова явится, чтобы утвердить праведность в мыслях, чувствах и делах людей.

Вишну обладает великой силой перевоплощения, превращая себя своей волей в разные живые существа. В самых различных новых обликах-аватарах рождался он, в мире был рыбой, был черепахой, а в третьей своей аватаре, приняв облик вепря, вознес он землю со дна океана, с глубочайшего дна, куда опустилась она, не вынеся тяжести мириадом народившихся на ней жизнью.

Но вот пришло время воплощения в четвертую аватару, и стал он не только зверем на этот раз. Принял он облик не зверя и не человека, а человекозверя, человекольва — Нарасинхи. Тело его было, как у истинного мужа — у нары, а голова и когти, как у льва — у синхи. И когда явился он на землю, содрогнулись грешники, увидев в нем воплощение своей гибели. Разгневан он был нарастанием зла на земле и стал получеловеком, чтобы узнали в нем люди того, кто покажет им, как можно быть грозой для всех неправедных.

В те годы грешил безмерно один несправедливый и жестокий царь. И великим его грехом было то, что ненавидел он своего сына, мальчика Прахлада. Отец считал, что большой провинностью сына было его преклонение перед пресветлым Вишну, нетленная любовь мальчика к этому богу. И однажды задумав погубить сына, повелел он преданной ему демонице, которая была заклата от силы всепожирающего огня, внести Прахлада в огромный костер. Увидев это истребительно пылающее пламя, взмолился юный Прахлад, воззвав всей душой к Вишну и моля о спасении.

Разгневался бог, увидев злое дело, совершаемое на земле. Своей небесной волей он мгновенно снял с демоницы заклятие, оберегавшее ее от огня, а тело мальчика сделал прохладным. Облеченному в холод юноше не был теперь страшен жар пламени. И погибла в огне злобная демоница, и невредимым остался Прахлад.

Но неправедный царь не должен был оставаться ненаказанным. И предстал перед ним бог в грозном образе Нарасинхи и в клочья растерзал плоть этого грешника страшными своими львиными когтями. А затем вознесся Вишну в свои пределы. И убоялись такой тяжелой кары все гонители справедливости, и на земле надолго воцарилась правда.

Мудрые помнят, что в древнейшие времена жили наряду с богами и людьми могучие титаны-дайти. У них была натура демонов, и угрожали они даже богам. Они даже теснили богов и захватили часть их власти над тремя мирами — небесным, земным и подземным. Возвеличившись над всеми, стали они все сильнее теснить смертных и бессмертных. Безмерно заносчивы были дайти и с гордостью восклицали, что их правитель, сильнейший Бали, был порожден в дни сотворения мира, и матерью его была одна из дочерей преславного бога Дакши. Того Дакши, который был сыном самого Брахмы. Могучерукий Бали не знал страха и требовал от всех почтения и поклонения. Непокорных он подавлял и изгонял. Стремясь к разрастанию своей власти, он стал возлагать на себя тяжкие обеты и неуклонно выполнял их в надежде обрести святость и сравняться с богами.

Теснимые боги воззвали к Вишну, к тому, кто не отказывал просящим. И снова ощутил гнев в своем сердце этот податель помощи, решив, что следует явиться в мир земли и остановить нарастание зла. Он вошел в облик своей новой,

Второй шаг бога Вишну

своей пятой аватары, приняв на этот раз образ карлика. Малого и слабого на вид карлика по имени Вамана. И предстал он перед могучим Бали, смиренно сложив руки. Он показался этому титану таким жалким и таким ничтожным, что тот решил оказать ему милостивое гостеприимство и позволил обратиться с просьбой.

Он попросил немногого — разрешить ему сделать три шага по земле дайтев. Бали, захвативший власть над тремя мирами, решил, что в этих трех шагах карлика нет покушения на его владения, и дал ему разрешение. Но тот попросил его пообещать также при всех собравшихся, что Бали отдаст ему во владение все, куда ступит его нога в этих трех шагах. Повелитель дайтев пообещал карлику и это, желая проявить перед всеми свою щедрость.

И вот тогда Вишну, на котором зиждутся миры, внезапно расправил плечи и мгновенно принял свой настоящий облик. Не зная преград пространства, он возрос беспредельно, и первым же своим шагом охватил небесный свод, а вторым — всю землю. Но третьего шага он не сделал, милостиво оставив подземный мир Бали. И навсегда остался этот дайтея во мраке третьего мира.

Так Вишну снова утвердил правду на земле.

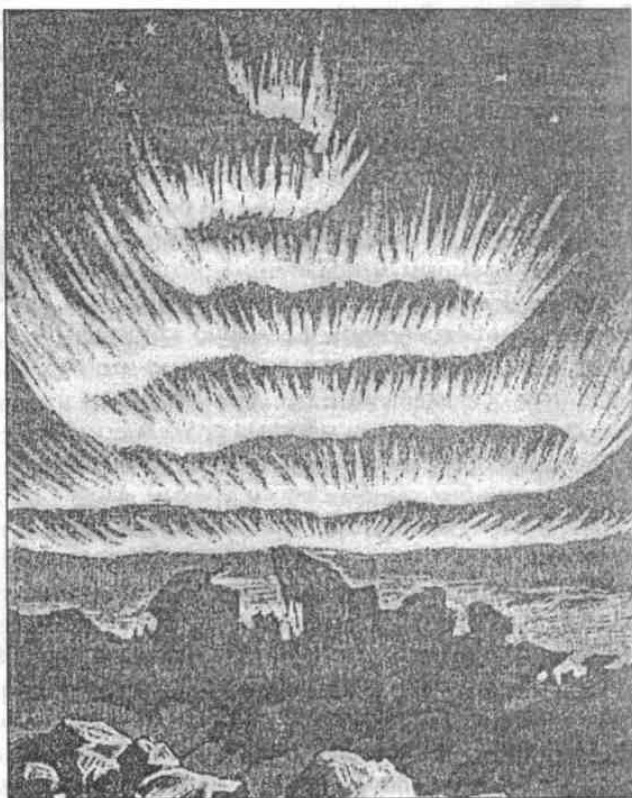
ВСЕ БОГИ ИЗВЕЧНЫ И РАВНЫ

Текли и истекли века. И расходились люди по лицу земли, отыскивая, подобно рекам, свои новые пути. Из тех мест, где исчезал с неба лучезарный Сурья, похищаемый черным змее-драконом Вритрой, и где надолго воцарялся мрак, тяжкий и пугающий, привели боги людей в земли, не знавшие такой потери света. Не было здесь ни молочного океана, ни белой земли — Шветадвипы, ни сверкающего в темных небесах многоцветного оружия богов, сражающихся над океаном с асурами. И лишь в памяти людей сохранился образ неба, где некогда Индра заставлял планеты и звезды неизменно кружить возле недвижно сияющей их царицы Дхрувы — Полярной звезды.

Прошло все это, миновало.

Люди, встретившие пришельцев на новых землях, были темнолики, но щедры сердцем и молили своих богов оказать милость тем, кто доверчиво приходил к ним издалека.

Беспредельны небесные просторы, и не может быть споров между бо-

Описание в мифах битв в небесах – это память ариев о северных сияниях

гами о разделе места и времени. Единое время, и неделимо оно в жизни всех бессмертных, как всем им подвластны безмерные пространства. И равно подвластны все существа земли.

Боги, царившие в небесах над землями новыми для пришедших издалека, были так же велики и всезнающи, и так же могли они карать и миловать смертных, как и те, кому эти пришедшие возносили раньше свои молитвы и кого славили во множестве гимнов. Были и они всевластны и так же могли становиться то гневливыми, то милостивыми.

И все жители небес стали для людей равны при вознесении молитв — ведь от каждого из них зависел и час, и день, и год жизни земнорожденных.

Память о первобоге Брахме и о всех созданных им и его детьми небожителях навеки сохранили для людей в своих словах Веды — величайшие книги веденья, самое святое из всего святого, чем обладали смертные. Сотворены были гимны Вед мудрецами-риши, высокими духом и знавшими все, что пребывало во вселенной до рождения Золотого Яйца и после появления первобога Брахмы, сотворившего мир.

По великому имени Брахмы называются брахманами и преданные богам и их воле жрецы, знающие Веды и поучающие людей. Ведь в Законах Ману, прародителя человечества, сказано: «Из двух отцов — дающего рождение и дающего знание Веды — почтеннее отец, дающий знание Веды». И еще: «Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец — брахман».

Брахманы, знатоки праведных законов, первыми преклонились перед богами новых земель, ибо ничего из деяний этих богов не отвращало души людей от святых слов Вед. И жители новых земель, чьи предки жили здесь уже в те давние времена, что были древнее древности, тоже приняли мудрость святых Вед и не уклонились от почитания воспеваемых в гимнах небожителей.

Велением богов были погашены ссоры, вспыхивавшие иногда между темноликими хозяевами новых земель и светлоликими пришельцами от северных гор. Боги предписали примирение, и все склонились перед их высочайшей волей. Равно стали люди посвящать свои молитвы и жертвоприношения всем бессмертным.

И самая первая, самая великая, самая святая из Вед — Ригведа — завершается словами, призывающими к единению смертных перед ликом богов:

*Единым да будет наш замысел,
 Едиными — ваши сердца!
 Единой да будет ваша мысль,
 Чтобы было у вас доброе согласие!*

НО ПРОБУДИЛОСЬ ЗЛО

С истечением веков многое изменилось в мире людей. Одни ослабели, а другие усилились. Одни искали битв, а другие жаждали мирной жизни. Одни хотели проводить дни свои в размышлениях и молитвах, а другие теснили их и изгоняли из тихих убежищ. Нарастала рознь, накапливались обиды. Стремление к утверждению своего главенства, своей власти и силы овладело воинами настолько, что начали они подавлять даже жрецов-брахманов, знавших все предписания богов и помогавших людям правильно совершать жертвоприношения. А ведь без возжигания жертвенного костра и без должного возложения на него мяса и зерен, цветов и плодов, без возлияния на него топленого масла, получаемого людьми из

молока коровы — самого прекрасного в мире животного, без соблюдения и других древних предписаний не воспримут боги жертв и не одарят молящихся тем, о чем они просят.

Но вот этих мудрецов, тех, кто изучил Веды, древнейшие книги знаний, этих хранителей веры и знатоков молитв, стали воины земли преследовать и даже изгонять. И тогда явилась миру шестая аватара.

Вишну в своем величавом спокойствии услышал жалобы теснимых и ощутил в сердце своем праведный гнев. Снова звали его в земные пределы те, кого обижали, кому причиняли страдания. И когда разожгли верующие костер великого жертвоприношения, этот светлый бог явился из высокого огня костра и снова предстал перед теми, кто молил о помощи.

В этот, шестой, раз своего появления на земле принял Вишну форму и образ человека. Грозного человека по имени Парашурама, вооруженного остросекущим топором. И боги и люди видели, как Парашурама, исполнившись гнева, иссек топором тех, кто несправедливо старался утвердить свою власть, кто сеял на земле боль и обиды. Множество воинов, тех, что были жестоки по натуре, пали под ударами топора, но сохранились те, кто не ведал зла, те из них, что были охранителями невинных, не могли угнетать других. И надолго затихло зло, на многие-многие века.

Но текло время, текло безостановочно. И в ночных тенях снова стала нарождаться и копиться вражда. Умножались ее носители, усиливались демоны, начиная опять поднимать головы. По делам их и по их обличью стали люди называть их ракшасами — носителями вреда. Расцветали бутоны зла, долго таившиеся в черных сердцах ракшасов. И снова эти демоны кинулись на всех, кто чтит волю небожителей.

Ракшасы нападали на города и селенья, убивали невинных, похищали дев и жен, отнимали скот и богатства. Ни цари, ни войска царей не могли прекратить их набеги, и эти злобные разоряли даже алтари молящихся брахманов.

Повелителем ракшасов был могущественный и беспощадный Раван, вместилище жестокости и низменных страстей. Имел он двадцать рук, и сила их была так велика, что не раз вступал он в поединок с бога-

Двадцатирукий Раван сотрясает гору богов
(скульптура храма Эллора, V—VII вв.)

ми, и тело его носило многие следы от ударов их оружия. Огромен он был, как гора, и рукой своей мог останавливать полет алых коней Сурьи и задерживать плавный ход Сомы-луны. Ум его был необозрим, и знания свои, как и дурные наклонности и мысли, хранил он в десяти своих головах. Этот чудовишный вождь ракшасов был неодолим и дерзко подавлял всех на земле, ибо все были слабее его.

Далеко на водах южного океана, на острове Ланка возведена была его золотая столица, и томилась у него во дворце сотни красавиц, похищенных из жилищ их отцов и мужей. За эти вот грехи ему было предсказано, что гибель настигнет его из-за женщины. Смехом ответил он на эти пророческие слова, не думая о том, что они сбудутся в должное время.

Тяжкие стоны угнетаемых ракшасами людей долетели до небесных пределов, и в душе великоправедного Вишну снова вспыхнуло негодование. И опять появился он на земле, родившись в образе седьмой своей аватары. На этот раз воплощением своим он избрал благородного царевича Раму.

Этот достойный царевич с детства постигал все науки и искусства боя. Достигнув же должного возраста, завоевал он в честном соревновании женихов руку несравненной красавицы, царевны Ситы.

Родившаяся от матери-земли, Сита была не просто земной женщиной. В ее облике жила среди смертных сама богиня Лакшми, та, что появилась из вод молочного океана, когда боги и асуры добывали из него амриту. Тогда же она избрала Вишну своим супругом. Эта дивная богиня навеки воплотила в себе все качества, которыми должна обладать каждая жена, каждая истинная спутница своего мужа. Она явила миру знание того, что подлинная супруга лишь та, которая дарит мужу потомство, которая верна и предана ему навеки, неразлучна с ним в радости и беде, всегда сладкоречива и утешительна, подобна свежей воде, если муж страдает от жажды, и сходна с тенистой рошей в дни жары.

С тех пор жену, идущую по следам Лакшми, люди уподобляют этой богине, дарящей счастье и процветание.

Обретя Ситу, эту Лакшми во плоти, Рама обрел и лучшую среди людей земную участь. Но злое воздействие ракшасов разожгло вражду среди обитательниц дворца, среди жен царя. И привело это к тому горькому изменению участи Рамы, которое бросило его в долгое

Лакшми — богиня счастья

Рама: воплощение бога Вишну, непобедимый герой «Рамаяны» (рисунок С. Потабенко)

изгнание из царства. За ним последовала с любовью безмерно преданная ему Сита, и вместе с ним ушел в изгнание также и преклонявшийся перед ним младший его брат Лакшман.

Долго бродили они в лесных дебрях, пока не нашли тихую поляну, окруженную цветущими деревьями. Здесь построили братья хижину из листьев пальмы и стали вести скромную жизнь лесных отшельников.

Все эти события были predeterminedены мыслью Вишну — так следовало вызвать на бой самого Равана. И Раван без замедления устремился навстречу своей гибели. Он прокрался к лесному убежищу и похитил добродетельную супругу Рамы, безупречную Ситу. Поместив ее в свою воздушную колесницу, он взвился в небо и исчез, устремившись в золотую свою столицу.

Сита гневно отвергла все домогания демона и стала проводить горькие дни свои, сидя под деревом в саду Раваны и в

тоске считая дни и часы до прихода Рамы, до своего освобождения.

И тогда Рама вызвал на поединок Равана. И сразил его, срубив десять его голов и пронзив его сердце неотвратимой огненной стрелой, посланной из божественного лука, целившего без промаха.

Так погиб этот носитель неправды, поплатившись за все свои грехи. И за то, что в низости своей похитил беспорочную супругу светлого героя, не знавшего дурных мыслей и дел. Погиб из-за женщины, как и было ему некогда предсказано.

Соблюдая древнее предписание, повелевающее каждому мужу на земле возродить себя через жену, создав сына, подарил и Рама миру двух несравненных сыновей. А затем предался в руки бога смерти.

Освобожденный от земного своего воплощения, всеправедный Вишну снова достиг высшего покоя среди других бессмертных богов.

Пока по земле текут реки и стоят на ней незыблемо горы, будут люди славить победителя Раму, вместившего в себя силу духа необозримо великого, пресветлого Вишну. Помнят обо всем этом мудрецы и несут свои знания людям.

ЭТО ПОМНЯТ И МУДРЕЦЫ, И ЛЮДИ

Реки берут начало в вечности. С высоких святых гор стремится на равнину светлая целебная для всех жизней Ганга, и сливает с ней свои воды Джамна, родившаяся в тех же вознесенных к небу горах. Реки спаивают и оберегают людей, и люди поклоняются этим источникам жизни и добра, этим носителям святости.

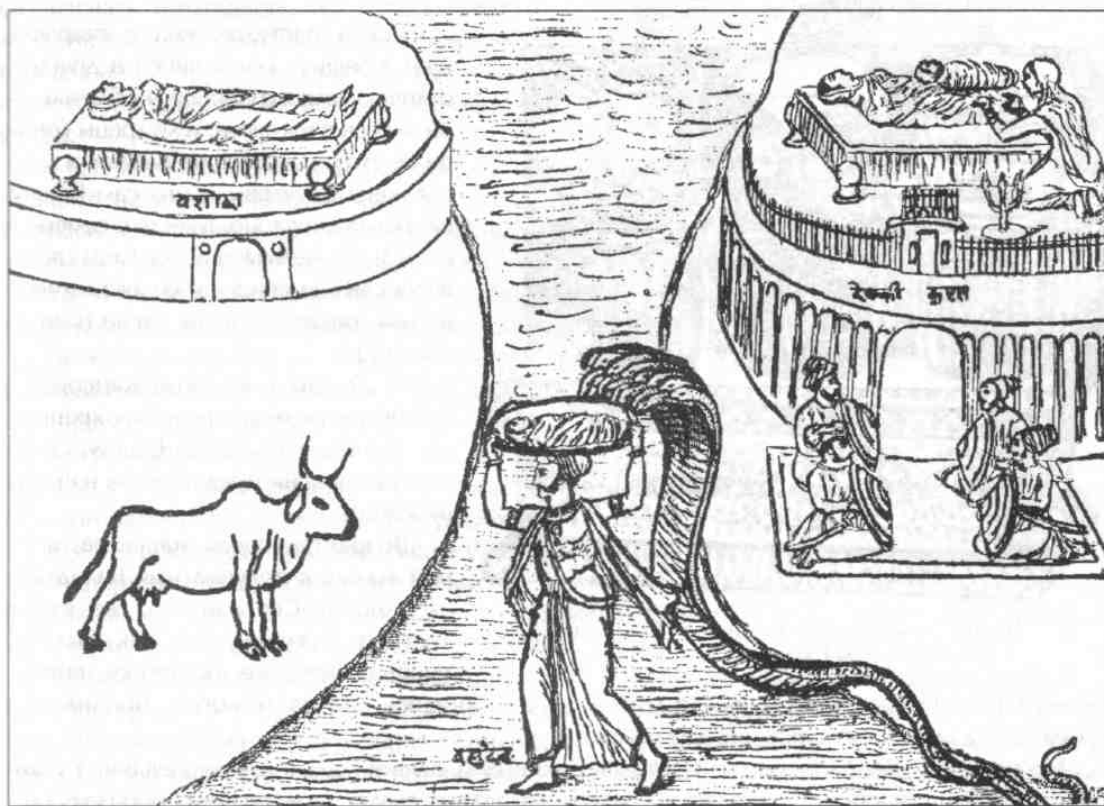

И было так, что на берегах Джамны воцарился много веков тому назад и жил в городе Матхуре, что стоит на берегу Джамны, правитель Канса, враг справедливости. И был он исполнен гордости безмерной, считая себя величайшим среди великих и чиня жестокую расправу над непокорными и неугодными. Так правил Канса в Матхуре.

Но знали люди, что неправедными путями добился он такой власти: учинил он злое насилие над своим царственным отцом, свергнув его с престола и предав опале. Опасались подданные гнева Кансы и не смели роптать. Видели они, что демоны владели душой их правителя и что был он асурой во плоти. Он мог по желанию своему придавать послушным ему асурам образы разных животных и заставлял их творить зло в таком облике.

Род его был многочислен, но асурой стал он один. В кругу его родных жила при дворе и его двоюродная сестра Деваки. И посватался к ней один из подданных Кансы, храбрый воитель Васудева. Как и сам Канса, происходил он из темнокожего народа и был подобен юной Деваки и видом своим, и чистотой своей души. Не видя преград к этому браку двух равных, назначил Канса день их свадьбы в соответствии с указаниями придворных астрологов. И не ведал он о том, что в этом браке таилась угроза его процветанию. Но вскоре провидцы, знатоки науки о воздействии звезд и планет на дела людей, предсказали Кансе, что за свершаемое им зло отомстит ему сын его новобрачной сестры, лишив его и трона, и самой жизни.

Васудева переносит ребенка за реку

Страх охватил душу недоброго царя, и этот страх породил новое его злодеяние — повелел он убивать всех новорожденных мальчиков, а сестру свою заключил в темницу над рекой.

И явилась тогда восьмая аватара Вишну.

Когда настал должный день, родила Деваки в темнице сына, дивного мальчика, темнокожего, как и она, и с такими же огромными глазами и чистой душой. Родившийся от земной женщины, не был он просто человеком — в его облике вновь появился на земле великосветлый Вишну, не прощающий зла.

Вскоре в одну из грозových ночей стражи тюрьмы были заморожены его волшебством и предались глубокому сну. И тогда отец новорожденного мальчика, воин Васудева, схватил его и бросился вплавь через Джамну. Добрая река сразу обмелела, и без страха прошел он на другой ее берег. С первого же мига бегства явился к нему на помощь и змей Шеша, помогавший некогда богам при пахтанье океана. Эта могучая семиглавая кобра раздула свою шею и подняла ее над Васудевой, как обширный зонт, охраняющий от молний и ливня.

Достиг Васудева земли Вриндавана, где жило племя пастухов. И там отдал отец своего сына бездетным супругам из этого племени, поручив им растить и охранять мальчика. Приняли они его с радостью и дали ему имя Кришна, что значит Черный. Они окружили его любовью и заботой, и с таким же сердечным теплом стали относиться к дивному ребенку все жители Вриндавана.

Черный Кришна, его белый брат Баларама и смуглая сестра Субхадра (штат Орисса)

Среди пастухов жил и старший брат Кришны, родившийся в другом, отличающемся от Кришны обликом — он был светлокожим, и мудрецы говорили, что родила его не Деваки, а другая жена Васудева и что сам Вишну направил в их лоно, вместе с семенем отца, и две мельчайшие частицы своих волосков — черного и белого, отчего и были подарены миру такие разные младенцы.

И убийцы, посланные Кансой, не могли найти младенцев — охраняла их жизнь великая сила Вишну, сила, не имеющая ни пределов, ни начала, ни конца.

Возрастая среди пастухов, второй мальчик получил имя Баладева, что значит Светлый. Его же стали звать и Могучим, так как был он очень силен, не по-детски силен.

Были оба брата счастливы и имели много друзей. Учились они пасти коров, бродили по лугам со стадами и питались чистым молоком.

Но проведал Канса о том, что остался в живых младший мальчик, сын Деваки. Узнав, где он скрывается, стал он насылать на него подвластных ему асуров в разных образах. Так, однажды, когда Кришна еще и ходить не начал, явилась к нему демоница и приложила к

его устам сосок своей груди, наполненной ядом. Но понял опасность божественный младенец и так сильно прикусил грудь демоницы, что она тут же испустила дух.

В другой раз, когда мальчик стал подрастать, на него внезапно бросился взбесившийся бык, но был он мгновенно убит юным богом. А затем огромный журавль с зубастым клювом хотел проглотить его, но Кришна так раскалил свое тело, что погиб этот асура, сожженный нестерпимым жаром.

Совершал он и другие подвиги. Однажды в водах реки возле селений появился черный змей. Он отравлял воды страшным ядом, извергая его из трех своих пастьей. И гибли от яда кроткие коровы, любимицы Кришны. И никто из пастухов не имел сил изгнать трехглавого змея. Тогда этот мальчик смело вспрыгнул ему на спину и плясал на ней, топча тело змея до тех пор, пока тот не сдался и не покинул водопад коров.

А еще случилось однажды так, что разгневался на племя пастухов могучий бог Индра, владыка гроз и молний. И наслал на их землю такой ливень, что стали в потоках этой небесной воды задыхаться люди и слабые телята. И никто не мог найти спасительное укрытие. Тогда Кришна одним рывком сорвал с земли гору Говбардан, поднял ее на мизинце и укрыл народ Вриндавана, как зонтом.

Такие подвиги совершал Кришна, будучи еще мальчиком. Когда же он достиг юности, девушки из семей пастухов стали украшать его цветами и восхвалять в песнях его красоту, вовлекая его в свои игры и танцы. Со многими прелестными пастушками дружил он, отвечая на их улыбки, но была среди них только одна, которая стала для него прекраснее всех на свете. К ней одной влеклось его сердце, ей единственной дарил он свою любовь, и с ней делил он радость встреч в тенистых рощах Вриндавана.

Эту лучшую среди красавиц звали Радха, и обладала она самыми совершенными округлыми формами тела, одаренного всеми прелестями без изъяна. Ее дивные глаза, подобные лепесткам цветущего лотоса, посылали взоры любви только Кришне, этому богу-царевичу-пастуху, темному обликом, но светлому душой и сердцем.

И была Радха не просто дочерью пастухов — родилась в мире в ее образе сама богиня Лакшми. Явилась, чтобы снова встретиться с Вишну, со своим извечным супругом. Ведь он появился на земле в образе Кришны — своей аватары, и не могла Лакшми перенести долгую разлуку с ним. И вот теперь эта божественная пара, родившаяся на земле как люди, душами своими тянулась друг к другу, не имея сил противиться зову небесного супружества.

Кришна-ребенок побеждает водного змея-демона

Девушки-гопи несут бога Кришну и его подружек

Текла река Джамна мимо Вриндавана, мимо Матхуры и уносила на своих волнах к светлой Ганге цветы, выпавшие из гирлянд, сплетенных Радхой для Кришны, и жаркие слова любви, которые могла подслушать только река.

С годами возросли и окрепли среди пастухов оба брата и стали мужественными воинами, не терпящими зла и неправды.

КРИШНА-ЦАРЕВИЧ

Услышав о преступлениях Кансы, Кришна ощутил, что пришло время покарать этого тирана. И оба брата направились в Матхуру. По царственному их облику и благородному поведению были они узнаны жителями страны, и мирные люди приветствовали их, а воины давали им клятву верности и готовились к ратному делу.

Канса увидел, что надвигается час расплаты за злые дела, и задумал погубить царевича-мстителя, о подвигах которого он уже многое слышал. И вот он повелел жокакам слонов опоить самого сильного из них, доведя его до бешенства, и сразу впустить его в пределы ограды дворца, как только здесь появится Кришна.

В бою с братьями пали воины, охранявшие вход в ограду, и сразу же бросился на Кришну бешеный слон. Но не успел он даже коснуться его тела остро заточенными клыками, как

Кришна схватил его за хобот, раскрутил в воздухе, как пращу, и ударил о землю с такой силой, что слон в один миг лишился жизни.

Ворвавшись в царские покои, сбросил Кришна с престола испуганного Кансу и предал его смерти. И благодарно склонились тогда перед ним все живущие во дворце и все жители Матхуры. Свершив суд, Кришна возвел на трон царя, свергнутого Кансой, и в стране снова воцарилась мирная, спокойная жизнь.

Перед Кришной же открылись новые земные пути и новые цели, о которых повествует великая поэма Махабхарата.

У земного его отца, у благородного воина Васудевы, была сестра по имени Кунти. Рожденная темнокожими родителями из народа ядавов, была она, как и Васудева и Кришна, так же темнокожа, но, как и они, обладала чистым сердцем и благородством. Это та Кунти, которая в дни своей ранней юности призвала к себе особым заклинанием бога солнца Сурью и родила от него сына в золотых доспехах — Карну. Была она впоследствии отдана отцом своим в жены одному юному царю, носившему имя Панду, что значит Бледный, ибо был он от рождения охвачен бледностью. Достигнув возраста зрелости, убил он однажды на охоте оленя, игравшего в лесу со своей парой, и за такое грешное убийство наказали его боги слабостью бесплодия. Кунти же, став его женой, решила подарить ему сыновей, зарожденных от богов. Вспомнив то же заклинание, она призвала к себе лучших из бессмертных, желавших иметь земнорожденное потомство. Так обрела она от бога закона Дхармы сына по имени Юдхишхира, что значит Воинственно Стойкий, от бога ветра Ваю родила она Бхимасену, что значит Войско Ужаса, а от Индры, бога гроз, явился на свет ее третий сын по имени Арджуна, то есть Светлый.

По имени своего земного отца — Панду — стали они зваться Пандавами. Они скоро прославились своей неподкупностью и силой, чем вызывали постоянную зависть в сердцах царевичей из близкого им рода, носивших имя Кауравов. Невзлюбили их Кауравы и стали поддерживать с ними отношения вражды.

Но Кришна-то был двоюродным братом Пандавов — ведь это их мать и его отец были сестрой и братом. При встречах с Пандавами он, как и они, проявлял всегда дружелюбие и готовность прийти на помощь друг другу.

Многие годы разрасталась вражда между Кауравами и Пандавами. Многократно Кауравы унижали Пандавов, то осыпая их насмешками, то обманывая их, то изгоняя в леса и захватывая их богатства. И наконец неизбежной стала война, ибо без открытого боя нельзя было одолеть эту вражду.

Не раз пытался Кришна примирить их, уговаривая Кауравов не притеснять его братьев, вернуть им захваченные владения и завершить тяжкую ссору миром. Но эти его старания пропадали втуне — не желали Кауравы отказаться от подавления Пандавов.

Завершилась подготовка к войне, и выстроились армии. Двинулись в бой колесницы, и полетели первые стрелы.

Взошел Арджуна на колесницу, и разгорелся бой.

Восемнадцать дней длилась эта битва. Такого долгого сражения не было на земле. По истечении восемнадцати дней полегло столь много воинов, что некому было продолжать бой. И победили Пандавы, обретя власть в измученной враждою стране.

Тогда, учредив справедливость на земле, вознесся Вишну в небесное свое царство, где встретила его вечная его супруга, богиня Лакшми, тоже покинувшая свой земной облик пастушки Радхи.

Люди же стали почитать темнокожего царевича Кришну как высшее из воплощений Вишну, как самую превосходную из всех его аватар. Они воздвигли ему храмы по всей земле и поклоняются его изображениям, как и изображениям любящей его Радхи, в чьем облике предстала пресветлая Лакшми.

Проходили века, и настало время появления девятой аватары.

В последнем своем появлении перед смертными избрал Вишну для себя облик Будды. Это был облик проповедника и учителя, указавшего людям путь отказа от принесения жертв и от храмовых богослужений. Это был путь отказа от страстей и желаний, которые сковывают волю человека и не дают ему сил порвать связи с земными ценностями, мешая душе обрести нирвану — успокоение без горечи и тоски, вечное успокоение.

Многие стали учениками Будды, не видя в нем воплощения Вишну. Путем его приверженцев стал отход от стремлений и порывов. Они становились на путь поисков истины, ведущий к нирване.

Изготавливаемые людьми изображения Будды уже не несут в себе черт Вишну, воителя со злом и неправдой, — поверившие в учение Будды не ищут битв, но жаждут обрести нирвану путем отказа от всякой борьбы.

В храмах Будды царит покой, и не просят его люди в своих молитвах оказать им помощь в бою и привести к победе. Полузакрыв глаза, взирает на молящихся Будда, и нет в обеих его руках никакого оружия. Его спокойный лик призывает к тихому размышлению, к сосредоточению духа и к подавлению желаний.

Такова девятая аватара.

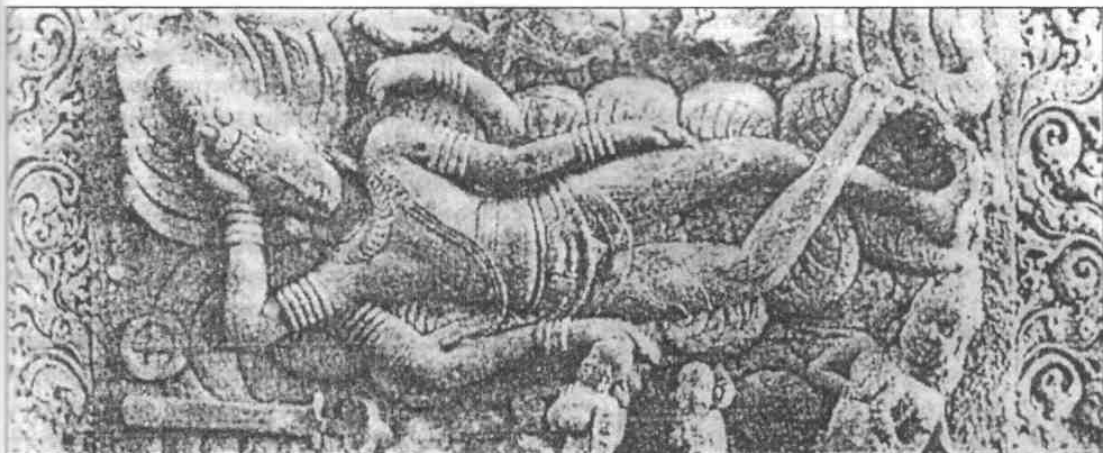

Калки с супругой (XIX век)

А десятой аватары люди еще не знают. Им известно только предсказание о том, что явится Вишну в образе Калки, всадника на белом коне. Другие же говорят, что не будет он всадником, а появится, воплотившись в белого коня в образе солнца и света, света справедливости. И будет это тот конь, что появился из вод молочного океана в дни, когда боги добывали амриту. И в ожидании десятого прихода Вишну стараются люди избегать греха, чтобы не покарал он их, когда вновь сойдет на землю, отягощенную злом и неправдой.

В храмах Вишну, куда приходят сотни и сотни верующих, видят они его изображения, он предстает перед молящимися в своих разных аватарах. Здесь он и рыба, царившая в извечном океане, и черепаха, впервые вышедшая из вод на сушу, и могучий вепрь, вынесший со дна морского затонувшую землю. Здесь

Бог Вишну-Нараяна покоится на спине извечного змея Шеси (камень, XI век)

он и Нарасинха — человеколев, и карлик, и Рама — царевич и храбрый воин. Во множестве храмов люди поклоняются и темному обликом светоносному Кришне, богу, умевшему любить, бороться и побеждать.

Четыре руки имеют изваяния Вишну, и держит он в этих руках великие знаки его божественности и силы. Это чакра — солнечный диск, которым он некогда поразил асуров, отнимавших амриту у богов. Это раковина — символ извечного океана, где зародилась жизнь. Это палица, устрашающая врагов, и это лотос, любимый цветок Лакшми, знак любви и красоты.

Время Вишну другое, нежели время людей, сотворенное Брахмой. Его время измеряется периодами покоя, его тихого сна, в который он погружается в начале каждой юги. Возлежит он в этом тихом сне на кольцах свернувшегося змея Шеси, который покоит бога, пребывая на водах вселенского океана. Обширны кольца змеиного тела, и на них неизменно сидит у ног своего божественного супруга богиня Лакшми, оберегая его сон. И возлежащему на вечном змее богу даровано новое имя — Нараяна, что значит Тот, кто на воде.

Тысячу имен Вишну знают люди, и повторение этих имен служит им лучшей молитвой, ограждающей их от зла и гибели.

Почитают еще и того, кого избрал Вишну как своего друга. Это могучесильный орел по имени Гаруда. Родился этот орел из яйца и стал хранителем правды, а также истребителем злых существ, первыми среди которых обозначились змеи, несущие яд. Его, губителя змей, определил Вишну себе в соратники, и на его спине совершает он перелеты через небесные и земные пространства. Силой своей Гаруда равен Индре, и является он поэтому богом всех пернатых на земле. Часто у алтарей пребывает и фигура Ханумана, полководца обезьян, помощника Рамы в боях со злобными ракшасами.

И течет, безостановочно течет время.

ШИВА ПОРОЖДАЕТ И РАЗРУШАЕТ

Бессмертны боги и бессмертны горы — подножие небосвода.

Нет на земле ничего, что было бы ближе к небу, чем горы. Они священны как извечное прибежище богов. Поднимаясь в горы, люди приближаются к небесам. На высоких склонах

гор и на их вершинах встречаются с богами те, кто земными своими подвигами, молитвами и послушанием заслужил милость небожителей. Горами взнесена к небу жизнь земной тверди — они слышат и видят дела и помыслы людей. И по воле богов, обитающих на их высотах, они могут карать всех земнорожденных за их грехи. Но они же изливают на равнины и благие дары божеств — реки, источники земного процветания и самой жизни.

В потаенных местах рождаются на горах реки, и их истоки достойны восхваления и почитания. Сюда поднимаются верующие, чтобы поклониться ключам и озерам, принести

им в дар земные плоды, цветы и ароматы. Здесь воздвигнуты храмы, и каждый из них облечен великой силой помогать молящимся и дарить их душам свет на долгие годы жизни. На чистых высотах гор бог ближе к людям, чем на грешных земных низинах.

И самая святая из всех гор, из всех вершин — это гора Кайласа. На ней, одетой серебряным светом, обитает бог грозный и милостивый — Шива, вместивший в себя все силы мироздания, порождающий жизнь земных тварей и истребляющий их.

Люди в своих молитвах восславляют его под многими именами: он — Шива, но он же и Шива-Рудра и Рудра-Шива, ибо не только сходны в своем грозном величии эти боги, но и едины, едины во всем. В его обители на Кайласе обитают и сторууд — порождение Рудры, и отсюда посылают их боги к земнорожденным. Здесь находят себе прибежище и другие божества: яростный Агни, пожиратель жертвенной плоти, и Маруты, владыки ветров, и Кубера, покровитель богатств и драгоценных камней. Но не могут подняться сюда смертные, не будучи призваны богами.

Шива, как и первотворец Брахма, как и блюститель правды Вишну, владычествует над миром с незапамятных времен. И от тех же исходных веков простирается над землей троекратная слава этих могучих властителей. И люди в душах своих и в молитвах соединяют эти три пресветлых имени в одно имя Махадэвы — Великого Бога.

С серебряных высот Кайласы взирает Махадэва на мир, и здесь привечает он призванные им души праведников. Навеки велик и преславен Шива-Рудра. Навеки преславен Махадэва — Брахма-Вишну-Шива.

На восходе веков, когда добывали боги амриту из молочного океана, увидел Шива, что на дне белого сосуда затаился страшный яд. И когда боги

Богиня Ганга (Северная Индия, XII век)

поглотили почти весь напиток, выхватил Шива сосуд из их рук и влил этот яд себе в горло. Не проглотил он его, чтобы не погибнуть, и не изверг, дабы никто не погиб, а остановил губительный глоток в своей гортани. Молча он вынес нетерпимое жжение яда, но горло его с тех пор навеки посинело, и в память об этом самопожертвенном деянии носит он также и имя Синегордый. Зовут его и Вечным Временем и считают, что он Пашупати — Отец всех животных, ибо он простер руку над всеми существами в знак того, что всегда будет он оберегать коров и коней, слонов и оленей, змей и тигров.

Таково величие Шивы.

Он же и первый йог-отшельник, познавший всю мудрость самоотречения. В своем высоком горном пристанище одиноко сидел он, погруженный в самоуглубление, спокойно прикрыв свои всепроникающие глаза и надолго сковав себя полной неподвижностью. Шкурой тигра были прикрыты его бедра, и холодные кобры обвили его тело, руки и горло, то горло, которое вечно жаждет прохлады.

И никто не смел нарушить его покой в тихой пустоте поднебесья.

Но внезапно этот покой был нарушен. Величественного йога увидела дочь Химавата — владыки гор, светлая девушка Парвати — Горная. Она ощутила в своем сердце такую жгучую любовь к прекрасному отшельнику, что пренебрегла всеми запретами и осмелилась приблизиться к нему. А подтолкнул ее на этот дерзкий шаг бог желания и любви — Кама. Тот Кама, что появился из небытия в дни творения и остался навсегда среди богов и людей, приневоливая всех к неизбежной любви и к желанию.

А ведь стремление к любимому — это самое властное желание. И когда Кама поразил стрелой из своего волшебного лука сердце Парвати, она осмелилась подойти к Шиве. Потрясенный отшельник направил в гнев огненный луч своего третьего глаза на Каму и тут же испепелил его. Но пожалел Парвати, молитвенно склонившуюся к его ногам, и потушил смертельный луч, жара которого не могли вынести даже камни.

И она осталась возле него, каждым движением своим, каждым взглядом выражая высшую покорность тому, кого она избрала своим властителем.

Шива принял ее любовь, и в небесах свершился светлый брак.

Через нее, первую и вечную супругу свою, Шива понял, что его сила стала теперь стократно нарастать. Все проявления этой силы, выразившиеся в стремлении к порождению жизни, вызывались ею, ее энергией, ее шакти. И с той поры, с того начала всех начал, без воздействия шакти, без ее призыва не может и среди земнорожденных носителей семени проявляться желание возродить жизнь. Все поклоняются фаллосу Шивы — шивалингаму.

Бог Шива в образе Махайога (индийская икона)

Шивалингам – фаллос
бога Шивы
(храмовая скульптура)

И стали на земле возносить славу властной силе шакти Богини-Женщины, без которой мертва мужская энергия богов и людей. И стали люди славить порождающее начало Шивы и поклоняться моши его детородности. С молитвами осыпают они красным порошком и цветами изображения этой могучей силы — ведь без ее проявления исчезла бы жизнь на земле, иссяк бы источник порождения новых существ.

Велика сила жизнетворения Шивы, но страшен и неодолим его гнев. При завершении Времени направляет он на всех живущих, изнемогающих под бременем своих несовершенств и грехов, огненный луч из третьего глаза. И никому не дано избежать смертоносного жара этого луча — в огне погибают весь мир и все живое, выжигаются леса и выкипают источники вод. Завершаются все жизненные циклы, и надолго воцаряется владыка смерти Яма. В гневе своем Шива терзает плоть врагов и грешников страшным оружием, с которым он не расстанется, — жестоким трезубцем. Грешные люди, умоляя его о пощаде, именуют его Владыкой трезубца, тщетно стараясь избежать смертельных ударов трех острых неотвратимых зубьев.

Так Шива очищает вселенную от накопившихся пороков и не знает при этом пощады. Он завершает избывшее себя Время.

Проходит множество веков, и возрождается мир. И снова начинает властвовать над душами людей и богов воскресший из пепла бог любви Кама, помогающий возрождению новых живых существ. И появляются они, вызываемые из недр вечнодвижущихся частиц вещества, сотворяемые мужественной силой Шивы и неиссякаемой женской энергией — шакти.

Шива правит всем сущим, зная и чувствуя, что нет и не будет движения во вселенной, если утихнет в дни гибели мира и не возродится биение каждой мельчайшей частицы сущего, такой мельчайшей, которую не дано увидеть или услышать человеку. И этот великий бог, владыка и укротитель вселенского огня, предается танцу в кольце жгучих языков пламени, вызывая эти частицы к жизни, заставляя их биться непрерывно и ровно. Танцует, распустив по вселенной пряди своих волос и ударами маленького барабанички призывая всех к движению тела и души, и в этом танце созидания он украшен гирляндами, он радостен, и звенит вокруг него музыка планет. В память об этом великом танце люди земли, преклоняясь перед могуществом и красотой бога и стремясь рас-

сказать о нем, самозабвенно танцуют перед его алтарями, стараясь движениями передать его деяния и порывы, все, что знают о нем, все, что дано им свыше в их восприятии и понимании. И верят, что их танец — это молитва, возносимая к богу, и он услышит, оградит и защитит их от покушений недобрых сил.

С чувством горячей благодарности повествуют на земле и о том, что некогда Махадэва, спустившись с высоты Кайласы и пребывая у подножия гор, услышал небывалый рев водо-

пада под небесами. И этот бог, всегда мгновенно приходящий на помощь в беде, увидел, что сверху устремляется к земле огромный поток воды. И тогда он принял эту водную массу на свою голову, сразу разделив ее на ручьи и реки, чем спас земную твердь от страшного удара, который мог сбить землю с ее пути.

Самой светлой, самой полноводной реке поклонились люди с любовью. И тогда явилась им в благом и чистом облике богиня Ганга и всех благословила, дав каждому испить целебной влаги из этой реки. С той поры и ее река стала известна миру как Ганга. Она поддерживает жизнь, вспаивая землю, вырашивая урожай и одаривая водой всех жаждущих.

Великая Ганга — это не только источник влаги, это и путь на небо для тех, кто расстался с жизнью. В ее волны погружают люди останки усопших, молясь о верном для них упокоении в той небесной обители, где пребывают души предков.

Люди, обращаясь во словами благодарности к великому Шиве, который спас землю от затопления и даровал им Гангу, готовят красивые его изображения для своих алтарей и помещают маленькие нежные фигурки богини Ганги на его голову — это память о великом деянии бога.

Прекрасный лик Шивы предстает перед людьми и украшенный тонким полумесяцем надо лбом, над третьим глазом бога. Это знак того, что Махадэва владычествует и над планетами, и от тихого света полумесяца льются на землю умиротворение и покой.

А рядом с богом, у его ног возлежит мощный бык Нанди, смиренно и покорно ожидающий велений своего властителя. Его назначил Шива быть покровителем всех земных тварей, имеющих четыре ноги, и из века в век несет Нанди свою службу, охраняя их и карая за нарушения законов жизни. И те благословенные коровы, которые некогда вспоили своим молоком дивного Кришну, верили в силу Нанди, как верят в нее и их многотысячные потомки, спокойно бродящие по земным пастбищам. Изваянные из камня изображения Нанди всегда лежат у входа в храмы Шивы, напоминая людям о том, что он никогда не покидает великого бога и что его преданность Шиве безгранична.

Бог Шива в космическом танце

Этот великосильный бог так близок солнечному Вишну в своем постоянном стремлении к справедливости, что первобог и творец Брахма подарил им обоим общее имя Хари-Хара — оба этих бога как бы сливаются в порывах и деяниях своих. Имя Хари вызывает в душах смертных образ Вишну, окрашенный золотистым сиянием солнца, светлый образ чистого в своих чувствах наставника и покровителя. А услышав имя Хара, они ощущают в сердце силу этого сокрушителя врагов, неодолимую мощь Шивы-победителя. И прославляя в молитвах имя Хари-Хара, обращаются они к обоим повелителям мира и обретают их любовь и поддержку. Хари-Хара — это единство милосердия и мощи, и ничто не угрожает тем, кто не преступает законов правды. Эти законы извечны и незыблемы, и земнорожденные должны всегда помнить о том, что неизбежна кара за их нарушение.

Богиня Ганга

Бык Нанди — символ силы оплодотворения. Животное бога Шивы

МАХАДЭВА И МАХАДЭВИ

Парвати была одним из воплощений Махадэви — Великой Богини. И стала она супругой Махадэвы-Шивы по предписанию высшего закона о порядке событий во вселенной. В этом своем воплощении избрала Махадэви своим мужем Шиву именно потому, что этот брак был изначально предназначен, был извечным, как извечна была эта супружеская пара. И какое бы имя ни носил Махадэва, неотделимой частью его существа, всей его сущности должна была становиться и становилась Махадэви, под каким бы именем ни славили ее люди.

Некогда Махадэва излил оплодотворяющее семя и на лоно Земли, и породила она в дар смертным и бессмертным его сыновей — Марутов, ветров, которые с тех пор то пронесятся над землей ураганами, то овевают ее и всех живущих на ней теплыми легкими струями своих ласковых дуновений. Люди часто обращаются к Марутам, прося то о помощи, то о пощаде.

Семя Махадэвы — это семя всего живого, готового породить себе подобных, это светлейшее семя жизни. Махадэви извечно ждет и принимает его.

На рассвете времени эту великую Богиню знали как Сати. И была она одной из многих дочерей бога Дакши и внучкой первобога Брахмы. И уже тогда, в дни зарождения мира и всего сухого в нем, стала она любящей и верной женой Рудры. Он тогда не носил еще имени Шива, но знали уже всевидящие мудрецы-пророки, что настанет час, когда оба этих имени сольются воедино, и узнают тогда люди бога Рудру-Шиву, обладателя гнева и справедливости, достойного прославления в трех мирах.

И вот стала Сати супругой Рудры. И все небожители приветствовали юную чету, радуясь их счастью. Да, все, но не отец Сати — не Дакша. Не по его воле был заключен этот брак, и он не хотел смириться с выбором этой своей дочери. Ведь другие рожденные им божественные красавицы стали супругами не таких гневных, как Рудра, богов — так, двадцать семь из них вышли за бога луны Сому и стали дивными созвездиями в небесах, а Сати не пожелала подчиниться воле отца.

Вскоре после того, как был заключен этот брак, Дакша созвал богов на праздник великого жертвоприношения, но не проявил при этом должного уважения к Рудре и не пригласил его. И когда собравшиеся боги завершили все ритуальные действия и стали вкушать жертвенную пищу, явился к Дакше его зять, охваченный пламенным гневом, и стал не только нарушать все правила жертвоприношения, но и пронзил трезубцем все, что было возложено на костер. А затем всту-

Шива и Сати

пил в бой с собравшимися богами. Он не только избил многих, но и одному оторвал голову, другому выбил зубы, а третьему глаза.

Это сражение было таким ужасным, что задрожала вся земля, и стали разрушаться горы. Испуганные небожители обратились к разгневанному Рудре со словами почтения и просили его кусить вместе с ними жертвенной пищи. Но Рудра не внимал им до тех пор, пока не вмешался пресветлый Вишну и не уговорил его погасить гнев и пощадить избиваемых.

Битва в небесах утихла, но Сати не смогла примириться с тем, что ее мужу было нанесено тяжкое оскорбление. Погрузившись в глубокую скорбь, она сбросила с себя все золотые украшения и стала с громкими рыданиями рвать на себе волосы, а затем она убила себя — ее душа, не выдержав такой великой скорби, покинула светлое тело богини.

Потрясенный Рудра подхватил ее бездыханное тело, положил его себе на голову и понес его по всем пределам земли, оглашая пространство горькими стенаниями. И те, кто видел это, прозрели в нем все черты Шивы и с тех пор стали называть его этим именем, сочувствуя всей душой горю бога Рудры-Шивы, всевластного Шивы. Но не было у них таких слов, которыми можно было бы призвать спокойствие в его сердце, и он ходил и ходил, рыдая, и падали на землю капли крови Сати. С тех давних пор стали люди приходить на поклонение в те места, которые были орошены кровью богини, этой величайшей из женщин, не примирившейся с тем, что ее мужу было нанесено оскорбление, и заплатившей своей жизнью за его унижение. И сколь долго будут жить на земле люди, столь же долго жены будут оберегать честь мужей, и многие из них даже станут добровольно покидать мир живых, если сама смерть похитит жизнь их супругов. Таким истинным женам поднесут люди как высокий дар имя Сати — имя самой безупречной из всех женщин вселенной.

Двенадцать лет бродил Шива повсюду, ища и не находя успокоения, и пришел наконец к светлым и всеисцеляющим водам Ганга. Омывшись в этой реке и испив ее умиротворяющей воды, вернулся он в небесные пределы. А на берегу Ганги люди тогда же основали святой город Шивы. Название его менялось с течением многих-многих веков — был он известен как Каши, как Бенарес, а теперь и как Варанаси, но постоянным остается его священное воздействие на всех, кто приходит в его храмы и кто приникает на его берегах к струям Ганги.

Это город Шивы, бога, который с высоты своего неба видит все и всех и главенствует среди богов, властвуя над миром, над богами, людьми и всеми живыми тварями земли.

Но Махадэви не знает такой смерти, какой подвержены земнорожденные. И уход Сати из жизни не означал того расставания навек, которое повергает в постоянную

Богиня Парвати, супруга Шивы
(прорисовка скульптуры,
бронза, XVII век)

скорбь слабых недолговечных людей. Все видимые людям отношения между богами, их ссоры и примирения указывают простым жителям земли те пути, по которым им следует или не следует идти. Многие деяния богов говорят людям о том, чему им разрешено или не разрешено подражать в короткие дни прохождения земной жизни.

Махадэви бессмертна. Она — вечная праматерь всего сущего. Она — та шакти, та сила женской энергии, что вызывает рост жизнетворения. И когда бы ни обращались люди к Махадэви, они неколебимо верят, что их молитва будет ею услышана, и Богиня-мать откликнется на их призывы.

Супруга Шивы неизменно пребывает рядом с ним, и она, подобно ему, может быть и милостивой и гневной. И ее гнев бывает даже страшнее, чем его немилость. Имена Махадэви говорят о сути ее проявлений, и в числе этих имен много тех, что связаны с ее гневом и насылаемыми ею карами.

Махадэви — это всеобщая мать, это любовь и поддержка, это земля. А гнев земли страшен безмерно. И страшно не увидеть в богине опоры и не услышать ее отклика на молитвы. Поэтому надо любить Богиню-Мать и не вводить ее во гнев. И люди, взывая к доброте ее и милосердию, называют в молитвах разные ее имена, такие, как: мать, оберегающая своих детей, или Парвати — добрая дочь владыки гор, или Швета — Светлая и дарящая свет. Но никто при этом не должен забывать, что многие ее имена означают и воплощения в гневные образы, такие, как Дурга или Кали. Незнание таких имен может привести к выбору неверного пути, тогда как верный путь — это глубокое почтение к богине во всех ее образах и преклонение перед ее подвигами в битвах с демонами.

Молитвы и посильные жертвоприношения будут восприняты ею, если обращаются к ней с чистым сердцем и истинной верой. Ведь и в гневное свое она проявляет милосердие и помогает живущим, неустанно истребляя зло и поддерживая всех идущих по стезе праведности.

МАХАДЭВИ ДУРГА И КАЛИ

Богиня Дурга — Недостижимая — одерживала бесчисленные победы над носителями зла. В разных обликах нападали на нее демоны, но всегда она разгадывала их хитрости и замыслы, и не было у них возможности ни обмануть, ни победить ее. Богиня-воительница всегда хранит на светлом прекрасном лице выражение приветливости к людям, но десять ее рук сжимают оружие, несущее смерть тем, кто заслужил кару.

Когда она решила, что пора вступить в бой с недобрыми силами, многие боги дали ей свои орудия борьбы, и первым из них был Шива, вручивший ей трижды пронзающий трезубец. За ним Вишну отдал свой остро отточенный диск-чакру, мгновенно отсекающий головы врагов, потом Индра вложил в ее руки громовую ваджру, удар которой может пробить даже землю, Варуна уступил свою петлю для уловления грешников, и все другие небожители отдали то, что сами употребляли в битвах.

Махисасура

Дурга — это истинная мать, встающая на защиту каждого человека, от царя до раба, и ей могут молиться и приносить жертвы все живущие. Она готова биться и против тех асуров, которые стремятся вредить знатым людям, и против тех, кто сбивает с праведного пути бедных и низкокастовых. Дурга — это вечная угроза для всех, обладающих демоническими силами.

Неоднократно она уже сражалась с полчищами асуров, но долго не выходил на бой с нею их предводитель, хитрый и жестокий Махисасура, опасаясь всесожигающего огня ее гнева.

Но наконец этот решающий бой свершился в один из дней наступившей осени. Люди, убравшие на полях созревшие злаки и посеявшие зерна весеннего урожая, начинали праздновать и веселиться, радуясь тому, что будут сыты все зимние месяцы. И в эти дни асуры всегда старались похитить их радость и лишить их веры в богов, взрастивших своей милостью щедрые урожаи на земле. Они сеяли в душах людей страх, разжигали вражду между ними и оскорбляли небожителей.

Долготерпеливые боги не смогли это вынести — ведь Махисасура уже не раз вступал с ними в сражения и однажды даже одержал победу над Индрой, героем небес. Небожители передали Дурге не только свое оружие, но и жгучее пламя своего гнева. И увидели, что на этот раз не спасется вождь асуров от ее ударов.

Сойдя на земное поле битвы, Дурга призвала к себе царя зверей, могучего льва, и повелела ему нести ее в бой на спине, как грозную всадницу. Радостно распростерся перед нею лев, но тут же явился и не менее сильный тигр и тоже лег к ее ногам. И сказала им Дурга, что они оба равновелики по своей мощи и ярости и равно преданы божественной воле, а поэтому в образе льва люди будут видеть и тигра, а в облике тигра — льва. И, утешив обоих, устремилась она на битву.

Появившийся перед нею Махисасура в страхе увидел, что в каждой руке разгневанной богини сверкают орудия убийства, которым нет равных на земле. И тогда он проник в тело темного огромного буйвола, превратил его в демона и заставил

Дурга убивает демона Махисасуру

броситься на Дургу. Закипел ужасный бой, и всех ослепило сверкание оружия, стремительно вонзаемого в буйвола многими ее руками. Когти льва тоже рвали тело врага в кровавые клочья. Наконец тяжелая голова буйвола была отсечена неотвратимым ударом диска-чакры, и из его окровавленной шеи выскочил асура, пытаясь спастись бегством. Но не успел он даже коснуться земли, как его сразило огненное копьё богини, и он навсегда простился с жизнью.

Так было побеждено великое зло, и все жители трех миров были избавлены от нападений низких демонов.

Самый радостный, самый светлый и самый щедрый праздник посвящают с тех пор люди при наступлении осени восхвалению великой богини. Пышно и богато наряжают они ее статуи, изготовленные с великой любовью лучшими мастерами земли. На дни этого праздника Дурга милостиво сходит с небес в земные пределы и каждому своему изображению уделяет частицу своего естества. И люди видят, как глаза статуй начинают излучать свет любви и прощения.

Все смертные стараются ублажить и отблагодарить великую богиню своими дарами и подношениями и радуют ее взор танцами, которые длятся непрерывно перед ее священными статуями. Десять дней и девять залегающих между ними ночей неустанно славят люди пресветлую Дургу, вознося ей хвалу за ее великие подвиги.

И боги, и люди знают, что каждую осень повторяется этот праздник, которому дали имя Наваратра — Девять ночей и Дасера — Десять дней. Повторяют его и весной, после снятия весеннего урожая, но все главные торжества разгораются только осенью. А по окончании десяти дней собираются все в процессии и несут статуи богини от ее храмов и алтарей к рекам. И реки, этот путь к небесам, принимают в свои волны прекрасную богиню и уносят ее в прибежище богов, в дом ее вечного супруга — в обитель Шивы.

Вот так этот праздник соединяет души земнорожденных и небожителей.

Океан грехов окружает человека, и они всегда стремятся найти лазейку и проникнуть в глубину души смертного. Кто из небожителей неустанно истребляет на земле невежество, ненависть, низменные страсти и зависть? Кто помогает праведнику одолеть страх смерти и достичь конца своего пути, избегнув греховных дел и побуждений? Это она, устрашающая всех и всеми прославляемая Махадэви Кали. Неусыпно наблюдает за каждым живущим

*Богиня Кали всегда жаждет крови
(сельский рисунок на стене дома)*

и неколебимо истребляет всякое зло в трех мирах Кали-разрушающая, Кали-кровеядущая, Кали-Черная.

Она вершит танец смерти, повергнув под ноги даже своего супруга. Ее черное тело украшено ожерельем из черепов и гирляндой из отрезанных человеческих рук, глаза горят красным огнем, и высунутый изо рта язык жаждет крови. В таком своем образе она устрашает даже богов.

И кем бы ты ни был на земле, брахманом или неприкасаемым, господином или слугой, — не грехи, всегда помни о неодолимой силе Кали и убогаотворяй ее молитвами и жертвами.

В те неоглядно далекие века, когда возникший из небытия Агни начинал лизать своими языками первожертвы и сверкали эти семь его языков разными оттенками, был среди них и один черный, самый беспощадный. Отделившись от Агни, стал этот язык одним из воплощений Махадеви — богиней Кали, и с тех пор и доныне язык ее всегда протянут навстречу жертве, навстречу крови, которая питает ее и охлаждает ее внутренний жар.

Страшится ее все земные существа, и без жертв не приближаются к ней и у домашних алтарей, и в храмах. И жрецы, издревле служащие ей и знающие все ее желания,

принимают из рук верующих эти жертвы — черных козлят и ягнят, петухов, а иногда и буйволов — и отсекают им головы перед алтарями, орошая кровью землю и спеша смазать ею язык богини, чтобы утишить ее вечную жажду.

И в каждом селении, у каждого дома или под деревом славят люди изображения Кали — черную ее фигуру, или черный столб, или черный камень, и приносят им в жертву кровь. Если же бедна семья настолько, что нет у них жертвенных тварей, то женщины надсекают кожу свою и брызгают на Кали каплями крови, прося ее отогнать злых духов, приносящих беду. Молящиеся верят, что насытившаяся жертвой богиня окажет милость и отторгнет от них болезни и неудачи, голод и смерть.

Стоя перед ее фигурами, с надеждой складывают они ладони перед грудью и всматриваются в черное лицо богини: озарятся ли ее глаза светом

Одно из воплощений женской энергии Шакти, богиня Камакши (икона, Южная Индия)

милосердия? Увидев в них отблеск доброты, уходят они от алтарей успокоенные и обрадованные, веря, что зло отступит от порогов их жилищ. Ведь она — Богиня-Мать, Амма, — она охраняет, и надо быть покорными и любящими ее детьми, всеми силами избегая ее гнева.

Она — Махадэви, и даже боги почитают ее, любовно повторяя многие ее имена и всегда помня, что она — это воплощение шакти, той великой энергии, что извечно существует во вселенной вне связи с временем или пространством. Шакти — это Женщина всех богов — не только Шивы, воплотившего в себе высшую энергию лингама, но и Брахмы, и Вишну, и других. Она — это и богиня знания Сарасвати — для Брахмы, и Лакшми — для Вишну, и Варуни — для Варуны, и Индрани — для Индры. И Парвати-Дурга-Кали — для Шивы.

А на земле все звери, люди и даже цветы безоговорочно подчиняются зову шакти и порождают потомство, зная, что без него их жизнь бесплодна. Во множестве имен превозносят люди Махадэви, веря, что миг оплодотворения, миг высшего слияния богов и богинь, а равно и всех земнорожденных, должен быть особо почитаем. И призывают милость Махадэви, произнося посвященные ей слова мантр и нанося на стены и полы жилищ и храмов и на землю перед входом дивные магические узоры, смысл которых знает богиня и откликается на все эти призывы.

Свою веру в силу Богини-матери люди называют шактизмом — почитанием шакти. И нет, и не должно быть человека на земле, который не был бы в душе своей шактистом, приверженцем шакти, даже если он и следует за словами проповедников самых разных веропретставлений. Все знают, что каждый есть поклонник шакти, ибо жизнь должна быть возрождаема непрестанно, как бы смертные себя ни называли и в каких бы земных пределах ни находились их пристанища. Гнев черной Кали неизбежно настигнет тех, кто не следует закону продления жизни, отклоняясь от него из-за своей многогрешности, из-за ухода с чистого пути праведных чувств и дел.

Потомство живущих — это радость богов и убагостворение бессмертных питри, душ почивших предков. И если их живые потомки отказываются от порождения новых жизней, то беззащитных питри могут постичь горькие беды.

Великая помогающая и карающая сила Богини-Матери рассеяна, подобно зернам, и воплощена во многие другие ее образы. Они неотделимы от всей жизни людей, от колыбели до кончины. Злаки, выращиваемые на полях, и плоды на деревьях созревают по ее милости; благодаря ей не пересыхают реки, пруды и колодцы; она отгоняет беды, голод и бесплодие — неизмерима ее поддержка всем живущим. Но воплощается она и в жестокие образы, подобные разгневанной Кали, — это они насылают болезни, похищающие жизнь; засухи, сжигающие землю; нашествие на деревни диких зверей, пожирающих все живое; полчища саранчи, которые люди не в силах отогнать от своих полей. И только смирением, принесением жертв и молитвами можно умиловить этих карающих богинь и призвать на помощь охраняющих и добрых.

Всегда, каждый день и каждую ночь, каждый час и миг должны люди помнить о величайшей силе всевидящей Махадэви во всех ее воплощениях и выполнять ее заветы.

СЫН ШЕСТИ МАТЕРЕЙ

В краю далеких северных гор и молочного океана жили семь пророков-риши, создателей святых гимнов Вед, в которых сохранились величайшие знания и древнейшая мудрость. Они были высоко почитаемы богами и людьми. Так высоко, что жизнь этих риши не должна

была прекращаться на земле, и когда настал предел их пути, они вместе со своими чистыми супругами были вознесены на небесный свод. С тех пор сияет в небе пресветлое созвездие, которому люди дали два имени — Семь Риши и Большая Медведица. Это дивное созвездие блестит ярче всех других звезд и планет в темноте северных небес и указывает смертным их пути по земле и воде.

Те же, кто рожден под жаркими лучами Сурьи вдалеке от холодного сияния созвездия Семь Риши, поклоняются ему, обратившись лицом к северу, и любуются им, глядя на дальний низкий склон небосвода. В их краях горячего солнца горит в небе другое созвездие, тоже высоко почитаемое ими. Оно также носит два имени, известных на земле — Криттика и Плеяды, ибо великое множество людей расселено повсюду, и от многих их наречий рождаются имена светил.

Бог Сканды (Южная Индия, камень)

и Плеяды, ибо великое множество людей расселено повсюду, и от многих их наречий рождаются имена светил.

Это святое созвездие вмещает в свой круг множество звезд, но взору смертных дано видеть только шесть из них, самых чистых, самых ярких. Засветились они в небесах в те начала Времени, когда на севере вознеслись в высоту души семи прославленных риши и загорелось там созвездие семи звезд. Это вызвало в сердцах других супругов риши волнение и обиду — ведь и сами они были не менее достойны почестей и всей своей праведной жизнью тоже заслужили такой награды, как вознесение на небосвод.

Боги признали их правоту, и шесть самых безупречных супругов были обращены в яркое созвездие Криттика, а другие, кто хоть единожды уступил греховным побуждениям, были помещены богами в отдаленные пределы этого созвездия и светят столь слабо, что их бледное сияние почти неуловимо взорами людей.

И вот высшие силы предопределили так, что эти шесть чистейших жен породили пресветлого сына, одного на всех. Они приняли в свое лоно семя Шивы-Махадэвы, который приблизился к ним в облике своего огня — всежигающего Агни, а тот в этом семени передал и милость, и гнев Владыки мира. И это жаркое семя, сияющее золотым блеском, приняли жены и поместили в озеро в горах — вот с тех пор в недрах гор стало родиться золото.

Там созрел зародыш, сын шести матерей, и был он вспоен их молоком. И быстро стал возрастать мальчик, воплотивший в себе блеск небесных светил, воинскую доблесть своего отца и жар огня. Ему нарекли имя Карттикея в честь его звездных

матерей и другое имя — Сканды — Красный, говорящее о его родстве с Агни и о склонности к гневу и битвам. От стремления к бою не только глаза его краснеют, но и все тело становится как раскаленный металл, как кровавое пламя конца мира.

Приблизились к нему боги во главе с Махадэвой и совершили над ним обряд посвящения в сан полководца всех воинов неба и земли. Они оросили его голову водой из семи священных рек и одарили его оружием, дав ему при этом и еще одно имя — Сканды-Излитое семя.

Этот молодой ярый бог, одним ударом копья разбивающий гору, стал предводителем всех, кто рвется в бой, чтобы повести их на битву с асурами.

При рождении своем Карттикея обрел шесть голов, чтобы шестью ртами сосать молоко звездных матерей. Двенадцать глаз было у него, чтобы видеть все дела в трех мирах, и двенадцать рук, чтобы направлять оружие на врагов. Этот старший сын Махадэвы воплотил в себе могучий дух отца, и все помнят, что надо склоняться в безмерном почитании перед этим отпрыском Шивы, не знающим снисхождения к грешным и неправедным. И Парвати, чистейшая супруга Шивы, его Махадэви, стала признана богами как первая и истинная мать Сканды, ибо она одна является всеблаготворительницей семени великого бога и матерью всех, кто им порожден, где бы ни началась его жизнь.

Счастливый и пылкий юный бог радостно принимает обожание своих приверженцев. Он наслаждается звуками громкой музыки, рокотом барабанов и воинственными танцами у его храмов и алтарей. Он любит кровавую плоть, и перед ним убивают врагов и буйволов, поднося ему кровь, смешанную с рисом, ароматами и цветами. Истинно любящие его приносят ему в жертву и свою кровь, нанося себе раны ножами и крючьями и даже подвешивая себя за ребра к богато убранным рамам, которые с криками восхваления проносят на своих плечах верующие. Это умножает силы Сканды и торопит его к началу битвы со всеми врагами богов.

Из числа всех живых существ мира возлюбил Сканды-Карттикея больше других дивную птицу — павлина. Душа этого прекрасного создания озаряется пламенем гнева при виде змей, этих носителей зла. Павлин рвет их в клочья своими сильными жестокими когтями и разбивает железным клювом злые головы, пожирая их тела без остатка. Павлин носит бога на своей спине над лесами и горами и прилетает с ним в небесные пределы. А боги не раз просили его победить асуров, которые наполняются все большей мощью и угрожают небожителям. Но трепет охватывал асуров, когда они слышали гром колесниц и звон оружия воинов Сканды. Много раз в таких боях они терпели поражение или убегали, спасаясь, но снова усиливались и вступали в дерзкие схватки с богами.

Наконец Сканды собрал такое войско, что не было у асуров ни путей к побегу, ни надежды на победу. И когда наконец армии сошлись для боя, то неба не стало видно из-за

В ряду декоративных фигурок видное место занимает павлин. Он объявлен государственной птицей Индии

множества стрел, тучами летевших над землей, гром сражения сотрясал горы, и реки вышли из берегов. И были отправлены в обиталище Ямы многие тысячи асуров, и рукою Сканды была отсечена голова их самовластного вождя, считавшего себя повелителем мира.

Боги обрели покой, и прославился навеки старший сын Шивы, подобный луне в полнолуние, юный Карттикея-Сканда. И с любовью и гордостью глядят на него с неба сияющие очи шести звезд Светлого созвездия Криттика, шести его небесных матерей.

БОГ С ГОЛОВОЙ СЛОНА

Незнание обуревают мир смертных. Из незнания проистекают потоки грехов, незнание рождает ненависть и вражду.

Светлая река Сарасвати, изливавшаяся с горных высот, долго дарила ясность чувствам и мыслям людей, и на ее святых берегах многие находили прибежище для спокойных раздумий и вознесения молитв. Но не погибла она, а вознеслась на небо, приняв облик вечно юной богини Сарасвати. На небесах она стала супругой первобога Брахмы и дарительницей знаний. Оттуда, с высоты, наделяет она смертных высоким знанием чистой речи, духовным проникновением в звуки и умением погружаться в глубины искусств.

Но многолик род людей, и широко ветвятся пути их поисков в жажде знаний. И всегда они стараются удалить с дороги своей жизни преграды, задерживающие их в стремлении к совершенству, к обретению мудрости. Первым их помощником на этом пути, их поддержкой и наставником стал добрый носитель знаний, бог по имени Ганеша, сын вседержителя Шивы и его чистой супруги Парвати.

Парвати мечтала о сыне

О Ганеше пророки запомнили разное: одни называют его старшим братом Сканды, другие — младшим, а есть и такие, что не говорят об этом, а просто повествуют о его рождении, жизни и деяниях, воспевая его мудрость и заботу о смертных.

Махадэви Парвати мечтала о сыне, которого она могла бы вскормить молоком своей груди. Но долго-долго не даровал ей Шива этого счастья, и она предавалась тоске. Он напомнил ей, что приблизилась она к нему, когда он погружался в медитацию на вершине Кайласы, и лукавый бог страсти Кама поразил его стрелой любви. И хотя он тогда же сжег Каму огнем из своего третьего глаза, но уже нарушено было его отшельничество, и долго не мог он вернуться к спокойствию самопогружения. Если же Парвати снова начинала молить его о сыне, он отвечал, что его светлое и жаркое семя уже не раз он дарил всему миру, и рождались детеныши у всех тварей земли, передвигавшихся в ее пределах.

И вот одни говорят, что Парвати силой своего желания отделила от своей кожи крохотного ребенка и стала любовно вспаивать его своим молоком. А другие вспоминают, будто слепила она дитя из глины и оживила его жаром материнской своей любви. А еще рассказывают, что Шива, жалея ее, сжал в комок край ее светлой одежды и назвал его сыном. И что ожил этот ребенок от тепла ее груди.

Не дано людям знать об этом. Но дитя явилось. И Махадеви испивала сладость полной чаши материнства. И любовалась красотой подрастающего сына, видя в нем себя и своего всевластного супруга.

Но вдруг случилось неожиданное: этот дивный сын лишился головы.

И об этом снова по-разному повествуют мудрецы. То говорят, что Парвати, гордясь красотой ребенка, просила всех любоваться им и с этой же просьбой обратилась к богу Шани, который был жестоким божеством планеты Сатурн и мог уничтожить все, на что только ни бросит взгляд. Неразумная мать настояла на том, чтобы Шани взглянул на мальчика, и от первого же его взгляда голова ребенка исчезла. Другие же рассказывают, что Парвати совершала омовение и повелела сыну никого не впускать в ее покои. Но пришел сам Шива и, встретив сопротивление ребенка, тут же отсек ему голову.

Горе Парвати, потерявшей свое долгожданное дитя, было так безутешно, что никто на небесах не мог ее успокоить и помочь ей. И тогда Шива повелел своим подчиненным идти на поиски и отсечь голову первому же встреченному на пути живому существу. И принести эту голову сразу же на Кайласу. Отправившись в путь, они вскоре встретили слоненка, бродившего по лесу, мигом отсекали его голову от тела и доставили ее своему повелителю. Силой своих божественных чар Шива укрепил эту голову на плечах ребенка, и сын Парвати ожил, доставив ей безмерную радость.

Тяжесть слоновьей головы мешала мальчику вырасти стройным и высоким, но в его коротком широком теле билось теплое, доброе сердце, и все его любили. Он рос умным и спокойным, а когда повзрослел, то Шива возвел его в сан повелителя всех подчиненных ему полубогов и духов, всех их групп и полков, именуемых ганы. Каждая гана имела своего пред-

Бог Ганеша (индийская икона)

водителя, но отныне все они стали подчиняться слоголовому юноше. И стал он поэтому именоваться Ганеша, т.е. Желанный для ган. Ему теперь были покорны все, кто окружал царства богов, и настал в этих царствах покой и порядок.

Но вдруг Ганеша снова подвергся нападению — он преградил путь самому Парашураме, в гневный образ которого воплотился в шестой раз пресветлый Вишну, стремясь изрубить топором всех грешников. Не сдержал Парашурама гнева, увидев, что ему препятствует на пути этот юноша, и одним взмахом топора отрубил ему бивень, прекрасный его бивень, сверкающий лунной белизной. Никто не посмел нарушить волю Парашурамы и исправить содеянное им, а поэтому Ганеша навеки остался с одним бивнем. Он постиг пытливым своим умом при помощи и участии богини Сарасвати многие науки и проник в тайны глубоких знаний. И всем сердцем возлюбил он людей, стремящихся к познанию. Хотя с дней его юности протекло уже неисчислимо долгое время, но все ученики, сидящие у ног учителя, знают и сейчас, что в каждом затруднении поможет им Ганеша, если призвать его с должной молитвой.

Во множестве храмов земли поклоняются люди его изображениям и приносят бескровные жертвы этому милому богу, веря и зная, что он устранил все препятствия на их пути, где бы ни встретили они эти преграды — на караванных ли дорогах торговцев, на морских ли просторах, в изучении ли книг и молитв или в занятиях музыкой и танцами.

Ганеша и сам любит танцы, как и его владычный отец, и танцует, познав незыблемое единство движений тела и ритмов вселенной. А потому на земле над многими школами искусств и наук помешают люди изображение Ганеша, как и в лавках, наполненных товарами, где хозяева жаждут поддержки этого бога в трудных делах торговли.

Множество животных, больших и сильных, создано на земле волей богов, но из всех зверей и зверушек избрал Ганеша себе в постоянные спутники крысу — мудрое и хитрое существо, умеющее с самого первого мига своего появления в мире живых успешно преодолевать все препятствия и бесконечно продлевать жизнь своего рода на земле.

И где бы ни появился этот слоголовый знаток всего тайного и явного, крыса неизменно сопровождает его и даже умеет превращаться в мощное ездовое животное, когда следует переносить бога-повелителя сквозь неизмеримые пространства трех миров.

ПОЛУБОГИ, ДУХИ И СВЯТЫЕ

ПРАРОДИТЕЛЬ МАНУ

Когда самосуший Брахма, бог богов, был занят сотворением мира, и возникали боги, и враги их, и водные существа, и птицы, и разные земные твари, не был тогда создан человек. Но текли и протекали века, и владыка солнца бог Сурья восхотел иметь сына. Был он внуком Дакши, бога света, и правнуком самого Брахмы, и когда родил он сына, дав ему имя Ману — Обладатель разума, то сын этот был призван всеми небожителями к исполнению величайшего долга — к созданию человеческого рода.

И вот одни мудрецы говорят, что Ману дал жизнь девяти сыновьям и только одной дочери, имя которой Ила прославилось в веках: от нее великий Ману, послушный воле богов, породил пятьдесят сыновей, ставших властителями земной тверди и многих островов в океане. И в числе этих сыновей был им рожден и тот славный царь, от которого произошла известная на земле Солнечная династия царей, давшая миру сто шестьдесят одного славнейшего из владык царств. А те из сыновей Ману, кто не чтит воли богов и не подчинялся дхарме, закону веры и правды, погибли, стремясь захватить чужое, или нарушая клятвы, или оскорбляя брахманов — знатоков Вед, или же унижая своих праведных супругов.

Другие же мудрецы повествуют о том, что великославный Брахма создал Ману из себя самого, разделившись на мужскую и женскую половины и породив от себя предков всех людей.

А еще некоторые утверждают, что был не один Ману, а четырнадцать и что именно от них произошло человечество.

Ману возник некогда как небожитель и был богоподобен. Он установил для своих бесчисленных потомков непререкаемые законы*, соблюдая которые можно избежать тяжкого осуждения на суде бога Ямы и вознестись после прекращения жизни в то лунное чистое царство, где в мире и покое пребывают питри — души предков.

Ману, этот сын Сурьи, был блеском своих знаний и совершенств подобен солнцу, владыке всех живущих. Был он и таким стойким в подвижничестве, что превзошел и отца своего, и деда, — десять тысяч лет провел он в отшельничестве, стоя недвижно на одной ноге, подняв руки к небесам и глядя в землю не мигая. И это видели все, кто населял лес вокруг святого места его подвига, — и звери, и птицы, и рыбы.

Но вот исполнился срок его отшельничества, и он пришел на берег реки, чтобы совершить омовение. И тут к нему подплыла небольшая рыбка и стала молить его о спасении, потому что опасалась она преследования больших голодных рыб. Сердце Ману исполнилось жалости, и он выхватил из реки это слабое маленькое создание и опустил рыбку в глиняный кувшин с чистой водой.

Многие годы кормил мудрец эту рыбку и заботился о ней. Но настал срок, и она выросла и не могла больше жить в кувшине. Сдавленная его твердыми стенками, взмолилась она

* Законы Ману. М. 1960 (1-е изд.).

к Ману, прося выпустить ее хотя бы в пруд возле его лесной хижины. И он отнес ее в этот пруд и снова кормил ее там долгое время. Через годы вновь услышал он ее жалобы, потому что так выросла она в пруду, что голова ее и хвост выплскивались из воды на сухой берег, и она жестоко страдала от этого. На этот раз попросила рыбка святого отшельника перенести ее в светлые воды Ганги, величайшей из рек мира, супруги самого океана. Но опять по прошествии времени она так увеличилась, что не могла даже поворачиваться в этой реке. И тогда снова стала она умолять Ману отнести ее в океан. Добросердный мудрец с любовью взял ее на руки и перенес на далекий берег, а там выпустил в безбрежные воды.

И тогда эта рыба, прозревающая будущее, сказала на прощание своему спасителю, что скоро на землю хлынет вода без удержу и затопит ее пределы, погубив на ней все живые существа, кем бы они ни были. Чтобы спастись от надвигающейся беды, которой никому не дано избежать, должен Ману построить большую лодку, положить на ее дно все семена и войти в нее, позвав с собою семь святых мудрецов.

Уплывая в океан, рыба особенно наказала, чтобы не забыл Ману привязать к лодке прочную веревку из волокон пальмы. Она обещала, что всплывет над поверхностью разбушевавшейся воды и будет иметь рог на голове, и тогда Ману должен будет накинуть веревочную петлю на этот рог и довериться тому, что настанет.

Когда Ману подготовил все, как она велела, с неба на землю обрушилось столько воды, что все вокруг сразу превратилось в бушующий океан, и пропали лесные деревья, и холмы, и все, что было раньше.

Лодку носило и швыряло по волнам, и никто не видел берегов этой водной бездны, как вдруг перед взором Ману всплыла огромная рыба, и возвысился над водой ее рог. Великий мудрец вспомнил ее прощальные указания и советы и сразу накинул петлю на этот рог. И тогда рыба стремительно повлекла лодку к северу и тянула ее за собою год за годом, пока наконец не привела ее к вершине горы, возвышающейся над необозримыми водами.

Привязав лодку к горе, склонился Ману перед великой рыбой и просил сказать ему, кто из небожителей воплощен в ее огромном теле. «Те из бессмертных, кто жаждет возрождения жизни на земле, — ответила рыба. — Я — это и Брахма, и Вишну, и повелеваем мы тебе воссоздать то, что погубила на земле безмерная вода. Ты милосерд, так и прояви милосердие».

Вслед за этими словами рыба скрылась в глубине, а Ману погрузился в суровое подвижничество, дожидаясь, пока очистится от воды земная твердь. А затем он, обладатель высокой души и великих знаний, посвятил себя возрождению всего живого. И тогда он сотворил людей, которые затем век за веком стали вступать на пути своего расселения по земле.

Вручил он им знание строгих его законов, и взяли они с собой это знание, и с тех пор живут они, стараясь соблюдать предписания Ману.

ХАНУМАН, СЫН ВЕТРА

Жители лесов одарены душой, и их чувства подобны тем, что повергают в волнение и сотрясают души людей. Эти лесные существа могут и уподобляться богам по величию своих дел и чистоте порывов, по гневу своему и милосердию. И тогда смертные преклоняются перед их достоинствами и сохраняют в своей памяти их дела. И особенно велики деяния тех из них, кто был порожден самими богами, которые одаривали землю своим пресветлым семенем.

Некогда, в глубинах Времени, пронесся над землей и по всей вселенной бог ветра Ваю, веющий во всех пространствах и вдувающий дыхание в живые существа. Был он силен, стремителен и прекрасен, и его колесница могла в мгновение ока пересекать любые расстояния. Его дуновение давало силу и стойкость смертным созданиям и исцеляло их тела и души. Это он исторгал из груди человека звуки молитв и крики, и призывы, обращенные к богам. И он раздувал пламя жертвенных костров, помогая жаркому Агни вершить его великие дела. Он был и другом Индры, владыки гроз, и гонял по небу его громовые тучи.

От семени Ваю родился среди людей необоримо мощный герой Бхима, который, как повествует Махабхарата, был сыном царя Панду — Бледного. Но зачала его прекрасная темноликая царица Кунти от могучего бога ветра Ваю, призвав его к себе тайным заклинанием. Этот сын Ваю воспринял от отца-небожителя такую силу, которой не мог противостоять никто из смертных, и поэтому по всей земле славили подвиги и победы Бхимы.

Другим же сыном стремительного Ваю стал Хануман, полководец племени обезьян. Подобно брату своему, царевичу Бхиме, обладал он великой силой, но отец одарил его и еще одним знаком божественности — Хануман мог по желанию своему летать, пересекая любые расстояния быстрее молнии, быстрее мысли, а также менять свой облик, превращаясь в любое существо.

И в те далекие дни, когда пресветлый царевич Рама шел войной на Равану, владыку черных демонов-ракшасов, чтобы освободить из его когтей похищенную им дивную свою супругу Ситу, войско Рамы, состоявшее из могучих обезьян, возглавлял сын ветра Хануман. И когда брат Рамы, беззаветно храбрый юный Лакшмана, был смертельно ранен ракшасами, стремительный Хануман в один миг достиг далеких северных гор и сразу же появился снова, неся вершину горы, покрытую целебной травой. Подобно своему отцу, был он прославленным целителем, знал все дыхания и движения крови в теле земнорожденных и умел спасать погибающих. И он вернул тогда Лакшману к жизни, снискав вечную благодарность героя Рамы и всех людей. И продолжают славить его земнорожденные, призывая на помощь при тяжких недугах и при нападении злых духов, рассеивающих повсюду горести без числа, слабость и отчаяние.

Пятиликий Хануман (индийская икона)

Любые формы может принимать Хануман — то становится огромным каменным утесом, то горой или тучей, а то делаться и совсем маленьким, как мышь, чтобы, войдя незаметно в тайные собрания врагов, узнавать все их замыслы и козни. Неизменно приходил он всегда на помощь тем, кто без колебаний выходил на бой с неправдой, и молится ему множество людей перед его образами в храмах и на алтарях.

Он всегда являлся перед земными существами в облике сильной обезьяны с широкой грудью и мощными руками. Шерсть его отликает золотистым цветом, а лик красный от неизменной готовности к гневной борьбе с несправедностью.

Иногда он мелькает ярким проблеском света по краю туч, и видящие это знают, что над ними совершился стремительный полет Ханумана, несущегося на бой или к кому-нибудь на помощь.

Иногда он играет скалами, бросая их, как мячи, и те, кто слышит этот грохот, говорят, что Хануман забавляется где-то в горах, желая насытить свою силу, всегда жаждущую могучих деяний.

А когда он в горах ударяет о землю своим тяжелым хвостом, то срываются с вершин камни и с громом летят вниз по склонам, сокрушая все на своем пути.

Прошли сотни и тысячи веков, и многое изменилось в мире смертных, но и сейчас люди возносят молитвы Хануману, приходя в его храмы и моля о помощи в одолении трудностей, так часто встречающихся на жизненных путях.

ПТИЦА ГАРУДА И ЗМЕИ-НАГИ

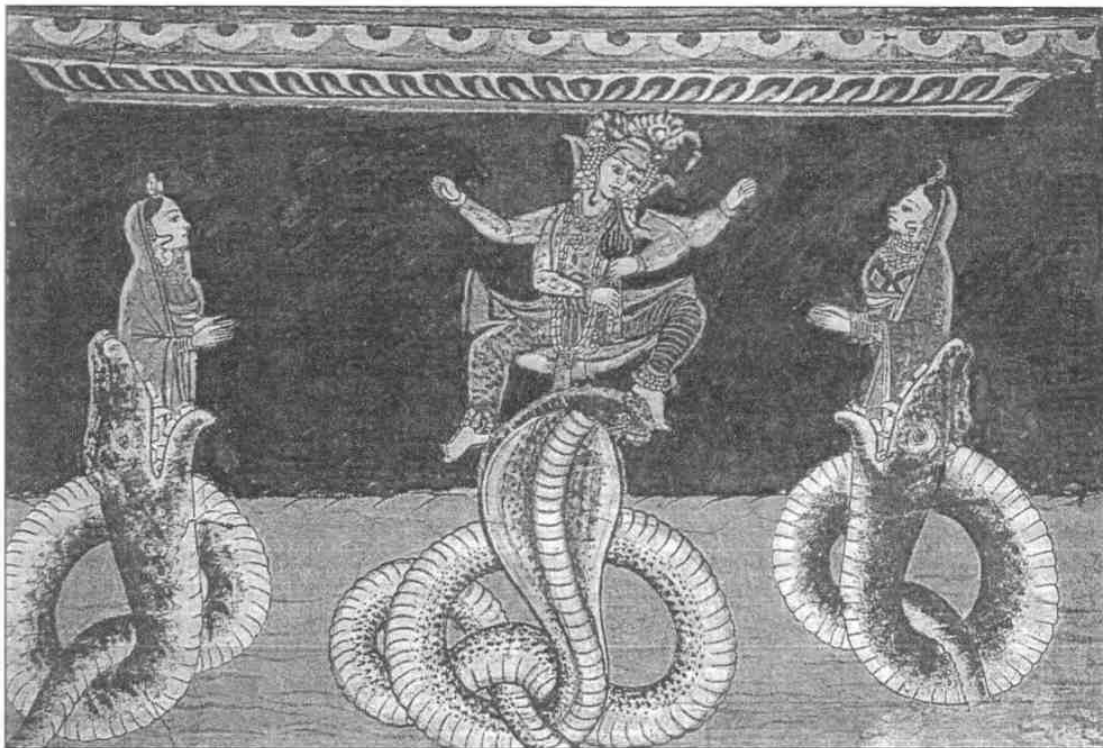
Когда-то в давние времена всемудрый знаток праведности Кашьяпа, достигший великим подвижничеством близости к богам, решил одарить двух своих добродетельных жен исполнением самого заветного из их желаний. Видя, что на земле еще нет столь многих тварей, чтобы всю ее заполнить, одна из супругов по имени Кадру попросила себе в дар тысячу сыновей в образе сильных змей. Другая же, Вината, сказала, что мечтает лишь о двух сыновьях, но таких, чтобы по силе своей они превосходили всех змей на свете.

Их желания были одобрены Кашьяпой, после чего он, будучи строгим отшельником, удалился в лес для совершения подвижничества и молитв. И через тысячу лет появилось это желанное потомство. Кадру снесла тысячу яиц, из которых вылупились змеи и расползлись по земле. Они были нагими, не имея на себе ни единого волоска, и имя им было наги. Когда на земной тверди появились люди и многих стали кусать и убивать наги, человечество разделилось на две части: одни утверждали, что всех змей следует истреблять без пощады, рассекать оружием и жечь огнем, а другие настаивали на том, что лучше будет почитать их, подносить им молоко, которое они очень любят, и с молитвой просить их о милосердии.

Так с тех пор люди и делают: одни убивают змей и зовут на помощь Агни, чтобы выжигать места, где они плодятся, а другие с молитвой кормят их и верят, что змеи отгоняют зло и охраняют дом. И имя нагов дают только кобрам, умеющим раздувать шею, угрожая каждому, но сами никогда не нападают на невинных.

Были среди змей и чудовища, нарушавшие порядок и покой в мире. Так когда-то змео-дракон Вритра похищал солнце, и если бы неодолимо могучий Индра не побеждал его каждый год, то земля могла бы и не увидеть больше сияния этого светила. Но были и покорные богам — на кольцах такого великого нага по имени Шеша спит ясноликий Вишну в периоды между ночами. И тихо носит его Шеша на своем теле по поверхности мирового океана.

Царь нагов несет бога Кришну на голове. Женщины-кобры — нагини почитают Кришну (роспись потолка в форте Дундлор, Раджастан, XVII век)

Многие наги искренне старались помочь богам и ограждали их от ливней и жгучих лучей солнца, раскрывая над их головами свои раздутые шеи и уподобляясь зонтам. В память таких нагов люди не забывают изображать их над головами богов, да ведь эти благородные наги своей волей и умножали свои головы и шеи до пяти и семи, чтобы шире был спасительный зонт, укрывающий бога. А когда всемиловитый и грозный Шива удалялся в отшельничество и погружался на вершине святой горы Кайласы в глубокую медитацию, кобры обвивали его синее горло, обожженное страшным ядом, и дарили холод этому пылающему горлу. И они же обвивали его руки, подобно драгоценным браслетам.

Наги по велению бессмертных богов были названы жителями подземного царства — Паталы, и оттуда направляет их деяния на земле их царь, обладающий большим могуществом и всегда готовый помогать богу Яме в деле переселения душ из живых тел в царство смерти.

Другая же супруга Кашьяпы, которая звалась Вината, снесла только два яйца. Одно из них она по неосторожности разбила, и несозревший зародыш, еще не имевший крови, разлился в небе розовым светом. Но зато из второго появилась на свет птица, самая необычайная из всех пернатых, такая, о которой до тех пор никто и не слышал.

Она стала быстро расти, и вскоре ее тело сделалось огромным и сверкающим, как сам Агни. И даже Агни, увидев ее, признал, что птица эта будет равна ему по своей мощи. Боги же, услышав такие слова, приветствовали волшебную птицу и одарили ее именем Гаруда — Большескрылый, и все стали с почтением повторять это имя.

Когда свершалось пахтанье молочного океана и была с немалыми усилиями добыта амрита из воды, кишевшей разными чудовищными существами и множеством макара, подобных драконам и крокодилам, боги во главе с Индрой спрятали этот бесценный напиток в горной пещере. Но Вината, мать могучей птицы Гаруды, попросила сына добыть амриту и для нее. Не смог он, наилучший из сильных, отказать матери в ее просьбе и направил свой полет к потаенному хранилищу божественного напитка.

Узнав об этом, боги испугались, схватили все свое грозное оружие и собрались возле того места, чтобы отразить нападение небывало мощного царя пернатых.

Но налетевший Гаруда распахнул огромные крылья, закрыв все небо, и поднял их взмахами такую тучу густой пыли со всей земли, что окутал ею богов, и стал нещадно наносить им множество ран когтями и клювом, подобным камню. Охваченные страхом боги обратились в бегство, но амриту все-таки невозможно было сразу захватить — ее окружало кольцо жгучего огня. Тогда Гаруда, создав себе много клювов, выпил ими несколько глубоких рек и залил тот огонь потоком воды. Но путь к сосуду заградил быстровращающееся колесо со многими спицами. Не колеблясь, Гаруда превратил себя в мельчайшее создание и проник сквозь эти мелькающие перед его взором спицы. Но тут его встретили две змеи, наполненные таким ядом, что даже их глаза извергали его. Бесстрашный Гаруда убил их, разорвав на куски, захватил амриту, снова распахнул в небе свои могучие крылья и улетел.

Гаруда (прорисовка скульптуры, камень, XVII век)

В полете он встретил всесветлого Вишну, подателя даров и борца с неправдой. Этот бог приветствовал Гаруду и, любясь его мощью, предложил ему высказать любое желание. Без колебаний царь птиц ответил, что жаждет одного дара — бессмертия, и если Вишну сделает его равным богам, то он станет служить ему вечно и беспрекословно.

Милостивый бог справедливости одарил его бессмертием и попросил только об одном: чтобы Гаруда навсегда стал как бы его колесницей и носил бы его на себе по всем пределам трех миров. Достигнув взаимного согласия, они хотели уже двинуться в пер-

вый свой совместный путь, но тут настигли Гаруду оскорбленные им боги. Индра сразу же нанес ему страшный удар своей громовой ваджрой, но только смял перья на его груди, ибо нельзя убить того, кому Вишну даровал бессмертие. Гаруда отдал Индре сосуд с амритой, и все согласились тогда, что следует поддерживать вечную дружбу.

Стал Гаруда равным солнцу и обрел навеки великое могущество. Люди, видя всегда вместе Вишну и Гаруду, поняли, что и их жизнь и счастье связаны с волей этого мощнокрылого,

и начали почитать его как бога, дарящего свет и помощь и пожирающего без числа змей, носителей вечной угрозы.

В храмах и на своих алтарях ставят они изображения Гаруды и поклоняются ему. Одни говорят, что видели его и что у него тело могучего человека, окрашенное золотом, крылья красны, как пламя, а лик белый и грозный. Другие же утверждают, что у этого царя птиц все тело покрыто золотыми перьями, ибо он — солнце, он — это сам Вишну, он — это свет и сияние.

Перед Гарудой трепещут не только змеи, но и каждый из живущих, знающий, что он не прав или виновен в чем-либо недобром. Ведь Вишну карает за зло, и Гаруда, столь близкий к этому богу, тоже не прощает носителей темных грехов.

МАТЬ-КОРОВА

Когда-то, в глубине веков, люди очень полюбили корову и стали почитать ее как мать — дарительницу молока, питающего и исцеляющего. Она, благословенная богами, одним дыханием своим отгоняла злые силы. И даже в наши дни верят, что пыль из-под ее копыт исцеляет болезни. Из молока щедрой коровы изготовляли не только пищу для других людей, но и святые вещества, приносимые в дар на алтари богов. А масло, растопленное в должном сосуде на жарком очаге, было излюбленной пищей Агни, который жадно слизывал его с жертвенного костра и исполнял просьбы тех, кто возливал для него эту жертву.

Многие-многие племена расселялись по земной тверди, но где бы ни жили смертные, всюду с небес доносятся к ним строгие слова прародителя Ману, указавшего в своих Законах, что никогда нельзя причинять вред коровам, и великим грехом является убийство коровы, а жертвующий жизнью ради коровы или спасающий жизнь корове освобождается от вины, равной вине убийства человека. И сказано также великим Ману, что в жару, в дождь или в холод, или когда сильно дует ветер, нельзя укрывать себя, не создав убежища для коровы.

Корова — это воплощение земли, дающей людям питание и силы жизни. Каждый должен любить землю и бережно работать на ней, не причиняя ей боли и страданий, как не следует, боясь тяжкого греха, причинять их матери-женщине и матери-корове.

Те, кто стремится уберечь своих детей от болезней и желает им долгого благоденствия, должен провести их между передними ногами коровы, а затем между задними, как бы показывая злым духам, что эти дети рождены святой коровой и она не позволит любым бедам нарушить их жизнь.

Люди дают много имен коровам, этим благостным питательницам, и следует помнить, что имена эти должны быть благоприятны и ласкать слух, подобно именам женщин и брахманов. И нет на земле более святых животных, чем корова, а также порождаемый ею теленок; свят и бык, дарящий ей семя вечной жизни.

Всемогущий Шива, создающий мир и истребляющий его огнем, избрал быка как своего верного и неизменного спутника — быка, мощного носителя ярого семени, означающего безмерность продления жизни. И тем, кто умоляет Шиву о рождении сына, следует подарить ему быка, отпуская его на волю со своего двора. Бродит такой бык, где хочет, и никто не смеет согнать его с того места, где он лег на отдых, или отказать ему в пище. Даже по прошествии стольких юг, когда маленькие селения стали большими городами, быки Шивы спокойно бродят по улицам, не боясь окружающей их шумной суеты, и пользуются почетом и заботой людей.

Кришна-пастушок пасет коров (узор на парче)

Нет никого на свете прекраснее коровы. И каждая красавица радуется, если услышит, что ее глаза такие же кроткие и добрые, как у коровы. Все почитают в корове свою вторую мать, зная, что ее святое молоко вспоило тысячи поколений. Ведь она будет до конца Времени питать и нарождающихся, и возрастающих, и тех, кто достиг зрелости или уже склоняется под тяжестью многих лет.

И все знают те дни возрастающей или убывающей луны, в которые Сوما набирает силу или теряет ее, когда следует склониться перед коровой, поднеся ей должные лакомства и чистую воду, чтобы помогла она молитве вознестись к небесам и достигнуть слуха Сомы или могучего Шивы, надобом которого сияет острый серп молодого месяца. В дни же праздников коровам оказывают особую любовь и почет, украшая их гирляндами свежих цветов, окрашивая рога и нанося им на лоб красный знак, уподобляющий их женщинам, чьи мужья не похищены богом Ямой и здравствуют в мире.

Но если вдруг по воле богов свершится затмение солнца и страшная черная тень укроет землю и всех живущих на ней, то следует подойти к корове и прикоснуться к ее хвосту, одним взмахом которого она отбросит все злые силы, старающиеся в эти часы проникнуть в душу человека.

Один век сменяется другим, а люди по-прежнему помнят, что преклонение перед коровой — это преклонение перед богами, перед их милостивой волей. И все знают, что на заре веков дивный темноликий Кришна провел свое чистое детство и юность среди пастухов Вриндавана и совершил многие подвиги во имя спасения людей и коров, тех коров, чье молоко дарило ему силы и радость.

Сказано мудрецами, что лучшим даром является корова для того отца, который отдает по закону жениху свою дочь, украшенную всеми добродетелями. Корова — это и лучший дар тому брахману, знатоку Вед, который посвящает годы своей жизни обучению ученика, сообщая ему знание священных текстов и молитвенных гимнов.

И бесконечно давно отказались живущие от принесения коров в жертву богам, что делали они в далекой древности, в годы миновавших юг.

Некогда было так, что пресветлый Брахма возжелал совершить жертвоприношение, но нельзя к такому священному ритуалу приступать тому мужу, рядом с которым нет его жены.

А его супруга, одаренная многими знаниями Сарасвати, проводила эти дни вдали от дома мужа, предаваясь отдыху. И тогда Брахма, послушный закону богов, повелел Индре прервать воинские занятия и привести к нему с земли первую же встреченную там девушку, дабы не сидеть в одиночестве у алтаря. Индра же встретил девушку, которая не была дочерью праведного брахмана, и не следовало ей поэтому появляться у алтаря, подобно супруге бога. И тогда быстрый в деяниях Индра провел ее между передними и задними ногами коровы и, очищенную таким путем от всех нечистых качеств, доставил к Брахме, который сочетался с ней браком и мог после этого совершить весь обряд по предписаниям законов дхармы.

Пресвятые мудрецы-риши, создатели гимнов Вед, несли в своих душах особо высокую любовь к коровам и с молитвой наслаждались их молоком. Один из них, наимудрейший Васиштха, владел самой дивной из коров, носившей благое имя Исполнительница желаний. Все, о чем мечтал Васиштха, и все, чем он хотел обладать, сразу появлялось перед ним по воле той волшебной коровы. От этой же коровы обрел он и силу, и молодость.

Была эта корова порождена не земной матерью, а прелестной богиней, дочерью бога Дакши, того, которому дал жизнь сам Брахма при начале сотворения вселенной. Этой богине подарил свое семя тот мудрец Кашьяпа, который породил и народ змей-нагов и превеликого царя птиц Гаруду. От соединения Кашьяпы с богиней и произошла та Исполнительница желаний, слава которой разнеслась по всем пределам земли. Божественная эта корова, родственная богам, мирно паслась в лесу возле хижины подвижника Васиштхи, поедая сочные травы и приходя к чистейшим водам.

И все отшельники, посещавшие тот лес, восхищались этой небывалой коровой и низко склонялись перед Васиштхой, одаренным всеми добродетелями земли, истинным брахманом, знатоком законов дхармы. И самые могучие и властные цари тоже приходили к нему, жажда услышать его мудрые советы и указания.

Но и у этого святого мудреца был враг. И врагом этим стал царь и воин по имени Вишвамित्रа, открывший свое сердце черному духу зависти. Он все время стремился сравняться с пречистым Васиштхой, но не было у него равных с этим брахманом достоинств, и темные силы терзали его душу. Но больше всего мучило его ненасытное желание завладеть божественной коровой, молоко которой было подобно амрите, а сила ее была такова, что любое желание владельца сразу же исполнялось. Однажды он даже униженно попросил Васиштху отдать ему корову, но мудрец ответил отказом. Тогда он обратился к богине Ганге, прося ее похитить этого отшельника и принести его на волнах своей великой реки ко дворцу Вишвамитры. Богиня не сразу поняла, что он хочет проявить страшное насилие, но, увидев в глазах царя блеск жестокости, повернула течение Ганги в обратную сторону и спасла мудреца.

И тогда Вишвамित्रа собрал сильное войско и повел его к обители отшельника, решив отнять у него корову силой. И вот его войско набросилось на корову и пыталось угнать ее, избивая палками. На ее жалобные стоны и просьбы о спасении Васиштха повторял, что он, будучи брахманом, не может применять силу и должен просить своих обидчиков.

И тогда корова внезапно стала страшной на вид, ее глаза покраснели от гнева, она возросла в размерах, а ее стоны перешли в грозный рев. А затем она осыпала врагов дождем раскаленных углей и породила множество воинов, обладающих всеми видами оружия.

Смертельно перепуганное войско Вишвамитры бросилось в бегство и рассеялось по земле. Сам же этот царь, будучи воином-кшатрием, увидел, что могущество истинных брах-

Корова-мать, Исполнительница желаний

А от той великой святой коровы, дарительницы жизни, восприняли все коровы земного мира свою щедрость, доброту и силу, за что и почитаемы они доныне всеми смертными, изливающими на них свою любовь и окружающими их теплой заботой, помня, что каждая из них равна матери человека.

ГАНДХАРВЫ

Когда изначальный мрак окутывал землю и Брахма посвятил все силы своего духа делу сотворения мира, стали возникать боги, свет и лучи. Месяц-Сома начал изливать бледное чистое сияние, а сверкающий Сурья искал свой путь на небе, беспрестанно озаряя все вокруг жаркими лучами, ибо не было тогда еще создано дня и ночи. Вода пронизывала небо и землю и разделяла себя между облаками и океаном.

Тогда же во вселенной рядом с богами зародились и полубоги, подобные духам. Из сплетения лучей, влаги и теней возникли, по воле бога Варуны, гандхарвы, и из ветра создались их волосы, разлетающиеся по небу, как облака. Варуна полюбил их, и они почитают его как своего покровителя и бывают покорны его воле, но редко следуют указаниям других богов.

Гандхарвы были рассеяны повсюду, и не знали боги, как велико их число. И лишь по прошествии долгих веков появившиеся в земных пределах мудрецы стали говорить, что в пространстве некогда зародилось двадцать семь гандхарвов, но другие полагают, что их число превышает шесть тысяч и что все они одинаково одарены несравненной красотой.

Они были и близки к богам, и далеки от них. Прикасаясь к тайнам богов, они даже не знали, что не следует кому-либо сообщать об этом, и разглашали их на всю вселенную, вызывая справедливый гнев небожителей, но совсем не ощущая себя виновными.

Они приникали к Соме, возлюбив его прохладный свет, и старались помочь ему найти свой путь в небе, которое стало темным после того, как боги создали ночь. Ведь ночь была создана для того, чтобы бедная Ями могла отвлечься от своего горя после утраты возлюбленного брата Ямы, ее близнеца. Ночь теперь стала наступать после завершения каждого

дня, и гандхарвы радовались вместе со всеми окружающими Ями богами, видя, что ее рыдания стихают и она ждет то появления в небе тихого Сомы, то огненного рождения Сурьи, дневного светила.

Алые кони, влекущие колесницу Сурьи, тоже вызвали восхищение гандхарвов, и они часто брались за вожжи, чтобы направлять бег этих сияющих коней от утренней зари к вечерней. Помогали гандхарвы также планетам и созвездиям, указывая им направление их плавания в просторах вселенной. Когда среди людей стали рождаться мудрецы, многие гандхарвы делились с ними своими знаниями о жизни небесных тел. Мудрецы же, создавая Веды, рассказали, что гандхарвы питаются молоком неба и земли и что они очень любят святой напиток сому, который люди щедро приносят в жертву Индре, воителю небес.

Один из гандхарвов даже овладел всей сомой, и тогда Индра разгневался на него, с боем отнял напиток и отдал гандхарвам лишь часть этого питья. Но и этому они обрадовались, так как преисполнились жалости ко всем, кто жаждет или поражен недугом и молит об исцелении. Увидев, что сила этого напитка может одолевать боль тела и души, гандхарвы много раз помогали и людям, и небожителям, поднося им сому, и все стали называть их небесными целителями.

Своим участием и заботой, подобными подкрепляющей силе сомы, они так поддерживали плакавшую Ями, что некоторые мудрецы земли думали даже, что один из них был, вероятно, отцом этих близнецов, Ямы и Ями. И даже называли его имя — Обладатель красочной колесницы. Не все соглашались, что он породил этих небесных близнецов, но даже боги стали считать его вождем гандхарвов, хотя он ничем не отличался от них, ибо каждый был подобен всем. Все они были равны по своей красоте, по возможности свободно перелетать из одного пространства в другое и по способности появляться среди смертных жителей земли в их образе. А поэтому, говоря о них, мудрецы привыкли называть их всех одним именем — Гандхарва.

Гандхарва — небесный музыкант (храмовая скульптура)

Спускаясь к смертным людям, они приносят им излучения силы богов, пропитавшей их тела. Именно гандхарвов избирают, словно посланцев, боги Агни и Сомы, передавая через них изливания своего божественного могущества. Поэтому каждая земнорожденная юница подпадает с момента созревания своей плоти под власть этих божеств. И верят люди, видя это, что на всех свадьбах невидимо присутствуют гандхарвы, дарящие невестам жар Агни и притяжение Сомы, которого на земле называют владыкой женщин и океанов.

Неустойчива природа гандхарвов, сотканная из первых проблесков света и теней мрака, уловивших в извивы своих волос зарождавшийся ветер. Они могут поспешать на помощь тем, кого терзают злые духи, но могут и увлечься недобрыми замыслами темных сил и свершать вместе с ними тяжкие деяния. Так было, что однажды низринулись они с небес в подземное царство, где обитал народ змей, и, вступив с ними в сражение, победили их и захватили накопленные ими сокровища. Много раз просили змеи вернуть их богатства, но гандхарвы прогоняли их, не вникая их мольбам. И вернули эти сокровища только по велению бога справедливости Вишну, к которому змеи прибегли за помощью.

Некоторые из мудрецов полагают даже, что гандхарвы были первыми, кто уловил в пространстве рождавшиеся гимны Вед и передал эти святые слова поэтам-риши. А поэтому гандхарвов многие считают наставниками риши, авторов Вед.

Эти небесные существа привержены высоким и чистым искусствам, и особенно тяготеют их сердца к музыке и пению. Божественные их мелодии приносят такую радость и богам, и людям, что на земле навсегда осталось название Гандхарва для строя лучших и чистейших звуков. Такое же название дал великий Ману одному особому брачному соединению влюбленных. Он сказал, что такой брак соответствует дхарме воинов-кшатриев... и что это должен быть добровольный союз девушки и ее избранника, происходящий из желания, и что при вступлении в такой брак, именуемый Гандхарва, не должна дочь испрашивать разрешения или благословения у своего отца, и не должен отец стремиться к тому, чтобы вручить жениху свою дочь в торжественном обряде, именуемом «отдание девушки». И многие смелые воины, царевичи и цари обретали дивных жен, избирая для себя такой брак как лучший для кшатриев, завоевателей земель, богатств и красавиц.

Иногда земнорожденные подолгу всматриваются в небо, ожидая, что в недостижимой выси проплывет над ними город гандхарвов, и некоторые утверждают, что видели его сверкание в глубине небес и даже слышали звуки дивной музыки, пробуждающей в сердце самые чистые и высокие чувства. Не всем дано это увидеть, но кто видел, тот счастлив, и жизнь его украшена этим благостным воспоминанием.

АПСАРЫ — НЕБЕСНЫЕ ДЕВЫ

Прекрасные собой и сладостно поющие гандхарвы не были обречены на одиночество. В те времена, когда и Времени еще не было, в глубинах вечных вод зародились апсары — девы струй. Легкие, почти прозрачные, играли они с волнами, разбрасывая по ним свои волосы, и прятались друг от друга в водных тенях. Когда же боги и асуры стали пахтать молочный океан, всплыли они на поверхность и, пленившись прозрачностью небесных струй, перенеслись во влагу облаков и стали жительницами неба.

От тех глубин, которые их породили, и от прихотливой игры водных токов и течений, то стремительных, то плавных, научились апсары движениям и изгибам и стали передавать их в танце. Увидев этих дивных, несравненных дев, ощутили гандхарвы в сердце невыносимый жар и приблизились к ним, чтобы усладить их слух музыкой, пением и словами желаний. И те браки, которые затем на земле стали именоваться браками гандхарвов, были впервые заключены в надземном мире между прелестными апсарами и красавцами-гандхарвами.

Девы небес, как и их супруги, были одарены не только волшебной красотой, но и вечной юностью. Боги пожаловали им и еще один дар — умение принимать любые формы и

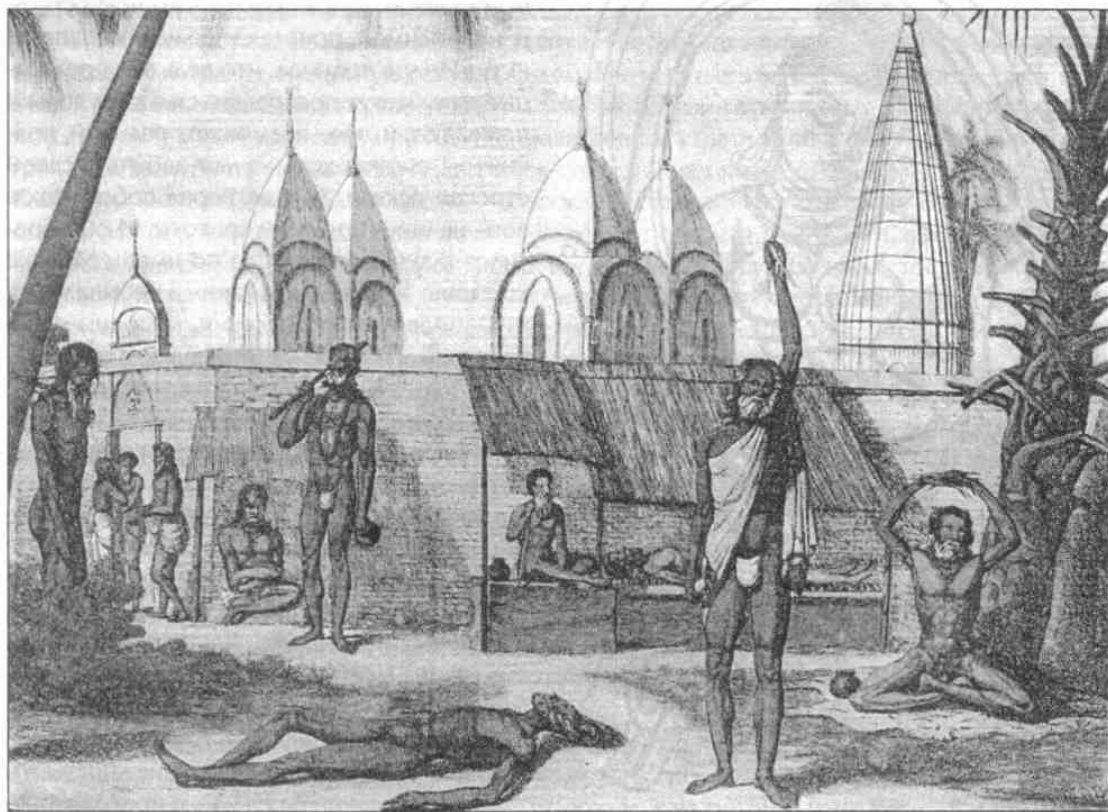

превращаться в любые существа по своему желанию. Так были открыты им пути в любой из трех миров.

Бессмертные небожители тоже возлюбили апсар, радующих всех вокруг блеском своей красоты и улаждающих взоры дивными танцами. Потекли века за веками, разрасталось Время, и не могли боги отказаться от наслаждения музыкой и танцами, предаваясь отдыху по завершении славных и многотрудных своих деяний. Они проводили долгие годы в окружении гандхарвов и апсар, и все небо наполнялось звуками чистых мелодий и отблесками украшений небесных танцовщиц.

Но вот среди земнорожденных стали некоторые праведники предаваться таким тяжелейшим испытаниям подвижничества, что почти достигали состояния божественности и были даже близки к тому, чтобы превзойти и самих богов. Они удалялись в леса, отказываясь от всех улаз и соблазнов жизни, погружались в медитацию на сотни и тысячи лет, предавались истязанию плоти, не вкушая ни пищи, ни влаги, и сосредоточивали всю свою волю на достижение силы духа, равной богам. Они даже не боялись Агни и подолгу стояли между огнями пяти костров, обжигающих тело. Когда же некоторые из них почти достигли своей высокой цели, богов охватила тревога — ведь такие великие аскеты смогут даже изменять мир по своему усмотрению, или отвращать помыслы людей от воли богов, или даже совершать деяния, подобные божеским.

Аскеты, выполняющие обеты самоистязания (рисунок английского художника, XVIII век)

Собравшись на свой высокий совет, стали говорить небожители о том, что не могут они, да и не должны, подвергать каре этих подвижников, достигших такого совершенства и прославившихся в мире людей, воспевающих чистоту их слов и стремлений, их благожелательность и жалость ко всему, что населяет землю, а также водные и облачные пределы.

Долго сообщали боги друг другу имена таких великих аскетов и не могли назвать того, кто больше всех других угрожает их могуществу. Наконец они вспомнили, что среди многих прославился шире всего и достиг особенной духовной мощи Вишвамित्रа. Тот, который некогда, еще будучи воином-кшатрием, пытался отнять волшебную корову у святейшего аскета Васишти. Тот, кто узрел затем величие кротости и праведности этого лучшего среди брахманов, отказался от мира и сам погрузился в строжайшую аскезу, достигнув таких высот своих подвигов, что был признан не кшатрием, а брахманом и возвысился как один из них. Этот Вишвамित्रа, сжигаемый раскаянием и стремящийся укрепить свой дух строжайшим подвижничеством, достиг такого совершенства, что почти уже сравнялся с небожителями, и боги погрузились в размышления о том, что и как они могут сделать, чтобы преградить Вишвамитре путь на небеса.

Их долгие раздумья не приводили ни к чему до тех пор, пока не вспомнил бог-воитель Индра о том, что он жарче других всегда восхищался прекрасным искусством и неодолимой привлекательностью апсар. И тут Индра подумал, что ведь эти прелестные девы могут превращаться в кого только пожелают и что, возможно, великий подвижник сможет хоть на миг забыть о своей строгой аскезе, увидев перед собой такое воплощение неземной красоты. И он обратился к лучшей из апсар по имени Менака со словами просьбы, с такими небывальными, что, узнав их впоследствии, мудрецы-риши записали, не изменив ни звука, в величайшую поэму мира, в Махабхарату, которую люди чтут как пятую Веду:

«Ты, о Менака, отличаешься среди апсар дивными достоинствами, окажи мне услугу, о прекрасная!.. О Менака, тебе дается такое поручение: Вишвамित्रа — муж с твердой душой и неприступный для всех — о красивая в талии, занят совершением сурового, аскетического подвига. Как бы он не сбросил меня с моего места. Пойди к нему и соблазни его, и создай помеху для его подвига, а для меня — высочайшее благо. Соблазнив его красотой и молодостью, нежностью и жестами, улыбкой и речами, о прекрасная, отвори его от подвига».

Апсара

Шаловливая Менака готова была исполнить просьбу могучего бога, но испугалась, что Вишвамित्रа разгневется и сожжет ее своим дыханием, поскольку сила его стала неодолимой. Она попросила Индру научить ее, как избежать гнева отшельника, который может даже заставить горы обрушиться на нее, нарушившую его покой. И сказала ему, чтобы он повелел ветрам-Марутам сопровождать ее и сдувать с нее одно покрывало за другим, когда она станет танцевать перед аскетом, погруженным в глубины духовного поиска и в самосозерцание. Получив согласие Индры, она воплотилась в земную красавицу и направилась к убежищу Вишвамитры.

Об этом так повествует Махабхарата:

«И вот прекрасноробкая в страхе увидела в обители Вишвамитру, который сжег свои грехи умерщвлением плоти и был занят совершением подвигов. Приветствовав его, она стала затем играть вблизи отшельника, а Марута сорвал с нее одежду, подобную луне. А красавица та торопливо бросилась на землю, чтобы поймать одежду, как бы стыдливо смеясь перед Марутой. И лучший из отшельников увидел тогда Менаку, которая стремилась поймать одежду, смущенную и обнаженную, одаренную неопишущей красотой и юностью. Увидев ее красоту и достоинства, тот бык среди брахманов, подпавший под власть любви, возымел желание сочетаться с нею, и он позвал ее. Безупречная, она также изъявила желание. И оба они провели очень долгое время в лесу, наслаждаясь вволю, как будто это был лишь один-единственный день».

Так об этой победе богов над аскетом повествует Махабхарата, вобравшая в свои строки всю красоту и правду, известную богам и людям. И из святых этих строк узнали все, что, проведя в хижине отшельника положенное для земных женщин время, дала Менака жизнь дивной дочери и вознеслась затем на небо, а Вишвамитра, утративший в силу совершенного им греха все заслуги своего тяжкого подвижничества, стал любящим отцом этой девочки, дав ей благозвучное имя Шакунтала. Когда она возросла и стала по красоте своей подобна апсаре, сочеталась она браком гандхарвов с юным царем и подарила ему сына Бхарату, от семени которого произошел и великий народ бхаратов. И о ней, и о судьбе ее достославных мужа и сына во многих строках повествует праведнейшая из поэм трех миров Махабхарата. Об этой дочери небесной девы, о ее несравненных достоинствах узнала вся земля, и земнорожденные поэты не раз воспели ее в своих творениях, превознося ее красоту и добродетель.

Апсары же, оставаясь жительницами небес, продолжают улаждать несравненными танцами и своих мужей-гандхарвов, и всех богов, желающих предаться отдохновению от великих своих деяний.

МУДРЕЦ, ПОЭТ, ПРАРОДИТЕЛЬ ГЕРОЕВ

Потомки царевича Бхараты, которому дала жизнь Шакунтала, дочь апсары, были величайшими героями земли, и славу их не смогли затмить тысячелетия. Об их подвигах и славных делах повествует великая и несравненная поэма Махабхарата, с которой люди не расстанутся до скончания Времени. И каждый узнающий ее наполняет свое сердце чистой и гордостью, а ум свой — мудростью.

От одного поколения людей к другому, из уст в уста передается это бессмертное повествование, и высоко звенит оно над миром смертных, ибо нет в нем неправды, нет ушерба. Юные часто спрашивают, кто же создал эту поэму, кем он был, и не боги ли дарили ему знание этих строк, те боги, что извечно видят все и знают все.

Да, был он боговдохновенным поэтом и величайшим святым мудрецом, дух которого мог охватить и вместить в себя все, что происходит в земных и небесных пределах. И рассказанные им предания слушали и будут слушать боги, брахманы, странники и пастухи, а также женщины и дети. И все верят и будут верить каждому слову, обогащая свою душу истинными знаниями.

Этот величайший из мудрецов, создатель дивных слов поэмы, носил имя Вьяса, то есть Составитель (великих текстов). Но издревле известно и полное его имя, повествующее о его рождении, — Кришна Двайпаяна Вьяса. Что значит это слово — Двайпаяна? Оно значит Рожденный на острове. Почему же следует так его называть? Потому что впервые увидел он свет в глубине леса на острове, где дала ему жизнь одна из дивных апсар. Она приняла облик рыбы и жила в водах реки Джамны, сестры пресветлой Ганги. Эта божественная рыба была столь прекрасна, что пленила сердце одного из великих мудрецов, и от их любовного союза зародился Вьяса.

Да, но ведь он зовется и Кришна, а это значит Черный — почему? Оттого, что он родился темнокожим, как и бог Кришна, аватара Вишну, пресветлого подателя милостей. Некоторые вокруг него, кто был светлокожим, увидев новорожденного Вьясу, стали говорить о нем как о «кришне» — черном мальчике, но не для того, чтобы унижить его, нет, совсем не для того. А для того лишь, чтобы указать, что он, столь непохожий на них, стал с самого рождения проявлять свои богоданные свойства. И все поняли, что из этого младенца вырастет тот, кто обладает высочайшими достоинствами.

Создав самую святую и праведную поэму мира, он стал подобен богам и навеки остался в памяти людей как один из бессмертных. Он знал и Веды так глубоко и совершенно, что многие мудрецы почитали его как воплощение бога Брахмы и полагали даже, что многие гимны святых Вед были созданы Вьясой, черным Вьясой-Рожденным-на-Острове.

И если спросят ученики, сидящие у ног наставника, как мог Вьяса так точно передать в своей поэме все, что происходило с ее героями, с этими воинами, вступившими незадолго давно в великую битву, ответит им наставник, знающий истину, что эти герои были внуками Вьясы. Они были порождены двумя его царственными сыновьями. И было так, что у одного из них появилось на свет сто сыновей, рожденных в браке с добродетельной царицей, а другой, по имени Панду, не мог иметь детей в силу наложенного на него проклятия. И он тогда признал своими сыновьями тех, кто был рожден его супругой, прекрасной темнолицей царицей Куши, от богов, призванных ею на ложе. И это были братья Пандавы, кшатрии, прославившиеся в трех мирах своими небывалыми воинскими подвигами, знатоки всех видов оружия и всех приемов боя, а также строгие приверженцы законов дхармы.

Вся созданная Вьясой поэма посвящена описаниям и восхвалениям деяний богов и героев — тех царевичей, что были детьми его сыновей и каждый шаг которых был ему известен. Он знал все их помыслы и надежды, все молитвы, возносимые ими к небесам, и все жертвы, которые они приносили богам.

Когда завершилась великая битва Махабхараты и наступил на земле покой, Вьяса был обрадован появлением многих своих внуков. Он с любовью посещал их, лелея и их детей, продлевающих его род. О том, как встретил мудреца один из его праправнуков, так сказано в поэме: «И когда уселся там податель даров, чтимый сонмами божественных риши, владыка царей почтил его, согласно правилам, предусмотренным шастрами. И предложил он прапрадеду Кришне, согласно законам, воды для омовения ног и полоскания рта, почетное питье и коров, чего тот вполне заслуживал... Вьяса тогда остался весьма доволен.

Тогда царь, воздав со старанием почести тому прапрадеду и усевшись с радостной душою, спросил его о здоровье».

Мудрый Вьяса, прославленный в трех мирах, был одарен неизмеримой силой плоти и духа, и его, безупречного, лишенного коварства, почитали все живущие, склоняясь перед ним, как перед богом. И прекрасное потомство, произведенное этим правдоречивым и смиренным подвижником, который все грехи сжег своей чистотой, надолго воцарилось в земных пределах, радуя подданных справедливостью и бесчисленными милостями, порождаемыми великодушием и благородством.

О ЯКШАХ И ИХ ВЛАДЫКЕ

«Якши — ведь это те духи, которые исполнены жизненных сил и всегда пребывают в деятельности, часто устремляясь при этом то на помощь живущим, а то и на бой с ними. Ведь их природа двойственна, и от них можно ожидать или поддержки, или нападения», — так размышлял самый могучий из братьев Пандавов, одно имя которого — Бхимасена — Войско ужаса — повергало в трепет всех врагов. Он направлялся в горы, вспоминая о якшах, жителях гор, утесов и деревьев. Шел он сюда, чтобы найти для своей супруги волшебные золотые лотосы, которые цвели только здесь, на скрытом от взоров людей озере, освежавшем прохладой дворец бога Куберы.

Этот бог был владыкой и хранителем несметных богатств — ему принадлежали золото и серебро, залегающие в земле, драгоценные алмазы, которые он подносил богиням для их дивных сияющих украшений, огненные рубины и другие камни, отливающие всеми цветами неба и зари.

Мало кто из живущих видел этого бога, а поэтому одни говорили, что у него не то один, не то восемь глаз и много ног, а другие уверяли, что у него, как и у Шивы, три глаза, а ног всего две и не больше.

Кубера был безмерно богат и никогда никому не завидовал, ибо имел все, чего могут пожелать небожители или земнорожденные цари. И был он также владыкой тысяч якшей, которые были его преданными слугам и воинами, мгновенно испол-

Бог Кубера в летающей колеснице (рисунок С. Потабенко)

Супруга бога Куберы

нявшими все его пожелания и веления. У якшей были огромные всевидящие глаза цвета светлой меди, и они могли сразу заметить врага, появившегося в самой дальней дали. Они сторожили дворец и озеро Куберы, который очень благоволил к ним.

Давным-давно было так, что в одной из семей якшей родилась несравненная красавица, затмившая своей прелестью всех земных дев и царевен, о чьих достоинствах и очаровании говорили все в трех мирах. Но эта юная якшини была отмечена всеми знаками совершенства — тонкой талией, крутыми бедрами, такими большими глазами, что, казалось, их уголки достигают золотых серег, и улыбкой, при свете которой расцветали бутоны. Небывалые достоинства этой якшини прельстили бога Куберу, и его обуяла такая жгучая любовь, что он сделал ее своей супругой и радозал ее сердце тем, что каждый день дарил ей новые украшения. Она убирала ими свои пышные волосы, черным водопадом ниспадавшие на ее стан, свои гибкие руки, унизывая их алмазными браслетами выше локтей, и свою юную грудь, подобную спелым плодам и всегда умиленную лучшими ароматами.

Дивная якшини не раз заступалась перед божественным супругом за тех ее родственников-якшей, которые вызывали его гнев, и он прошал виноватых, за что их служение ему было исполнено радостной готовностью. Они любили Куберу — этого своего господина и вечного повелителя.

Но вечным бессмертным он был не всегда. Сначала было так, что он родился как получеловек и полудемон, а его старшим братом был тот ужасный ракшас по имени Раван, который осмелился похитить светлую супругу великодостоинного героя Рамы и увлечь ее на свой золотой остров. Был Раван жесток и внезапно изгнал Куберу, младшего брата, навсегда из царства. Бедный изгнанник решил снискать милость богов и предался жесточайшему подвижничеству, и в течение тысячи лет, год за годом он подвергал себя мукам и самоистязаниям. Небожители заметили его подвиги и услышали его молитвы. Сжалившись над ним, всевластный Брахма одарил его бессмертием.

Исполненный радости и счастливый в браке, Кубера жил на святой горе Кайласе, вблизи всемогущего бога Шивы; и были его чертоги украшены всеми сокровищами земли и сияли, словно лучи самого Сурьи. Окружавшие его дворец сады, обильные плодами, излучали такой аромат, что привлекали сотни гандхарвов и апсар, и они непрерывно услаждали здесь всех чудной музыкой, пением и танцами.

И вот тут, перед этими чертогами, было озеро, подобное чистому небу над горами. Его вода была обильна, всегда прохладна и сладка, как амрита, и к нему спускалась супруга Куберы, чтобы совершить омовение и насладиться видом золотых лотосов, которые расцветали при ее приближении, как при восходе солнца. В том саду под лианами и под ветвями цветущих деревьев ходили павлины, распуская свои яркие хвосты, подобные сокровищам Куберы, а в листве над ними звенело пение птиц, рождавшее радость в сердце.

Сильные якши, преданные Кубере, охраняли там все горные пути, ведущие к озеру, и бессонно пребывали на страже и днем и ночью, то бродя по берегу озера, то укрываясь в

густой листве деревьев и в зарослях цветущих лиан. И вдруг они услышали тяжелые шаги Бхимасены, а затем и увидели на склоне горы этого сокрушителя врагов, который стремился вперед, как дикий слон стремится к водопою, сокрушая все на своем пути. Увидев этого грозного в своей отваге героя-Пандава, они ощутили, что их обуяла ярость, но все же сначала они сдержали свой гнев и подошли к нему с вопросом:

— Зачем ты явился сюда, о мощнорукий? И кто ты? Отвечай немедленно!

Бхимасена, наделенный великим мужеством, не знал страха и не испугался якшей, подступавших к нему с оружием, и сказал им:

— Ветер принес с этой горы к ногам моей добродетельной супруги душистые лепестки золотого лотоса, и мне сказали, что здесь я смогу найти эти цветы, которые она пожелала. Я и явился за ними.

Глаза якшей засверкали от гнева, и они схватились за мечи:

— Сюда приходит наш царь Кубера со своей супругой, чтобы наслаждаться отдыхом. Здесь не место смертным! Ты выказал неуважение к богу, дерзко проникнув в этот сад, и теперь должен умереть!

Вместо ответа Бхимасена ударил рукой по звонкой тетиве своего лука, и она издала звенящий угрожающий звук, разнесшийся далеко по горам. И тут, откуда ни возьмись, к этим нескольким якшам-сторожам, грозившим герою своими мечами, подбежало множество ракшасов. Они тоже были подчиненными у Куберы, поскольку он ведь был родным братом царя Равана, их верховного повелителя.

И вот все это собравшееся войско двинулось на Бхимасену, издавая угрожающий рев и размахивая мечами и булавами. Но не дрогнул перед ними доблестный воин с могучими плечами. Стремительно пускаемые им стрелы жарким дождем покрыли наступающих, нанеся им тысячи ран. И тогда все оставшиеся в живых ракшасы устремились вдаль, спасаясь от гнева грозного кшатрия, не знавшего поражения в битвах.

Прибыв в дворец Куберы, стали они горько жаловаться ему на смертного мужа, перебившего столько демонов и якшей:

— Погибли лучшие из всех обуянных яростью наших воинов и лежат там бездыханные в твоём цветущем саду! Что нам делать? Решай, повелитель.

Глаза Куберы налились кровью от необоримого гнева. По его приказу была немедленно подана воздушная колесница, украшенная всеми драгоценными камнями, и он ринулся к месту битвы. За ним сразу же устремилось и войско безмерно преданных ему якшей.

Но, увидев Бхимасену, он узнал в нем одного из прославленных братьев Пандавов, известных непревзойденной доблестью и нерушимым благородством. И тогда этот даритель богатств смягчил свое сердце и велел своей летающей колеснице опуститься на землю. Бхимасена почтил приветствием Куберу, как должно приветствовать бога, но не явил его взору ни страха перед готовыми к бою его якшами, ни слабости от нанесенных ему ран. И Кубера выразил ему свою милость, промолвив мягким голосом:

— Ты достиг искомой тобою цели, великий Пандава, возьми эти лотосы. А убитые тобою якши и ракшасы достигли конца своих дней в силу веления их судьбы. Ты же был только орудием, исполнившим ее волю. Знай, что все это было мне давно предсказано.

Удивленный Бхимасена спросил этого владыку сокровищ:

— Как и когда могла быть тебе предсказана гибель преданного войска и этого полководца ракшасов? Кто мог предугадать, что они падут тут от моей руки? Ведь совсем неожиданно я услышал, что моей супруге желанны эти лотосы, и явился сюда неожиданным.

И Кубера рассказал ему, что однажды он отправился на совет богов:

— И со мной вместе на воздушную колесницу вошел и этот могучий ракшас, что осмелился начать здесь с тобой поединок. Во время того полета к богам этот мой спутник увидел на земле одного из великих святых отшельников, занятого подвижничеством, и дерзко плюнул ему на голову. И тот аскет гневно проклял его, предсказав, что его убьет в поединке доблестный воин, стойкий в бою и не знающий страха. И вот это сбылось! А ты, — продолжал свой рассказ Кубера, — как я и сказал, явился лишь орудием в руках его судьбы, исполнителем проклятия того мудреца. За твою храбрость и за верность воинским законам кшатриев я хочу наградить тебя. Я велю всем якшам, что подвластны мне, исполнять любое твое желание. Они будут покорны тебе, как покорны мне, их владыке. Сокрушай же и впредь гордыню всех врагов и увеличивай радость друзей!

С этим прощальным пожеланием Кубера взшел на свою колесницу, и она взвилась в небо так стремительно, словно пила ветер и глотала облака. И за ним устремились преданные ему якши и ракшасы и скрылись в высоте, подобно стае больших и сильных птиц.

ДЕВУШКА СТАЛА ЮНОШЕЙ

Однажды случилось то, что могло стать непоправимым, но было исправлено. И не случайно, а благодаря вмешательству одного великого якши. А было так, что царь по имени Друпادا обрел верную и благочестивую супругу, которая за долгие годы супружества не могла породить должного потомства. Но ведь даже самые низкие рабы продолжают себя в своих потомках, что же говорить о царе! Горе супругов было столь велико, что изнуряло их души. И этот повелитель подданных стал постоянно звать ко всепорождающему богу Шиве, умоляя его о появлении наследника трона. После принесения бесчисленных жертв и совершения многих молитвенных ритуалов явился царю этот неодолимый бог, подобный пламени, сказав, что мольба Друпады будет им исполнена, но только родится у него не сын, о котором он молил, а девочка. Шива, чье слово нерушимо, утешил царя, пообещав, что эта девочка будет столь необычна, что с течением времени станет мужчиной, достойным восхваления.

Промолвив эти слова, Махадэва добавил: «Это предопределено судьбой и должно случиться, и не может быть иначе!» Когда всемогущий бог покинул Друпаду, внеся в его мысли смятение, тот отправился к мудрецам-отшельникам, прося истолковать и разъяснить столь странное предсказание этого величайшего из богов. И он узнал, что в жизни его потомка, кем бы он ни был в первые годы после появления на свет, найдут отражение те события, которые совершились на земле в давние-давние времена. И что связь всех событий нерушима — все, что происходит сейчас, повлияет на то, что произойдет когда-то в будущем.

На просьбу царя поведать ему о том, что же случилось некогда и отразится теперь в жизни его ребенка, он услышал такое сказание.

Некогда у одного царя, у предка Друпады, было три дочери. Эти безупречные царевны отличались дивной красотой. И старшая из них, Амба, обещала втайне от отца свою руку молодому правителю соседнего царства, где жил народ дашарнов. И оба любящих с нетерпением ожидали дня своей свадьбы. Но не знающий об этом отец царевны объявил на весь мир, что в его столице будет проведен обряд соревнования женихов, где три победителя получат в награду трех его дочерей и будет проведен торжественный свадебный обряд.

И вот на это воинское состязание, предписываемое обычаем всем кшатриям, собрались сыновья многих царей. Они сошлись на площадь, богато убранную флагами и цветами, и

вошли под парчовые навесы, готовясь к соревнованию в силе и ловкости и бросая пламенные взоры на восхитительных царевен, сидевших возле трона отца в ожидании своих будущих мужей.

Но не успели еще глашатаи объявить условия состязаний, как на площадь влетела колесница одного из величайших воинов земли, непобедимого Бхишмы, снискавшего своими подвигами славу в трех мирах. В Махабхарате сказано, что он не был простым человеком — его родила сама богиня Ганга, одарившая его высокой участью и безмерной отвагой. И вот он повелел вознице придержать коней у самого царского трона, подхватил на свои могучие руки всех трех невест, а затем вскочил на колесницу и скрылся вдаль так стремительно, что другие воины не успели даже добежать до своих колесниц.

Бхишма похитил невест для своего юного брата, которому он заменял отца, и он получил согласие на брак от двух царевен. Старшая же, Амба, предалась неодолимой тоске и стала заклинать своего похитителя лучшими словами, умоляя отпустить ее к тому, с кем она хотела соединить свою жизнь, кого она избрала в мужа по обычаю гандхарвов, не испрашивая разрешения отца.

Благородный Бхишма согласился и отослал ее к избранному ею жениху. Но там ожидало ее великое горе: тот царевич отказался принять ее как обесчещенную пребыванием в доме другого мужчины и изгнал из своего дворца, не веря ее слезным клятвам о своей чистоте, нетронутости и целомудрии.

Несчастливая Амба, убитая сердечной мукой, отвергнутая женихом и не смеющая вернуться в дом отца, побрела в лесные обители отшельников. Она стала умолять их приобщить ее к святым подвигам умерщвления плоти, ибо не видела для себя иного жизненного пути на земле. Она хотела подвижничеством обрести силу мужчины и отомстить Бхишме, который сверг ее в такое незаслуженное страдание.

Она провела много дней в попытках достичь желаемого. Но не обрела она должной силы всеми муками аскетических подвигов — ни изнурением плоти голодом и жаждой, ни долгим стоянием под жгучим солнцем. И тогда она направила свои стопы по местам священных омовений, проводя год за годом в тяжелых странствиях по рекам, пересекая леса, пустыни и горы.

Так она достигла светлых струй великой Ганги, бегущей к океану. И из вод вышла к ней сама богиня Ганга и спросила о цели ее подвижничества. Услышав от Амбы, что она хочет об-

Пророчество Ганги: Амба станет мужчиной

рести великую силу воина, чтобы убить Бхишму, богиня сказала ей, что ничего она не добьется в этой своей жизни, в этом своем рождении, но что после смерти она снова будет возрождена в образе дочери царя. Богиня пояснила, что эта будущая дочь царя воспримет лишь половину женской природы Амбы, а другая ее половина обретет сущность мужчины, готового к любым сражениям и воинским схваткам.

— И богиня Ганга, эта мать Бхишмы, уверила Амбу, что тогда, в этом новом рождении, она станет воином и сможет принять с ним бой. «Ты же, — завершила богиня свою речь, — превратишься в реку, которая перенесет в будущее две новых половины твоей сути, мужскую и женскую. Полгода ты будешь полноводна и станешь вспаивать людей, а затем будешь терять воду и обретать жар сухого песка».

— И вот теперь, по прошествии должного времени после смерти Амбы, у тебя, праведного царя, родится девочка, которая станет мальчиком, — так завершили свое повествование мудрецы-отшельники.

Друпادا понял, что слова Шивы сбываются.

Он передал все эти речи своей супруге, и они стали ожидать появления на свет своего ребенка, не зная, кто из возможного их потомства примет обещанную судьбу. Когда в должный срок родилась девочка, супруга сообщила Друпаде, что уже родился мальчик, и они устроили торжества, которыми должно сопровождаться появление на свет наследника. Царь пребывал в таком заблуждении и тогда, когда его дочь выросла. И, любуясь красотой мнимого сына, он объявил всем, что ищет невесту для наследника из числа царских дочерей. Он свято верил в слова всеведущего Шивы и не видел в своем ребенке женского пола, а всем сердцем верил в то, что уже в утробе матери девочка превратилась в мальчика.

На призыв Друпады откликнулось много справедливых правителей других царств, но он избрал дочь соседнего царя из страны дашарнов. Когда настал день, определяемый счастливым стоянием планет, была совершена свадебная церемония, и дочь Друпады обвенчали с дочерью царя дашарнов. И вдруг эта юная царевна из другого царства узнала после свадьбы, что ее повенчали с девушкой, такой же, как и она сама. Пораженная такой неожиданностью, она сообщила об этом своим родным. И ее отец, охваченный горем и гневом, послал к Друпаде вестника, который передал ему слова оскорбленного царя: «Ты унизил меня, о царь. Ты выпросил у меня мою дочь для дочери своей. Я уничтожу тебя и весь твой род. Ты пожнешь плоды своего обмана! Готовься к битве!»

Тогда Друпادا спросил у своей супруги, где тут правда, а где ложь. Услышав от нее всю истину, он повелел ей открыть правду всему их царству и всем вокруг, ибо уже движется к их столице войско врага.

Друпادا принес много жертв богам, моля их о покровительстве, и стал готовиться к бою и укреплять город для обороны своих подданных. В безмерном своем горе стали родители этой царевны обсуждать свое горькое положение и сетовать на судьбу, ожидая поражения от разгневанного царя дашарнов, а также боясь всеобщего осуждения. И вышло так, что их дочь услышала их сетования и жалобы. Видя в себе виновницу таких несчастий, она решила покончить с собой и убежала тайком из дворца в поисках смерти. Желая, чтобы ее разорвали дикие звери, она направилась к далекому мрачному лесу, чтобы найти там свою гибель.

Но в лесу, бродя среди колючих кустов и спутанных лиан, она вдруг увидела чье-то жилище. Робко войдя в него, она встретила там поджидающего ее якшу, который был хранителем этого леса, оберегая всех и все, что в нем жило и росло.

Якша расспросил убитую своими неудачами царевну обо всем, что с ней произошло, и, узнав, что она жаждет смерти как высшего избавления от бесчисленных бед, он долго смотрел на нее своими глазами цвета сверкающей меди, а потом решил, что ему следует сделать. Пожалев всем сердцем эту юную, ни в чем не повинную девушку, якша обещал, что сможет исполнить любое ее желание, чтобы помочь ей.

— Ах нет, это невозможно исполнить! — в слезах отвечала ему царевна. — Ведь ни у кого нет сил изменить то, что мне предопределено.

— Вот именно у меня-то и хватит на это сил, — возразил ей якша. — Ты забыла или не знала, что я же не человек и обладаю даром менять свой облик по желанию. Я могу спасти тебя.

— О спаси скорее, но не меня, а моих бедных родителей, которым грозят позор и разорение царства. Моя мать говорила, что, по словам великого Шивы, я должна стать женщиной, а я все еще девушка и не вижу конца своему пребыванию в этой женской сущности.

— Сбудутся слова всемогущего бога, они всегда сбываются, и я сейчас исполню их, — промолвил якша. — Вот я отдаю тебе свой пол, а сам стану женщиной. Ты можешь носить мой мужской образ, как одежду, а когда настанет срок, вернешь его мне, совершив все, что должен совершать мужчина. Согласна ли ты так обменяться со мной?

— Я согласна, согласна! О великодушный, я так благодарна тебе, что готова припасть к твоим ногам. О да, я согласна!

— Под каким именем тебя знают во дворце? — спросил ее якша.

— Мое имя Шикхандини, так звали меня родные.

— Ты должна теперь забыть это женское имя. У тебя с этой минуты есть мужское имя Шикхандин, и никто больше не сможет обратиться к тебе как к женщине. Так я хочу спасти тебя, твоего отца и всех членов его царского рода, ничем не опороченного.

И мгновенно девушка превратилась в юного воина в золотых доспехах, а якша у нее на глазах обрел вид женщины в ярких покрывалах и блестящих украшениях. Созданный таким волшебством молодой Шикхандин поспешил во дворец и предстал перед своим удрученным отцом в новом, мужественном, облике. Узнав обо всем, что произошло, обрадованный Друпادا тотчас же послал гонца к царю дашарнов, чтобы тот узнал, что не было обмана и никто перед ним не виноват и что во дворце сияет, словно утреннее солнце, его сын, готовый к битве, если она не будет остановлена. Но тут, чуть только отбыл его гонец, прибыл вестник от врага, почтенный брахман, с известием, что пора начать бой.

Друпادا и Шикхандин встретили его с должным уважением, подарили ему самую лучшую корову своего стада и предложили угощение. А их гонец в этот самый миг вошел в лагерь дашарнов и все поведал их царю, исполненному негодования. Не будучи в силах поверить в такие слова, этот царь отправил во дворец Друпады десять наилучших женщин, чтобы они проверили, нет ли тут нового обмана и не девушка ли все-таки этот сын Друпады. Увидев, что сын на деле настоящий сын и что обмана нет, эти женщины принесли радостную весть дашарнам. И тогда их царь, наделенный великой справедливостью, прибыл к Друпаде как гость и друг, поднеся ему множество даров и отдав его наследнику свою дочь, ибо свадебная церемония уже была проведена, согласно всем предписаниям закона дхармы.

Юный царевич вступил в новую счастливую жизнь, и его счастьем не было бы границ, если не терзала бы его мысль о том, что он должен будет вернуть доброму якше его мужской пол и снова стать всего лишь женщиной.

Но судьба снова сжалась над ним.

В эти дни случилось так, что даритель богатств, бог Кубера, повелевавший всеми якшами, решил проверить, как охраняется тот далекий лес. Он прилетел туда на своей золотой колеснице и увидел, что жилище якши, назначенного охранителем этих мест, украшено флагами и гирляндами, и из него струятся ароматы воскурений и цветочных притираний, которыми любят пользоваться женщины.

Кубера был удивлен и тем, что якша, живущий здесь, не встречает его, своего господина, как должно, и что все эти ароматы и убранство жилья не отвечают обычаям тех якш, которые ведут строгий образ жизни мужчин. Он велел якшам из своей свиты привести к нему этого скрывающегося в жилище, украшенном цветами. Когда же перед ним предстала женщина, робеющая и смущенная, он узнал в ней якшу только по глазам, имеющим цвет меди.

— Что это? Ты почему без моего разрешения стал женщиной? — грозно спросил его Кубера.

Выслушав же всю историю этого превращения в женщину, бог — повелитель якшей страшно разгневался и проклял своего подданного, повелев ему оставаться теперь навсегда женщиной.

Вскоре Шикхандин, верный слову чести, явился к нему, чтобы вернуть ему мужской облик, но якша сказал, что он не сердится на свою долю и не страдает от своего превращения, ибо никто не может по желанию менять течение своей судьбы. И царевич вернулся во дворец, исполненный счастья, и погрузился, как и положено царским сыновьям, в изучение многих наук, и прежде всего — воинской.

Великий же кшатрий Бхишма, некогда похитивший царевну Амбу, узнав о судьбе Шикхандина, объявил всем, что никогда он не встретится с ним в боевом поединке, ибо ни один истинный муж не должен и не может поднять руку на женщину, а ведь этот царевич был рожден как девочка. Он сказал, что «страдания этого царевича-царевны истерзали мое сердце воина, и я считаю, что Амба так осуществила свою месть».

Загалочная Якшини
(камень, II век н.э.)

ВРАГИ БОГОВ И ЛЮДЕЙ

ОШИБКА БОГОВ

Когда над миром восходило Время, змее-дракон похитил солнце, и возникли долгие сумерки. Не были они ни днем, ни ночью, но длились и длились, и богам было тяжело без света. Увидев, что за этими нескончаемыми сумерками наступает такая же бесконечная ночь, Индра устремился на бой с Вритрой и убил его, возвратив солнце на небо. Все страны освободились от мрака, и радость земли была безгранична. Индра стал признанным царем богов и земнорожденных и обитал в праведности и довольстве в своем раю, который все стали звать Рай Индры.

Но внезапно его охватила тоска. Он вспомнил, что убил змея Вритру, который был сыном брахмана, а такой грех не может быть прощен ни богами, ни самим собой. Его охватило уныние, настолько глубокое, что он покинул небо и скрылся в воде озера на одиноком острове посреди северного океана.

Воцарилось безвластие в небе и на земле. Оно так пагубно отразилось на земной тверди, что она вся опустела, увяли цветы, засохли деревья и иссыкли все реки.

Небожителей охватило великое беспокойство — ведь в отсутствие царя все события выпадают в великий беспорядок и жизнь погружается в море невзгод. Они собрались на совет и долго не могли решить, что же им теперь делать. Хотели было другого бога возвести на царский трон, но никто из них не решался стать во главе царства. Призванные на совет величайшие мудрецы, наивысшие из достойных, посоветовали призвать на царство земного правителя. Всем им был известен царь по имени Нахуша, происходящий из древней прославленной Лунной династии. Все знали, что правители из этого рода всегда славятся праведностью и умением вести царство к процветанию.

Достигнув общего согласия, боги приблизились к Нахуше и стали просить его взойти на небесный трон и обрести высочайшую власть над небом и землей. Но этот земной царь сначала очень испугался и стал говорить, что у него нет такой силы, чтобы управлять тремя мирами. Боги же стали его упрашивать, указывая на самих себя как на источник его силы, а также на стойких в обетах мудрецов и на умелых во всем гандхарвов.

После долгих колебаний и сомнений Нахуша согласился и был объявлен царем. Он обещал при чтении святых гимнов Вед, что будет беспорочно и неуклонно охранять от зла все небесные и земные пределы и беречь все сущее. Но, взойдя на трон, сразу же начал с того, что стал алчно вкушать сладость своей безмерной власти. Окружив себя прелестными апсарами, он погрузился в море наслаждений и пировал в роскошных небесных садах, питаясь молоком от лучших коров, вкушая плоды небывалого аромата и вкуса и слушая дивную музыку и пение гандхарвов, увлекающие слух и завораживающие душу.

И вот однажды он увидел Индрани, божественную супругу Индры. Потрясенный ее красотой, Нахуша не смог сдержать своей дерзостной страсти и потребовал, чтобы она стала его покорной служанкой. Испуганная богиня обратилась с горькими жалобами к достойному жрецу и наставнику богов, мудрейшему Брихаспати, прося защитить ее, верную

Индрани

и благочестивую жену бога-воителя, от домогательств Нахуши, который забыл о законах чести, обязательных для царя и для каждого воина. Мудрец утешил ее, сказав, что Индра скоро вернется на царство, и посоветовал не попадаться на глаза новому правителю.

Узнав о ее жалобных речах, обращенных к Брихаспати, Нахуша впал в такой ужасный гнев, что стал даже страшен видом и испугал всех вокруг, а земля вся задрожала от страха. Он грозно напомнил богам, что теперь он царствует, а потому им следует почитать его веления и немедленно привести к нему эту чужую супругу.

Смутившиеся боги направились к Индрани, которая укрылась в обители Брихаспати, и передали ей ужасные слова Нахуши. Они все пришли в смятение и не видели выхода, ибо он был теперь их владыкой и требовал неукоснительного подчинения. Но Брихаспати твердо сказал, что он не предаст эту богиню, прибегнувшую к его покровительству, так как тот, кто отдает врагу просящего защиты, сам не найдет ее в нужный миг. Но он посоветовал Индрани обмануть дерзкого, испросив у него времени для размышления, — ведь не сможет она вдруг превратиться в его супругу, не узнав сначала, что случилось с ее первым мужем.

Обрадованный ее мнимым согласием, Нахуша разрешил ей повременить, поверив, что эта богиня, отмеченная всеми знаками красоты, скоро будет принадлежать ему. Он продолжал свои бесчинства и пренебрегал обязанностями царя, погружаясь все глубже в пучину неправды и проводя дни и ночи в поисках удовольствий и радостей.

Видя все это, боги направились за советом к самому Вишну, перворожденному и многовластному блюстителю праведности. Выслушав их жалобы, этот пресветлый стал скорбно размышлять о том, как вернуть на царство Индру, как очистить его душу от сознания греховности его поступка — этого содеянного им некогда убийства Вритры. Наконец Вишну пояснил пришедшим, что к этому только один путь: бог-воитель должен совершить великое жертвоприношение коня, что является искуплением даже такого великого греха, как убийство брахмана.

Боги, возглавляемые жарким Агни, явились к скрытому убежищу Индры и провели вместе с ним этот величайший ритуал — ведь не следует его проводить в одиночестве, ибо не будет в этом должной заслуги. Такое жертвоприношение снимает грех с души и делит его тяжесть между деревьями и реками, между горами и землей. Но даже при этом избавлении от греха слабость духа не покинула Индру, и он продолжал скрываться в водах того озера на острове.

Объятая тоской Индрани призвала к себе прорицательницу, умоляя указать место, где можно найти супруга. И эта всевидящая привела ее к океану, и к острову, и к озеру на нем. Встретившись с мужем, Индрани излила ему все свои горькие жалобы, рассказав о домогательствах бесстыдного Нахуши и о том, как трудно ей одной вести борьбу с его нечистыми

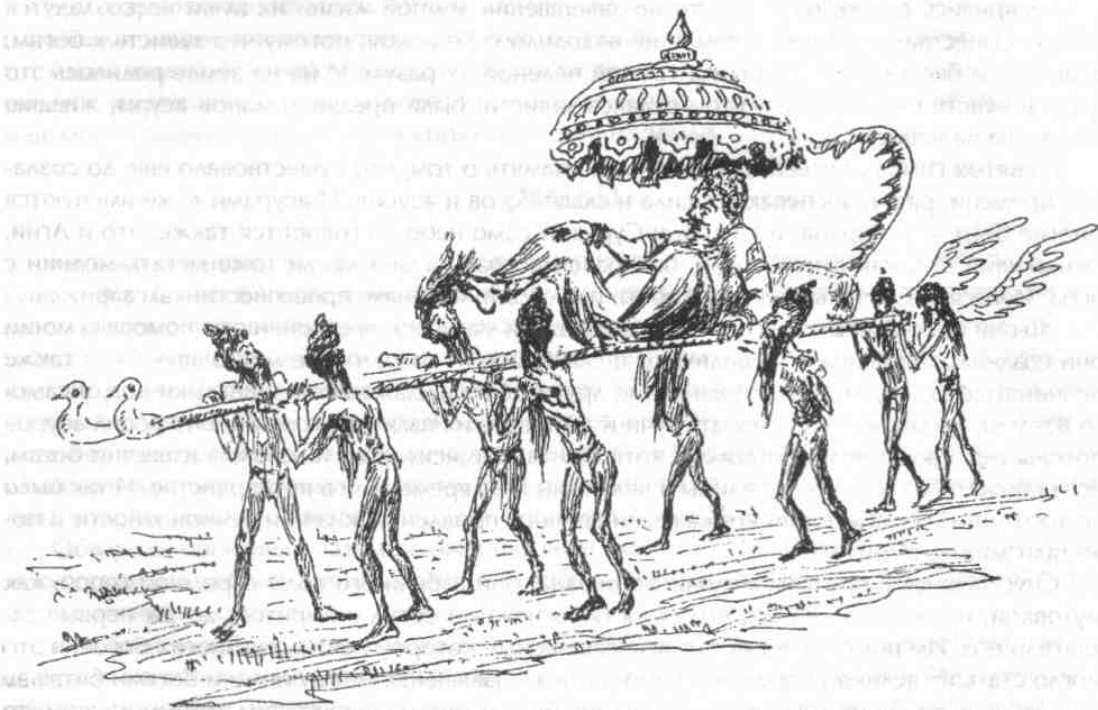

желаниями. Она слезно умоляла Индру вернуться или хотя бы дать ей совет, что делать, как спасти свою честь.

И тот бог, бывший еще недавно столь неодолимо мощным, а теперь погруженный в одоление своей слабости, просил ее ждать его возвращения, а пока еще раз прибегнуть к хитрости и постараться так унижить злодея, чтобы отняли у него боги свой ошибочный дар — избрание его на царство.

— Заставь его совершить такую низость, — сказал он, — которая уже никем не сможет быть прощена. Обещай ему, что станешь его женой только тогда, когда принесут его к тебе самые избранные мудрецы-риши в паланкине на своих плечах.

Согласившись с мужем, вернувшаяся в верхний мир Индранги передала Нахуше свое требование. Этот низкодушный поторопился его исполнить и повелел впрячь в свой паланкин лучших из аскетов, заслуживших своим подвижничеством пребывание на небесах вместе с небожителями. Увидев это невероятное шествие, боги содрогнулись. А изнуряемые усталостью и горестью те великие и непорочные мудрецы, которые несли Нахушу, спросили его, помнит ли он и признает ли те гимны и слова, что изрекал он при обряде восшествия на трон. И он ответил, что ничего этого он не помнит и не знает. Тогда все обвинили его в том, что он склонен к беззаконию и порочит Веды. Но этот погрязший в грехах и отступничестве осмелился еще и толкнуть ногой голову высшего среди мудрецов, совершив непростительный поступок. И вот всеми этими низкими деяниями он отбросил от себя и силу, и власть, и право повелевать. И оскорбленный им мудрец воскликнул в гневе: «Низвергнись же ты, лишенный величия, стремглав на землю! В течение десяти тысяч лет будешь ты ползать теперь по миру под видом громадного змея!»

Нахуша унижает мудрецов-риши (рисунок С. Потабенко)

И Нахуша вмиг скатился с небес, как сгусток тьмы. А Брихаспати направился к прибежищу Индры и повел с ним беседу о том, что кончилось беззаконие на царстве и это означает возврат к Индре его великой силы. Узнав, что наставник встретился с этим царем небес, пришли туда и другие боги. Восхвалив должными словами все подвиги этого небесного владыки гроз, они напомнили ему, что ведь Нахуша был избран на царство лишь потому, что сам Индра отказался от власти, и призвали его вернуться на трон. Тогда Индра, вновь обретший свою неодолимую силу, вскочил на своего белого слона, избранного им в дни добывания амриты из молочного океана, и направился в свои небесные пределы. Его радостно сопровождали все пришедшие за ним небожители, ликующие в ожидании нового воцарения праведности на небесах и на земле.

АСУРЫ

Когда по воле первотворца Брахмы создавался мир, возникая из вод и мрака вселенной, им были порождены и первые асуры, почти во всем подобные богам. И так же, как и боги, они еще не знали бессмертия, но, будучи почти равными богам, они тоже уже жаждали его.

Стремление к бессмертию терзало с самых изначальных начал души тех, кто еще не знал вечной жизни, а не знали ее ни боги, ни демоны, ни люди, появившиеся одни за другими во вселенной. Амрита, напиток бессмертия, таившаяся на дне молочного океана, притягивала к себе волю и помыслы и небожителей, и духов.

И если люди, возникшие на земле в долгом ходе веков, познали свою смертную долю и примирились с нею, ожидая, что по завершении земной жизни их души воссоздадутся в иных существах, то демоны земли не находили себе покоя, потому что зависть к богам, познавшим бессмертие, застилала темной пеленой их разум. И не на земле родилось это черное чувство — первыми, кто поддался зависти, были предки демонов асуры, жившие тогда еще на небесах.

В святых гимнах Ригведы, сохранивших память о том, что существовало еще до создания Времени, равно воспеваются сила и слава богов и асуров. И асурами даже именуются многие боги — и Варуна, и Индра, и Сурья, и само небо. И говорится также, что и Агни, сжигающий все, как сухую траву, был равен асурам, и они могли тоже метать молнии с неба. И месяцу Соме были они подобны, и светлым Ашвинам, провозвестникам зари.

Но они отличались от богов тем, что обладали магической силой, и с ее помощью могли они создавать невидимое из видимого и слышимое из того, что не могло звучать, а также подчинять себе то, что было подвластно другим богам. Даже когда у владыки вод, у самого Варуны, не хватало сил собрать тучи и заставить их излиться дождем, он просил асуров помочь ему своим волшебством. И хотя это тайное искусство и не было известно богам, все небожители были все же едины и неделимы и во времени, и в пространстве. И так было до того мига, когда все они возжаждали вечного продления жизни и вечной юности и желали добыть амриту.

Спустившись в пределы молочного океана, они взбили его воды огромной горой, как мутовкой, и когда со дна его поднялся белоснежный сосуд с амритой, асуры первые захватили его. Им помогла тогда та магическая сила, которой не было у многих богов, и это могло стать их великой победой. И если бы в завязавшей между ними и богами битве за амриту не поразил их тогда владыка солнца Вишну своим сверкающим острым диском, то они, а не боги стали бы бессмертными.

Но побежденные в том бою униженные асуры были низвергнуты с небес и навсегда стали врагами богов, найдя новые прибежища в пределах земного и подземного миров и на дне океана.

Так было.

Люди же, зародившиеся на земле через века после этого, не могли помнить о такой надмирной борьбе. Они ощущали, что их души вздрагивают и трепещут от прикосновения силы, выдыхаемой богами или асурами, но сначала продолжали почитать равно и тех, и других. Они называли асуров богами, а богов — асурами и обращались к Сурье, именуя его золоторуким асурой, а Варуну просили как великого асура о защите, полагая его всеведущим асурой, знающим все земные пределы. Многие стали даже призывать только асуров для помощи в достижении целей и забывали упоминать богов в своих молитвах. Сила асуров и их волшебство стали так широко известны смертным, что часто вытесняли из сердца и разума людей стремление к светлым богам.

Низвергнутые с небес асуры утверждали свою власть над миром. Они стали возводить дивные города под землей, на земле и в воздухе, и эти города могли то исчезать из глаз смотрящих на них, то возникать совсем в другом месте, а воздушные города свободно перемещались в пространстве, а иногда и скрывались под водой.

Асуры старались установить свою власть, вступая в дружбу с прославленными царями и воинами земли. Так узнали они однажды, что праведным кшатриям, братьям Пандавам, помогают боги в их героических деяниях и битвах, и стали все чаще обращаться к ним за помощью. И было даже так, что Пандавы однажды спасли одного из них, попавшего в беду, и в благодарность за это асуры возвели для них силой волшебства дворец, украшенный драгоценными камнями всех цветов и оттенков, о чем стали говорить восхищенные люди.

Люди видели, что асуры бывают совсем разными и могут появляться чаще всего как гиганты, но могут и становиться совсем маленькими, но ничего они не знали об их природе и не могли сказать, откуда и когда появились они на земле.

ДАЙТЫ

Но боги помнили, что Брахма, сотворяя мир и все сущее в нем, породил и сына — бога Дакшу. А у Дакши в числе многих-многих его дочерей родились те две, по имени Дити и Дану, которые с течением времени дали жизнь могучим асурам. Выдавая своих дочерей за владычных богов, отдал Дакша этих двух в жены великому мудрецу Кашьяпе, что было им сделано после протекания многих и многих веков. Отданы были Дити и Дану тому Кашьяпе, который от других своих жен породил змеев-нагов и всемогущую птицу Гаруду, имя которой с тех пор повторяли все. Эти две дочери Дакши родили в браке с Кашьяпой асуров, ставших самыми властными асурами на земле. Они разделились на два рода, именовавшихся в память о породивших их матерях дайтьями и данавами.

Оба рода произвели затем множество себе подобных потомков, тоже отличавшихся искусством волшебных деяний, силой и недобрым нравом. И зависть к бессмертию богов всегда точила их сердца.

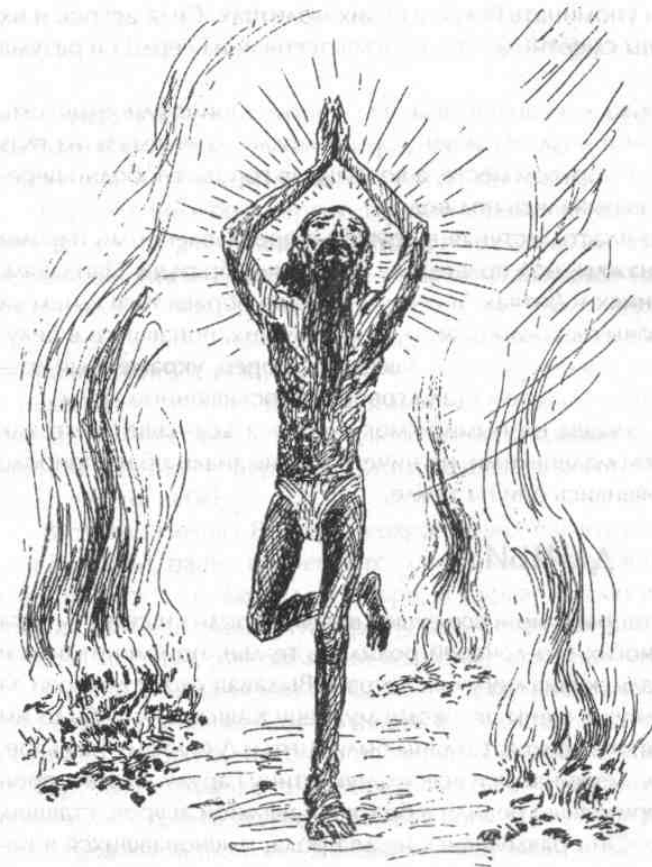
И дайтьи, и данавы жаждали потомства для успешной борьбы с богами. Не находя достаточно места на земле для великого множества своих детей, начали они, одаренные безмерной хитростью, порождать себе подобных среди смертных жителей земного мира. Такой путь они избрали для утверждения своего господства над всеми живущими.

И вот стали нарождаться существа, подобные асурам, в семьях разных людей — от царей до пахарей, а затем появлялись они даже в образах существ, порожденных коровами и буйволицами, слонихами и ланями и даже тигрицами. Земля наполнилась этими жестокими врагами всего светлого и доброго.

«Принимая различные облики, они, сильные и наглые, способные сокрушать врагов, наводнили эту землю до самых границ океана. При помощи своей силы они стали притеснять брахманов, вайшьев и шудр, а также угнетали и другие существа. Приводя в трепет и убивая тех и других, они сотнями и тысячами распространялись всюду по земле. Безбожные, гордые своей силой и опьяненные великой спесью, они оскорбляли всюду даже великих риши, находившихся в своих обителях».

Отшельник, предающийся тяжким испытаниям
(рисунок С. Потабенко)

с путей неправды, поражали боги по-прежнему беспощадно, а на земле с ними вели борьбу сыновья небожителей, порожденные ими от апсар или земных женщин. Так и стала длиться эта битва века за веками — ведь бесчисленно потомство асуров, и непрерывно возрождаются они в разных обликах среди людей, направляя их волю и помыслы на нечистоту и жестокость.

Так гласят слова вечной поэмы Махабхараты, созданной всевидящим и всезнающим риши Кришной Двайпаяной Вьясой. И дальше он повествует о том, что сама земля, не выдержав гнета дайтьев и данавов, обратилась за защитой к Брахме. Узнав о всех черных деяниях асуров, повелел владыка небес многим богам сойти на землю во главе с Индрой и подавить их. Тогда и Вишну сошел вместе с ними, приняв образ карлика — одной из своих десяти аватар.

Тогда было, что одним из мощных вождей дайтьев почитался Бали, воцарившийся над обширной частью земли. И это перед ним предстал Вишну в облике карлика и попросил разрешения сделать три шага, третьим из которых он и вдавил злобного Бали под землю.

Боги тогда одержали много побед над асурами, и некоторые из дайтьев и данавов даже отошли от злых деяний и начали следовать законам дхармы, повторяя великие слова заветов Ману — прародителя человечества. Тех же, кто не сошел

Эта борьба светлых небожителей со злыми и бесчестными асурами не смогла искоренить в душах этих демонов стремление к обретению бессмертия, и они не переставали искать путей к этому. И вот было так, что двое из дайтев, сыновья сильного царя, обладая могучей волей и не боясь никаких испытаний, решили предаться тяжелейшему подвижничеству, чтобы заслужить высшую милость богов. Они удалились в густой лес и погрузились там в совершение подвигов аскезы. И не только отказались они от всего земного, от пищи и воды, но даже приносили в жертву куски своего тела и стояли сотни лет недвижно, подняв к небу руки и не мигая.

Когда боги увидели это великое покаяние, они стали испытывать их всякими соблазнами, пытаясь сокрушить их дух и заставить их прервать аскетические подвиги. Но дайти выдержали все испытания. И тогда сам Брахма, создатель вселенной, спросил их о цели такой непомерной тяжкой аскезы. Видя такую милость к ним всевластного владыки богов, они оба ответили, что жаждут для себя бессмертия как лучшего дара в награду за свои подвиги. Великий Брахма согласился, что они достойны дара, сказал, что все их желания будут исполняться и это будет им наградой, но бессмертия они не получат. Вместо этого он обещал, что их постигнет только та смерть, которую они сами для себя выберут среди неизмеримо обширной жатвы бога Ямы. И еще сказал им пресветлый Брахма, что такая смерть настолько редко дарится тем, кто не вечен, что она приравняет их к богам.

Получив дар исполнения любых желаний, оба асура прервали свою аскезу, возвратились в город дайтев и предались всем земным наслаждениям, пирам и радостям, забыв о своих обязанностях правителей царства. Их подданные стали следовать такому примеру, и вскоре вся страна погрузилась во мрак упадка и опустошения. Но не забыли эти негодные о том, что боги все же бессмертны, а они этого лишены. Собрав огромное войско, они послали одну его часть терзать праведников, а с другой направились на небо для битвы с богами, обладая способностью свободно передвигаться по вселенной. Они напали на небожителей, и в небесах разгорелась жаркая битва, такая, что от сверкания мечей и щитов и от блеска стрел с огненными остриями пламенными отблесками озарялось все вокруг, а люди в страхе прятались в своих жилищах, думая, что настал час, когда всемогущий Шива начал разрушать мир.

Те же, кто отправился унижать и убивать праведников, стали без колебаний разбивать алтари молящихся, предавать смерти всех брахманов, мудрецов и отшельников, тех, кто поддерживал богов своими молитвами. Эти дайти, владевшие искусством принимать любые формы, бросались на аскетов в устрашающих обликах взбесившихся слонов, а также львов и тигров, то появляясь перед ними, то внезапно становясь невидимыми. Они убивали земледельцев, пастухов и горожан, превращая землю в огромное кладбище.

Тогда и боги, и люди воззвали к Брахме, сотворителю мира, моля защитить их от такого ужасного бедствия. И Брахма, охватив мыслью своей все истоки такого зла, сотрясавшего вселенную, решил, что пришел миг, когда оба эти нечистые цари-асуры должны обрести обещанную им смерть, которая должна будет прийти по их воле и выбору.

Силой своего духа великий Брахма сотворил волшебную деву, сочетав в ее образе сверкание миллионов драгоценных камней и вложив в нее столько сияния небывалой красоты, что даже ярчайшие созвездия стали казаться рядом с ней лишенными блеска. Сотворив ее, одаренную столь neodолимой привлекательностью, первобог подарил ей имя Тилоттама — Совершеннейшая во всем и направил к тем двум злодеям, породившим во вселенной такую бурю зла. Он повелел ей пленить сердца обоих, а затем прибегнуть к хитростям искусной игры согласий и отказов, чтобы поссорить их друг с другом.

Выразив покорность и почтительно поклонившись всем собравшимся здесь небожителям, которые глаз не могли отвести от такой невиданно прелестной девы, Тилоттама направилась к этим злобным асурам, сеятелям всяческого зла.

Приблизившись к их земле, она увидела, что оба брата предаются отдыху после свершения столь многих неправедных деяний. Они наслаждались обильным угощением, вином и танцами нарядных танцовщиц, восседая на золотых тронах, поставленных под деревьями прохладной роши. Тут Тилоттама, прикрыв свою дивную наготу лишь небольшим красным покрывалом, прозрачным, как струи источника, стала срывать цветы с ветвей деревьев, изгибая свой стан, подобно цветущей лиане. Он одного взора, брошенного на нее, оба асура опьянели от вида ее красоты и бросились к ней в порыве безудержной страсти.

Схватив ее за руки, каждый стал тянуть ее к себе, громко крича: «Она моя супруга, только моя!» Тилоттама же, бросая зовущие взоры то на одного, то на другого, довела их до иступления. Каждому из этих дайтеев казалось, что именно он привлекает сердце божественной красавицы, и, не вынеся огня вспыхнувшей взаимной ревности и соперничества, они нанесли один другому смертельные удары тяжелыми медными булавами и упали мертвыми на землю, обгавленную их кровью.

Зрелище их ужасной гибели так напугало всех дайтеев, что они скрылись под землю, надолго затаившись в своем царстве тьмы, а люди ощутили великую радость освобождения от этого тяжкого гнета, пресекавшего их дыхание и саму жизнь.

«Обретут необычную смерть» (рисунок С. Потабенко)

Когда Брахма спросил возвратившуюся на небо Тилоттаму, каким даром он может ее порадовать за оказанную богам и людям помощь, она попросила одарить ее всеобщей любовью. И тогда этот первый среди небожителей обещал ей, что всегда она будет юной и прекрасной и, странствуя в трех мирах, станет пробуждать в сердцах всех смертных и бессмертных это святое и чистое чувство.

ДАНАВЫ

Многие данавы, потомки праматери Дану, тоже обременили землю своими несправедливыми делами. Повсюду разносилась молва о том, как эти губители законов нападали на всех, кто почитал богов и соблюдал предписания прародителя Ману. И не могли люди понять, почему некоторые из них, как иногда и дайтьи, становились тоже достославными царями, одаренными высокой участью, а другие сокрушали алтари и селения и убивали праведников, не боясь гнева всевидящего Брахмы.

Великий риши Вьяса поведал в своей безбрежной поэме о том, что все асуры были наделены разноликой долей, и среди них рождались и те, кто был носителем великодушия, и те, от злых дел которых стонала земля.

Первых люди славил, а перед вторыми трепетали и молили небожителей о защите и помощи. И бесконечно длилась взаимная вражда и борьба между богами и асурами за власть в трех мирах, за господство надо всем, что в них существует, что движется и не движется.

И бывало даже так, что асуры избирали своими наставниками величайших мудрецов и прибегали к их знаниям, когда возникала у них нужда в высокой поддержке. Так возвысили они своим поклонением одного из брахманов по имени Ушанас, обладавшего многими знаниями. Он владел даже величайшей из самых тайных наук — знал пути к оживлению тех, кто стал жертвой бога Ямы, и данавы не раз прибегали к его искусству, когда им хотелось воскресить своих убитых в бою родичей.

У богов в эти же века был близкий им наставник Брихаспати, который стал их домашним жрецом и проводил жертвоприношения, не ошибаясь ни в одном правиле и предписании. Был он великомудр и высокодушен, но, на горе всем, не владел наукой воскрешения. И даже гандхарвам, которые выступали в битвах на стороне богов, не мог он вернуть жизнь, когда они лишались ее, сраженные ужасным оружием асуров.

Небожители так жаждали проникнуть в тайну Ушанаса, что однажды призвали к себе сына своего жреца Брихаспати, одного из самых преданных им молодых брахманов, носившего имя Кача. Милостиво ответив на его почтительнейшие приветствия, они обратились к нему, призывая его внимание к каждому своему слову. Тут Кача узнал, что боги решили избрать его для овладения тайными знаниями Ушанаса. Обещав ему немалую долю из приносимых им жертв, они послали его на землю и повелели сблизиться с любимой дочерью мудреца, заслужив ее приязнь добрым поведением, обходительностью и ласковостью. И выразили надежду, что в случае зарождения любви девушки к юному брахману ее отец может поделиться с ним своими тайными познаниями.

Покорный воле богов, Кача без промедления отправился на землю в город данавов, где обитал великий мудрец. Склонившись перед ним до земли и посыпав свою голову пылью из-под его стоп, он почтительно попросил принять его в ученики на тысячу лет и получил согласие великого.

Потекли годы и века пребывания Качи в обители Ушанаса. Вскоре он снискал расположение дочери мудреца, нежной юной Деваяни, являя своим поведением истинное целомудрие, часто услаждая ее слух дивной музыкой и пением и постоянно поднося ей лучшие цветы и плоды.

Так протекла половина тысячелетнего срока, и в сердце девушки расцвела горячая любовь к прекрасному собой и воздержанному в чувствах ученику ее отца.

Но внезапно данавы узнали о том, что Кача может перенять науку их великознающего советника и добивается этого. Они подстерegli юношу вдаль от дома учителя, где Кача пас его коров, убили его и бросили куски его тела волкам. Когда Деваяни увидела коров, возвращавшихся без пастуха, она догадалась обо всем и в слезах стала просить отца воскресить Качу. И мудрец, сосредоточив всю силу своего духа, произнес только одно слово «Явись!», и юноша тут же предстал перед ними.

Но и в другой раз дождалась его данавы на том же дальнем выпасе в лесу и убили снова. Но на этот раз они сожгли его тело, смешали пепел с вином и обманно упростили Ушанаса выпить это как свежий напиток из лучших трав леса. Когда же Деваяни, не дождавшись любимого, разрыдалась и сказала отцу, что баз Качи она умрет, мудрец снова воскликнул «Явись!», но Кача не явился. Вместо этого из желудка Ушанаса раздался голос юноши, и было рассказано обо всем, что случилось.

И тогда наставник решил во что бы то ни стало вернуть живого Качу своей горюющей дочери. Он повелел ему, пребывающему в образе пепла в желудке, выслушать внимательно и запомнить каждое слово, что ему сейчас будет сказано, и поведал ему все тайны науки оживления. А затем попросил юношу разорвать ему живот и выйти оттуда живым на волю.

Воскресший Кача сделал все, как было сказано, и появился перед обрадованной Деваяни в своем обычном образе. Но отец ее бездыханным упал на землю. И тогда его ученик, запомнивший всю науку оживления, применил обретенные им только что знания и воскресил Ушанаса. После этого мудрец, восстав от смерти, благословил на брак свою дочь и лучшего своего ученика, а затем горестно воскликнул, что не следовало ему, брахману, пить этот предложенный хитростью напиток, и указал, что ни один брахман впредь и навеки не должен вкушать вино и другие опьяняющие вещества, приводящие к забвению долга и ко многим бедам.

Кача и его юная супруга посвятили свою жизнь преданному служению богам, и он в течение сотен лет возвращал к дыханию те существа, что погибали в битвах с асурами, борясь за правду.

Асуры же были столь долговечны, что небожителям и праведным героям земли все время приходилось отражать их нападения и искоренять те ростки зла, которые появлялись всюду вместе с демонами. Вдохновляемые просьбами богов, многие истинные кшатрии, преданные законам дхармы, вступали с ними в кровопролитные сражения, то побеждая их, то отступая перед их силой и коварством.

Города демонов расцветали не только в земных пределах, и не только здесь они соврашали с истинного пути всех живущих, оскверняли алтари и наносили тяжкие оскорбления чистым девам и женам. Возносясь за пределы небесного свода, они плавали в пространстве в своих воздушных городах и наносили ущерб не только обителям богов, но и прибежищу питри, душ предков, чистые слезы которых проливались на землю жгучими дождями, и каждая капля ранила грудь воинов, как острые стрелы.

Великие препятствия приходилось преодолевать кшатриям в этих боях с данавами и дайтьями. Ведь оружие этих нечистых было заковано особыми магическими словами, и они владели также волшебными колесницами, которые управлялись мыслью и двигались без коней по всем направлениям земли и неба, а также могли останавливаться в воздухе над чужим войском, чтобы асуры могли с высоты осыпать его стрелами. Против них не раз выступал лучший цвет воинских родов, и многие из этих благородных пали от рук асуров, но демоны нападали все вновь и вновь, продолжая чинить повсюду злодейства. И это разжигало в сердце каждого кшатрия отважное стремление к бою с ними.

Тяжелейшие сражения закипали в разных местах земли. В разоренных городах уже не звучали гимны Вед, не дымились очаги, и женщины не носили украшения в знак скорби по убитым мужьям, ибо от оружия демонов пало столь много героев, что сама красота женщин увядала и гасла.

Но и у многих воинов земли было немало оружия, дарованного богами. Это были колчаны, стрелы из которых сами взлетали на лук, мгновенно сменяя одна другую, были и такие стрелы и дротики, что поворачивали в полете и сами находили летящее оружие врагов, разбивая его в воздухе, были и те, что, попадая во врага, разрывали его на куски. Владели воины и стрелами, порождавшими в полете устрашающий звук и пламенеющими на лету. Это небесное оружие помогало отражать нападения асуров. Враги особенно опасались того оружия, которое могло сразу убивать сотнями и тысячами, и того, что могло испускать железные шары, излучающие жар солнца и сразу сжигающие целые армии, «как огонь сжигает сухую траву на исходе холодной поры» — так сказано в бессмертной Махабхарате.

Бог-воитель Индра дал героям Пандавам, оказывая им покровительство, и такое оружие, которое можно и пустить в ход, и заставить мысль снова вернуться к воину, а затем опять привести в действие. Оно могло поражать асуров, даже одетых в непробиваемые панцири, где бы враги ни находились, ибо даже в глубине океана это оружие найдет и истребит их.

Асуры спасались, возносясь за небосвод в своих воздушных городах, сверкающих многими яркими огнями. Но среди кшатриев были и такие герои, вскакивающие на колесницы, в которые была впряжена тысяча коней, чья сила возносила колесницы высоко в воздух, и сражение разгоралось в небесах. Свои

Борьба с иными мирами (рисунок С. Потабенко)

летающие города асуры направляли то к звездам, то вдоль всего неба, то под землю, а то и под толщу океанских вод. Но подаренное богами оружие находило их всюду.

Боги знали, что демоны столь многолики по своей сущности, что могут обращаться в самые невероятные и устрашающие существа, а поэтому дали воинам и такое оружие, которое могло порождать неведомые создания, еще более страшные, чем сами асуры. У этих созданий, нападавших на врагов, могли быть обличья, как у зверей или у зубастых макар, рты у них были на плечах, а у других на животе и на спине, где появлялись внезапно, и их лица, глаза были желтые, а волосы зеленые и красные. Многие асуры впускали их в свои ряды, принимая за свое подобие, и погибали от их ядовитых зубов и когтей.

Так шли непрекращающиеся бои с демонами, отвращавшими людей от чистых желаний, высоких помыслов, от служения богам и почитания законов. И до тех пор не оставят людей в покое эти сеятели зла, пока сами жители земли, все до одного, не перестанут прислушиваться к их призывам, наветам и шепотам, уводящим живущих в глубины бесчестия, мрака и гибели.

РАКШАСЫ

Когда самосуший Брахма был занят сотворением мира, он создал небожителей. Но, провидя будущее, он познал духом своим, что не может быть так, чтобы соответствовали друг другу лишь одни светлые сущности. Ведь их сияние и сила должны быть нацелены на борьбу с теми, кто всегда будет пытаться подавить их доброе воздействие на мир. И всевидящий Брахма, охватив взором все, что уже создано, и увидев, что свет разливается беспрепятственно по всем пределам вселенной, выделил из своих стоп темную силу. Сгустившись, стала она принимать постепенно вид комков, а из них образовались ракшасы — демонские существа, охваченные тьмой и снаружи, и изнутри. Черна была их кожа, черны волосы и котги, чернотой были заполнены их души.

И тогда сотворивший их бог богов отправил все это темное племя подальше от горных обиталищ божественных созданий, повелев им жить и плодиться на острове в южном океане. Там и образовалось царство этих демонов. Каждый из них разжигал в себе и в других злость и недобрые чувства по отношению к богам и людям. Расселяясь оттуда по земле, они стали рушить алтари богопочитателей, разбрасывать жертвоприношения, оскорблять святых мудрецов и пугать всех, вселяясь в тела мертвецов и заставляя их совершать разные ужасные деяния. Места сожжения трупов и кладбища были ими избраны для развлечений и танцев, и они полюбили украшать себя ожерельями из мертвых голов.

Вот на этот остров, где ракшасы хранили похищенные сокровища, и поместил их царь Раван похищенную у героя Рамы его светлую супругу. И когда полководец мощных обезьян, сын бога ветра, обладавший многими божественными дарами Хануман, прилетел сюда, он увидел великое множество ракшасов. Его поразило необыкновенное многообразие их обликов: одни были карликами, а другие — гигантами, одни выглядели уродливыми, а другие — прекрасными, кто-то имел лишь один глаз, а другой — множество глаз на голове и даже на теле, у одних было много рук и ног, а у других — лишь одна рука и нога. И почти у всех торчали изо рта острые клыки, как бы говорящие о неутолимой жажде крови. Были среди них и такие, которые состояли из разных частей тел людей и животных.

В золотом дворце на этом острове и обитал владыка ракшасов Раван, каждое слово и веление которого его подданные незамедлительно выполняли, какими бы ужасными ни были его желания и указания.

Кем же был этот царь тьмы, посмеявшийся на свою беду похитить у благородного царевича Рамы его ясноликую Ситу? И как он стал повелителем ракшасов, подобно тому, как его младший брат Кубера стал царем якшей, будучи сам лишь наполовину ракшасом? Как это было?

Обо всем этом мудрецы и наставники говорят по-разному.

Рассказывают, что жил некогда великий подвижник, удалившийся от мира на склон священной горы для погружения в глубокую аскезу. В одиночестве и тишине молился он там, безмерно почитая великих богов, и достиг святости. Земным девам, которые приходили туда собирать цветы, он сказал, что каждая приблизившаяся к этим местам обретет плод только от звуков его голоса. Испуганные, они не подходили близко, но одна совершила эту ошибку, и случилось так, что она услышала его молитвы, возносимые к небесам. Поскорее убежав оттуда, она все же вскоре ощутила, что этот голос породил в ней новую жизнь, и в страхе сказала об этом своему отцу. Этот почтенный отец, знающий законы, отвел ее в ту обитель, и по его строгой воле она стала женой этого отшельника. Рожденный ею сын стал возрастать возле своего отца и, проникнувшись его святыми устремлениями, тоже сделался аскетом.

Но не суждено ему было свершение таких же великих подвигов. И он не смог снискать милость богов. В его сердце внезапно закралась любовь к некоей ракшаске, пришедшей на эту гору для прогулки и отдыха. Была она столь прекрасна видом, что походила на богиню и неодолимо привлекла к себе сердце этого смертного. Он забыл обо всех обетах и посвятил себя лишь любви к своей избраннице.

И вот от этого союза стали появляться странные и страшные дети. И первенцем этих родителей был Раван. Родившись, он привел всех в ужас своими десятью головами и двадцатью руками, но отцу и матери следовало примириться с этой странной внешностью и вырастить своего сына. Когда он достиг зрелости, родители уговорили его погрузиться в аскезу и совершать самые тяжкие ее подвиги, чтобы добиться милосердия бессмертных. Он послушался и ушел в отшельничество, где и провел в строжайших аскетических подвигах целую тысячу лет, терзая и умерщвляя свою плоть и стараясь возвысить свой дух.

Маска ракшаса в театре Катхакали (штат Керала)

Боги заметили с высоты небес его строгое аскетическое служение, и сам первобог Брахма обратился к нему, спрашивая о цели его подвижничества и о желаемой им награде. И тогда этот сын ракшаски явил истинную цель своих стремлений — он попросил у бога богов высшего дара, к которому стремятся все, но обладают им только небожители. Этот дар был самым желанным для него — бессмертие.

Брахма отказал ему в его просьбе. Но, смягчая свою строгость, спросил, чем он хочет заменить бессмертие. И Раван попросил Брахму осенить его великой щедростью, сделал его неподвластным смерти, если ее попытаются причинить боги или асуры, якши или ракшасы, а также огонь, змеи или животные. Но забыл он в своей гордыне упомянуть о человеке, считая людей до того бессильными и ничтожными, что уж они-то никогда не смогут его убить.

Вот почему так и случилось некогда, что пресветлый Вишну, стремясь к установлению справедливости, избрал для своей седьмой аватары имя и облик человека — царевича Рамы — для того, чтобы его рукой нанести Равану смертельное поражение, завершив темный путь жизни этого демона.

Но до того смертного часа было еще очень далеко, и этот царь ракшасов с каждым днем все ниже погружался в бездну грехов. Охотясь за чужими чистыми женами, убивая праведников и направляя подвластных ему ракшасов на свершение жестоких и страшных дел, он каждый день бросал вызов богам. Земля рыдала и стонала под тяжестью его злых деяний, но управы на него не могли найти ни боги, ни святые наставники, ни люди.

Однажды он напал на обиталище бессмертных в далеких северных горах, и на подступах туда его воины бились с якшами, войском Куберы, заливая кровью скалы и долины и заполняя ею реки, бегущие с гор. В воздухе мелькали бросаемые камни и утесы, стволы деревьев и тяжелые дротики, дождь стрел скрывал небо, а от ударов булавами слетали головы и скатывались вниз по склонам. Защитники-якши содрогались при виде неожиданно меняющихся разных обликов врагов и их чудовишных форм, и они впадали иногда в замешательство, видя все это. А затем ракшасы победили войско защитников гор, ворвались в сады Куберы, и Раван захватил его сверкающий дворец. Он жестоко избил этого своего брата и ограбил его прославленную сокровишницу, нагрузив мешками с драгоценными камнями целый отряд своих воинов. И тогда же главной его добычей стала дивная воздушная колесница, которую Кубера получил некогда в дар от самых высоких богов. Преисполнившись великой радости, Раван взошел на нее и взвился над горами, с гордостью озирая землю и чувствуя себя почти равным богам. Он направлял ее все выше и выше, стремясь достигнуть вершины святейшей из гор, Кайласы, где обитал Махадэва Шива, этот всепорождающий и всекарающий бог, со своей пресветлой супругой Махадэви.

Но вдруг колесница натолкнулась на благоухающий склон Кайласы, и этот толчок вызвал страшный гнев Равана. Он сорвал гору с ее места и стал сотрясать ее всю от земли до верха. Когда гора закачалась и задрожала в могучих руках демона, испуганная Махадэви обратилась к своему великому мужу, прося водрузить Кайласу на место. Шива наступил концом стопы на вершину горы, и она сразу же встала на место, как и была. Но дерзкий владыка ракшасов заслужил наказания, и гора, послушная воле Шивы, пришемила ему руку. Страшный вой и рев Равана разнесся над всей землей, и он стал молить Шиву о прощении.

Владыка трех миров смиловился над ним и велел горе освободить придавленную ею руку злодея. Щедро оказывая свою милость, Шива подарил этому ракшасу и волшебное оружие — всепобеждающий меч и неотразимую стрелу, сжигающую любого противника.

Но, забыв очень скоро о милостивом прощении Шивы, владыка ракшасов многократно затем приносил горе и слезы обитателям земли, истребляя на ней все живое и снова дерзая вступать в битвы с богами.

Тешась своими победами над земными царями и войсками кшатриев, он решил однажды, что ему удастся покорить и подземное царство бога Ямы, где были судимы души мертвых. Схватив подаренное Шивой оружие, Раван влетел на своей колеснице в пределы третьего мира и бросил своих страшных воинов в сражение со слугами Смерти. От грома неимоверного боя, завязавшегося под землей, затряслась вся вселенная. Огнем сжигала все вокруг волшебная стрела, а его новый меч сносил одним ударом головы сотням воинов.

Оскорбленный творимым в его царстве бесчинством, Яма взшел на свою колесницу, где возничим у него была Смерть — Мритью, и появился перед нападающими. Один вид этого всеурашающего бога и его ужасного возничего обратил ракшасов в бегство. Но сам Раван не дрогнул, ибо знал, что ни один бог не может причинить ему смерть, — таков был дар Брахмы. И Яма тоже ведь знал об этом, а поэтому повелел он Мритью опустить свой всеубивающий жезл смерти и повернуть колесницу вспять.

Сочтя это своей великой победой, вернулся Раван на землю и был горд тем, что все ракшасы стали пышно праздновать его победу над одним из самых грозных богов — владыкой царства мертвых.

Страх перед ракшасами подавлял сердца живущих — ведь людоедство было любимым способом насыщения этих существ сумрака и ночи. И самыми истинными словами рассказал об одном из таких ракшасов великий знаток правды Вьяса в поэме Махабхарата:

«С красными глазами, с длинными руками, со всклокоченными волосами и огромной пастью, с телом, подобным куче облаков, с острыми зубами и пылающим лицом он был могуч».

Но эти пожиратели людей, чьи острые зубы непреодолимо жаждут человеческого горла и свежей пенистой крови, одарены способностью принимать даже облик людей. И ведь не раз было так, что ракшаски превращались в прекрасных дев с лицом, подобным луне, с красивыми глазами и нежной кожей. Приняв такой вид, они по своему желанию вызывали любовное стремление в сердцах смертных, как и было это с тем юным сыном отшельника, аскетом, который породил Равана. Не раз появлялось смешанное потомство на земле, но многим таким сыновьям сама судьба мешала стать на путь кровавых злодеяний ракшасов. Воины, отцы таких сыновей, знали об опасности, подстерегающей их детей из-за того, что их матери принадлежали к злему и безбожному племени демонов, и эти отцы прививали детям высокое чувство долга и стремление защищать все живое от нападения темных сил.

Мудрецы повествуют и о том, что некая часть ракшасов даже обращалась к покаянию. После принесения многих искупительных жертв и совершения долгих молитвенных ритуалов они освобождались от своей темной сущности и начинали служить богам, уподобляясь более высоким существам. Так, многие из них стали воинами Куберы и вместе с подвластными ему якшами охраняли его владения, как и обиталища других небожителей, и отважно вступали в битву со всеми, кто дерзал покушаться на их власть и покой богов.

ПИШАЧИ

Но сеятелями зерен зла были издревле и еще более низкие, чем многие ракшасы, духи тьмы, которых люди называли пишачи, то есть плотоядные. Главным стремлением этих демонов было разрушение плоти людей; истребление самой их сущности, хранящей в себе

жизнь. И даже погибшую плоть человека, которого взял бог Яма, стремятся пишачи сожрать. Вот почему все живущие спешат до наступления ночи обязательно предать огню погребального костра тела усопших.

Когда светonosный Сурья завершает свой небесный путь и клонится к закату, пишачи уже присматриваются к живым существам, готовясь найти к ним кратчайший путь, как только погаснут в небе последние отблески золотой колесницы солнца. И выходят из мрака в наступивший на земле мрак и впиваются в тела живущих, принося им тяжкие болезни и гибель.

Пишача требует ребенка (рисунок С. Потабенко)

Когда великий первотворец Брахма создавал из своих стоп ракшасов, то из капель воды, омывающей его ноги после появления темных комков, возникли первые пищачи. Упав на землю, они слились с мраком, а затем, в ходе тысячелетий, стали множиться и множиться и заполнять ночную тьму. Любили они пожирать детей, жадно глотая их нежную плоть и свежую кровь.

И тогда взмолились люди к сильному полководцу земных воинов, богу Сканде. Ведь это он имел шесть матерей, выкормивших его своим молоком, а затем превратившихся в небесное созвездие Плеяд. Земные матери стали молить его о спасении детей, заклиная его именем светлых шести матерей, оказавших ему столько любви. И он внял их горестным слезам, согласившись, что не должны пищачи столь алчно истреблять всех живущих, ведь и у юных воинов, как и у зрелых мужей, есть породившие их матери, безутешно оплакивающие их гибель.

Но тогда и матери пищачей припали к его ногам с просьбой не запрещать им питаться людьми, ибо и им нужно поддерживать свою жизнь той пищей, которая извечно им доставалась. Они жаловались на то, что светлые богини, эти матери мира, слишком охраняют всех, кто рожден земными женщинами, а ведь это ими рождено все человечество.

— Как нам быть? Как мы сможем жить? — горестно восклицали они, не видя, чем теперь смогут они питать себя и многие свои поколения, которым предстояло быть.

И с ними согласился бог, этот покровитель всех, кто готовится к войнам и ведет войны на земле. И дал матерям-пищачам просимое, но не позволил их племени безгранично истреблять всех, кого пожелают, а лишь детенышей людей, не достигших зрелого возраста шестнадцати лет.

— Тех же, кто одолеет ваши нападения и станет взрослым, вы тронуть не посмеете, опасаясь моего гнева, ибо, узнав об этом, я истреблю все ваше племя, — грозно сказал им Сканде. — Можете принимать любые облики и рассеивать любые болезни, но не приближайтесь к созревшим, помните, что это мое достояние. Мне нужны и воины, и их жены, дающие жизнь новым воинам. И так будет всегда!

Так стали пищачи пожирателями детей и лишь редко насылали болезни на тех, кто нужен богу Сканде. Бродя по земле, они любят принимать облики женщин и называют и себя матерями, но не матерями людей, а матерями болезней и смертей человеческих. И стараются услужить владыке царства мертвых, богу Яме.

Все земнорожденные стали искать средства и пути защиты от их нападений. Мудрейшие старцы, видя страдания живущих, услышали от богов и указали людям пути ограждения от этих демонов. Пищачей отпугивают многие заклинания, магические изображения на стенах домов и над очагами, а также и на земле перед входом в жилища. И одежда должна носить на себе такие знаки, и амулеты должны отталкивать темную силу. Знающие это не попадают в жадные пасти демонов, вечно шелкающих зубами.

И продолжают рождаться детеныши смертных и достигают зрелости, стойко обороняемые своими родителями от темных угроз, и живут, славя богов и принося должные жертвы, до того часа, который определяется неотвратимой волей бога Ямы.

ВЕЧНАЯ БИТВА

Так и протекают века за веками в вечной битве богов, мудрецов и светлых разумом людей с демонами зла и мрака, со всей силой тьмы, с теми ее посланцами, которые не отступают от стремления подчинить себе всех, кто следует заветам веры и чести.

И они, эти светлые и высокие, были и будут победителями в сражениях с наступающим мраком.

И при таких победах боги осыпают с небесной высоты всех, кто стоек в боях, ароматным дождем из распутившихся цветов, уносящих тревоги и дарящих радость жизни и света.

Все небожители, сиддхи — светлые духи, живущие между солнцем и землей, другие духи, а также питри всегда окружают жизнь и дела земнорожденных, зная все, что было, и видя все, что будет. Ссоры и примирения, завоевания и поражения, бесчисленные сражения царей — все это не проходит и не проходит без их участия. Они покровительствуют правящим воинам и уже в глубочайшей древности одаривали их волшебным и многосильным оружием.

Разное запомнили мудрецы об удивительных проявлениях, действиях и моши этого оружия, полученного от богов. Но все, что говорится об этом в Махабхарате, является истинной. В ней повествуется как о том, что уже было в давние века, так и о том, что еще будет в жизни людей.

Преблагой и всемудрый Вьяса, тот Кришна Двайпаяна Вьяса — Черный-с-Острова-Вьяса, кого почитают святым составителем этой бессмертной поэмы, этого неисчерпаемого источника знаний и поучений, много раз рассказывает о сражениях, во все времена вспыхивавших на земле. Он правдиво повествует о нерасторжимой связи воли бессмертных с делами смертных.

«Тогда в воздухе предстали боги и гандхарвы тысячами, мудрецы и сонмы сиддхов из желания посмотреть на поединок. Заполненное также апсарами, якшами и ракшасами небо стало выглядеть, словно было затянута тучами... и десять стран света, казалось, ярко пылали, когда выпускалось всевозможное оружие с обеих сторон... Эта битва не свойственна ни людям, ни асурам и ни ракшасам, ни богам и ни гандхарвам. Несомненно, это высочайшее сражение присуще Брахме... Вслед затем задрожала земля вместе с горами, лесами и деревьями. Начали дуть резкие, свирепые ветры, и взбушевались моря...»

Горько будут жалеть о своем незнании древних сказаний те, кто не услышит истины и пророчества во многих словах великого Вьясы. Следует обострить слух и зрение, ибо окрашивает он правду в разные цвета, наславая одни тона на другие, чтобы уяснили себе смертные суть вещей и увидали глубины зла, которое в своем разгуле может вызвать к действию самое мощное оружие богов.

И грознее грозного, страшнее зрелища погребального костра, ужаснее всего, что может явиться взору живущего на земле, было — или будет? — действие огня небесного оружия, о котором говорится, что, как только оно было приведено в свое проявление:

«Земля задрожала вместе с деревьями, взволновались реки и великий хранитель вод, океан, раскололись скалы. Подул больше ветер, померкло светило, льющее тысячи лучей, погас огонь... Семь пылающих солнц выпивают всю воду морей и потоков... И дерево, и травы, и сухое, и влажное — все обращается в пепел... Затем на мир, иссушенный солнцами, с вихрем обрушивается пламя конца света... Сжигая все, что есть на земле... Безжалостный ветер и это пламя конца света разом уничтожают пространства... Затем появляются в небе удивительные, расвеченные гирляндами молний тучи, огромные, как стада слонов... Тучи сгущаются, прорезаемые пучками молний, мрачные, с ужасающим грохотом заволакивают они свод небес...»

Но всем, кто охвачен страхом, следует верить без колебаний в то, что беспредельна милость небожителей к людям. Вручая такое страшное, всеистребляющее оружие смертным, они неустанно говорят с героями, настораживая их мудрыми словами, подобными тем, что услышал один из воинов от всевладычного Шивы:

«Пусть никогда не будет оно направлено против людей! Используй его лишь в крайней нужде, когда все остальное твое оружие будет отбито!»

Следует сохранять в живущих веру в то, что и бессмертные боги, и мудрые смертные люди не дадут свершиться непоправимому злу, и жизнь на земле не подвергается всепожирающей силе последнего огня.

Жизнь вечна, как вечна вселенная и вечна мудрость!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Восточное побережье Индии — это беспрядельно долгая линия белопесчаного пляжа. И шелест волн, набегающих с чистого синего раздолья Бенгальского залива. Они набегают, омывают песок, откатываются, набегают снова, и снова, и снова...

Идем вдоль кромки воды. Под босыми стопами упруго пружинит ровная гладь светлого песка. Если взглянуть со стороны берега, то все идущие здесь отражаются в этой глади, как в зеркале. Отражения на миг размываются волной, а затем появляются вновь. Мелкие прозрачные крабики шекочут ноги. А иногда можно найти раковину, большую перламутровую вестницу глубин. Но редко. До восхода солнца местные мальчишки собирают все, что может пригодиться на продажу.

Бредем, смотрим на синие воды. Тишина. И легкий ветерок

Вдруг видим впереди группу людей. Они стоят неподвижно и внимательно разглядывают что-то. Ярко цветут под солнцем женские сари, и белеют одежды мужчин. На что это они смотрят? Да и не просто смотрят, а как будто и молятся — подносят к лицу сложенные ладони и не то шепчут, не то тихо произносят что-то. Мы подошли, заглянули и остановились, пораженные.

На песке лежало пятиметровое изваяние бога. На песке и — из песка. Изваяние из песка. Этот мокрый песок, плотный, как глина, давал возможность создавать из него любые формы. И мастер, создавший этот шедевр, сидел тут же на корточках, подправляя и заглаживая свое изделие. В это утро им был создан здесь бог Вишну.

Тонко вылепленному лицу бога было придано выражение покоя и доброты, и его огромные глаза были устремлены к небесам, к его вечной обители. Голову его венчал шлем, а на груди был обозначен отличительный знак Вишну — большой драгоценный камень в оправе. Четыре его руки, мягко согнутые в локтях, держали известные всем в Индии отличительные его атрибуты: диск-чакру, палицу, раковину и цветок лотоса. С плеч как бы ниспадал шарф, а бедра и ноги были задрапированы искусно изображенными складками дхоти — традиционной набедренной повязки.

И настолько четко и точно было все это воспроизведено, что казалось, будто тут предстала перед людьми выплывшая из неведомых глубин земли дивная скульптура. Старинная скульптура, истинное произведение древнего ваятеля. И пришедшие сюда молились своему богу.

Потом мы узнали, что такие изваяния из песка делают в Индии с незапамятных времен. Это одна из форм богослужения и богопочитания. Мастер с молитвой приступает к работе при первых проблесках рассвета. Его руки двигаются уверенно и быстро — ведь такие художники с детства усваивают приемы своего творчества, воспринимая их от отцов и дедов, поколение за поколением. В течение дня приходят верующие, желающие поклониться этому изображению бога и поднести скульптору посильные дары, как это делают в каждом храме, вручая жрецу свои жертвоприношения богу.

Но вот надвигается вечер, солнце склоняется к дальнему горизонту, и автор собственноручно разрушает свое творение. Прилив во тьме ночи разравнивает песок, и от дивной работы художника не остается и следа. Но перед утром мастер снова появится на берегу, чтобы воссоздать живой образ бога во всей его красоте и святости. Здесь опять возникнет из песка бог Вишну, потому что семья этого скульптора любит его более горячо, чем других богов индуизма. А в других местах могут возникнуть изображения бога Шивы или любого

другого божества, как и богинь, и милостивых, и гневливых. И все изваяния призывают верующих к поклонению и молитве.

Эти удивительные творения из песка возникают каждое утро, из года в год, из века в век. И лишь месяцы летних муссонных дождей прерывают на время этот непрерывный творческий процесс, заливая все на земле потоками небесной воды.

Скульптуры из песка... Эти недолговечные однодневки таят в себе вечность. Их существование в столетиях может быть изображено графически как нескончаемый пунктир, тогда как жизнь каменных фигур богов — это сплошная линия, тянущаяся сквозь века. Мастера издревле знают все приемы изображения каждого божества — от рубежа новой эры дошли до нас описания и указания, строго определяющие все размеры и соответствия частей лица и тела фигур, не говоря уже о соотношении размеров и поз каждой из фигур, входящих в групповую композицию.

Тонко разработанные правила камнерезной работы содержат иногда поразительные предписания. Так, в число единиц измерения деталей изваяния божества входили и такие, как несколько пылинок, видимых глазом, или определенное количество зерен горчицы или ячменя и т.п., ведь от правильного изображения облика божества зависела его милость к молящимся. И — что гораздо важнее для мастера — гнев бога могли вызвать искажения, допущенные скульптором по небрежности.

Текут и утекают столетия, а изображения богов продолжают жить и возрождаться. Их высекают из камня, вырезают из дерева и слоновой кости, рисуют на стенах, тканях, бумаге, досках и сосудах, лепят из глины и из песка. И те, кто верит, обращаются к ним в храмах и у домашних алтарей, и всюду, где увидят эти изображения, чтобы через них передать небесам свои тревоги, просьбы и надежды.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 3

МАХАБХАРАТА, ИЛИ СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ ПОТОМКОВ БХАРАТЫ

НАЧАЛО..... 13

РАССКАЗ О БХАРАТЕ..... 13

РАССКАЗ О БХИШМЕ..... 17

РАССКАЗ О СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ..... 19

РАССКАЗ О НАЧАЛЕ РАЗДОРОВ..... 21

РАССКАЗ О ДРУЖБЕ ДУРЬОДХАНЫ И КАРНЫ..... 24

РАССКАЗ О СМОЛЯНОМ ДВОРЦЕ..... 28

РАССКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ ЗЛОГО РАКШАСА..... 31

РАССКАЗ О СОСТЯЗАНИИ ЖЕНИХОВ..... 33

РАССКАЗ О КРИШНЕ..... 37

РАССКАЗ О ВОЗВРАЩЕНИИ ПАНДАВОВ..... 39

РАССКАЗ О ЖЕНИТЬБЕ АРДЖУНЫ..... 41

РАССКАЗ О ПРИНЕСЕНИИ ВЕЛИКОЙ ЖЕРТВЫ..... 44

РАССКАЗ О НОВОМ ЗАГОВОРЕ..... 48

РАССКАЗ ОБ ИГРЕ В КОСТИ	51
РАССКАЗ ОБ УНИЖЕНИИ ДРАУПАДИ	55
РАССКАЗ ОБ УХОДЕ В ИЗГНАНИЕ	58
РАССКАЗ О НАЧАЛЕ ЖИЗНИ В ЛЕСУ	61
РАССКАЗ О ПРИОБРЕТЕНИИ ЧУДЕСНОГО ОРУЖИЯ	64
РАССКАЗ О НАЛЕ И ДАМАЯНТИ	68
РАССКАЗ О ХАНУМАНЕ	74
РАССКАЗ О ПОТОПЕ	77
РАССКАЗ О ЦАРЕВНЕ-ЛЯГУШКЕ	78
РАССКАЗ О ПРИХОДЕ КАУРАВОВ	80
РАССКАЗ О ПОХИЩЕНИИ ДРАУПАДИ	83
РАССКАЗ О РАМЕ	86
РАССКАЗ О ПРЕДАННОЙ ЖЕНЕ	90
РАССКАЗ О КОНЦЕ ИЗГНАНИЯ	94
РАССКАЗ О ПРЕВРАЩЕНИИ ПАНДАВОВ	98
РАССКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ КИЧАКИ	101
РАССКАЗ О КОНЦЕ ИЗГНАНИЯ	106
РАССКАЗ О СБЛИЖЕНИИ АРМИЙ	110
РАССКАЗ О НАЧАЛЕ БИТВЫ	115
РАССКАЗ О ЗАВЕРШЕНИИ БИТВЫ	118
РАССКАЗ О СМЕРТИ ДУРЬОДХАНЫ	122
РАССКАЗ О ПРИМИРЕНИИ	124

РАССКАЗ О ВОЦАРЕНИИ ЮДХИШТХИРЫ..... 127

РАССКАЗ О ПОСЛЕДНЕМ ПУТИ..... 130

РАМАЯНА, ИЛИ СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ ГЕРОЯ РАМЫ

О ЦАРСТВЕ И ЦАРЕ..... 135

О ВРАГАХ..... 139

О ЦАРСКОМ ДАРЕ..... 142

О РЕШЕНИИ ЦАРЯ..... 144

О КОЛЕБАНИЯХ В РЕШЕНИИ..... 147

О СОСТЯЗАНИИ ЖЕНИХОВ..... 150

О РАДОСТИ И ГОРЕ..... 155

ОБ УХОДЕ В ИЗГНАНИЕ..... 162

О БХАРАТЕ..... 168

О ЛЕСНЫХ ПУТЯХ..... 172

О ЗНАКАХ НОВОЙ БЕДЫ..... 176

О ПОХИЩЕНИИ СИТЫ..... 181

О ПУТИ БЕЗ КОЛЕБАНИЙ..... 187

О СИТЕ И ХАНУМАНЕ..... 193

О ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ОКЕАН..... 198

О БИТВЕ..... 200

О СИТЕ И РАМЕ..... 205

ЧАСТЬ I СВЕТЛОЛИКИЕ И ТЕМНОЛИКИЕ БОГИ

СОТВОРЕНИЕ ЖИЗНИ.....	216
ОБРЕТЕНИЕ БЕССМЕРТИЯ.....	217
ИНДРА — СИЛА И ВЛАСТЬ.....	218
СУРЬЯ — ДАРИТЕЛЬ СВЕТА.....	221
АГНИ — ВМЕСТИЛИЩЕ ЖАРА.....	223
И ВОЗНИКЛО ВРЕМЯ.....	224
ВАРУНА — ВЛАДЫКА ВОД И НЕБА.....	225
ЯМА — ПОВЕЛИТЕЛЬ УСОПШИХ.....	227
СОМА — БОГ И НАПИТОК.....	229
РУДРА — ГНЕВ И МИЛОСТЬ.....	232
ВИШНУ — БОГ ПРАВДЫ И ЕДИНЕНИЯ.....	233
ВСЕ БОГИ ИЗВЕЧНЫ И РАВНЫ.....	236
НО ПРОБУДИЛОСЬ ЗЛО.....	237
ЭТО ПОМНЯТ И МУДРЕЦЫ, И ЛЮДИ.....	240
КРИШНА-ЦАРЕВИЧ.....	244
ШИВА ПОРОЖДАЕТ И РАЗРУШАЕТ.....	247
МАХАДЭВА И МАХАДЭВИ.....	253

МАХАДЭВИ ДУРГА И КАЛИ.....	255
СЫН ШЕСТИ МАТЕРЕЙ.....	259
БОГ С ГОЛОВОЙ СЛОНА.....	262

ЧАСТЬ II ПОЛУБОГИ, ДУХИ И СВЯТЫЕ

ПРАРОДИТЕЛЬ МАНУ.....	265
ХАНУМАН, СЫН ВЕТРА.....	266
ПТИЦА ГАРУДА И ЗМЕИ-НАГИ.....	268
МАТЬ-КОРОВА.....	271
ГАНДХАРВЫ.....	274
АПСАРЫ — НЕБЕСНЫЕ ДЕВЫ.....	276
МУДРЕЦ, ПОЭТ, ПРАРОДИТЕЛЬ ГЕРОЕВ.....	279
О ЯКШАХ И ИХ ВЛАДЫКЕ.....	281
ДЕВУШКА СТАЛА ЮНОШЕЙ.....	284

ЧАСТЬ III ВРАГИ БОГОВ И ЛЮДЕЙ

ОШИБКА БОГОВ.....	289
АСУРЫ.....	292
ДАЙТЫ.....	293
ДАНАВЫ.....	297

РАКШАСЫ.....	300
ПИШАЧИ.....	303
ВЕЧНАЯ БИТВА.....	305
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	308

Научно-художественное издание

Гусева Наталья Романовна

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *М.К. Залеская*
Корректор *Л.Г. Сафарян*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.09.2008. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура «BalticaC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 3000 экз. Заказ № 8812.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.